

Масуме Абад

Я ЖИВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕНЕ

Москва
«САДРА»
2016

УДК 355.48(55:567)(093.3)
ББК 63:3(5Ирн)6ю14+63.3(5Ирн)6ю14
А13

Абад М.

А13 Я жива (Воспоминания о плене) / пер. с перс.
М. Сохиевой. – М.: ООО «Садра», 2016. – 608 с. –
[Военная проза].

ISBN 978-5-906859-95-2

16+

Они думали, что их взятие в плен – это трагическая ошибка и, будучи гражданскими лицами, они вскоре будут освобождены. Однако их доставили на территорию Ирака, в одну из самых страшных тюрем баасовского режима. Четыре юные иранские девушки плечом к плечу прошли через сорок месяцев кромешного ада. Подвергаясь нечеловеческим физическим и моральным пыткам, месяцами не видя солнца, ничего не зная о судьбе своих близких, они смогли выстоять. Им посчастливилось вернуться домой, но память о тех страшных днях не отпускает их ни на мгновение вот уже три десятка лет. Этой памятью Масуме Абад делится со всем человечеством в своей документальной книге.

Для широкого круга читателей.

УДК 355.48(55:567)(093.3)
ББК 63:3(5Ирн)6ю14+63.3(5Ирн)6ю14

ISBN 978-5-906859-95-2

9 785906 859952

© ООО «Садра», 2016

О СЕРИИ

Издательство «Садра» представляет вниманию русскоязычного читателя новую книжную серию «Военная проза», посвященную событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 гг. В эту серию войдут художественные произведения иранских писателей, а также документальные и публицистические материалы.

Ирано-иракская война — один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского лидера Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше мятежный революционный Иран. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могли, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда иранский народ в едином порыве поднимется на защиту своей страны. Иранцы чуть ли не голыми руками воевали против вооруженного до зубов агрессора, но ни отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война,

продолжавшаяся восемь лет, с сентября 1980 по август 1988 года, унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а ее главным итогом стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о событиях тех лет, сами сражались на передовой — именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и — самое главное — глубочайший духовный подтекст. В годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так и из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное — помнить...

ВСТУПЛЕНИЕ

Я думала, для того, чтобы писать, достаточно иметь бумагу и ручку, но когда то и другое оказалось у меня в руках, меня словно лишили способности выводить буквы на бумаге. И я поняла, что слова обретают душу в котле наших чувств, там они вскипают и скользят друг о друга прежде, чем размещаются рядом. На протяжении долгих лет я несла на себе тяжесть несказанных слов, под которой становилась все более усталой и сгибалась все больше.

Однажды, идя с этой тяжелой ношей по улице Весал, я повстречалась с господином Мортезой Сарханги – духовным наставником ветеранов прошедшей войны, освобожденных пленных и тех, кто отдал жизнь за родину. Он заметил мое состояние. Я ответила: «Время проходит, но груз, что я несу, не становится легче». Тогда он сказал: «Груз, лежащий на твоих плечах, – не только твой. Ты должна опустить его на землю спокойно и медленно и разделить его тяжесть с другими. Тогда твои воспоминания, подобно почетной медали, заблестят на груди всех женщин нашей страны».

Я начала свой путь, и каждый раз, когда я чувствовала усталость и с трудом переводила дыхание, он говорил: «Путь стал короче и легче. Посмотри на цель. Не мечты прекрасны, а расстояние, которое

соединяет человека с ними!». Господин Сарханги, Вы сделали мой путь коротким, легким и красивым. Я обязана рождением этой книги Вашим советам и предписаниям. Я буду благодарить Вас за это непрестанно.

Теперь мне стало легко, и я могу летать!

Я благодарю моих соратников, как и я, побывавших в плену: сестер Фатиму Нахиди, Халиму Азмуде и Шамси Бархами, братьев Хади Азими, Мохаммада Али Зардбани, Хусейна Карами, генерала Мохаммада Резу Лабиби, генерала Сейеда Джамшида Ошала, генерала Седика Кадери, генерала Мехрана Тахмасеби, Хабиба Ахмад-заде, а также сотрудников Организации «Послание бывших пленных» – за оказанную мне терпеливую помощь в деле документирования дат, событий и воспоминаний.

Искренне благодарю моих драгоценных друзей Судабу Хусейнпур, Солмаз Резайи, Азад Миршакак, Фатиму Карими, Сару Кархане-Махмуди и Сайиду Эфтехар Мусави-заде за то, что были рядом со мной на всех этапах составления этой книги.

И, конечно же, благодарю моего дорогого супруга Сейеда за все те дни, на протяжении которых он терпеливо и воодушевленно поощрял меня к тому, чтобы я перебрала в памяти каждое мгновение своего пребывания в плену, и который во время написания мной этой книги оросил своими слезами каждое слово из моих воспоминаний.

Благодарю свою дорогую дочь Тайибу-Саадат за то, что на всем пути написания этой книги она

ночами осторожно трясла меня за плечи своими маленькими и тонкими ручками и говорила: «Дорогая мамочка! Поверь, ты не спишь! Я твоя дочка, все закончилось! Это не сон – ты свободна!»

Я благодарна моей милой дочери Марзие-Саадат, которая своим одухотворенным молчанием и многозначительным взглядом преображала мои несовершенные предложения и своим внутренним теплом заряжала меня энергией.

Я благодарна своей любимой дочери Фатиме-Саадат за то, что она терпела, когда звуки моего кашля заменяли ей ночами колыбельную песню; за то, что она из страха за меня прятала свои ладони в мои, чтобы я меньше писала и, таким образом, меньше чувствовала боль. Девочка моя! Боль есть эликсир духовного роста и совершенствования человека. Цену каждого человека определяют боль и страдания, которые он испытывает в этом мире. «Мир этот – тюрьма для верующих и рай для неверных».

Эту книгу я посвящаю:

несущему бессмертные послания священному ореолу Кербелы, вблизи которой развернулась героическая эпопея Ашуры, ставшая образцом стойкости для всех некогда плененных и освобожденных людей мира, в том числе освобожденных от плена женщин нашей страны;

моим родителям, братьям и сестрам, которые на протяжении всего периода войны и моего пребывания в плену бесстрашно воевали и терпеливо ждали меня, уповая на Всевышнего и повернувшись спиной к тревогам;

божественной душе покойного господина Абу-Тораби, которому его светлость Духовный лидер нашей страны дал имя *Сейед-е Азадеган – Предводитель освобожденных*;

великой душе героически павшего Мохаммада Джавада Тондгуйана, который был олицетворением чести и благородства и возвещал правозащитным благою весть. Каждый раз, когда злодеи открывали дверь нашей камеры, он кричал им в лицо: «Помощь от Аллаха и близкая победа!» Раздробленные кости этого мученика, привезенного после смерти в Иран, еще больше посрамили презренного врага;

всем супругам, которые, дабы сохранить тепло и радость домашнего очага, с улыбкой на лице выхаживают и заботятся о своих спутниках жизни – участниках войны, несущих на себе, как память о ней, печать увечий;

всегда влажным и устремленным в ожидании очам супруги без вести пропавшего Мохаммада Зарэ-Нэмати, которая говорит: «Всякий раз, когда Мохаммад во сне приходит в наш дом, он наполняется ароматом, который всегда исходил от него»;

всем терпеливым и стойким супругам, томившимся в плену и освобожденным, чьи молодые годы прошли в ожидании бумажных весточек;

всем детям, которые, не имея ни единой вести от своего отца, провели долгие годы в ожидании встречи с ним, особенно – сыну Амира Халабана Хусейна Лашгари, который за 18 лет пребывания его отца в плену получил от него одно-единственное письмо.

Я написала эту книгу, чтобы сказать:

Я жива для того, чтобы мы не забыли, что отец и сын из семьи Абиан стали мучениками в один день, и мать вкусила горечь единовременной утраты супруга и сына.

Я жива для того, чтобы мы не забыли, что Мейсам, сын мученика Хусейн-заде, до сих пор каждую ночь ложится спать за воротами во дворе в ожидании и надежде на то, что однажды его отец внезапно постучит в дверь, и он станет первым, кто выйдет к отцу навстречу.

Я жива для того, чтобы мы не забыли, что мы, освобожденные, до сих пор ночами вздрагиваем и просыпаемся от снящихся нам кошмаров, связанных с тюрьмами «Ар-Рашид» и «Истихбарат», лагерями смерти «Анбар», «Рамадия», «Такриб» и «Мосул», в то время, как международные правозащитные организации обошли молчанием все те преступления, которые были совершены в них.

Я жива для того, чтобы мы помнили, что навязанная нам восьмилетняя война была, по сути, войной целого мира против Ирана, и наша оборона была монолитной и цельной обороной.

«МиГи» и «Миражи», бросавшие на наши головы бомбы, были дарами Советского Союза и Франции, а исходные материалы для химического оружия – горчичный газ иприт и цианид – были подношениями Германии баасовскому режиму Ирака. Разведывательные самолеты «Авакс» и суда, эскортировавшие нефтяные танкеры Саудовской Аравии и Кувейта, были презентами США Саддаму. Они падали на наши нефтяные платформы, используя

фрегаты, подаренные баасовскому режиму Ирака, и самолеты «Супер-Этендары».

Еще более гнусным было то, что эта война была не просто войной солдат и армии – ее инициаторы превратили в арену боевых действий все города и улицы с их безоружными и беззащитными жителями; они подвергали обстрелам двухметровой ширины улочки, используя девятиметровые и двенадцатиметровые ракеты с целью уничтожить любые убежища, чтобы детям, женщинам и остальным мирным жителям негде было укрыться. И могут ли сегодня наши дети поверить в то, что страны, снабжавшие Саддама оружием, изменили свою стратегию и политический курс и выступают за мир и в защиту прав человека?

Я жива для того, чтобы мы не забыли историю о трехстах многострадальных мучениках иракских лагерей и застенков; чтобы мы не забыли, какими ничтожными и дешевыми были для иракского режима Баас жизни пленников. Если бы мир знал о том, как баасовцы, празднуя день Тамуз, победу саддамовского переворота, пытались заставить петь и танцевать Резу Захиди, который отказался это делать, и тогда они забили его так, что он скончался от кровоизлияния в мозг!

Если бы мир знал о том, через что прошли военные, попавшие в плен во время операции «Рамазан»! Если бы мир спросил у нашего брата Фарзамфара, как отпраздновали баасовцы Тамуз на фронте: как на их полных ужаса глазах баасовцы расстреляли пленных, переехали их тела танками и сравнивали их с землей; как других они сожгли

заживо, и чем больше плакали и кричали их жертвы, тем больше они смеялись и глумились, а в самом конце этого развлечения они привязали группу пленных к танкам и военным джипам и волочили их по земле до тех пор, пока те не умерли мученической смертью!

Если бы мир знал о том, как Мохаммад Али Джафари стал мучеником в результате ударов палкой по голове!

Если бы мир знал о том, что Маджид Амери не был болен, что он постился на протяжении всего месяца Рамадан; что через два дня после этого у него началось расстройство кишечника, но он погиб мученической смертью не от болезни, а в результате побоев плетью, которым он подвергся, а международные гуманитарные и правозащитные организации даже не удосужились спросить, что все это значит!

Если бы мир знал о том, что случилось в октябре 1981 года не на фронте, а в городе «Тысячи и одной ночи» – Багдаде: под неистовые вопли иракского офицера, который, желая выяснить, кто является стражем Хомейни, собрался расстрелять пятьдесят военнопленных, Алиреза Илахияри добровольно вышел из строя и сказал: «Стойте! Эти люди ни при чем, я – страж Хомейни!» – и через минуту Алиреза упал на землю мертвый.

Если бы мир знал о том, что Джамал Ибрахимпур после сорокапятиминутной схватки со смертью был доставлен в госпиталь «Салах-ад-Дин» и больше оттуда не вернулся, и другие пленные, которых после привезли в тот же госпиталь, своими глазами

видели надпись на кушетке, которую Джамал вывел на ней: «Меня убили здесь!»

Если бы мир знал Сейеда Джалила Хусейни! Если бы видел его божественный образ и спросил бы его друга Сейеда Юнеса Али Хусейни, роузехана¹ лагеря «Мосул», который совершил ритуальное омовение его тела и похоронил его, какое предсмертное послание он озвучил ему!

Если бы мир знал, что мышцы на теле Резы Резайи от нескончаемых пыток разорвались так, что орудия пыток баасовцев касались его костей, но, несмотря на это, жажда крови, которой они были одержимы, не утихала! Они сыпали ему на раны соль, но этого им было мало. Они катали его истерзанное тело по битым стеклам, а напоследок пустили через его тело электрический ток. Если бы мир видел тело Резы и показал бы международным гуманитарным организациям этот «акт гуманизма»!

Если бы мир знал о том, что Сайади погиб в результате побоев от кровоизлияния в мозг, а после того, как комиссия Международного Красного Креста привезла для Али Дашти из Хоррамшахра фотографии и письма его детей, Али Дашти, несмотря на то, что у него имелась бирка пленного, был предан мученической смерти!

Если бы мир знал о том, что лагерь «Такрит» являлся не чем иным, как настоящим адом, в котором мученической смертью погибло от жажды, голода и обезвоживания множество пленных, в том числе Гудратолла Рахмати!

¹ Роузехан – чтец траурных и религиозных гимнов (прим. перев.)

Если бы мир знал о том, что первым предложением, которое Фатхолла Азизи, не владевший грамотой, написал после того, как научился писать и читать во время своего пребывания в лагере, было: «Я до последней капли крови буду сопротивляться!» – и он остался верен этому своему обету!

Если бы мир знал о том, что руки Хусейна Садик-заде были столь благословенны, что в любом месте на земле, к которому он прикасался, вырастала зелень; благодаря изобилию, которое дарили его руки, в прогулочном дворе нашего лагеря появился зеленый сад, однако из-за бесконечных пыток, которым подвергали Хусейна, он истек кровью и погиб мученической смертью!

Если бы мир знал о том, что предатели и вероломцы за пачку сигарет продали Мохаммада Резайи, подписали ему приговор и расправились с ним, а в свидетельстве о смерти они написали, что он умер от естественных причин. Но сами они, не сумевшие совершить даже ритуальное омовение изувеченного тела Мохаммада, знают, что произошло на самом деле!

Если бы мир знал о том, что Мохаммад Сабери видел сон, будто он совершил паломничество в Кербелу, где люди вращались вокруг гробницы имама Хусейна, сама же гробница вращалась вокруг него. На следующий день, когда он бежал за мячом на футбольном поле не в толстовке и бутсах, а в изношенной тюремной одежде и тапочках, у него из носа пошла кровь. Как ни умоляли надзирателей товарищи Мохаммада отвезти его к врачу, толку не было, и Мохаммад умер на руках у своих

друзей. Когда они открыли его личный вещмешок, оттуда достали маленькое завещание, в котором было написано: «Быть в плену ради отстаивания своих убеждений равносильно свободе!»

Если бы мир знал о том, что уже после того, как Абдуль-Мехди Никманешу умер мученической смертью, Красный Крест продолжал приносить письма от его матери, в которых всегда была одна и та же фраза: «Абдуль-Мехди, как мне хочется увидеть тебя хотя бы еще раз, пока я жива!».

И наконец, спустя тридцать лет я сняла эту тяжелую ношу с плеч, чтобы сказать:

В лексиконе угнетателей самым угнетательским словом является слово «плен».

Глава первая

ДЕТСТВО

Я оглядываюсь назад и вспоминаю далекие дни, первые мгновения, когда поезд моей жизни тронулся с остановки под названием «детство», поезд, груз которого становился все более тяжелым с каждым новым поворотом – груз воспоминаний, улыбок, слез, боли, радости, любви, любви и еще раз любви.

Сегодня, вслед за ушедшими днями, я в поисках детства; я вспоминаю Абадан, как я гуляю по улицам города под палящим солнцем. Мои щеки краснеют, лоб накаляется, покрывшись испариной.

Вкус детства напоминает мне вкус фиников – приятный и сладкий. Я поворачиваю поезд моей жизни назад, чтобы мысленно добраться до своего детства.

Смех ребят все еще раздается в моих ушах. Я бегу, чтобы найти нечто утраченное когда-то. Как за эти годы все изменилось! Я в поисках тех дней, которые были пятьдесят лет назад. Прошло всего полвека с тех пор, но ощущение такое, будто бы те дни от сегодняшних отделяют века. Из окна вагона я блуждаю глазами среди домов города.

Вот! Нашла свой дом! Он там, среди однообразных и похожих друг на друга по величине домов рабочего района Пирузабад. Эти дома словно нарисованы нежными пальчиками ребенка, который изобразил город своей мечты. Шестнадцать домов, шестнадцать семей района Пирузабад. Двадцать третий переулок, дом номер один. Дом площадью в сто квадратных метров в начале переулочка, и все наше состояние в мире брэнном сводилось к этим ста метрам. В те дни я думала, что вселенная – это Абадан и наша улочка. Все замыкалось на этом доме. Наш дом, дом абаданцев, был маленький, но шумный – я, мои сестры Фатима и Марьям и восемь братьев: Карим, Рахим, Рахман, Мохаммад, Салман, Ахмад, Али и Хамид. Разница в возрасте между всеми нами была примерно год и три месяца. Мы были словно зелеными ростками, взошедшими из теплого лона матери, и выросли, опираясь о стены этого маленького дома. К нашему семейному батальону прибавился еще и Абдулла, который был другом и одноклассником моего брата Карима. Абдулла жил с нами из-за того, что их дом находился далеко от школы.

Все дома имели по две двери. Одна служила парадным входом, через который можно было зайти в дом с улицы, а другая – так называемая задняя дверь, которая выходила в сад. Сады располагались напротив других шестнадцати домов, которые образовывали следующую улицу. У каждого дома имелось по два сада – один в середине двора, где каждый хозяин сажал на свой вкус цветы и деревья, а другой располагался в задней части дома,

сразу за тармой¹. Дома отделялись друг от друга невысокими заборами, и эти заборы превращали соседские границы в родственные. Все соседские мужчины были дядями, а все соседские женщины – тетями. Когда мы выросли, мы понимали, что все эти дяди и тети были ненастоящие, не родственники. Между садами не было стен и перегородок. Весной дома отделяли друг от друга деревья самшита с мелкими белоснежными цветами. Если дотронуться до этих цветочков рукой, она станет горькой, как змеиный яд.

В садах росло цветистое дерево харзахре² с необычайно горькими цветками. Моя мать говорила нам: «Никогда не обманывайтесь красотой кого-то или чего-то! Некоторые плоды внешне красивы, подобно цветам дерева харзахре, однако же их нельзя съесть и с десятью пудами меда». В садах росло также другое дерево с крупными красными бархатистыми цветами, из центра которых, подобно человеческому языку, высывалась длинная, похожая на знамя тычинка. Не знаю, почему это дерево с его красивыми цветами называли «языком свекрови»³. Одним словом, мы родились и выросли в этих садах и улочках. Мы привыкли ко всему, что было в нашем районе, начиная от мечети и школы и заканчивая магазинами, кинотеатром и клубом. Наш дом находился неподалеку от мечети имени

¹ Тарма – помещение наподобие террасы, с крышей, но без стен и двери (*прим. перев.*).

² Харзахре – олеандр. Абаданцы верят, что эти деревья отгоняют комаров от окрестностей дома (*прим. перев.*).

³ «Язык свекрови» – гибискус. (*прим. перев.*).

обетованного Махди, которую можно было видеть от входа в дом. Но самое главное – мы жили неподалеку от гробницы Сейеда Аббаса¹. В каждом доме было по три комнаты. В каждой комнате на полу был расстелен шестиметровый ковер, а в большой комнате, то есть в гостиной, отличавшейся особым порядком, – двенадцатиметровый ковер.

В этих маленьких и убогих домах нас жило по четырнадцать человек разных возрастов. Все семьи были многодетные. Очень часто родственники моего отца приезжали к нам домой из Хандиджана и Махшахра для лечения или продолжения учебы.

В те времена в Абадане матерей звали «нанэ», а отцов – «ага». Мать узнавалась по имени ее старшего сына. Например, мою мать звали нанэ-Карим. То время было их временем – временем нанэ. Некоторые из них были просвещенными людьми – они умели готовить настойки из трав, которые лечивали от разных недугов. Например, бедной нанэ-Махрох, которой после того, как она родила семерых, сказали, что она стала бесплодна и не сможет больше иметь детей, давали настойку валерианы, чтобы она смогла зачать и родить восьмого ребенка. А лекарством для нанэ-Махбас, у которой рождались только девочки, был имбирь, благодаря потреблению которого она должна была вместо девочек Шахгуль и Махгуль родить Хасана и Хусейна.

¹ Сейед Аббас был родом из Хиджаза в Аравии, но в ранней молодости переехал в Иран и обосновался в районе двенадцатой остановки Абадана, там же он и покинул бренный мир. Жители города считают этого почитаемого сейеда наделенным Божественной милостью (*прим. авт.*).

Из каждого дома выходило по десять-двенадцать ребятишек. Каждый находил себе друга по играм примерно такого же возраста, как он сам. Когда я окликала со двора нашего дома мою подружку Зари, она отвечала с запинками «Д-да!», потому что страдала от заикания.

Всегда одна из соседских женщин либо была беременна, либо кормила грудью. Поэтому те мамы, у которых не хватало молока или они болели, приносили своих грудных детей к соседкам, чтобы те кормили их молоком какое-то время, пока сами матери не поправятся. Таким образом у нас всегда были молочные братья и сестры. Например, когда на свет появился мой брат Али, моя мать заболела, и я относила маленького запеленутого Али к нанэ-Маджид, чтобы он кормился ее молоком вместе с ее дочерью Фатимой, которая была ровесницей Али.

Моя мать была олицетворением доброты, терпения и стойкости. Она в полной мере обладала материнским величием и притягательностью и проявляла материнство в обоих аспектах – любви и строгости. Она происходила из рода Сарбедаран славного города Баштин-Сабзевар. Она была мудрой женщиной, но возраст своих детей определяла не с помощью календаря. Для нее календарем служила сама природа. Дни рождения и смерти, прочие события в жизни и вообще всё было сопряжено с природой и увязывалось с ней. Не важно было, в какой день месяца ты родился, цифры от одного до тридцати никакого значения не имели. А вот если наши даты рождения совпадали с теми или иными природными преобразованиями, наши

жизни параллельно им тоже обретали некое наполнение. Мать исчисляла наш возраст и дни рождения, опираясь на время и сезоны роста финиковой пальмы, дерева *харк* (вид пальмового плода, который немного вяжет, но имеет сладкий вкус и желтый цвет) и дерева *дейри* (вид пальмового плода коричневого цвета, не очень сочный, созревает в конце сезона фиников).

К примеру, все мы знали, что я родилась в сезон снятия урожая фиников, а дата рождения Ахмада совпадала со временем плодоношения фиников, Али родился в сезон, когда мы ели плоды с дерева харк, а Марьям – в сезон, когда варили финики. Это был точный и безошибочный календарь. И даже когда мы выросли, для того, чтобы узнать, когда мы родились, мы не спрашивали дату рождения – мы только спрашивали: в момент моего рождения на какой стадии созревания были финики и какой у них был вкус?

Палящее солнце, влажный воздух и пятьдесят градусов жары всех нас сделали внешне похожими друг на друга. Все жители нашего городка, все тети и дяди и их дети – все были одинаковы и похожи между собой. И только мой отец отличался от других. У отца были светлые волосы, кожа и глаза. Я до сих пор думаю, что самыми красивыми глазами в мире были глаза моего отца, которые даже солнце не в силах было обесцветить и забрать их яркость. Моя мать говорила в этой связи: «Когда же очередь дошла до нас, как будто, прости Аллах, у Всевышнего закончились Его цветные карандаши, и Он зарисовал нас только черным!»

Согласно закону, установленному моим отцом, все мальчики спали в одной комнате, а я, Фатима, наша мать и младшие дети до двух лет, которые все еще питались материнским молоком, – в другой комнате. Несмотря на тесноту и нехватку пространства, большая комната была у нас гостиной – чистой и опрятной, готовой к приему гостей.

Наши будни становились краше, когда к нам приезжали бабушка и дедушка. Мы так радовались их приезду, что с полудня до вечера обливали двор речной водой¹, чтобы немного поубавить зной палящего солнца, а вечером все усаживались вокруг бабушки и слушали ее сказки. Бабуля, наверное, как и все бабушки во всем мире, рассказывала нам сказки с особыми нотками любви и ласки в голосе. Бабушкины истории делали для меня ночи короткими, а безликий взрослый мир – прекрасным и зрелищным. Когда бабушка рассказывала сказки, огромный мир сокращался и становился микроскопическим, чтобы он уместился в моих маленьких глазах и я, наконец, уснула. Разница в возрасте между бабушкой и дедушкой была очень большой. Я вначале думала, что дедушка – бабушкин отец. Он тоже был хорошим рассказчиком. Мне казалось, что это дедушка научил бабушку рассказывать сказки, но все же бабуля рассказывала с большей выразительностью и артистизмом. Истории, которые рассказывал нам дедушка, больше подходили

¹ В Абадане имелись два отдельных канала питьевой и непитьевой воды. Непитьевая из реки Карун использовалась для орошения садов и стирки одежды во дворе (*прим. авт.*).

взрослым – они были о нефти, войне, голоде, воде «помпоз»¹.

Моей любимой сказкой была сказка о морской девочке, которая жила в порту, на берегу моря. Эта девочка всегда плакала, и слезы ее превращались в жемчуг. Жители порта собирали жемчуг, продавали его и таким образом обеспечивали себе средства на жизнь и пропитание. И так было до тех пор, пока этот порт невероятно быстро не превратился в один из самых крупных и благоустроенных портов мира. Его жители веселились и смеялись, а девочка продолжала плакать, и никто не знал, почему. Мне было жалко эту девочку. Я часто задавалась вопросом: «Почему эта девочка должна постоянно плакать? Быть может, она лишилась своих родителей, или, может, она потерялась?» От этих мыслей меня трясло. Как сжималось мое сердце от мысли, что морская девочка потерялась! Но так или иначе, если бы она не потерялась и не плакала, жители порта не обрели бы счастье, и это была бы радостная часть этой истории, которая делала морскую девочку героиней сказки и героиней в моих глазах, а сказку о ней – любимой для меня.

У бабушки было много историй: «Принцесса фей», «Джинн и фея», «Семь братьев», «Король и нищий» и самая лучшая сказка – «Девочка с вуалью на лице». Иногда бабушка засыпала на полуслове прежде, чем заканчивала свою историю; тогда в полудреме она, забыв о незаконченной сказке,

¹ Помпоз (Pump house) – бассейны, которые наполняли водой для очистки, которую затем направляли в дома (прим. перев.).

начинала что-то говорить о завтрашнем халиме¹, о дедушкиных штанах и о воде Сакаханэ², которая должна быть прохладной и свежей, а я смеялась над ее словами, трясла ее и говорила: «Бабуля, ты снова уснула!» Но она никогда не засыпала, рассказывая сказку о девочке с вуалью на лице. Когда я в первый раз услышала от нее эту сказку, мне запомнились ее слова: «Девочка моя, это не выдумки, эта история – быль». Моя восторженная готовность внимать рассказам бабушки стократно увеличивала в ней энтузиазм рассказывать их. Именно такую воодушевленную готовность я увидела в ней как-то, когда она сказала, что история, которую она собирается поведать мне, – история девочки по имени Масуме. Бабушка рассказывала ее так:

«Не так уж давно, когда рождение сына являлось гордостью и воздаянием за родовые муки, у твоей матери было шестеро сыновей и единственная дочь. Будучи беременной в очередной раз, она очень хотела, чтобы на этот раз на свет появилась

¹ Халим – блюдо из пшеницы с мясом (*прим. перев.*).

² В 1942 г. из-за отсутствия питьевой воды в Абадане была вспышка холеры, в результате чего погибло много людей. Бабушкин дом находился за больницей «Лев и солнце» – то есть в месте, откуда люди с пересохшими губами, плача, забирали тела своих умерших близких. Бабушка, потерявшая шестерых своих детей из-за холеры, приносила из источника воду и наливала ее в два огромных глиняных кувшина для тех, кто ждал на улице, чтобы они могли сделать пару глотков воды и увлажнить свои иссохшие уста. Впоследствии для этих двух кувшинов соорудили маленькую деревянную комнату, вокруг которой протянули зеленую ленту, а над дверью сделали надпись: «В память о Хусейне, мучившемся от жажды» (*прим. авт.*).

девочка. Однажды в полночь четырнадцатых суток месяца, когда лунный свет залил сиянием весь небосклон, у твоей матери начались боли. Шум и суэта разбудили всех обитателей дома. Твоя мать безмолвно терпела боль и, подобно женщинам, рожавшим дома, ждала прихода повитухи. Все домо-чадцы суетились, чтобы приготовить комнату для роженицы. Твой отец спешно известил профессиональную повитуху города – Сейеду Захру, которая была набожной и богобоязненной женщиной. Все говорили, что у нее добрая и легкая рука. Стоило Сейеде Захре прикоснуться к роженице, как младенец тут же появлялся на свет. Она добросовестно совершала намаз. Где бы она ни находилась, она совершала намаз своевременно. Все в ней было хорошо, она только не позволяла близким роженицы оставаться в комнате и причитать во время родов. Она всех отправляла за дверь». Бабушка с воодушевлением продолжила: «Я тоже быстро пошла за двумя соседскими женщинами, с которыми твоя мать дружила, и они пришли. Все мальчики собрались в соседней комнате и, раззадорившись, стали шуметь и играть. Потом они захотели разбить свою копилку с деньгами. Фатима, которой тогда было не более десяти лет, пыталась уговорить их, но безуспешно, и тогда твой отец заставил их лечь спать, предупредив, чтобы ни единого звука от них больше слышно не было, кроме звука их дыхания. Молчание охватило эту шестиметровую комнату. Я слышала стоны твоей матери, но не могла оставаться в ее комнате. Я хотела успокоить Фатиму и твоего отца, чтобы они не волновались.

Боли, которые испытывала твоя мать, не утихали. Понемногу мной овладел страх. В моменты страха люди становятся к Богу намного ближе. И вообще, именно страх заставляет людей задумываться о том, что на все воля Всевышнего, что всё в Его руках. Близился утренний азан¹. Когда человек боится чего-то, темнота ночи становится для него особенно невыносимой. Я чувствовала, что твоя мать в шаге от смерти, и нам остается только молиться за нее. Азан почти настал. Я расстелила свой молитвенный коврик и начала возносить молитвы Всевышнему о том, чтобы моя дочь быстрее родила и избавилась от болей. Я очень почитала ее светлость Масуме². Я взмолилась, совершила назр³ и сказала: “О, святая Масуме! Помоги, чтобы моя дочь быстрее родила! Если родится девочка, она станет твоей служанкой, я дам ей твое имя, чтобы она всю жизнь подметала твое подворье!”

Дети только притворились спящими. Карим высунул голову из-под одеяла и, дурачась, спросил: “Бабуля, наша сестра еще не появилась на свет? Ты уже дала ей веник в руки?”

Рахман, который был самым остроумным и веселым из детей, сказал: “Бабуль, может, ты сама начнешь подметать?”

¹ Азан – призыв к совершению молитвы, обычно раздающийся с минарета (*прим. перев.*).

² Фатима Масуме (ум. 817 г.) – дочь седьмого шиитского имама Мусы аль-Казима и сестра восьмого имама Резы (*прим. перев.*).

³ Назр – обет, данный Всевышнему или святым о совершении каких-либо богоугодных деяний в случае исполнения какого-нибудь желания (*прим. перев.*).

Однако шуточки ребят не убавляли моей тревоги. Надо быть матерью, чтобы понять, что это значит. Когда стоны твоей матери стали громче, дети притихли и перестали забавляться. Двухлетний Салман и четырехлетний Мохаммад громко плакали. Твой отец по-прежнему молился. Пот то и дело выступал на его лице, которое то бледнело, то краснело. Он останавливал свой взгляд на мне, затем настойчиво спрашивал: “Почему ты не заглянешь к ней узнать, что там происходит? Может, им нужна твоя помощь!”

Я понимала обеспокоенность твоего отца. Он был главой семейства; несмотря на внешнее проявление гордости, сердце его всецело билось ради твоей матери и детей. Он был похож на маленького доброго ребенка. Я пыталась успокоить его и сказала: “Нет, Машди¹! Это естественно, ты должен иметь терпение! Пойми, один человек пытается оторваться от другого. Ты разве никогда не слышал, что единственная боль, похожая на боли, которые человек испытывает в смертный час, когда душа отделяется от тела, – это родовые боли. Я чувствую благоухание рая. Взамен этих болей Всевышний дарит матерям рай”. Одним словом, я делала все, что могла, чтобы успокоить его и детей. Однако сама я в душе очень тревожилась. Твой отец начал шепотом читать Коран. Его глаза наполнились слезами, и он вышел из комнаты. Не прошло и пары минут, как до нас донеслись звуки азана – “Аллах Акбар” смешавшиеся с плачем новорожденного, и комната

¹ Машди – разговорное обращение к мужчине: «богатырь» (прим. перев.).

наполнилась особым благоуханием. Мы все переглядывались. К нашим голосам прибавился еще один голос. Маленькое существо, которое все это время было с нами, но его не было видно, наконец, показалось! Все те, которые якобы спали, проснулись. Будто бы все поняли, что к нам прибавился еще один человек. Плач превратился в смех, лица расцвели, и даже воробьи за окнами стали соучастниками нашей радости. Я подскочила и кинулась к двери, чтобы спросить, кто родился – мальчик или девочка. Шептание молитв и восхвалений Всевышнему слился воедино.

Как я ни толкала дверь, она не открывалась. Нанэ-Маджид – подруга твоей матери, которая была полной женщиной, сидела за дверью, и ее невозможно было сдвинуть с места. Дверь, не имевшая затворов, теперь словно была заперта на семь замков. Я собрала все свои силы в кулак, постучала в дверь и сказала: “Почему вы мне не отвечаете?! Как чувствует себя мать ребенка? Как сам ребенок? О чем вы там шепчетесь? Нанэ-Маджид, ради Бога, поднимись и отойди в сторону, дай мне войти внутрь! Неужели с ребенком что-то не так?”

Однако мне так и не удалось добиться от них какого-либо ответа. Я прижалась ухом к двери. Я только слышала, как Сейеда Захра говорила: “Спустя двадцать лет я увидела это своими глазами. Раньше я об этом слышала, сегодня же увидела своими глазами”. Твоя мать со страхом и тревогой в голосе умоляла: “ Сейеда Захра, заклинаю тебя твоими предками, ответь мне, что с моим ребенком, он неполноценный? Покажи мне его!”

Все происходило молниеносно. Я слышала, как нанэ-Маджид без конца повторяла: “Слава Богу!”, “Преславен Аллах”. Никто не интересовался, родился ли мальчик или девочка. Все только переживали о состоянии новорожденного. В конце концов ко мне пришли все дети, мы объединили наши силы, толкнули дверь и сорвали ее с петель. Дети, испугавшись, бросились бежать и через секунду очутились во дворе.

Я была вся мокрая от пота. Я хотела что-то сказать, но словно язык проглотила. Я не могла произнести ни слова. Я увидела младенца, похожего на цветок розы. Тело младенца было еще мокрым, ему только что перерезали пуповину. Я стала рассматривать ребенка, но не увидела никаких отклонений. Я пощупала ему руки, ноги, лицо, голову, уши, пересчитала пальчики и затем обратилась к Сейеде-Захре: “Младенец же здоров!” Она ответила: “А ты как хотела?” Все засмеялись, а я передала ребенка твоей матери и сказала ей: “Не бойся, я даже пересчитала ему пальчики, с ним все в порядке”. Однако перешептывание Сейеды-Захры с соседскими женщинами не прекращалось. Они уныло смотрели друг на друга. Я старалась понять что-нибудь по их взглядам, но не могла. Звуки хныканья твоей матери и ребенка снова слились в одно, и тогда Сейеда-Захра вскрикнула: “Довели вы меня! Ребенок родился с вуалью¹, у него была вуаль на

¹ «Вуаль» в данном случае – остатки плодного пузыря. Во время родов пузырь разрывается, и плод выходит наружу. В редких случаях плод появляется на свет с кусочками этой оболочки. Это физиологическое явление не имеет

лице. Я сняла вуаль и отложила ее в сторону, чтобы отдать вам. Это – знак”. Твоя мать спросила: “Ты хочешь сказать, что ребенок слепой?” Сейеда-Захра ответила: “Да нет же! Некоторые дети рождаются на свет с вуалью, и не имеет значения, мальчик это или девочка. Эта вуаль – символ изобилия, удачи, благосостояния, безопасности и веры. Сохрани ее. А если ты положишь под подушку ребенка ножик или ножницы, ему не страшны будут никакие темные силы. Эта вуаль – для назра, исцеления больных и нуждающихся. Отдайте кусочек этой вуали каждому, кто совершил назр для рождения этого ребенка”. Мне все стало понятно. Все мои тревоги развеялись. Я сказала твоей матери, чтобы она дала ребенку имя Масуме и совершила назр, так как рожденная девочка должна стать служанкой ее светлости Масуме и залогом в ее руках».

По мере того, как бабушка рассказывала мне историю о девочке с вуалью на лице, мой сон куда-то исчезал. Я с любопытством спросила ее: «Бабуля, а где теперь та девочка? Где та вуаль?» Бабушка засмеялась и ответила: «Теперь та девочка лежит рядом со своей бабулей, обняла ее за шею, чтобы уснуть, но ей почему-то не спится. А вуаль находится у ее матери в качестве залога».

История о девочке с вуалью – история Масуме – была первой историей в моей жизни. Я никогда ее не забуду. В первую ночь, когда бабушка рассказала мне эту историю, зуд в моих деснах,

религиозного значения, но считается знаком удачи для новорожденного. Русскоязычный эквивалент – «родиться в рубашке» (прим. перев.).

сквозь толщу которых прорывались молочные зубы, настолько поглотил меня, что я не заметила, как настало утро. Рано утром меня разбудили голоса моих постоянных подруг – Маниже и Зари. Зари, при всей ее внешней красоте, заикалась, поэтому абаданцы по традиции добавили к ее имени прозвище и стали называть ее Зари-Заика. Я выбрала ее в подруги не из-за ее красоты, а из-за этого уродливого прозвища, которое ей дали. Я хотела, чтобы она была просто Зари, мне совсем не хотелось, чтобы ее дразнили.

Я, Зари и Маниже всегда были вместе. Одетые в заплатанные штаны и платья в цветочек, с заплетенными косами, мы, держась за руки, бегали по улицам, распевая песенки. Несмотря на то, что все соседи были тетями и дядями, на нашей улочке мы видели лишь некоторых из них. Одной из постоянных посетителей нашего дома была нанэ-Бандандаз. Нанэ-Бандандаз приходила один раз в месяц, собирала всех соседских женщин в одной комнате и наводила им красоту. В ту пору женщины были так скромны, что избегали того, чтобы кто-то узнал, когда и кто их прихорашивает. Узнав хорошо нанэ-Бандандаз и поняв, что весть о ее приходе обрадует женщин всей округи, я быстро оповещала мою мать и соседок о ее прибытии. Обычно они собирались не у нас дома, а шли домой к тете Туран, поскольку численность ее семейства была меньше и в доме не было мужчин. Но однажды, когда отец был на работе, а дети – на улице, все соседские женщины оказались у нас дома и поставили меня на дверях сторожить, чтобы никто не вошел и не

понял, для чего они собрались. Время от времени я пыталась разглядеть в дверную щель, что происходит внутри, но всякий раз, когда я пыталась приоткрыть дверь, женщины начинали визжать, а орудия для наведения красоты падали из их рук на пол. Спустя некоторое время мне надоело стоять на страже за дверью. Я повернула ключ в замке, бросила его себе в карман и побежала на улицу к ребятам. Моя мать, желавшая избавиться от моего любопытства, не выразив ни малейшего протеста по этому поводу, велела мне быть поблизости.

Каждая группа ребят на улице была занята своей игрой – «семь камней», «догонялки», «классики». Неподалеку находился большой родник, который мы называли Тандо¹. Вода шла из него с большим напором. Мы с ребятами заключали пари, кто сможет перепрыгнуть через Тандо. Ахмад говорил: «Перепрыгнуть может только Всевышний!» Сафар Черный говорил: «Кроме Всевышнего может еще и шах!» Джафар Носатый говорил: «Вместо шаха прыгнет Джафар-носатый!»

Настало время прыгать. Али Толстый, Джафар Носатый, Сафар Черный и Бахман Безобразный прыгнули. Каждый раз, когда кто-то прыгал, ребята бросали в родник черную монету. Я решила отойти и немного потренироваться так, чтобы мальчишки не увидели, как я этим занимаюсь. Я отходила назад, потом делала шаги вперед и останавливалась.

¹ Тандо – досл. «быстрая, бурная река» (прим. пер.).

Страх лишал меня смелости, и я начинала все заново. Ко мне присоединились Зари, Хадиджа, Маниже и Махназ. Хадиджа и Маниже были зрителями, которые нас поощряли к действиям. Они время от времени кричали досадное «Э-эх!» или победоносное «Ура-а!». Среди всех этих возгласов слышались и шаловливо-задорные реплики мальчишек, которые, дразня, кричали нам: «Мальчики – сильны и отважны, как львы, и остры, как мечи; девочки – слабы, как мыши, и трусливы, как зайцы!». И ничто не могло придать мне сил и смелости больше, чем эти дразнящие выкрики. Я разбежалась с большой скоростью, и в этот момент казавшийся раньше огромным родник Тандо вдруг стал для меня совсем маленьким. Однако по мере того, как я приближалась к нему, он вновь вырастал и становился все более и более внушительных размеров. В моих детских ножках не было сил, чтобы прыгнуть, но для того, чтобы доказать дразнившим нас, девочек, Сафару Черному и Джафару Носатому, что я могу перепрыгнуть через родник, я вместо прыжка совершила перелет.

И как раз в этот самый момент до меня донесся шум, который заставил меня вспомнить о запертых внутри комнаты матери и нанэ-Бандандаз¹. Я молнией побежала в дом. Приблизившись к двери, я поняла, что мать, соседские женщины и нанэ-Бандандаз все еще внутри. Я сунула руку в карман, чтобы вынуть оттуда ключ, но, увы, карман был пуст! В это время я услышала сердитый голос моей

¹ Бандандаз – профессия, близкая к косметологу (*прим. перев.*).

матери, которая кричала: «Маси,¹ где же ты? погоди, я до тебя доберусь! Открой сейчас же дверь! Куда ты запропастилась? Вот уже два часа, как мы по твоей милости застряли здесь! Людей дома ждут дела!». Я не могла сказать ей, что потеряла ключ. Игры в «докажи свою смелость» обеспечили мне неприятности. Единственное, что я могла сказать матери – это то, что я пойду и принесу ключ. Я пулей побежала к роднику, чтобы начать поиски ключа в воде. Мне хотелось громко плакать, но мальчики все еще были там и играли, а я не могла допустить, чтобы они увидели мои слезы, поэтому я пыталась проглотить ком, подступивший к горлу, и держать себя в руках.

Я вернулась в дом; подходя к двери комнаты, я уже слышала возмущенные голоса соседок. Нанэ-Бандандаз срочно нужно было «помыть руки». Единственное, что могло меня спасти, – это начать громко плакать, поэтому, разрыдавшись, я выдавила из себя: «Я потеряла ключ!» Близилось время возвращения домой мужчин и мальчиков нашего семейства. В конце концов моя мать дала согласие оповестить о возникшей проблеме соседских мужчин. Первым попробовал открыть дверь муж Согры-ханум, который был щуплым на вид и курил одурманивающие травы. Он пару раз дернул дверную ручку, затем удивленно, с видом человека, у которого волшебные руки, произнес: «Странно, почему она не открывается», – и прибавил вяло: «Вероятно, она закрыта на замок». Тут все рассмеялись

¹ Маси – уменьшительно-ласкательное от имени Масуме (прим. перев.).

и стали говорить: «Ты только сейчас это понял, профессор? Ты молодец, однако, ага-Халили, правильно всё понял – дверь заперта на замок, а ключ потерян!» Тут он раздраженно позвал Согру-ханум и с недовольством спросил ее: «Для чего вообще ты сюда пришла?» Он хотел прямо там устроить суд и разобраться, в чем дело. Хадидже и Маниже, матери которых тоже были внутри, за запертой дверью, побежали по домам, чтобы привести своих отцов. Муж Сакины-ханум обладал большой физической силой, но замки, которые использовались в домах нефтяной компании, едва ли можно было открыть при помощи силы руки.

Акбар-ага был силачом округа. Понять, что он разговаривает, можно было только по его шевелящимся густым усам, если же он говорил что-нибудь вполголоса, его не бывало слышно. Провозившись безуспешно с дверью, он обреченно сказал: «Ну и для чего вы все зашли внутрь и заперли дверь на замок? Когда говорят, что у женщин “винтиков не хватает в голове”, – правду говорят».

Дело дошло до того, что все мужское население нашей округа, начиная от мальчиков и заканчивая взрослыми мужчинами, вооружились разными остроконечными предметами и по очереди засовывали их в замочную скважину, пытаясь повернуть замок: отец Джафара Носатого – ножик, отец Али Толстого – отвертку, а отец Сафара Черного – вилку. Однако их усилия были тщетны до тех пор, пока не пришел мой отец. И когда дверь, наконец, была открыта, все соседские женщины, которые до этого тщательно закрывали свои лица платками,

чтобы никто не увидел их прихорошившимися с помощью нанэ-Бандандаз, предстали на всеобщее обозрение. С того дня соседки, проходя мимо нашего дома, еще больше закрывали свои лица, а нанэ-Бандандаз больше не появлялась у нас дома. А я после того случая каждый раз, когда видела нанэ-Бандандаз на нашей улице, пряталась в саду, чтобы не попасться ей на глаза.

Сад, находившийся во дворе нашего дома, был полон цветов и деревьев. Каждый хозяин сажал у себя в саду на свой вкус разные фруктовые деревья и растения, надеясь при помощи этой зелени хотя бы немного смягчить пятидесятиградусную жару и устроить местечко с тенью для времяпрепровождения на воздухе, полдничной трапезы и ночного сна. Этот сад был благоустроен папиными руками – именно он посадил в нем всевозможные растения, начиная от инжирных, финиковых и грушевых деревьев, яблонь и винограда и заканчивая разными пестрыми цветами. В любую минуту у нас в саду распускался какой-нибудь цветок, аромат которого распространялся по всему нашему крошечному дому. Когда солнце достигало зенита, распускались цветы портулака, а в следующее мгновение им начинали улыбаться подсолнухи. После захода солнца просыпались маттиолы и цеструмы, наполнявшие своим благоуханием наш дом и подворье. Мои старые вещи всегда становились нарядами страшил и пугал, стоявших в саду и охранявших цветы и плоды. Я и сама поверила в то, что эти пугала – я сама, что я круглосуточно нахожусь в саду и забочусь о цветах, чтобы их никто не сорвал.

Однажды весенним днем, за утренней трапезой в саду под тенью винограда, мой отец, который обычно говорил мне: «Не рви цветы! Они тоже наделены дыханием, душой и жизнью», – сказал: «Маси-ханум, иди, сорви букет ароматных цветов и принеси его сюда!». Ахмад и Али хотели пойти вместе со мной, чтобы помочь мне, но отец остановил их, сказав: «Вы не умеете это делать – испортите сад!»

Я так увлеклась сбором цветов, что, когда моя цветочная композиция была готова и я направилась обратно, я увидела, что за столом никого нет. И тогда я поняла, что цветы были только поводом отвлечь мое внимание. Я выбежала на улицу и увидела, что Ахмад, Али, Мохаммад и Салман, одетые в праздничные одежды, собираются куда-то вместе с отцом. Сосед повернулся к отцу и сказал: «Мащди, поторопись, дети ждут. Езжайте, чтобы успели до того, как накалится воздух». Я бросила свой букет на колени матери и заплакала, прося, чтобы они взяли меня с собой. Однако на этот раз все было по-другому, не так, как обычно, когда отец брал меня с собой первую и говорил: «Это – карманная девочка своего папы». На этот раз он даже прикрикнул на меня и сказал, чтобы я не приставала к нему.

Когда я вышла на улицу, я увидела, что там ожидает машина, в которую сели отец и все ребята. Я закричала еще громче, но это не возымело никакого эффекта. Никто не обращал на меня внимания. Когда все уселись, они, даже не посмотрев в мою сторону, завели машину и уехали.

От досады я подняла с земли два камня и со злостью швырнула их в сторону удалявшейся машины, но как мне ни хотелось попасть ими в машинное стекло, у меня не было столько сил, чтобы камни туда долетели. Мать собрала разбросанные цветы в букет и стала рассказывать мне о каждом из них, об их ароматах. Я слушала ее, но все же, вспоминая время от времени, что парни уехали без меня, спрашивала у матери, куда все поехали. Мне тоже очень хотелось надеть свою праздничную одежду и уехать на машине.

Поскольку дом наш был полон мальчиков, мне и Фатиме не разрешалось надевать юбки, поэтому мы всегда носили брюки и рубашки. Чтобы я, наконец, успокоилась, мать разрешила мне надеть мою парадно-выходную одежду. Я быстро переоделась и для того, чтобы первой увидеть возвращение мужской компании, присела у парадной двери на корточки и уставилась на дорогу. При каждом шуме приближавшегося автомобиля я тянула шею с надеждой на то, что сейчас увижу наших. Мои ноги устали, но я не садилась на землю из боязни запачкать свои брюки. Я рассуждала про себя, что, возможно, они планируют отвезти на праздник всех детей по группам, и меня отвезут в следующую очепредь. Поэтому я быстро побежала к дому Зари. Зайдя в дом, я увидела, что Зари тоже одета в свою праздничную одежду. Я очень обрадовалась этому и подумала про себя: «Как хорошо! Мы поедем все вместе!». Сестра Фатима дала мне в руки букет, который я где-то бросила, а мать сказала мне: «Когда машина приедет и ребята выйдут, поприветствуй

их этими цветами вместо камней, которые ты кидала им вслед».

Казалось, что время тянется бесконечно. Несколько раз я ходила до угла улицы и возвращалась обратно. Я замучила маму вопросом: «Так где же они, почему не приехали до сих пор?»

Наконец, ожидание закончилось. На горизонте появилась машина, в которой сидели мой отец, отец Зари, отцы других детей, мои братья и другие мальчики. Я так возликовала, что забыла о своем букете, который должна была преподнести им. Не дожидаясь, пока они выйдут из машины, я с нетерпением попыталась залезть внутрь. Но тут я заметила, что вид у всех мальчиков унылый, а глаза – красные и мокрые от слез. Али, самый младший из детей, которому было не более двух лет, был на руках у отца и продолжал хныкать. Я передумала садиться в машину, попятилась назад, дав оставшимся ребятам выйти из машины. Водитель машины по одному брал ребят на руки и опускал на землю. И тут я заметила еще одну вещь – все мальчики держали свои праздничные брюки в руках, а вместо этого на них были надеты красные юбки. Соседи, встречая только что прибывших с радостным улюлюканьем, цветами и сладостями, отвели детей в дом тети Туран, и через пару мгновений звуки музыки и торжества раздались по всей округе. Плача в унисон с Али, я не знала, по какому поводу все эти сладости, угощенья и веселье. Все дети были поставлены в ряд, и для них играла музыка, и началась гулянка. Весь дом пестрил разноцветными бумажными украшениями и воздушными

шарами. Пришло много гостей, и с каждой минутой становилось все шумнее и веселее. Гости угощали сладостями и шербетом.

Я все еще громко плакала, и тогда моя мать, не зная, кого ей успокаивать – меня или Али, укоризненно спросила меня: «Али плачет потому, что ему больно, а с тобой что, ты почему плачешь?» Я ответила: «Я тоже хочу красную юбку!» В результате я все-таки смогла заполучить какую-то красную юбку и после этого уселась рядом с Ахмадом и Али.

Праздник обрезания длился семь суток, и все это время мальчики неизменно были в своих красных юбках. После того дня я долгое время думала, что эти юбки – символ праздника и веселья, поэтому всякий раз, присутствуя на каком-либо торжестве, я ожидала, что все гости будут в красных юбках. На протяжении тех семи дней мальчикам давали мясо и печень принесенного в жертву барана, чтобы они быстрее пришли в себя, но они все же не могли играть и резвиться, как всегда. Узкие красные юбки стесняли их движения и мешали им прыгать и бегать, поэтому они на какое-то время вынужденно стали домоседами. Но вознаграждением за это домоседство после того, как праздник мусульманского мужского торжества закончился, стало то, что как-то вечером, когда воздух Абада на все еще дышал весенней свежестью, отец собрал всех мальчиков на площади недалеко от нашего дома посмотреть захватывающее представление силача Насера. Насер разложил свои геркулесовские принадлежности на земле. Все дети уселись

в круг, и всё их внимание было приковано к нему, и все они с нетерпением ждали, когда он начнет совершать свои чудеса – разорвет цепи, ляжет под колеса машины, которая проедет по его торсу. Все они мечтали быть такими же силачами, как Насер.

Между мной и моими братьями Ахмадом и Али был возрастной интервал в один год. Поэтому мы передавали учебники из рук в руки, и когда они доходили до Али, то были потрепанными и выцветшими. Занятия, по обычаю, начинались у нас с обеда. После легкого обеда мы отправлялись в школу с портфелями в руках. Когда мы скрывались от зорких глаз домочадцев и жителей округи, Ахмад брал наши портфели, клал их на голову и начинал подражать женщинам арабских кочевников¹.

Ахмад, словно ветер, бежал с портфелем на голове, а мы вдвоем бежали вслед за ним всю дорогу от дома до школы, не боясь, что упадем на землю. Добежав до школы, мы падали на свои портфели и около десяти минут не могли отдышаться. Начальная школа, в которую я ходила, называлась «Махаста» и находилась по пути к школе мальчишков. Они бросали мой портфель у двери моей школы и шли дальше. Школьные учителя думали, что я с таким рвением и восторгом бегу на занятия, не подозревая о том, что этот восторг удваивался в момент покидания школы. Разница была лишь в том, что на пути домой Ахмад отдавал нам наши портфели

¹ В тот период арабские женщины клали на голову пятидесятикилограммовые глиняные печи, выходили с ними на улицу и громко кричали: «Танур, танур (т.е. печь)!» (*прим. авт.*).

на углу нашей улицы, и от того места мы шли к дому уже как все другие дети.

Отец приучил нас к тому, что каждый раз, когда мы возвращались уставшие из школы, он стоял перед домом с карманами, полными леблеби¹ и изюма. Увидев отца, мы радовались и моментально забывали об усталости от школьных занятий. Отец говорил нам: «Каждый из вас может взять из моих карманов по две пригоршни леблеби и изюма».

Он говорил мне: «Сперва – очередь моей карманной девочки, затем – очередь Али, затем – Ахмада». Мне очень хотелось вырасти, чтобы я могла без труда дотягиваться до кармана отца, потому что мы каждый раз рвали края его карманов оттого, что жадно и наперебой набрасывались на них. Мы занимали себя этой пригоршней леблеби и изюма, вкус которого я до сих пор ощущаю во рту, пока нам не попадалось какое-нибудь другое кушанье.

Мы настолько привыкли к этой традиции, что если вдруг не видели отца у двери, то очень огорчались. Однажды, когда я училась в четвертом, а Ахмад и Али, соответственно, во втором и третьем классах, придя домой из школы, мы не обнаружили отца, встречающего нас у двери дома. Мы зашли в дом, но и там никого не увидели. Отсутствовала даже мать, которая редко когда покидала дом. Брата Хамида, который в то время был еще грудным ребенком, поручили тете Туран. Через несколько

¹ Лакомство, получаемое из бобов нут, которые сначала сушат, а затем обжаривают без добавления масла (*прим. перев.*).

минут тетя Туран, которая жила через стену от нас, пришла и сказала: «Ребята, пойдете к нам в дом, выпьем сладкого чаю!» Мы пошли, выпили чаю и по очереди стали расспрашивать тетю Туран о матери, отце и других членах семьи, но на все наши вопросы она отвечала: «Сейчас они придут. Они поехали по делам, но скоро вернуться. Идите пока поиграйте!»

Дело шло к закату, но наших домочадцев по-прежнему не было видно. К вечеру появились Фатима с другими ребятами. Лица всех были угрюмы и заплаканы. Отца, матери, Карима и Рахмана по-прежнему не было видно. Нам говорили, что они скоро будут, но никто не говорил, куда они поехали. К ночи все вернулись домой, кроме отца. И снова никто не говорил, почему отец не идет домой. В ту ночь мать не спала до утра, проливая слезы, молясь на своей саджаде и взывая к пророку и имамам. Проснувшись утром, мы поняли, что будет повторение вчерашнего дня – тетя Туран, сладкий чай и приготовленная на скорую руку еда. Мы ушли в школу. В тот день Ахмад не стал класть наши портфели на голову. Мы все трое медленно шли, проживая минуты того тяжелого дня в надежде, что, когда вернемся вечером из школы, отец будет встречать нас с карманами, полными леблеби.

Однако, придя из школы домой, мы вновь увидели, что отца нет. Нам снова пришлось провести время с тетей Туран и ее сладким чаем. На все наши вопросы она отвечала: «Мужчины предназначены не для того, чтобы сидеть дома – они должны работать».

Прошло несколько дней. В очередной раз, когда сестра Фатима пришла домой, мы пристали к ней с вопросами о том, где отец. Мы пообещали никому ничего не говорить и хранить тайну, и в результате она согласилась сказать, что случилось. Она глубоко вздохнула и сказала с комом в горле: «Отец в больнице. Каждый день мы ходим навещать его».

Больше она не сказала ничего. Однако и одной этой фразы было достаточно для наших слез. Ее обещание по поводу того, что отец вернется через несколько дней, нас не успокоило.

Шли дни, а мы всё ждали. Полночные стоны и стенания матери не прекращались. Она проводила ночи в молитвах, заклиная Создателя поскорее вернуть отца домой. Спустя несколько дней к нам пришли родственники, они о чем-то беседовали, что-то обсуждали. Подслушав обрывки их разговоров, мы догадались, что отец вот уже несколько дней находится в состоянии комы и, возможно, еще не скоро придет в сознание, а следовательно – и домой. Тогда только мы поняли, что с отцом случилось несчастье на нефтеперерабатывающем заводе, где он работал.

Через месяц к нам пришли трое сотрудников этого завода, которые, описывая подробности произошедшего с отцом инцидента, о котором мы до того дня не знали, сказали: «Это проклятое “черное золото”, которое лежит в недрах земли, несет с собой людям как добро, так и зло. Пока оно доходит до людских домов, чтобы подарить им тепло, оно забирает жизни сотен людей». Далее они заговорили о тех рабочих, которые за несколько последних

лет расстались с жизнью, работая на нефтяных скважинах и нефтеперерабатывающих заводах, вздохнув со словами: «Мы живем в нелегкое время». Затем один из них стал описывать несчастный случай, который произошел с отцом: «Когда бочка с раскаленным мазутом опрокинулась и пролилась на ноги господина Абада, мы слышали только его крики “я горю, я горю!”, но его самого мы не видели. Мы поняли, что все его тело уже охвачено огнем, поэтому он бросился бежать подальше от нас и других резервуаров. Если бы он, объятый пламенем, которое с каждым мгновением все больше разгоралось, остался стоять рядом с нефтяными цистернами, мы бы не смогли избежать полномасштабного пожара во всем цеху, и все погибли бы. Он бежал и срывал с себя одежду, пока не упал, и тогда мы накинули на него одеяло, потушили огонь и быстро отправили его в больницу, но все его тело к тому времени было в ожогах». Впоследствии я поняла смысл совершенного отцом поступка, который сформировал в моем сознании первое представление о самопожертвовании.

Отец больше года пролежал в больнице О.Р.Д.¹, которая являлась одной из самых прогрессивных

¹ После того как была открыта крупная клиника Национальной нефтяной компании, в ней появились существенные различия между двумя ее отделениями – отделением для сотрудников и отделением для рабочих – с точки зрения количества и качества услуг, но в обоих отделениях были одинаковые правила и порядки. Клиника состояла из двух подразделений: одно – для пациентов, которые могли ходить, называемое О.Р.Д., и другое – круглосуточный стационар для лежачих больных (*прим. авт.*).

клиник страны. Первые два месяца он был в состоянии комы. Затем он понемногу пришел в сознание, но при этом ничего не помнил. Он не узнавал даже нас. Нам, и особенно матери, стало очень трудно жить. Скучные доходы от нефти уходили на пропитание двенадцати членов семьи. Все дети еще ходили в школу. Мой старший брат Карим после девятого класса поступил в техникум, чтобы после учебы устроиться в Национальную нефтяную компанию и работать в ее техническом отделе. Несчастный случай, произошедший с отцом, в один миг сделал всех нас взрослыми. Карим и Рахман пытались заполнить собой пустоту, образовавшуюся в результате отсутствия отца, и сами стали мужчинами. Я тоже перестала быть той маленькой и веселой девочкой. Я улыбалась, но моя улыбка была такой слабой, что больше походила на гримасу плача. Отсутствие отца лишило наш дом изобилия, так что все старшие братья после занятий несколько часов подрабатывали в пекарне и бакалее, приносили в дом по паре туманов, и кое-как мы кормились благодаря им. Они стали настоящими кормильцами семьи – семьи, где единственным добытчиком и опорой до вчерашнего дня являлся отец, который постоянно, даже в часы досуга и отдыха, был чем-то занят – сваркой, покраской, штукатуркой и прочими хозяйственными делами. Чтобы наименее затратно обеспечить нас канцелярскими принадлежностями для наших школьных занятий, отец сшивал просроченные документы и бумаги Национальной нефтяной компании и из них мастерил нам тетради для упражнений по

математике и геометрии. С наступлением зимы он распускал все вязаные вещи и вязал для нас новые шапки, шарфы и жакеты. Мои одноклассники не верили, что эту одежду вяжет для меня отец при помощи спиц от пришедших в негодность велосипедов моих братьев.

Цветы в нашем саду поникли. Мир также угас и потерял краски в моих глазах. Каждый, кто приходил к нам, повторял, что садовые растения лишены заботливых рук отца, поэтому они и увяли. Временами я разговаривала с цветами и пернатыми обитателями дома, то есть курами и петухами. Мне казалось, что даже они чувствуют, что отца нет сейчас с нами. Всегда за нашей симпатичной курочкой бегали десять-двенадцать цыплят. Отец не позволял, чтобы даже одна рисинка пропала зря. Поскольку нас было десять детей, поднос, на котором подавалась еда, всегда оказывался совершенно пустым к концу трапезы, и отец давал курам и петухам зерно вместе с отходами зелени. Каждую пятницу он давал слугителям мечети хайрат¹. Каждую пятницу утром он готовил качи², чтобы отнести его в мавзолей Сейеда Аббаса, и зажигал несколько свечей. Не было недели, а может быть, и дня, чтобы из нашего дома в качестве пожертвования не была отправлена хотя бы одна тарелка с пищей соседям с целью оказания им благодеяния, соблюдения их прав, а также – компенсации намеренно

¹ Благотворительные пожертвования ради Всевышнего и помощи душам ушедших близких (*прим. авт.*).

² Питательное кушанье, которое готовится из муки и жиров животного происхождения (*прим. перев.*).

или ненамеренно причиненного кому-либо зла. Наш дом был пристанищем страждущих и немощных. Если в нашу дверь стучался нищий, отец не давал ему уйти, не напоив его прохладной водой, не накормив и не обув его. Отец говорил: «Некоторые из святых странствуют по миру в одеждах нищих; они могут постучать в нашу дверь, а мы можем не знать, что это они. Будьте бдительны, впускайте в дом каждого и делайте благотворительные пожертвования им ради довольства Всевышнего. Имам Махди¹ – среди нас. Здоровайтесь со всеми – возможно, одним из ваших гостей окажется именно он». И теперь все вокруг, начиная с поникших цветов в саду нашего дома и заканчивая курами, петухами, школой, мечетью, соседями, нищими и т.д., знали, что отца нет. Я не помню, когда еще после несчастного случая с отцом я ела леблеби с изюмом, но одно я знаю точно – что вкус этого лакомства никогда больше не был таким же упоительным, как вкус того, которым нас угощал отец.

Карим и Рахман – старшие из братьев, желая сменить удручающую атмосферу, воцарившуюся в доме, вечерами устраивали футбольные турниры, в которых мне отводилась роль голкипера. Игру непременно выигрывала та команда, на воротах которой стояла я. Во время игры ребята увлеченно и резво преследовали мяч, но когда последний

¹ Имам Махди – по поверьям шиитов, двенадцатый имам мусульман, последний преемник пророка Мохаммада, мессия, который сокрыт среди людей и появится перед концом света (*прим. перев.*)

оказывался на близком от ворот расстоянии, они снижали скорость своего бега и интенсивность удара по мячу, поэтому он медленно, но верно катился в мою сторону, и мне не составляло никакого труда взять его, после чего я восторженно радовалась своему успеху, а все участники игры поощряли и стимулировали меня на новые достижения. Вначале я думала, что я – искусный вратарь, но потом поняла, что они просто подыгрывают мне, они хотели, чтобы я радовалась и кричала «Ура!»

Иногда мы с братьями играли в «дочки-матери». Несмотря на то, что дни проходили в движении между домом и больницей, все старались так или иначе компенсировать отсутствие отца. Рахман занимался борьбой и был известен своим хобби во всей округе. Он превратил все матрасы в спортивные маты. Он то и дело брал одного из ребят за пояс и говорил: «Маси, ты – судья!» Поверив окончательно в свой спортивный талант, я говорила себе: «Маси, раз ты стала мастером во вратарском деле, значит, вполне можешь быть и арбитром в борьбе». Рахман был добронравным борцом. Он говорил: «Для всего существуют свои правила и законы». Он всем давал возможность испытать удовольствие и сладкий вкус быть победителем и чемпионом. Он столько раз ложился на лопатки и клал на лопатки других, что в конце концов стал чемпионом провинции Хузестан в греко-римской борьбе.

Учебный год со всеми его трудностями, давлением и расставаниями подошел к концу, и настало

время получения аттестата с годовыми отметками. Карим получил аттестаты всех ребят и за свой счет пригласил нас в «Шекарчийан-е адиби»¹ угоститься мороженым.

С нами не пошел только Рахман. Он всерьез занялся пекарским ремеслом. В тот день я несколько раз спросила, почему Рахман не пошел с нами, но не получила ответа. Карим не хотел портить нам настроение и поэтому ничего не сказал, но, как выяснилось впоследствии, он повздорил с Рахманом из-за того, что тот забросил учебу. Карим ругал Рахмана: «Нечестивый! Как ты умудряешься получать столько двоек? У тебя удовлетворительные оценки только по рисованию и физкультуре, и то лишь потому, видимо, что учителя по этим предметам пожалели тебя. Преподаватели даже в лицо тебя не знают – когда я брал твой аттестат с годовыми оценками, они приняли меня за тебя, и я получил от них хороший подзатыльник, затем меня вытолкали за двери школы. Вот уж действительно плата за то, что являюсь братом Рахману, за то, что имею такого ленивого брата!». В тот год Карим и Рахим вместе с сестрой Фатимой очень старались заставить Рахмана взяться за ум и начать заниматься, но это было бесполезно – Рахман не слушал никого. Отец, когда был здоров, занимался с нами, отслеживал наши успехи и оценки по школьным предметам, поэтому никто не хотел в его отсутствие ударить лицом в грязь. И только Рахман за все лето ни разу не открыл ни один учебник!

¹ Название известного в Абадане магазина-кафе, где продавали традиционное иранское мороженое (*прим. авт.*).

И вскоре настал шахривар¹. Рахман даже не интересовался, какой сегодня день и месяц и когда начнутся экзамены. Карим, в большей, чем остальные, степени испытывавший чувство ответственности, решил сдать все экзамены вместо Рахмана. Об этом его решении никто не знал. Знали только он сам, Рахим и немного я. Как-то раз я услышала, как Карим говорил: «Я же получил вместо него подзатыльник! Сам он не появлялся на занятиях, его даже в лицо никто не знает, так что проблем не возникнет». Накануне Карим вместе с Рахимом пошли в мавзолей Сейеда Аббаса и поставили там по семь свечей за каждую двойку, полученную Рахманом, и совершили назр зажигать по семь свечей после каждого экзамена, пока не будут сданы все. Все шло прекрасно. После каждого экзамена Карим возвращался домой радостный и веселый и говорил: «Все прошло отлично!». Сам же Рахман каждый вечер приходил из пекарни уставший и обессиленный, заваливался спать, а утром снова уходил на работу, и таким образом он потерялся во времени. В отсутствие отца Рахман больше, чем все мы, сгибался под тяжестью навалившихся на нас проблем. Материальная ответственность за семью лежала в основном на нем. В эмоциональном плане Рахман был очень привязан к отцу, поэтому с трудом переносил разлуку с ним. Карим в свою очередь говорил нам касательно Рахмана: «Ничего ему не говорите, посмотрим, когда же, наконец,

¹ Шахривар – шестой месяц иранского календаря, соответствует 23 августа – 22 сентября по григорианскому календарю (прим. перев.).

он образумится и займется учебой. Мы не хотим, чтобы отец расстраивался».

Все шло хорошо, пока не настал день последнего экзамена – экзамена по географии. Вот как Карим потом вспоминал тот день: «В начале экзамена я сидел на стуле и ждал, когда нам раздадут экзаменационные листы, как вдруг в дверях учебного класса увидел Рахмана. На входе у него спросили имя и фамилию и проводили к его месту. Однако господину Рахмати – директору школы, от которого я тогда получил пару шлепков и оплеух, как оказалось, мое лицо было более знакомым, чем лицо Рахмана. Он вместе с Рахманом подошел ко мне и спросил у Рахмана: “Как твое имя?” Рахман не ответил. Директор повторил свой вопрос. Рахман растерянно посмотрел на меня и снова промолчал, не ответив. Тогда господин директор спросил меня: “Как твое имя?” Я ответил: “Абдул-Рахман Абад”. Услышав это, он быстро взял Рахмана за ухо, потащил его к выходу и вышвырнул за дверь, затем его привязали к столбу в центре школьного двора и стали бить по рукам и ногам пальмовой тростинкой, а господин Рахмати громко вопрошал: “Ах ты, мошенник! Ты хотел прийти на экзамен вместо Абдул-Рахмана Абада?” Он замахивался на Рахмана своей пальмовой тростинкой и бил его».

После основательной порки Рахмана отвезли в Учреждение образования и воспитания Абадана. Один наш близкий родственник – господин Ганджеи, являвшийся одним из руководителей этого учреждения, хорошо знал Карима и Рахмана. Он также знал, что Карим хорошо учится и считается

одним из лучших учеников в классе, а Рахман, в противоположность ему, – разгильдяй и оболтус. Когда он понял, в чем дело, то решил завести на Рахмана досье под вымышленным именем и фамилией на основании обвинения в надувательстве и попытке выдать себя за другого человека для сдачи экзамена, с тем расчетом, что потом это дело благополучно будет забыто. В тот год Рахман, благодаря усилиям Карима, прошел все экзамены с хорошими оценками, однако на следующий год история снова повторилась.

С наступлением осени отца выписали из больницы, чтобы он находился дома под наблюдением врачей. И дом под сенью его присутствия вновь обрел дыхание и жизнь! Первое время мы рассказывали, а он слушал. Порой он долго молчал, уходил в раздумья и лишь изредка смеялся. Мы были согласны и на это. Того, что отец был дома и мы его видели, для меня было достаточно. Мне так хотелось, чтобы он поднялся, а его карманная девочка взяла бы из его кармана леблеби и изюм. Мне хотелось, чтобы он стоял в центре сада, как в старые добрые времена, и обрезал деревья. Но после того, как я, Ахмад и Али в последний раз порвали отцу карманы, вытаскивая из них любимое лакомство, он на протяжении долгих лет не мог стоять на ногах, и мы лишены были возможности атаковать его карманы. После того, как ему стало лучше и он понемногу пошел на поправку, он подружился с сотрудниками больницы и с тех пор никогда больше не расставался с последней. Больница стала для него местом работы и вторым домом. Во время его

пребывания в больнице, казалось, ее сотрудники приобрели для него статус семьи. Бывало, он ставил свой стул перед входной дверью больницы и декламировал для сотрудников стихи Хафиза, Моуланы, а иногда сажал цветы и поливал деревья и кусты, которые росли в больничном дворе. Проходя мимо клиники, мы приветствовали его и махали ему рукой. Отец велел ребятам не работать во время учебного года; он сказал, что кто захочет, может подрабатывать летом, во время каникул, чтобы таким образом обеспечить себе пропитание на зиму.

Рахман, испытавший столько несправедливых наказаний, стал похож на лесного петушка и на всех бросался. У него был несомненный талант и явная предрасположенность к литературе и поэзии. Окончив девятый класс, он выбрал для себя в качестве специальности литературное творчество. Ему были знакомы стихи разных жанров: современный стих, арабский стих, книттельферс, или «ломаный стих», нухе¹ и т.д. К тому же он обладал хорошим голосом и вообще считался «золотым голосом» нашей семьи и всей округи. У него был настолько теплый голос, что порой, когда Рахман читал поэмы о трагических событиях на траурных церемониях и «собраниях оплакивания», люди начинали рыдать. На праздниках же и всякого рода радостных мероприятиях он всегда всех веселил, радовал и смешил, становясь главным украшением торжества. И вообще в его глазах был особый блеск.

¹ Нухе – специфическое и скорбное чтение стихов и молитв во время траурных церемоний святых, особенно церемоний, посвященных имаму Хусейну (*прим. перев.*).

Во время Ашуры в бабушкином доме всегда проводились траурные церемонии и проповеди в память о мученической смерти имама Хусейна. Я помню, в один из вечеров декады Ашуры ведущий церемонии, который должен был читать траурную проповедь, опаздывал. Все ждали его, бабушка ужасно нервничала, а микрофон, бездействуя, валялся в углу. Внезапно Рахман взял в руки микрофон и проникновенно начал читать душераздирающие стихи, после чего присутствующие горячо и искренне начали бить себя в грудь, настроились с Рахманом на одну волну и сердцами слились с ним в единое целое. На том собрании никто даже не понял, что это была импровизация, что Рахман сочинил те стихи экспромтом. Таким образом Рахман красиво заполнил тот пробел, который образовался на церемонии из-за опоздания маддаха¹. Однако, когда отец узнал о любительских стихах Рахмана, он отругал его за такую самодеятельность.

На следующий год, после всех тягот и горьких испытаний, пройденных нашей семьей, в нашем доме, наконец, начались безгранично радостные хлопоты и волнение – все готовились к свадьбе Фатимы. Атмосфера в доме изменилась. Абдулла, одноклассник и друг Карима, стал зятем нашей семьи. До тех пор, пока Абдулла не женился на моей сестре Фатиме, у меня было неизменное ощущение того, что он мой брат – он всегда жил с нами, всегда был соучастником наших радостей и печалей. Я была сильно привязана к Фатиме, несмотря на

¹ Маддах – исполнитель траурных песнопений (*прим. перев.*).

то, что она была старше меня на десять лет, поэтому ее свадьба подразумевала для меня своего рода расставание с ней. Однако после свадьбы мы нашли решение этому расставанию – я, Ахмад и Али каждый день по дороге домой из школы забегали к сестре, и она, по традиции, угощала нас печеньем и сладким чаем, устрняя нашу усталость и одиночество.

Отец купил для Хамида, которому было два года, коляску. В то время некоторые мамы все еще использовали гамак для укачивания ребенка. Семьи были такие многодетные, что матерям не было нужды брать с собой детей на улицу, потому что всегда в доме имелся кто-то, кто мог позаботиться о ребенке. Даже если в доме не было такого человека, в нашей округе было столько тетушек, что ни один новорожденный ребенок никогда не оставался один. Сразу после того, как ребенок начинал ходить, он переставал нуждаться в няньке.

В ту пору коляска была диковинным современным приспособлением для детей, и в нашем сознании относилась к той же категории, что и игрушки, которые были у нас в доме. Однажды мы решили положить Хамида в коляску и пойти в гости к сестре Фатиме вчетвером, вместе с Ахмадом и Али. Мы переоделись и двинулись в путь вместе с коляской. Для того, чтобы коляска дольше побыла у нас в руках, мы удлинили свой маршрут и пошли через Пальмовую рощу. Коляску мы катили по очереди. Временами мы включали четвертую скорость, забывая о том, что Хамид лежит в коляске. В какой-то момент, когда коляску катил Ахмад, на нас напало

несколько мальчишек из Пальмовой рощи с палками в руках. Они поймали меня и Али и здорово побили. Нас били, и мы били их, но они были сильнее нас. Они одолели нас из-за того, что мы просто не ожидали такой засады и растерялись. Ахмад, представлявший, что сидит за рулем грузовика, быстро катил коляску и не сразу понял, как произошла эта стычка. После того, как один из нападавших, прицелившись, попал ему камешком в голову, он остановился и увидел, что мы с Али, побитые и окровавленные, валяемся на земле, а хулиганы бегут в его сторону. Настигнув его, они все вместе обрушились на него, затем победоносно удалились, забрав напоследок у нас наши туфли и сумки в качестве трофеев. Я много раз видела фильмы про гангстеров, но случай, произошедший в тот день с нами, был куда более зрелищным, чем сюжеты тех фильмов. В тот день я собственными глазами увидела детей-разбойников! Наш маленький караван, единственным средством передвижения которого была коляска Хамида, подвергся нападению. Один из нападавших вырвал из рук Ахмада коляску и побежал. Хамид находился внутри коляски, поэтому мы все втроем бросились вслед за обидчиком, чтобы вернуть Хамида. Когда хулиганы были уже далеко и мы почти потеряли надежду их догнать, мы увидели, как они вынули из коляски Хамида и, как какой-то сверток, кинули его на землю. Они хотели именно коляску. Хамид не интересовал их. Затем они бросились бежать с еще большей скоростью и вскоре скрылись из виду. Мы облегченно вздохнули и обрадовались, когда увидели, что они отпустили

Хамида. Подбежав к нему, я схватила его, обняла, и мы в разорванных и запачканных одеждах – Али с окровавленными носом и ртом и я с разбитой губой – побежали к дому сестры Фатимы. Увидев нас четверых в таком виде, Фатима и Абдулла ужаснулись. Абдулла быстро доставил нас в больницу. Ахмаду на голову и мне на губы наложили несколько швов, а бедный Али лишился нескольких молочных зубов. Мы умыли лица и вернулись домой. Таким образом я встретила следующий этап своей жизни, храня в душе горечь воспоминаний об этом случае.

Глава вторая

ЮНОСТЬ

После окончания средней школы я вступила в новый этап своей жизни. Я находилась в преддверии неведомой вехи на своем жизненном пути, когда должна была понемногу распрощаться с детством. Матери быстрее всех остальных замечают, понимают и чувствуют душевные и физические преобразования своих дочерей. Поэтому моя мать старалась побыстрее познакомить меня с правилами женской нравственной добродетели. Она настаивала на том, чтобы в длинные летние дни я занималась какой-нибудь работой, освоила какую-нибудь профессию. С этой целью я, Зари и моя мать пошли в дом Нагмы-ханум, которая переделала одну из своих комнат под парикмахерскую. Мать поручила нас Нагме-ханум, и мы условились, что я освою парикмахерское искусство так, чтобы матери больше не пришлось пользоваться услугами нанэ-Бандандаз. Нагма-ханум согласилась всё лето три раза в неделю по два часа обучать меня и Зари всем тонкостям своего ремесла.

Первое наше практическое занятие началось с предварительного обучения основам парикмахерского искусства. Для меня и Зари, попавших в новый

непознанный мир, всё там было удивительно и приятно. В парикмахерской Нагмы-ханум никто не сидел сложа руки.. Каждая из учениц была занята тем или иным делом, а каждая из клиенток – вовлечена в процесс преобразования своей внешности. Некоторые сидели с покрашенными волосами, другие занимались удалением лишних волос, третьи выпрямляли волосы, четвертые делали локоны и т.д. Одним словом, никто не выходил из дома Нагмы-ханум некрасивым. Подобно тому, как фокусники клали ленточку внутрь шляпы, а доставали оттуда зайца, Нагма-ханум также перевоплощала людей, заходивших в ее дом, и они выходили наружу в совершенно другом образе, красивые и довольные.

Оставалось еще полчаса до окончания занятия, когда кто-то сильно постучал в дверь парикмахерской, так что Нагма-ханум, испугавшись, вскочила и раздраженно сказала: «Что случилось? Это что за манера стучать в чужие двери? У этого дома, между прочим, есть хозяин!»

Ворча что-то вполголоса, Нагма-ханум вышла, чтобы открыть дверь. Как только дверь открылась, я услышала крики Рахима, Рахмана и Мохаммада, которые возмущенно спрашивали Нагму-ханум: «Что она здесь делает?!»

Их голоса сильно взволновали меня. Я выглянула на улицу, чтобы узнать, в чем дело. При виде меня они сердито закричали: «Кто тебе сказал прийти сюда?!»

Я хотела объяснить, что мы пришли с Зари учиться парикмахерскому искусству, но Рахман

оборвал меня на полуслове и сказал сердито: «Зари я не имею права указывать, что делать, хотя я думаю, что она тоже очень зря пришла сюда!»

В тот момент я тоже подумала, что мы пришли в странное место, коль скоро вся округа так быстро узнала о нашем с Зари пребывании здесь, и это до такой степени разозлило моих братьев, что привело их к дому Нагмы-ханум. Мои мысли прервала Зари, которая сильно толкнула меня в бок, и я поняла, что надо уходить. Так ничему и не научившись, несмотря на усилия Нагмы-ханум, мы собрали свои вещи и вышли из парикмахерской.

Выйдя на улицу, я не поверила своим глазам. Все мои братья были в сборе и поджидали меня с таким видом, будто я совершила какой-то большой грех. Им не хватало только прутьев в руках, чтобы побить меня.

Когда мы пришли домой, там вновь поднялась шумиха и ругань. Братья снова и снова сердито спрашивали меня: «Ответь-ка, сколько девочек твоего возраста, помимо тебя, было там? Кто тебе сказал пойти туда и учиться парикмахерскому ремеслу?!»

Моя бедная мать, не предполагавшая, что ее инициатива отвести меня в парикмахерскую в качестве ученицы вызовет такую бурю протестов и отрицательных эмоций, удивленно смотрела на парней. Она ведь искренне считала, что, отдав меня на парикмахерские курсы, сделает из меня настоящую девушку-искусницу и рукодельницу. Оправдываясь, она сказала: «Девушка должна владеть многими искусствами. В конце концов, она

должна научиться чему-то, что пригодится нам и соседям!»

Рахман ответил: «Конечно! Только прежде, чем она займется твоим лицом, лицом тети Туран и лицами соседских женщин, она в первую очередь начнет со своего!»

Рахим удивленно и с недоумением сказал: «Нанэ, ты нас удивляешь! Неужели ты хочешь, чтобы она заняла место нанэ-Бандандаз?!»

В конце концов, после долгих споров и дискуссий, братья убедили мать отправить меня в другое место для освоения другого искусства и ремесла. Мы договорились, что я буду ходить к госпоже Дравансиан, чтобы учиться у нее шитью.

На следующий день мы с Зари снова оказались попутчицами, так как у нас был один и тот же маршрут с разницей всего лишь в два дома. Она продолжила уроки парикмахерского искусства в доме Нагмы-ханум, а я стала ходить на швейные курсы госпожи Дравансиан.

Уроки шитья были не так увлекательны, как уроки парикмахерского мастерства. Во время них каждый час не приходили и не уходили посетители с разными, порой странными, лицами. В противоположность клиенткам Нагмы-ханум, которые все были молодые и красивые, а если и не были красивыми, то становились таковыми, клиентками госпожи Дравансиан были женщины средних лет, усталые и нетерпеливые. Госпожа Дравансиан со свойственным ей армянским акцентом пыталась, размеренно говоря по-персидски, объяснить нам правила шитья. Мы вместе с другими ученицами

садились вокруг стола, и каждая из нас кроила ткани, шила, делала первичную примерку, а все остальные хвалили ее.

Это занятие не было мне по душе. Нахождение в этом обществе вызывало во мне напряженность. Госпожа Дравансиан, заметив это, а также мое равнодушие, познакомила меня со своими детьми – чистенькими и опрятными мальчиком и девочкой, у которых были непривычные для меня имена – Генрик и Гарачик. Несмотря на все условия и удобства, имевшиеся в их доме, Гарачик получила по математике двойку, и это стало хорошим поводом для нашей дружбы, поскольку я начала заниматься с ней математикой, и – для бегства от скучных уроков шитья.

Генрик рано утром уходил со своим отцом. Они были профессиональными плотниками.

Теперь я начала с удовольствием приходить в дом госпожи Дравансиан из-за симпатии, которую почувствовала к Гарачик, а госпожа Дравансиан, в свою очередь, тоже принимала меня особенным образом. Каждый день в разное время она заходила в комнату, где мы занимались математикой, с разными вкусными сладостями и фруктами, разложенными на красивой посуде, окидывала нас добрым взглядом и говорила с улыбкой на лице: «Господи! У вас фосфор, должно быть, на исходе. Не перенапрягайте свой мозг!». Мы с Гарачик в ответ тоже улыбались ей.

Я совершенно профессионально и без малейшего давления, не тратя никакой дополнительной энергии, объясняла Гарачик математические

формулы так, чтобы она поняла и усвоила их. Моя цель и функции кардинально изменились – из ученицы я превратилась в учителя, и это радовало меня. К тому же каждый день я должна была приносить после урока домой образцы работ, сделанных мной из лоскутков материи, которые мне давала мать. Чтобы компенсировать усилия, которые я тратила на занятия с Гарачик по математике, госпожа Дравансиан быстро объясняла мне тему каждого урока, постоянно прося прощение за то, что «оказывает давление на мой мозг», и, чтобы предотвратить это «давление», она сама кроила и шила вместо меня, а моя мать восхищалась этими работами, хвалила меня и говорила, что у меня большой талант в этом деле. Бедная мама и не подозревала, что автором всех этих работ является сама госпожа Дравансиан, а не я.

В первые дни, следуя совету матери, я не брала ничего из того, что мне предлагали и чем хотели меня угостить в доме госпожи Дравансиан. Согласно данной мне установке я даже не должна была пить у них дома воды. Поэтому я уходила с пересохшим языком и возвращалась так же. Таких предписаний, данных мне матерью, было много, и я добросовестно соблюдала их. Однако чашка кофе, которую госпожа Дравансиан приносила в десять часов, становилась для меня настоящим соблазном.

Она гадала на кофе для Гарачик по тем фигуркам, которые оставались на стенках чашки, и рассказывала красивые истории о будущем и грядущих событиях в ее жизни. Было ощущение того,

что мы спим, но мы не спали. Это было для меня очень увлекательно и приятно. И теперь я целыми днями была в ожидании чашечки кофе и приходила на уроки шитья, предвкушая удовольствие послушать волнующие истории о будущих днях. Как прилежная ученица, я вовремя приходила на уроки и начинала считать минуты до наступления десяти часов. Послушав несколько раз гадание госпожи Дравансиан, я сама запомнила некоторые фразы и значение фигур. К примеру, я уже знала, что наличие фигуры птицы в чашке сулит получение добрых вестей, корона – признак процветания и высокого положения, водопад – символ радости, богатства и успеха, дорога – показатель дальнего путешествия, молоток – свидетельство беды и проблем, рыба – символ благоденствия и достатка, фиnikовая гроздь означала скорое появление на свет новорожденного, а обувь являлась знаком нежеланной и долгой дороги.

Некоторые из этих прогнозов случайно оказывались верными и сбывались. Другие, вопреки нашим ожиданиям, не претворялись в реальность и благополучно забывались. В перерывах между уроками, во время угощений, госпожа Дравансиан рассказывала нам также о Библии, о его светлости Иисусе и задавала нам разные вопросы. Она видела, что я воздерживаюсь от принятия каких бы то ни было угощений в их доме, и хотела узнать причину этого от меня самой. Ее вопросы еще больше разжигали во мне жажду знаний – вопросы, на которые в первые дни у меня не было ответов. Почему, когда мы входим в мечеть, мы надеваем чадру,

а при выходе снимаем ее? Был ли на самом деле распят его светлость Иисус? Придет ли его светлость Иисус вместе с нашим имамом Махди? И так далее.

Она превратила все мое существо в вопросительный знак, после которого не следовало ответов. На все ее вопросы я отвечала: «Я разбираюсь только в математике, к тому же только в материале для пятого класса. Об этом надо спрашивать знаточка религии».

Ее беседы пробудили во мне жажду знаний. Чтобы найти ответы на все мучившие меня вопросы и утолить жажду моей алчущей и томящейся души, я каждый день ходила в мечеть, излагала там интересовавшие меня вопросы и с ответами на них приходила на уроки шитья. Однако количество книг, где можно было бы найти хоть какой-то ответ, равно как и число людей, у которых было бы терпение отвечать на вопросы школьницы, было мало. Разумеется, мои вопросы не были такими уж сложными и запутанными.

Одной из посетительниц уроков шитья была некая госпожа Хасели¹. От натиска вопросов госпожи Дравансиан я искала убежища у госпожи Хасели, которая преподавала Коран в мечети имени Обетованного Махди, располагавшейся на нашей улице. Госпожа Хасели, которая была набожной, благочестивой и добронравной женщиной, устраивала настоящие религиозные диспуты с госпожой Дравансиан, а мы с Гарачик становились свидетелями

¹ Г-жа Хасели – учитель математики и прикладных наук, которая в настоящее время является пенсионеркой и живет в городе Шираз (прим. авт.).

этих дискуссий, в результате чего я пришла к пониманию того, что я и Гарачик обе находимся на одном пути, и путем этим является религиозность, и что религия – не что иное, как путь для совершенствования человека. Казалось, что все мы ехали в одном поезде, но вышли из него на разных остановках.

Госпожа Хасели, которая летом преподавала Коран в мечети, была учителем математики в школе. Когда она узнала, что я занимаюсь с Гарачик математикой, она очень обрадовалась. Каждый раз перед тем, как ответить на мои вопросы по религии, она говорила мне: «Сначала необходимо отшлифовать и правильно оформить вопрос. Ибо правильно сформулированный вопрос есть половина ответа на него. Не бойся ничего. Ислам – совершенная религия, которая может предоставить ответы на все интересующие людей вопросы. Однако при этом критерием нашего – мусульман – отношения к армянам не должно быть сравнение степени совершенства ислама и христианства. Одежда, которую вы шьете, является лишь показателем степени ваших собственных знаний, учености и мастерства; она не может служить критерием профессионализма других портных».

Госпожа Хасели решила, что это – хорошая возможность для того, чтобы я глубоко осознала некоторые вещи, поэтому она попросила моего отца разрешить нам вместе пойти в воскресенье в церковь, чтобы увидеть богослужение и молитвы христиан. Молитва всегда красива. На каком бы языке и в какой бы форме она не совершалась, она есть

прекраснейшее проявление связи человека со Всевышним. После того, как мы получили от отца соответствующее разрешение, мы отправились в церковь. Мне, которой знакомы были только голубая палитра, присущая мечети, и свечи, зажигаемые нами в мавзолее Сейеда Аббаса, церковь тоже понравилась. Я помолилась там. Лицеизрение новой формы молитвы было для меня весьма притягательным. Мы зажгли свечи и наблюдали христианский религиозный церемониал, который совершался в церкви. Спустя несколько дней госпожа Дравансиан и Гарачик пошли вместе с нами в мечеть, и мы совершили молитву тому же самому Творцу в иной форме. Наши армянские друзья настаивали на разъяснении традиций, а мы настаивали на индоктринации. Госпожа Хасели говорила: «Поезд религии движется вперед, он никогда не развернется, чтобы поехать в обратном направлении. Религия дана для спасения человека, для того, чтобы показать человеку прямой путь и правильный образ жизни. Все религии были ниспосланы людям не одновременно, а одна за другой и в соразмерности с уровнем и качеством сознания и понимания людей каждой определенной временной эпохи. Разве вы когда-нибудь видели поезд, движущийся назад? Разве вы видели когда-либо поезд с разъединенными вагонами?».

Наконец летом 1975 года уроки шитья и религиозной полемики завершились. Гарачик сдала экзамен по математике, получив оценку «хорошо». Уроки шитья госпожи Дравансиан стали для меня первыми воротами, через которые я вошла в мир

религии и божественных знаний. Я еще больше сблизилась с госпожой Хасели, и итогом нашей дружбы стал абонемент на журнал «Ислам. Искусство спрашивать и поиск нахождения ответов на вопросы».

Зари тоже закончила посещение уроков парикмахерского искусства и рассказывала мне разные удивительные истории о клиентах Нагмы-ханум. И я, чтобы не отстать от Зари в деле повествования таких историй, говорила ей о «чудесах кофейной чашки». Обсуждения романтических и любовных историй, услышанных от Зари, а также моих предсказаний кофейной чашки создавали нам увлекательный досуг. Но, несмотря на то, что я обучилась основам искусства внешнего преображения и техники шитья, в душе я ощущала колоссальное беспокойство и тревожность. В этот переходный период своего взросления я почувствовала, что сделала для себя новое открытие. Я обнаружила в себе нечто такое, с чем Зари совершенно не была знакома. Зари постоянно рассказывала о миндалевидных и фундукообразных подводках для глаз, о губах «бантиком», о новых шиньонах, только что вошедших в моду, и объясняла мне, что с чем можно сочетать. Мне же хотелось поведать ей о тех вещах, которые она не видит, но которые существуют. Мы с Зари понемногу отдалялись друг от друга с точки зрения ментальности, и это ощущение дистанции между нами побуждало меня к молчанию. Различия, возникшие в наших характерах, поведении и душах, являлось следствием пребывания в двух совершенно разных средах. Новая среда, в которой

я оказалась, побудила меня к размышлениям и поиску знаний, а Зари ее новое окружение втянуло в мир красивых глаз, бровей, причесок и моды.

Наступил учебный год со всем, что с ним связано – школой, учителями, уроками и учебниками, и я перешла на очередной и новый школьный этап: первый класс в рахнамайи – средних классах. Зари настаивала, чтобы ее школьную форму пошила я, но, откровенно говоря, я научилась шитью лишь в той степени, чтобы помогать матери шить шорты для отца и моих братьев. В тот год мое увлечение книгами способствовало тому, что я стала редактором школьной стенгазеты. В разделе сатиры, гололомолок и математической смекалки я прибегала к помощи Зари и Махназ. Рисунки и чертежи мы делали совместно с другими одноклассниками, но материалы, предназначенные для газеты, я вечерами писала сама красивым и разборчивым почерком. Иногда я брала материалы у госпожи Хасели. Однако директор школы, узнав об этом, поначалу воспротивилась и заявила, что мы должны писать только о событиях и вопросах, касающихся школы. И все же госпожа Хасели была авторитетом, дети ее знали и чувствовали, что ее слова качественно отличались от того, что вещали другие учителя. Ее душевная доброта и свойственный ее голосу спокойный тембр неизменно притягивали детей, которые устремились и к передаваемым ею духовным знаниям. Госпожа Хасели была учителем в полном смысле этого слова. Она оставила благословенный след не только в нашей стенгазете – своими знаниями и добротой она преображала души детей.

Госпожа Хасели шаг за шагом вела нас по высокой стезе познания и просвещения и знакомила с исламом; знакомила через логику и сознание, а не через догму и фанатизм.

Помимо наших основных уроков, в учебный курс добавился предмет «профессия и техника», в рамках которого у нас были организованы кружки по кулинарии, вышиванию, шитью, ведению корреспонденции, ораторскому искусству и т.д. Эти кружки велись, как правило, по четвергам. Ученики выявляли свои способности и таланты в официальных дисциплинах, а благодаря этим кружкам скучный и бездушный лик школы стал приятным и отрадным.

После окончания школы и получения аттестата я решила вновь позаниматься на продвинутых курсах по шитью госпожи Дравансиан, на которых она обучала разным техникам шитья. Но, к сожалению, у Гарачик двоек по математике больше не было, она без проблем сдала все экзамены. Надо сказать, что я, конечно, преследовала цель научиться не шитью, а чему-то другому. И все же права была моя мать, рассчитывая на то, что тем летом я сама смогу себе сшить школьную форму, которая состояла из блузы в бело-голубую клетку и плиссированной юбки с пиджаком. По меньшей мере, я должна была хорошо научиться шить хотя бы один из предметов этого костюма. Зари, в свою очередь, в качестве ученицы Нагмы-ханум каждый день ходила в парикмахерскую, подрабатывала там и получала за это плату. Ее все называли Зари-ханум.

Вместе с несколькими учащимися школы мы создали клуб организаторов и читателей стенгазеты, и в обществе других присоединившихся к нам ребят два раза в неделю посещали уроки Корана, которые госпожа Хасели вела в мечети имени Обетованного Махди. При этом, участвуя в этих занятиях, все мы находились в разных группах: некоторые были в составе группы, изучавшей правила орфоэпического чтения Корана, другие были заняты чтением и разучиванием аятов Корана, третьи занимались наукой толкования и комментирования аятов Корана, а четвертые – исследованием заповедей, непосредственно содержащихся в Коране или Сунне. На занятиях мы все надевали цветастые чадры. Черной чадрой покрывала голову только госпожа Хасели. Меш Раджаб, привратник мечети, был добродушным и благонравным старичком. Лишь изредка, когда девочки начинали громко смеяться и дурачиться, он шепотом говорил: «Девочки! Постыдитесь, вы находитесь в доме Божьем». Но никто и никогда не вопrotивился тому, чтобы мы посещали эти уроки.

Осенью 1977 года вновь настала пора школьных занятий, учителей, уроков, учебников и т.д. Третий класс в средней школе стал для меня одним из лучших учебных годов. По сравнению с теми, кто только что окончил начальную школу и кого мы считали совсем детьми, а также второгодниками, которые, придя в уныние, подобно обитателям Чистилища, вращались между небом и землей, мы чувствовали себя хозяевами положения и учеными. Назначение старостой группы укрепило во

мне чувство уверенности, смелость и дерзновение. Я лелеяла в себе грандиозные мечты и еще более грандиозные мысли и идеи. И все они были связаны с книгами. Мне хотелось повысить уровень знаний и расширить сознание ребят. Мне казалось, что причиной всех проблем и недостатков является незнание и невежество. Мне пришла в голову мысль создать в школе библиотеку, и я с помощью других ребят воплотила эту идею в реальность. Каждый, у кого имелась лишняя книга, принес ее. Мы принимали всё, что имело переплет и внешнее сходство с книгами, и таким образом собрали массу литературы. Соседи и жители округа, встречаясь со мной, тут же предлагали мне пополнить мою библиотеку своими старыми книгами. Мы пронумеровали все книги и разложили их по полкам. Более новые и толстые из них мы разместили на верхних полках, а более старые и тонкие – на нижних. Таким образом я освоила профессию библиотекаря. Я обожала книги и чтение. Мне хотелось обнять все эти книги и расцеловать их. В нашей библиотеке имелись самые разные книги. Некоторые из них, имевшиеся у меня в двух экземплярах, с помощью госпожи Хасели я поменяла на книги из библиотеки при мечети имени Обетованного Махди, чтобы в нашей школе имелась также духовная и религиозная литература. Впервые в школе кто-то осмелился заговорить о религиозных книгах. Госпожа Хасели была моим единственным помощником и сподвижником, который покровительствовал мне и поощрял мою деятельность. Разумеется, надо сказать и то, что этот метод открыл в свою очередь

дорогу нерелигиозной литературе в мечеть. Мечеть, конечно, в учебниках не нуждалась, это был, по сути, хороший повод для снабжения школы религиозными книгами.

Количество поклонников литературы, завезенной в школу из мечети, и количество читателей возрастало с каждым днем. У нас появилось много работы. Завуч школы между тем выражала протест против этого и подчеркивала, что научная литература и художественные рассказы для детей полезнее, чем книги на религиозную тематику. Поэтому между мной и завучем постепенно стал нарастать конфликт. В ее глазах я была мятежником, устроившим обструкцию. Она настаивала на том, чтобы изъять из библиотеки всю религиозную и нехудожественную литературу, заявляя, что эти книги препятствуют развитию и росту детского сознания. Но чем больше она упорствовала, тем более решительно и с большим энтузиазмом я призывала детей к чтению религиозных книг. И надо отдать должное детям – они с удовольствием принимали мой призыв. Как-то раз я попросила госпожу Хасели дать мне для школьной библиотеки побольше книг художественного стиля, но она дала мне вместо них несколько томов Священного Корана. Это был первый раз, когда я несла Коран в нашу библиотеку. Госпожа Хасели сказала мне тогда: «Коран содержит множество поучительных и назидательных рассказов». Я сказала: «Нам нужны также научные книги». Она снова принесла несколько томов Корана и сказала: «Эта книга является ключом к сокровищнице науки». Придя в библиотеку, я передала

книги Священного писания завучу школы, которая при виде их едва не потеряла сознание. Не потому, что она была против Корана, а потому, что ей внушили, что Коран – это исключительно религиозная книга, не имеющая отношения к жизни, урокам и историям. Она сказала мне: «Девочка моя, для любой книги, любой одежды, любого слова есть свое место. Например, для обуви есть свое специальное место – обувница, книгам место – в библиотеке, а Корану – место в мечети; одежда для мечети – это чадра, дело, которым следует заниматься в мечети, – богопоклонение и намаз, а здесь – школа. Если мы начнем в школе читать Коран, надевать чадру и совершать намаз, чем мы должны будем заниматься в мечети?» Таким образом, разногласия между мной и завучем усилились. Она не соглашалась с тем, чтобы Коран присутствовал в школе, я же ни за что не собиралась уступить ей и допустить изъятие Корана из школьной библиотеки. Она не разрешала мне раскладывать Коран на книжных полках библиотеки. В конце концов меня освободили от функций руководителя библиотеки, которые передали дочери директора школы. Несмотря на то, что этими действиями они обидели меня, отлучили от любимого дела и подрезали мне крылья, я все же научилась летать. Я поняла, что книга – мой лучший друг по жизни.

Личности и герои внутри книг были для меня такими же симпатичными и интересными, как и люди вне книг. Поэтому книга, подобно будильнику, стала для меня своего рода точкой пробуждения. Закончив третий класс среднего, основного

школьного курса, я начала поглощать всё, что носило название книги. Я читала, проглатывала и переваривала любую книгу, которая мне попадалась. Мы с Зари устраивали состязания по чтению книг. Чтение художественной и религиозной литературы, а также поэзии лично для меня было хорошим развлечением. На лето у каждого из нас была своя программа. Разумеется, осуществления контроля над десятью-двенадцатью детьми в одном стометровом доме и обеспечение их пропитанием – дело непростое, требующее учета. Через день моя мать пекла хлеб. Она была большой умелицей, владела разного рода навыками и мастерством. По утрам я просыпалась от аромата домашнего свежее испеченного хлеба, древесных поленьев и хлебной печи. Имитируя петушиное кукареканье, мы переворачивались в своих постелях с одного бока на другой. А когда первый луч солнца касался стен нашего дома, мать говорила: «Девочке не пристало валяться в постели до полудня!» А отец, в дополнение слов матери, говорил мальчикам: «Мужчина под пригретым солнцем одеялом становится ленивым и вялым».

Мы вставали, и каждый из нас брался за какое-нибудь дело. Я обычно помогала матери – месила тесто или раскатывала лепешки. Днем, после обеденной трапезы, после того, как мы убрали со стола и властитель небосвода – солнце – достигало зенита, отец снабжал нас подушками и, не допуская каких-либо возражений, укладывал на послеобеденный сон. Я всегда боролась со своими глазами, чтобы прогнать с них сонливость. Отец, который,

как правило, бывал самым уставшим, раньше всех нас засыпал, сидя. Как только раздавался храп отца, мы по одному вскакивали и разбегались каждый по своим делам. Мы встречались с Зари и Махназ, которые таким же способом уклонялись от послеобеденного сна, брали в руки деревянные пруты и начинали гоняться за стрекозами, которые то взмывали вверх, то стремительно падали. Но при всех этих шалостях мы регулярно и прилежно ходили в мечеть.

В тот год госпожа Хасели наряду с Кораном преподавала нам и основы арабского языка. Единственным ее условием для обучения нас арабскому языку было то, что мы после каждого занятия должны были объяснять другим, не пришедшим в мечеть, ребятам новые темы и слова. После окончания учебного года отец говорил нам: «Быстро оторвите чистые, неисписанные листы в ваших тетрадах, потому что, когда вы спите, шайтан приходит и измалевывает ваши тетради и чистые листы». Как хорошо было верить всему, что говорит отец! И мы до того, как явится шайтан, послушно отделяли чистые листы бумаги, оставшиеся неисписанными в наших школьных тетрадах, и отдавали их отцу, а он шивал эти листы и мастерил из них новые тетради на новый учебный год, или же я красивым почерком писала в них разные излюбленные мной рассказы из Корана, к примеру, рассказы о его светлости Юнусе (Ионе), его светлости Ибрахиме (Аврааме), ее светлости Марьям (Марии), и затем раздавала их своим друзьям.

Глава третья

РЕВОЛЮЦИЯ

Наступил новый 1356¹ учебный год. И снова школа, учителя, уроки, с которыми, однако, на этот раз мы начинали новый учебный этап. Я снова оказалась первоклассницей. Несмотря на то, что я перешла в первый класс дабирестана (старшие классы школьного курса), у меня было ощущение того, будто меня сбросили с вершины горы к ее подножию.

Мне совершенно не нравилась нелогичная, на мой взгляд, школьная система, предполагавшая начало каждого нового из трех школьных этапов с первого класса. Это обескураживало меня и приводило в смятение. Дойдя до пятого класса дабестана – начальной школы, я была в преддверии подросткового периода и пубертата, и вдруг меня перекинули в первый класс средней школы, и как я старалась быстрее попасть в ее третий, последний класс, а теперь меня перебросили в первый класс дабирестана – дабирестана имени доктора Мосаддыка.

¹ 1356 год в Иране длился с 21 марта 1977 г. по 20 марта 1978 г. Учебный год начался 23 сентября 1977 г. (*прим. перев.*).

В тот год наша школьная форма была синего цвета. Длина платья непременно должна была быть выше колена на один сантиметр. Платье дополняли белые чулки, белый пояс и черные туфли. Пространство дабирестана была в четыре раза больше, чем площадь школы-рахнамайи «Шахрзад». Школа-дабирестан имени доктора Мосаддыка была самой крупной женской школой в Абадане. Тот год, по сравнению с предыдущими годами, имел кардинальное отличие – Зари, несмотря на все ее шалости и озорство, с хорошими баллами поступила в школу имени Фирдоуси, находившуюся в административном квартале. Она была очень способной девочкой. Единственной ее проблемой было то, что она не могла нормально воспроизводить имевшиеся у нее знания из-за своего заикания.

Школа имени доктора Мосаддыка отличалась от других не только обширной территорией и большим числом учащихся, но и присутствием в ней крупных и языкастых девочек, учившихся в одиннадцатом и двенадцатом классах, оставшихся со времени прежней системы образования. Несмотря на то, что между нами и ними с точки зрения учебной дистанции было всего три года, все называли нас «первоклашками», а их – «двенадцатиклассниками». Возрастная разница между нами и ними вызывала в нас чувство страха и примешанное к нему чувство уважения. Это, в основном, были девочки, которые любыми путями хотели получить аттестат, но каждые два года оставались на второй год. Подобно цыплятам, которые боятся быть раздавленными под ногами, мы разместились среди

них. Нас, старшекласниц, а также тех девочек, которые учились по старой школьной системе, в присутствии директора построили на заднем дворе школы и распределили по классам. Директор и завучи по воспитательной работе держались так, что внушали всем уважение и страх. В обоих школьных дворах, где проходили торжественные церемонии, чинно стояли учителя. И только господин Юсефи – учитель литературы, который все время был чем-то недоволен, метался между двумя этими дворами. Всякий раз, когда, направляясь к себе в кабинет, он должен был пройти мимо группы девочек, у него начинали заплетаться ноги. Я не могла отождествить в своей голове предмет, который он преподавал, с его поведением. А вообще я обожала литературу и сочинения. Присутствуя на этих уроках, я растворялась во времени и пространстве. В противоположность школе «Шахрзад», в моей новой школе имелась большая библиотека, но находилась она во дворе учащихся старой системы – «двенадцатиклассников». Понемногу я стала вхожа в библиотеку, которая сделалась для меня своего рода рабочим пространством. Я переписала красивым почерком перечень всех имеющихся там книг, исправила все стертые номера, поменяла обложки, после чего мое присутствие в библиотеке стало стабильным и безусловным.

Однажды утром, сидя на уроке господина Юсефи, мы писали сочинение. Тема была очень своеобразная – не из тех, на которые мы обычно писали сочинения. Звучала эта тема так: «Если бы вы были на моем месте...».

Какая трудная тема! Я задавала себе вопрос: «Как же я могу поставить себя на место господина Юсефи и описать его?! Как я могу поменять свой характер, поведение и внешность, чтобы уподобиться ему?».

Это был первый раз, когда вместо привычных тем на уроках литературы и сочинений я сталкивалась с новой темой, и мне необходимо было оказаться на месте господина Юсефи. Я была рада представить себя учителем литературы, однако характер, а также растрепанный и суровый внешний вид господина Юсефи осложняли мне задачу перевоплощения. Всем другим классам он дал эту же тему для сочинения, и все девочки должны были в своих работах описать опыт бытия господином Юсефи. Это представлялось трудным и даже невозможным, однако я должна была увидеть положительную сторону этого вопроса и попытаться справиться с задачей. Моя фамилия стояла в самом начале классного журнала, потому я была уверена, что господин Юсефи не пропустит ее так просто и начнет с меня. Используя иносказательные приемы, язык сатиры и метафоры, я отобразила в своем сочинении все отрицательные черты его характера и отталкивающие качества, поместив их в кристальный сосуд изящной литературной словесности, чтобы таким образом оттенить и отразить его мужскую суровость и брутальность. Это сочинение оказалось самым трудным, но, возможно, самым удачным из всего, что мне до этого довелось написать в жизни. Воплощение в образ нелюбимого учителя заняло у меня довольно много времени.

Но едва я прочла заголовок сочинения, господин Юсефи вдруг закричал не своим голосом: «Принеси-ка мне свою тетрадь!»

Как я уже сказала, мой отец всегда приносил домой с завода черновые бумаги, исписанные только с одной стороны, сам их сшивал и таким образом мастерил для нас тетради, чтобы сэкономить семейный бюджет на канцелярских товарах. Одна из таких тетрадок стала моей тетрадью по сочинениям. Я положила перед господином Юсефи эту тетрадь, на которую бережно и аккуратно наклеила переплет. Не прочитав ни единого слова из моей тетради, господин Юсефи обратился к аудитории с вопросом: «У кого еще из вас такие же кустарные тетради?». Несколько учеников подошли к нему и дали такие же тетради. Он порвал их на мелкие кусочки, бросил в мусорное ведро и произнес громко: «Становится ясно, что все вы – одного поля ягоды! Один другого не лучше – воруете друг у друга!»

Вздувшиеся на его шее вены пригнали всю кровь к покрасневшему от гнева лицу. В противоположность ему, наши лица побледнели, и мы, заикаясь, как Зари, от страха, недоуменно смотрели друг на друга. Господин Юсефи снова закричал: «Если я, работая в школе по восемнадцать часов в день, не смогу направить вас на правильный путь, это будет означать, что я в сговоре с вашими отцами, и мы все – воры». Когда я услышала слово «вор», у меня перед глазами возник скромный образ моего отца. Мне захотелось закричать, закричать громче, чем кричал господин Юсефи. Я хотела сказать ему: «Да, мой отец – рабочий, но он – человек чести и

благородства! Возможно, тело его пахнет нефтью, но душа его благоухает честью и достоинством!» В тот момент я почувствовала в душе щемящее чувство тоски по отцу, по его рабочим рукам, которые мне хотелось целовать. Мне вспомнились его слова, когда он говорил: «В нас есть столько скромности, что когда мы видим на улице у кого-либо украденный у нас велосипед, мы не смеем сказать ему, что это – наш велосипед». Отец всегда любил цветы – нарциссы и цеструмы – «ночные жасмины» и упивался ими весенней порой – порой цветения и благоухания.

Юсефи все еще возмущался и кричал: «Если я однажды не приду в школу, и они поставят на мое место уборщика школы, они правильно сделают! Когда интеллигенция начинает испытывать бедность, она спасается от нее любыми путями, и эти тетради – пример тому, и тогда появляется буржуазия!...» Он поставил нас в угол и заставил стоять на одной ноге. Ругая нас, он использовал выражения, которые я слышала впервые в жизни: каста интеллектуалов, буржуазия, феодализм. Я даже не могла правильно произнести эти слова. Казалось, мы и наши самодельные тетради стали поводом для выражения той боли и печали, которые на протяжении долгих лет тяготили душу господина Юсефи. Мы не понимали смысла слов, которые он говорил, и я отказывалась принимать на свой счет те нелепости и абсурд, которые он нес. Мы все были детьми рабочих, у которых было чувство собственного достоинства.

Господин Юсефи продолжал: «Именно ваши отцы создают для него (и указал пальцем на фотогра-

фию шаха) условия для развлечений; чтобы он проводил свои летние и зимние путешествия в ночных клубах и в полной мере наслаждался катанием на лодках¹, гольфом, верховой ездой и играл в азартные игры в бильярдных клубах²! Посчитайте сами, сколько таких клубов, кинотеатров и прочих заведений для азартных игр построено для него руками ваших отцов! Эти клубы и игорные дома – только в нашем проклятом городе, а кинотеатр «Тадж» насколько не уступает американским и европейским аналогам, демонстрируемым в западных фильмах!»

Почему он не видел, что благодаря трудам наших отцов в сотнях и тысячах домов были свет и тепло? Неужели он не понимал, что благодаря усилиям и стараниям наших отцов в домах людей имелось изобилие? Разве нефть не являлась национальным богатством? Эти рабочие также являлись национальным капиталом. Под градом гневных и странных измышлений господина Юсефи мы впали в уныние и заплакали.

¹ Сразу после прихода англичан в Абадан Нефтяная компания построила парковый аттракцион по катанию на лодках. Вплоть до 1962 г. Абадан являлся единственным городом в Иране, в котором имелся такой парковый аттракцион с разными видами лодок. Сотрудники Нефтяной компании обычно по вечерам проводили досуг в этом парке с членами своих семей (*прим. авт.*).

² Абадан стал первым иранским городом, в котором бильярд получил распространение, как вид спорта, на официальной и легальной основе. Любовь молодых людей к этому виду спорта способствовала появлению из их числа в Абадане профессиональных игроков. Впоследствии, когда бильярд распространился и в других городах нефтеносных регионов Хузестана, ежегодно стали проводиться соревнования между различными клубами (*прим. авт.*).

До конца урока мы, наказанные, так и простояли в углу, подобно повешенным куклам, слушая этот эмоциональный всплеск учителя литературы.

Звонок на перемену оборвал господина Юсефи на полуслове, отняв у него возможность и далее продемонстрировать въевшиеся в его сознание комплексы. Началась суета, и по классу пронеслась волна осуждающего и критикующего шепота. И острые, подобные молниям, взгляды ребят выбирали мишенью меня.

Так и не прочитав свои сочинения, мы с заплаканными лицами покинули класс. После уроков мы незамедлительно пошли в библиотеку, чтобы найти в энциклопедических словарях значение слов «интеллектуал», «феодал», «буржуазия» и т.д.

Старшеклассницы, с которыми я подружилась, узнав об этом инциденте, пообещали отомстить господину Юсефи. Он быстро шагал по коридору и из страха встретиться взглядом с какой-нибудь девушкой опустил голову так, что его подбородок приклеился к его груди. Единственной вещью, способной в тот момент замедлить скорость шагов учителя литературы, был чудесный вид приклеившейся к земле денежной купюры.

Это девочки из старших классов решили отомстить Юсефи за инцидент того дня, используя пятитумановую купюру, к которой привязали невидимую нитку и бросили ее на землю! Учитель литературы, не подозревая о замышляемом его подопечными трюке, нагнулся, чтобы поднять купюру, но в тот момент ребята дернули за ниточку, купюру как ветром сдуло, а господин Юсефи остался

с носом. Поняв, что ученики хотят подшутить над ним, он прибавил шагу. Когда он осознал, что разменял свой авторитет на пятитумановую купюру, он очень разозлился, и это стало началом противостояния учителя с его воспитанниками, с которыми он постоянно хотел мериться силами. Через час, ведя урок в другом классе, он выражал свои мысли по поводу случая с купюрой следующим образом: «Учителю, который наклоняется, чтобы поднять с земли пятитумановую купюру, следует просить милостыню на кладбище, читая суру “Ар-Рахман”».

На следующий день наши отцы пришли в школу, чтобы выразить протест против клеветнических и оскорбительных заявлений, произнесенных господином Юсефи в их адрес. К тому же для моего отца было очень трудно примириться с тем, что я получила оценку ниже десяти баллов¹. Отец держал в руках кипу тех самых ненужных уже в Нефтяной компании черновых бумаг, которые он принес с собой в знак защиты себя, своей честности и невиновности. Он сидел на стуле так робко и учтиво, будто был на приеме у министра образования. Во мне вскипела кровь. Молчание директора школы, растерявшегося в такой ситуации, еще больше провоцировало меня к тому, чтобы закричать. В тот день я сделала первый в жизни шаг ко вступлению в многосложный и тернистый мир поисков справедливости. Самодельные тетради, сделанные руками моего отца, явились для меня вратами в мир криков, требований и протестов. Я хотела защитить

¹ В иранских школах действует 20-балльная система оценок.

непорочность, простоту и безропотность моего отца, на лбу которого явствовалась печать набожности. И вот мой собственный голос зазвучал в моих ушах. Мой неистовый голос собрал ребят за дверью директорского кабинета. И вдруг я услышала, как они скандируют лозунги в мою поддержку! Причем делали они это спонтанно, без каких-либо предварительных согласований между собой. Мои крики смогли достучаться до их сознания и пробудить его. И несмотря на то, что их лозунги были лишены особого смысла, это было хорошим началом для внутренней революции и пробуждения. Воцарившаяся атмосфера усиливала мой пыл и воодушевление, а взгляд отца, выражавший благодарность и довольство, придавал мне еще больше энергии. Директриса школы – госпожа Собхани, желая положить конец конфликту, попросила у всех нас прощения и, умоляя забыть об этом недоразумении, попросила принести нам чай и сказала: «Господин Юсефи сам из народа, поэтому сочувствует рабочим и их детям. В данном случае он просто неправильно выразился и немного уклонился от верного пути. Я верну его к действительности».

Позднее я узнала, что господин Юсефи является одним из влиятельных лиц в Министерстве государственной безопасности нашей страны (САВАК) и имел целью выпытать у нас нужную ему информацию. Сразу же после революции он спрятался и исчез.

Вслед за этой акцией протеста в школе участились случаи ухода учеников с уроков и подшучивания над учителями. И госпожа Собхани, пытавшаяся

напустить на себя грозный вид, не в силах была более контролировать анархическую ситуацию в школе. После того демарша ни один учитель не был больше в состоянии усадить всех учеников за парты, как это было прежде. В сознании учеников поменялось значение таких понятий, как «школа», «учитель», «ученик», «директор», «школьная парта» и «школьная доска».

Учитель математики объяснял нам линейные, квадратные и кубические уравнения, учитель химии – метод молекулярных орбиталей, а учитель физики – закон всемирного тяготения и силу гравитационного притяжения вместе с политическими понятиями, такими как «деспотия», «несправедливость», «угнетатель», «угнетенный», «бедность» и «обездоленность». Во всех науках мы искали человека. Как будто все научные формулы были связаны с понятием «человек». Мы поняли, что, согласно законам физики, любой сделанный нами шаг и любой крик, исторгнутый из гортани, представляют собой колоссальные потоки энергии, которые насыщают внешнюю среду и вносят в нее хаос и, несомненно, влияют на Вселенную. Мы хотели посчитать жизненные проблемы при помощи математики. Политические темы стали постоянными и основными объектами дискуссий учителя литературы. Естественные акценты были смещены, вещи перестали находиться на своих местах. Классные журналы, в которых отмечали присутствующих и отсутствующих, постоянно пропадали, и это явление давало нам возможность сбегать с уроков. Мы обрели самих себя и повзрослели

в одночасье. Наши желания не совпадали с желаниями пятнадцатилетних подростков. Мы говорили не о себе. Пробужденность сознания достигла в нас кульминации. Мы стали считать себя отверженными назревающей революцией и определенному мышлению. Наши портфели и книги постоянно меняли своих владельцев. Учителя начали использовать отсутствие мела или тряпки в классе как повод для отмены занятий, и все эти факторы создавали неподходящую для прилежных и старательных учеников обстановку в учебных аудиториях. Министерство образования в силу политических мотивов без конца меняло учителей под предлогом «отсутствия профессиональной самодостаточности». Но мы – надо отдать нам должное – не сидели молча и сложа руки, мы стали смеяться и подшучивать над новыми учителями, изводя тем самым госпожу Собхани и выматывая ей нервы. А интереснее всего было то, что школьный туалет был превращен в центр информации относительно встреч, листовок и арестов.

Порой для обмена информацией мы собирались по три-четыре человека в туалете и устраивали там заседание, забывая о том, что ни одна точка на территории школы не выходила за пределы поля зрения госпожи Собхани. Она поручила нескольким из неприметных ребят миссию осведомителей – они должны были выявлять тех учеников, которые часто ходят в санитарные узлы, и доносить ей информацию об этом, после чего их вызывали в кабинет директора для «приватного разговора».

Одним словом, в какой-то момент даже посещение

туалета стало опасным и чреватым нежелательными последствиями.

Местом для обмена запрещенными книгами был опять же туалет. Курсирование ребят в коридоре и внутри самого туалета было таким частым, что мы не допускали мысли о том, что игра в шпионов, инициированная госпожой Собхани, возымеет надлежащий результат.

Новость о наступлении нового 1357¹ года, приход которого сопровождался дуновением упоительного весеннего ветерка и волнением воцарившейся вокруг атмосферы, удвоили наше юношеское дерзание и смелость и окончательно загнали госпожу Собхани в угол. Госпожа Дашти и Мейманат Карими – учителя Корана и активистки из мечети имени Обетованного Махди – доставляли нам очень хорошие книги и листовки. Мечеть и школа слились воедино. Мечеть стала центральной осью всех разговоров и движений. В мечети мы получали духовную пищу и идеи; там же мы разрабатывали планы на завтрашний день. У каждого человека была своя миссия.

Захра Алмасиан была одним из постоянных и набожных посетителей мечети имени Обетованного Махди. Она посещала лекции господина Сейеда Мохаммада Киаваша, одного из видных революционеров Абадана, и приносила нам новости и информацию о выступлениях имама Хомейни,

¹ В Иране Новый год отмечается в день весеннего равноденствия. Здесь речь идет о 21 марта 1978 г., что соответствует 1 фарвардина 1357 г. по иранскому календарю солнечной хиджры (*прим. перев.*).

методах борьбы и сопротивления борцов в разных городах, а также – об арестах и мученических смертях религиозных деятелей в политических тюрьмах. Всю эту информацию я приносила с собой в школу и распространяла ее среди ребят. Религиозная информация, предоставляемая Захрой Алмасиан, носила резкий политический окрас. Она сообщала об убийствах религиозных деятелей в тюрьмах шахского режима, запрете на употребление кокаколы и разрозненные демонстрации в разных городах страны. Мы вместе с Марьям Фарханиан¹ и Зинат Чангизи, с которыми я сидела за одной партией, согласно разработанной ранее системе, зашли в туалет для ознакомления с новой информацией. После того, как мы прочли листовки, мы разорвали их на мелкие кусочки, бросили в туалетную яму и смыли водой. Мы приготовились выйти из туалета, как вдруг услышали стук каблуков госпожи Собхани, которая стала колотить в дверь туалета. Мы не знали, что делать и как нам выйти наружу так, чтобы директриса не поняла, что нас в кабине было трое. Она изо всех сил стучала по двери и кричала: «Немедленно откройте дверь!» Нам ничего другого не оставалось, кроме как открыть дверь, после чего она отвесила каждой из нас по такой пощечине,

¹ Марьям Фарханиан в возрасте 17 лет стала работать медсестрой в больнице имени имама Хомейни в городе Абадан. Во время войны с Ираком на протяжении трех лет она оказывала помощь раненым и покалеченным. После того, как она сама была ранена в результате попадания в нее вражеского снаряда, она была госпитализирована и 13 мордада 1363 г. (5 августа 1985 г.) умерла в Абадане (*прим. авт.*).

от которой на наших лицах остались красные отпечатки. Затем она быстро зашагала по коридору, крича: «Бессовестные! Стены туалета превратили в стенгазету! Поистине, эта ваша писанина годится только для туалетных стен!»

Когда мы дошли до ее кабинета, она сердито спросила: «Зачем вы группой зашли в туалет?! Вы, вероятно, перепутали туалет с рестораном?!» Ее нелепые нападки предоставили мне возможность выйти из состояния растерянности и привести в порядок мысли, чтобы открыть ей причину нашего коллективного нахождения в туалете. Она крутила мою головную косынку, как цыганский платок, и говорила: «Все это безобразие – дело рук этих оборванок! Столько красивых и модных шляп в продаже, а они никак не расстанутся с этими деревенскими платками!» Затем она сменила тему и сказала: «Забирайте каждая свое личное дело, отправляйтесь домой и не появляйтесь в школе до тех пор, пока мы не решим, как с вами поступить!» Закончилась эта история тем, что Марьям и Зинат после внесения в их личные дела замечаний были допущены к урокам, а меня выгнали из школы. Возвращение домой из школы в тот день и час вызвало бы уйму вопросов, но я сумела избежать их, сказав, что у меня болит живот, и заварив для себя огуречную траву. На следующий день мне пришлось прибавить к болям в животе еще и головную боль, чтобы выиграть таким образом несколько дней и посмотреть, что будет происходить дальше.

Марьям и Зинат пришли навестить меня после обеда. На голове у каждой был повязан платок.

Увидев их, я выпрыгнула из-под одеяла. Девочки принесли мне новости о происходящем в школе. Одной из них была новость о том, что несколько ребят в знак защиты и солидарности с девушками, носившими хиджаб, повязали свои шейные платки на голову. Одобрение этой акции госпожой Газиани – учительницей английского языка, сестрой Зинат Чангизи – учительницей математики и госпожой Херадманд придали ей некую легитимность, и это вызвало крайнее раздражение и ненависть госпожи Собхани. Госпожа директриса каждое утро приходила на уроки и говорила: «Кажется, болезнь Масуме Абад поразила и вас!» Каждой, кто повязывал платок на голову, она говорила: «Ты что, тоже заболела недугом, которым страдает Абад? Я выгоню всех вас из школы! Здесь не место для пустоголовых сплетниц! Представители нашей передовой интеллигенции приложили столько усилий и претерпели столько страданий, чтобы сорвать эти попоны с голов ваших матерей, вы же, молоденькие и опрятные девочки, все-таки хотите быть похожими на служанок!»

Животворная весенняя благодать привела всех в чувство. Мне же по-прежнему приходилось притворяться больной. Мать каждый день спрашивала меня, лучше ли я себя чувствую, перестал ли болеть живот. И мне приходилось прибавлять к болям в животе и голове боли в других органах моего тела, чтобы как-то объяснить и оправдать мое отсутствие в школе. Мой брат Рахим, который тогда являлся студентом механического факультета Университета имени Чамрана и одновременно

работал в Национальной нефтяной компании в городе Ахваз, приезжал в Абадан на выходные, однако на этот раз приехал домой неожиданно, в середине недели. На тот момент я не посещала школу уже неделю. У меня хорошо получалось притворяться больной. Я с таким видом сворачивалась клубочком под одеялом, что все безоговорочно верили в мое недомогание. Рахим сидел у изголовья моей постели. Вскоре к нам пришел муж сестры Фатимы – господин Зареи, который также работал на нефтеперерабатывающем заводе Абадана инженером, а после него вернулся отец вместе с двумя другими незнакомцами. Они о чем-то беседовали приватно и вполголоса. Это насторожило меня, и я еще сильнее наострила уши. Рахим говорил: «Ряды протестующих пополняются с каждым днем. САВАК преследует цель арестовать нескольких человек в виде акции устрашения и таким образом запугать остальных, поэтому мы дали прокламацию. Возможно, после этого будут увеличены зарплаты рабочим и удовлетворены желания сотрудников и инженеров. Одной из наших целей является изгнание иностранных компаний с Нефтеперерабатывающего завода и из Нефтяной компании». В продолжение своих слов Рахим добавил: «Во время собрания рабочих и сотрудников компании исполнительный директор Нефтяной компании инженер Ансари вышел навстречу протестующим с напускным видом “народного человека” и заискивающим, учтивым тоном зачитал декларацию: “Вы знаете, что его светлость шах считает вас, работников нефтяной промышленности,

самой преданной частью общества и полностью доверяет вам. Поэтому он вверил в ваши руки эту божественную милость и национальное богатство – нефть, которая есть не что иное, как основа экономики нашей страны. Все свои надежды шах возлагает на вас. Он знает, с каким трудом вы, рабочие, достаете нефть из самых недр земли и перекладываете ее внутрь труб; он знает, что до сих пор несколько человек из числа рабочих пролили свою кровь ради того, чтобы добыть эту нефть, так же и другие ваши друзья, которые работают на нефтеочистительном заводе в Абадане. Эта самая очищенная нефть согревает холодные и ледяные дома ваших соотечественников в период зимней стужи даже в самых отдаленных местах Ирана. Наши дети кормятся благодаря вашим трудам. Машины, поезда и самолеты работают благодаря тем же самым газойлю и бензину. Нефть в нефтехимической промышленности превращается в различные жизненно необходимые продукты. Нефть присутствует в домах бедных и богатых. Давайте же пощадим самих себя! Мы находимся в Хузестане. Многие не знают, насколько здешняя земля золотоносна. Это не шутки. Шах ценит ваши труды – труды тех, кто работает на нефтяных скважинах в шестидесятиградусную жару. Давайте не будем забывать, что у нас есть нефть и только нефть, и наша экономика пахнет только нефтью! Поэтому я объявляю, что в конце месяца заработные платы офисных сотрудников будут увеличены на два процента, им будет предоставлена возможность работать посменно, и им будет доплачиваться компенсация за сложность

и напряженность выполняемой ими работы. Также будут увеличены на пять процентов заработные платы рабочим, которые задействованы в нефтяных скважинах и местах добычи нефти”.

Но никто не обращал ни малейшего внимания на его слова, и мы все разом начали кричать и скандировать лозунги. Затем все разошлись. Я положил под одежду листовки имама, которые мы забрасывали под двери домов, и сразу же приехал в Абадан. Ребята посоветовали не показываться пару дней, потому что люди шаха улицу за улицей будут осматривать дома и искать работников и сотрудников нефтяных предприятий; они пригрозили, что, если протесты не прекратятся, они заживо сожгут нас в тех самых нефтяных печах, и увольнение будет минимальным наказанием для нас».

Господин Зареи тоже рассказал об акциях протестов и кризисе на нефтеперерабатывающем заводе, угрозах и арестах, а отец говорил о вопросах безопасности. Я подумала: «Значит, не меня одну выгнали!» Во мне прибавилось смелости, и я высунула голову из-под одеяла, перестав делать больной вид. Отец сказал: «Моя девочка проснулась! Принесите ей лекарственный отвар». Я ответила: «Не надо, отец, мне уже лучше». Рахим сказал: «По глазам вообще-то не скажешь, что она спала. Почему ты не пошла в школу?» Я смело ответила: «Меня тоже выгнали из школы». На несколько минут все замерли в недоумении, но никто не спросил, почему меня выгнали. Революция, между тем, вышла за пределы мечети, школы и нефтеперерабатывающего завода и просочилась в дома.

Рахим сказал: «Не все те вещи, которые человек должен знать, имеются в книгах и в школе». Затем он расстегнул пуговицы на пиджаке и вытащил из внутреннего кармана выцветшую книгу с потрепанным и склеенным переплетом, которая, как было видно, прошла через сотни рук. Заголовков книги гласил: «Фатима есть Фатима». Мне ранее тоже приходилось читать книги Мортезы Мотаххари и доктора Али Шариати, но у них были не такие интересные названия. Я спросила: «Разве Фатима может не быть Фатимой? Почему у этой книги такое странное название?» Он ответил: «Нет, Фатима – это только Фатима. Но эта Фатима отличается от той, которую нам в свое время описали и представили». Не приняв отвар огуречной травы, я выпрыгнула из постели и жадно принялась читать книгу. Слова, которые я читала, проглотили мой мозг так, что я не замечала, как проходит время. С каждой новой прочитанной страницей мое тело накалялось все сильнее. Душа моя полыхала изнутри. Каждая клетка моего тела пробуждалась, и это пробуждение сопровождалось болью, жаром, светом и пламенем.

С вечера того дня каждый раз, когда ко мне приходили Марьям и Зинат, я давала им листы из этой книги, а они раздавали их другим ребятам. Иногда Марьям брала несколько лишних листов для своей сестры Агилы. Мы опережали один другого в чтении книги, боясь того, что кто-то узнает что-то новое, а другие останутся неосведомленными об этом. Рахим в те дни стал похож на Деда Мороза – каждый день он вытаскивал из-под своей рубашки

новую книгу. Я до сих пор не знаю, откуда он их брал. Когда мы закончили читать «Фатима есть Фатима», он принес книгу «Али», затем – «Хусейн», затем – «Мохаммад», а после – «Коран», «Вера», «Шиизм имама Али» и «Сефевидский шиизм». Эти книги обличали шахиншахский безликий ислам, который разграбил всё наше религиозное и национальное достояние, нашу духовную квинтэссенцию и навязал нам взамен пестрые европейские псевдоценности. Каждый день духовным слухом мы внимали призывам к религиозности и исламу, которые вели духовные лица во всех мечетях города, особенно в мечети господина Джамии – председателя пятничной молитвы города Абадан, которая являлась основным плацдармом религиозных проповедников.

Оригинальный и талантливый иранский мыслитель доктор Али Шариати подвергал критике и обличал реакционный ислам, а профессор и писатель Мортеза Мотаххари вливал новую кровь в жилы подлинного ислама.

В канун Нового года – Навруза – мы по традиции проделали дома генеральную уборку с мытьем ковров. Соседи тоже были заняты уборкой домов и подворьев. Все мы стирали простыни, меняли покрывала и готовились к приему новогодних гостей. В Абадане новогодние визиты к друзьям и родственникам были особенно обильны. Каждый год жители Абадана принимали у себя многочисленных гостей из разных городов Ирана, особенно из Тегерана и Шираза. Однако пятнадцатидневные новогодние каникулы 1978 года показались мне

скучными по сравнению с каникулами прошлых лет. Я не знала, примет ли госпожа Собхани меня в школу после каникул и последнего праздничного дня «Сиздах бе дар»¹. Как всегда, я поделилась своими тревогами с отцом. В самые трудные минуты жизни отец неизменно обнадеживал меня, но в то же время предрекал еще бóльшие трудности и говорил: «Дочь моя, боль и страдания – постоянные попутчики человека. Трудности и препятствия делают человека зрелым и мудрым. И чем взрослее становится человек, тем с бóльшими трудностями ему приходится справляться на жизненном пути. Ты должна знать, что пути решения проблем содержатся в них самих, и ты должна найти их, используя свой разум и силы. Тогда ты сможешь преодолеть их».

Для отца было очень важно, чтобы я посещала школу. Чтобы придать мне уверенность, он говорил: «Да, ты не посещала школу несколько дней, но уроки, формулы и задачи, которые вы до сих пор решали, должны способствовать решению жизненных задач и проблем, а также – развитию в тебе гуманности и благородства. В противном случае умение решать книжные уравнения и задачи – отнюдь не искусство». Сам отец закончил только шесть начальных классов, однако при этом он хорошо понимал уроки жизни, которые в красивой форме преподавал нам в виде стихов, примеров из

¹ Сиздах бе дар (досл. «Тринадцатое – за дверью») – тринадцатый день иранского нового года, который, согласно традиции, принято проводить вне дома, на природе (прим. ред.).

литературы и искусства. Его поддержка была для меня эликсиром смелости и бесстрашия. В вопросе моего возвращения в школу он даже не согласился на то, чтобы кто-то ходатайствовал за меня, и запретил мне извиняться. После каникул я все же была допущена к занятиям благодаря посредничеству нескольких учителей, близких нашей семье по убеждениям, и начала новый учебный год в одном классе с Марьям Фарханиан, Зинат Чангизи и Марьям Бахри.

После новогодних праздников 1978 года с целью утереть нос и сбить гонор у госпожи Собхани мы с абсолютным большинством девочек и даже с девушками старого порядка договорились прийти в школу с платками на голове. Даже те, кто ревностно придерживался моды и постоянно укладывал волосы при помощи фена и утюжка для волос, в тот день спрятали их под платками. Эта акция стала своего рода религиозным демаршем и протестом против антирелигиозных действий госпожи Собхани. Поведение девочек изменилось так, что учителя-мужчины, которых, кстати, в школе было немало, не желали преподавать в женской школе. Уроки религии пользовались всё большим успехом. Во время азана – призыва к молитве – некоторые из девочек уходили в библиотеку для того, чтобы совершить намаз. Госпожа Собхани говорила, что «в этом году с детьми случился какой-то кошмар», и назвала 1978 год дурным и неблагополучным годом.

После того, как мы сдали полугодовые экзамены, в отместку за наше «кошмарное» поведение

госпожа директриса поставила многим из нас в свидетельствах оценки «тринадцать» по поведению, что было показателем той самой «неблагополучности», о которой она сама говорила. Каждое ее действие и каждый ее поступок еще больше спланивали нас, и в конце концов наш альянс прославился и стал называться «группой тринадцати». В «группу тринадцати» входили учащиеся из всех классов. После получения свидетельств с годовыми оценками мы разошлись по домам встречать лето.

Жаркие и длинные дни месяца мордад¹, когда златолицый и раскаленный плазменный шар под названием Солнце не оставлял в покое и до девяти часов вечера гостил у абаданцев, совпали с благословенным месяцем рамадан. Человек валился с ног, и единственным его желанием было дожить до ифтара². Большинство соседей тоже постились, поэтому вечерний стол с ифтаром не заставляла себя ждать. Некоторые занимали себя какой-нибудь работой, чтобы скоротать время до наступления азана и ифтара и, таким образом, меньше мучиться от жажды и зноя. Однажды, когда мы сидели за вечерней трапезой после азана, новость о пожаре в кинотеатре «Рекс» – старейшем в городе кинотеатре на главной улице Занд, подобно бомбе, взорвала весь город. Оставив незаконченным ужин, мы все побежали в сторону кинотеатра. Фильм «Олени»

¹ Мордад – пятый месяц иранского календаря, состоит из 31 дня. В григорианском календаре соответствует 23 июля – 22 августа (*прим. перев.*).

² Ифтар – разговение, вечерний приём пищи во время месяца рамадан (*прим. перев.*).

режиссера Масуда Кимиаи с Бехрузом Восуки в главной роли собрал в кинотеатре неимоверное количество зрителей – больше, чем реальная вместимость кинозала: около семисот человек. Последний сеанс начинался в двадцать один час тридцать минут, и четыреста билетов на него были проданы. Спустя около часа после начала фильма зрители внезапно оказались окруженными огнем. В кинотеатре имелась только одна дверь для входа и выхода, которая заблокировалась после того, как начался пожар, а три другие маленькие двери, соединявшие кинозал с вестибюлем, были изначально закрыты. Кинозал имел только один запасной выход, который смогли найти лишь несколько человек, выбравшись с полубогоревшими телами. Абадан погрузился в замешательство и ужас. Весь город скорбел. Был поздний вечер. Во многих семьях еще не все вернулись домой. Услышав новость о пожаре, многие забеспокоились и, не раздумывая, отправились к сгоревшему кинотеатру на своих машинах, такси или пешком. В сторону кинотеатра «Рекс» с включенными сиренами спешили кареты скорой помощи. Все вокруг устремились к кинотеатру, который превратился в огромную могилу. Запах паленого мяса разнесся по всей округе. Звуки стонов, плача и суеты слились воедино. Некоторые тела удалось опознать по остаткам одежды и часам на руках. До часа ночи были опознаны и сложены рядом около пятидесяти тел. Некоторые из присутствовавших в состоянии шока и оцепенения под бледным сиянием луны уставились на обугленные тела. Но как могли они среди этой кучи сгоревших,

лишенных лиц тел найти своих потерянных близких? От запаха обугленного мяса меня затошнило. Среди трупов можно было увидеть тела малолетних детей, сгоревших заживо в объятиях своих матерей, от которых их уже невозможно было оторвать. В атмосфере, пропитанной запахом смерти, та сатанинская ночь Абадана, наполненная криками и рыданиями людей, близилась к завершению, и ни один его житель так и не уснул до самого утра. Казалось, что это был день Страшного суда. Каждый звал своих родных и не слышал на свой зов ответа. Некоторые семьи сгорели целиком, как, например, семья Радмехр, которая потеряла одиннадцать человек – десять братьев и сестру! Джафар Сазеш, у которого случившаяся трагедия отняла пятерых его детей в возрасте от одиннадцати до двадцати трех лет, только и делал, что кричал: «Я не знаю, жертвой чего стали мои дети! Закрытую дверь кинотеатра можно было бы открыть даже молотком и спасти людей, но когда я, крича, хотел приблизиться к ней, некто с палкой в руке отогнал меня в сторону, сказав, чтобы я не подходил, поскольку все внутри горят». Сто пятьдесят человек из числа жертв не смогли опознать. Кладбище тоже не было готово принять одним разом такое количество трупов. Поэтому люди вынуждены были похоронить своих родных в одной общей могиле. Засыпанную яму накрыли черной тканью, а все владельцы цветочных магазинов приносили свои цветы на эту могилу в знак почтения. В магазинах не осталось ни одной веточки с цветами. После этого братская могила мучеников кинотеатра «Рекс» стала местом

политических встреч. В нас не осталось никаких страхов. Семьи погибших были настолько безутешны, что с трудом могли даже дышать. На пути обратно все мы в один голос кричали: «Нет – унижению!», «Нет – бесславию!», «Свобода!», «Свобода!» Или же мы кричали: «Заговор и преступления – начало кровопролития и ужаса!» Перед такой лавиной гнева и ярости людей стражи порядка не смели предпринимать никаких действий, а потому молча взирали на происходящее, заняв позицию сторонних наблюдателей.

Между тем в город прибыли официальные иностранные информагентства, которые занесли пожар в кинотеатре «Рекс», унесший жизни трехсот семидесяти семи человек, в список самых смертоносных пожаров, случившихся в тех или иных общественных местах после Второй мировой войны. Пожар в кинотеатре «Рекс» потряс Иран и стал национальной катастрофой. Спустя несколько дней группа правозащитников опубликовала декларацию, в которой подчеркивалась вина правительства в пожаре, случившемся в кинотеатре «Рекс», и говорилось: «Как объяснить тот факт, что в городе, имеющем крупнейшие нефтяные предприятия и самую оснащенную и модернизированную систему пожаротушения, пожарные машины остались без воды?!» Несмотря на это, Организация государственной безопасности шахского режима многократно объявляла революционные силы и улемов виновниками этой антигуманной акции.

Спустя три дня после трагедии в кинотеатре «Рекс» его светлость имам Хомейни (да будет мир

с ним!) объявил: «Эта трагедия – творение рук шаха для того, чтобы сбить с толку и запутать людей внутри страны и за ее пределами. И то, что пожар распространили полосой по всему кинотеатру, а после двери оказались заперты жандармами, – дело рук людей, владеющих ситуацией. Кто, кроме шаха, который периодически осуществляет акты зверского геноцида мирных жителей, творит подобный произвол?»

Ночью свет в домах и на улицах не гас, и все были в ожидании. Родственники погибших каждый день приходили к кинотеатру «Рекс». Они часами сидели на месте убийства их родных, читали траурные поминальные стихи – роузе, самоистязали себя и требовали наказать виновника гибели их близких. Мечети Абадана ни минуты не пустовали, а стены города были увешаны листовками скорби и чествования памяти жертв трагедии в кинотеатре «Рекс».

Осень 1978 года в рабоче-нефтяном городе Абадан, которая началась школой, учебниками, учителями и уроками, сопровождалась революционными лозунгами людей, не желавших находиться под гнетом и деспотией. После смерти трехсот семидесяти семи ни в чем неповинных жертв город как будто очнулся от летаргического сна. Но цена, которую мы заплатили за свое пробуждение, была чудовищно высокой! Мы пробудились так болезненно и тяжело, что никакая сила более не могла усыпить нас снова или застлать наши глаза пеленой. Каждый вечер мы вместе с родственниками погибших в кинотеатре «Рекс» собирались

в хусейние¹ исфаханцев, несмотря на действие военного режима и многократное предупреждение со стороны жандармов САВАК о запрете собраний, и в конце мероприятий выходили массово на улицу, где, скандируя пламенные лозунги, обличали и позорили агентуру шахского режима.

Дом бабушки был известен как хусейние имени Сейеда аш-Шохада (т.е. Предводителя мучеников, имама Хусейна). Она рассказывала: «Первый кирпич этого дома был сделан из земли, привезенной из Кербелы». Когда дедушка поехал в Кербелу для совершения паломничества, он привез оттуда для отца в качестве сувенира кольцо Шараф-аш-Шамс², а для себя – пригоршню земли из Кербелы. Он построил на пятидесятиметровом клочке земли дом с тремя небольшими комнатами. А над входной дверью он повесил табличку с надписью: «*Это благо дано мне милостью моего Создателя*». В этом доме ежегодно проводились поминальные траурные мероприятия и собрания с чтением повествований о страданиях имама Хусейна и его близких соратников в течение десяти дней Ашурьы. На мероприятиях присутствовала колыбель Али Асгара³ (да будет мир с ним!). Варили три больших котла халима. Всё это сопровождалось трогательным и

¹ Хусейние – место для проведения траурных мероприятий (*прим. перев.*).

² Шараф-аш-Шамс – название камня в кольцах, продающихся в священных для мусульман городах Кербеле и Наджафе (*прим. перев.*).

³ Али Асгар – новорожденный сын имама Хусейна, убитый вражеской стрелой во время трагических событий при Кербеле (*прим. ред.*).

трепетным оплакиванием и самоистязанием. Хусейние бабушки стала местом профессиональных плакальщиков и синезанов, бьющих себя в грудь (что символизирует готовность отдать жизнь за ислам). Кубок Предводителя всех мучеников, в свою очередь, не допускал, чтобы кто-либо прошел по той улочке жаждущим, и был готов напоить прохладной водой каждого. Добронравие и приветливость бабушкиных домочадцев превратили ее дом в траурный шатер имама Хусейна и его семейства.

Понемногу в воздухе начинал витать дух священного месяца мохаррам¹, имама Хусейна (да будет мир с ним!) и Кербелы. Мохаррам стал хорошим поводом соединить нашу боль с болью Кербелы и облачиться в одежды религии и революции. Бабушка готовилась к траурным вечерам памяти Сейеда аш-Шохада с полной уверенностью в том, что эти поминальные мероприятия после декады Ашуры устранят все существующие проблемы. Она говорила: «Ваша проблема в том, что ваша вера слаба и вы пытаетесь решить все проблемы сами». Она искренне говорила эти слова и проводила поминальные траурные вечера так задушевно, что каждый прохожий невольно останавливался у двери ее дома. В тот год мероприятия, проведенные бабушкой в декаду Ашуры, стали абсолютно эпическими, носящими в то же время политический окрас. Большинство тех, кто восходил на минбар, были молодыми людьми, которые говорили

¹ Мохаррам – первый месяц исламского лунного календаря, в шиитской традиции посвященный памяти имама Хусейна (прим. ред.).

о миссии и значении пролитой крови имама Хусейна (да будет мир с ним!) и современных днях.

Поистине, траурные проповеди, которые бабушка организовывала у себя дома, придали ее душе зеркальность и сияние. События, произошедшие после декады Ашуры, в определенной степени решили имевшиеся проблемы и облегчили пути. Бабушка вместе с нами участвовала в демонстрациях, манифестациях и парадах. Тех, кто не приходил на демонстрации и препятствовал участию в них других, люди называли прихвостнями САВАК. Несмотря на то, что центром провинции Хузестан являлся город Ахваз, центральное ведомство государственной безопасности шахского режима располагалось именно в Абадане ввиду наличия в нем нефтеперерабатывающего завода и большого экономического значения этого города. Митинг привел к тому, что САВАК вместе с его пособниками и приспешниками оказался в изоляции. Происходившие политические события, бесконечные ротации на посту премьер-министра и бегство шаха с его супругой Фарах сулили конец деспотичного шахского режима и приход имама. Многие, однако, думали, что история повторится, и шах вернется, как это было двадцать восьмого мордада 1332 года (19 августа 1953), и его примут со всеми почестями. Он бежал, но военные жандармы все еще стояли у его монумента с оружием в руках. Во многих городах страны успели демонтировать памятники шаху, однако в Абадане его памятник охранялся посредством оружия. Одним зимним вечером Салман и Мохаммад прибежали домой,

суетливо завели машину Рахима и торопливо поехали на ней на площадь, где был установлен монумент шаху. С каждой минутой количество демонстрантов становилось все больше и больше, и наконец, каменная статуя шаха была разрушена и осыпалась после предпринятой демонстрантами атаки, сопровождавшейся яростными криками.

Однажды вечером, когда на безмятежном небе виднелась полная луна, и все взоры были обращены вверх к ночному светилу, из уст в уста кочевали разговоры о том, что на луне запечатлен лик Имама Хомейни. Мы быстро позвонили Кариму, который был студентом факультета инженерной механики Политехнического университета Тегерана и всегда отправлял нам свежие и первоклассные новости почтой или через Рахима, и спросили его о луне и образе Имама на ней. Он ответил: «Луна одна и та же что в Тегеране, что в Абадане. Да, мы видим здесь лицо Имама на луне. И даже те, кто находится в Америке, тоже видят лик имама на небесном светиле». В домах не осталось ни души. Мы все часами не сводили глаз с луны. И то, что мы видели, было верно. Образ Имама, бережно хранившийся в наших сердцах, теперь мы видели запечатленным на небесном светиле. С какого места и под каким бы ракурсом мы ни смотрели на луну, образ имама неизменно виднелся на ее диске. Каждый шел в переговорный пункт, звонил своим родственникам в других городах или странах и получал подтверждение гипотезы об образе Имама и луне. Чем дольше мы смотрели на полную луну, тем большую уверенность получали. В ту ночь для

того, чтобы ни на мгновение не упустить лик Имама, я не сомкнула глаз до утра. Несмотря на то, что в Абадане было немного двухэтажных или многоэтажных зданий, чтобы еще больше приблизиться к луне, мы все поднялись на крыши домов и вели там восторженные беседы о революции, луне и Имаме. Многие из тех, кто жил в предместьях Абадана и Хоррамшахра, закалывали жертвенных барашков. Некоторые постоянно озвучивали призыв к молитве и устраивали демонстрации. Волнение и азарт людей не поддавались описанию и контролю. Студенты, изучавшие при мечети богословие, не опровергали и в то же время не подтверждали гипотезу касательно образа Имама на луне. Они постоянно связывались с Кумом и университетами для получения ответа, однако на следующее утро аятолла Джами¹, который грамотно и мудро руководил

¹ Аятолла Хадж Шейх Голамхусейн Джами – богослов, который сыграл большую роль в деле разъяснения и пропаганды идей имама Хомейни (да будет над ним милость Аллаха!) в 1960–70-е годы в Абадане и Хузестане. Особенно в последние годы правления режима Пехлеви он являлся центральной осью организации революционных сил и на этом пути перенес множество страданий и боли. После победы Исламской революции он был назначен Имамом на пост председателя пятничной молитвы города Абадан. В годы Священной обороны (восьмилетней войны, навязанной Ираком), особенно в период блокады Абадана, аятолла Джами благодаря своему присутствию среди борцов, а также проведению пятничной молитвы сыграл решающую роль в оказании жителями Абадана сопротивления атакам сил баасовского режима Ирака и прорыве блокады этого города. В послевоенные годы он опять же остался с народом, чтобы быть утешением для людей и оказывать им помощь в деле восстановления разрушенной инфраструктуры города. Аятолла Джами, который являл собой символ набожности,

революционным исламским движением Абадана, объявил, что получившие распространение слухи – не более чем выдумка, и верить им не следует. Аятолла предупредил, что враг предпринял попытку атаковать убеждения людей и ведет информационную войну, распространяя разные слухи. Физико-астрономические университеты объявили, что это изображение – всего лишь совокупность теней выпуклостей и впадин на поверхности Луны, и при желании каждый может отождествить ее в воображении с тем или иным образом. Но, несмотря на то что улемы Кума и Мешхеда утверждали, что кажущийся на Луне лик имама – плод человеческого воображения, глубокая сердечная любовь, которую мы питали к Иمامу, заставляла нас всех упорно видеть один и тот же образ на Луне, и никто не мог переубедить нас. На самом деле на Луне не было никакого образа Имама – он был запечатлен в наших сердцах и очах подобно тому, как Меджнун, где бы он ни странствовал, повсюду видел образ своей возлюбленной Лейли. Так же и мы могли видеть образ Имама повсеместно – на поверхности реки, на стенах домов и на листве деревьев. Однако наши оппоненты не смогли воспользоваться этой историей любви в свою пользу. Бегство шаха и приход Имама, а также волнение, трепет и восторженные возгласы, сопровождавшие машину, в которой благочестия и нравственности, вел простой и скромный образ жизни, был до конца верен народу, не привязываясь душой к материальным ценностям. В 2009 г. он оставил сей бренный мир, чтобы в высшем Божественном мире воссоединиться с павшими героями и праведниками. Да будет память о нем жить вечно! (прим. авт.).

ехал Имам, свидетельствовали о начале весеннего цветения после долгой зимней ночи. Мы смеялись сквозь слезы. Во время трансляции по телевидению кадров прибытия Имама в аэропорт «Мехрабад» по лицам людей текли слезы радости и счастья. И особенно трогательными были слезы родственников жертв трагедии в кинотеатре «Рекс». Было ощущение, будто Имам приехал для того, чтобы немного успокоить их истерзанные души. Они лили слезы, тоскуя по своим погибшим близким. Некоторые из них поспешили на кладбище, где похоронены мученики, чтобы возвестить им о приходе Имама.

Рахман, находившийся во время революционного движения в Мешхеде для отбывания военной службы, с целью уклониться от несения этой службы каждый день стряпал ложное свидетельство о смерти кого-нибудь из членов семьи и отдавал его командиру боевой части; каждый день он придумывал новые истории – о смерти отца, матери, об автомобильной аварии, в которой якобы погиб брат, и т.д. После событий в кинотеатре «Рекс» он направил своему командиру письмо, в котором снова отпрашивался в отпуск, и причиной на этот раз назвал гибель всех своих близких во время трагедии. Командир, которого Рахман и ранее извещал о мнимой смерти членов своей семьи, не согласился отпустить его и сказал: «Ты же еще долго до пожара в кинотеатре “Рекс” отправил всю свою родню на тот свет и потратил все свои отпуски! Откуда у тебя опять появились родственники?» Получив отказ, Рахман вынужден был самовольно покинуть свою войсковую часть и бежать,

после чего он больше не вернулся в Мешхед. Но к этому времени он успел хорошо овладеть всеми видами оружия.

Иногда братья брали меня с собой, а иногда поручали мне миссию подготовки той или иной операции, прикрытия и переписки. Каждый день они нападали на какой-нибудь объект: на магазины алкогольной продукции, тюрьмы, были освобождены даже неполитические заключенные, содержащиеся в тюрьме на улице Тринадцать. Революционные силы каждый день захватывали какое-нибудь новое здание. Полиция более не контролировала ситуацию в городе.

В канун декады Ашуры бабушка предвестила крах шахского режима, сказав: «Шаху пришел конец!» И эта фраза вызвала серьезные разногласия между ней и дедушкой. На закате жизни эти старики вовлеклись в политику и стали противостоять друг другу во взглядах и убеждениях. Дедушка, который был сторонником шаха, говорил: «Что ты имеешь против шаха? Что плохого он тебе сделал?» Однако бабушка до мозга костей пропиталась революционным духом. Она постоянно готовила шербет и раздавала розовую воду. После победы Исламской революции жители Абадана хлынули на улицы и, несмотря на исламский характер революции, играли на волынках и танцевали.

В силу того, что Абадан ранее имел опыт движения по национализации нефтяной промышленности, он стал политическим плацдармом для многих революционных и антиреволюционных групп. Если в Тегеране формировалась какая-

нибудь группа из трех человек, два ее члена обязательно обосновывались в Абадане и брали в руки плакаты. Каждая из них, начиная от «Партии масс», «Организации моджахедов иранского народа», «Движения борющегося народа», «Коммунистов», «Организации партизан-фидайнов иранского народа» и заканчивая «Борцами арабского народа», «Мусульманской уммой» и «Организацией моджахедов Исламской революции», имела право голоса и трибуну для отстаивания своих убеждений и оправдания своих действий.

Для того чтобы положить конец имеющимся между ними раздорам, Имам предложил всеобщее голосование. Первый референдум был проведен весной 1979 года, и в ходе него девяносто восемь процентов населения отдали свои голоса за исламскую республику. Имам неизменно акцентировал внимание на единстве, за которое проголосовали люди, однако каждый день возникали новые группы и партии, и в результате каждый дом, улица, школа, базар и университет оказались вовлеченными в политические и идеологические споры и баталии. Социальные споры проникли даже внутрь семей и спровоцировали разногласия между мужьями и женами, сестрами и братьями, отцами и матерями. Горячая печать политики была наложена на лоб всего иранского народа.

Карим постоянно присылал нам новейшие религиозные книги и советовал как можно больше их читать, чтобы быть во всеоружии готовыми к обороне. Вечерами, после полуденного и вечернего намаза, на улицах проходили политико-идеологи-

ческие дебаты. Мы пораньше выходили из дома, чтобы занять лучшие места. Лидерами этих уличных собраний была группа ребят, приехавших в Иран во время революционного движения и считавшихся дореволюционными борцами, которые вместе со студентами мечети Обетованного Махди и студентами нефтяного факультета возглавили народные и исламские группы. Лидеры же оппонентских групп в большинстве своем были пришлыми людьми, которые оказывали идейную помощь своим единомышленникам в городе.

После совершения намаза и ужина на улице 1044 в районе Тысячников, как говорится, яблоку негде было упасть. Инициаторами полемики на этих собраниях были Хусейн Атешкаде¹, Мохаммад Дашти², Ахмад Хадже-фард³, Мохаммад Эсламинасб и Сейед. Люди приходили из разных мест на эту улицу, до полуночи сидели на раскаленной солнцем земле и предавались спорам.

¹ Хусейн Атешкаде являлся одним из культурных деятелей-активистов мечети имени Обетованного Махди. Был ранен во время военной операции в Куе Зульфагари и умер спустя шесть месяцев (*прим. авт.*).

² Мохаммад Дашти являлся одним из культурных деятелей – активистов мечети имени Обетованного Махди, который во время войны выполнял функции мэра Абадана. 13 июня 1982 г. он вместе с восемью другими братьями-борцами во время совершения ритуального омовения для совершения намаза погиб в результате попадания вражеского снаряда в мечеть имени Обетованного Махди (*прим. авт.*).

³ Ахмад Хадже-фард являлся одним из активистов мечети имени Обетованного Махди и сотрудников Нефтяной компании (*прим. авт.*).

Революция победила, однако госпожа Собхани по-прежнему оставалась директором нашей школы. Каждый день мы с ней сталкивались лбами из-за одного разногласия между нами – ей претило, что школьная библиотека превратилась в исламский блок при школе и каждый день число тех, кто становился его членами и получал из моих рук членский билет, возрастало. Мы очистили библиотеку от бесполезных книг. Каждый месяц мы проводили книжную выставку. Поскольку все ребята жаждали чтения книг религиозной тематики, Салман и Сейед ездили в Кум и привозили оттуда религиозную литературу. Для реализации более полномасштабной культурной программы нам необходим был больший, чем наши карманные деньги, капитал. Мы условились, что каждый день кто-то из нас – Зинат Чангизи, Марьям Бахри, Марьям Фарханиан или сестра Борхани (Парвин, Насрин и Симин) – будут варить *аше реште* (суп с лапшой, бобовыми и зеленью). Продавая его, мы смогли организовать две крупные выставки на уровне города и открыть общественную библиотеку в Абадане.

Первая выставка была посвящена роли женщины в истории человечества. Господин Мортеза Хусейни¹ занимался графическими и изобрази-

¹ Доктор Мортеза Хусейни в течение двух первых лет войны с Ираком являлся главврачом больницы Талегани. Эта больница была одним из лечебных центров для фронтов Абадана и Хоррамшахра и играла эффективную роль в деле лечения раненых и отправки их в другие медицинские пункты страны. Позднее по предложению главнокомандующего и предстоятеля пятничной молитвы Абадана он был назначен на должность руководителя Организации

тельными работами для выставки, а господин Хушманд, являвшийся одним из наиболее известных каллиграфов города, отвечал за работу, связанную с каллиграфией. Али Неджати отвечал за содержательную часть изображений. Во время экспонирования нашей выставки в Абадан для выступления приехал господин Фахреддин Хеджази¹. Во время осмотра выставки, узнав, что она организована усилиями исламского общества обычного дабирестана, он поблагодарил нас и преподнес в качестве дара исламскому обществу две тысячи туманов, благодаря которым мы смогли приобрести для нашей организации видеокамеру и проигрыватель.

1358 год² был особенным. Обновились не только год, одежда и сезон. Было полное ощущение того, что обновилось само время и началась новая эпоха. Поменялось всё: слова, мнения, позиции, методы, стремления и идеалы.

Красного полумесяца г. Абадана и на этой должности также оказывал действенную помощь фронту и борцам. Доктор Хусейни также некоторое время работал в Центральном штабе отправки и лечения, а после окончания войны стал работать в Медицинском университете города Кум, где на протяжении многих лет занимал должность директора лабораторий медицинского центра провинции Кум. В 2011 г. он вышел на пенсию, но по настоящее время продолжает помогать людям в качестве врача (*прим. авт.*).

¹ Фахреддин Хеджази родился в 1930 г. в городе Сабзевар. Он был первым избранным в Меджлис национального совета Ирана от тегеранского округа, а также – депутатом второго и третьего созывов Меджлиса Тегерана. Также являлся одним из активных религиозных проповедников еще до Исламской революции. Умер 19 мая 2007 г. в Тегеране (*прим. авт.*).

² 1358 год по иранскому календарю соответствует отрезку с 21 марта 1979 г. по 20 марта 1980 гг. (*прим. перев.*).

Весной 1979 года Имам издал указ о Конструктивном джихаде. Следующую нашу выставку мы назвали «Джихад и пшеница». Обе выставки прошли в Центре «Фатх»¹, который фактически стал для меня вторым домом. Все мероприятия руководителей исламских обществ дабирестанов, нефтяных факультетов и т.д. проходили именно в Центре «Фатх».

Центр «Фатх» представлял собой крайне полезную культурную, политическую и идеологическую платформу. На первом же заседании этого центра с целью создания в школах религиозной атмосферы было принято решение, согласно которому два студента-активиста Центра «Фатх» должны были быть командированы в школы для преподавания идеологии и мировоззрения.

Для укрепления ментального, политического и религиозного базиса учащихся руководители исламского общества учредили также различные занятия с преподаванием соответствующих предметов. Господин Мотахар² преподавал мистицизм,

¹ Общественная городская библиотека, являвшаяся после Исламской революции местом культурной деятельности студентов нефтяных факультетов и учащихся школ (*прим. авт.*).

² Хусейн Мотахар был студентом нефтяного факультета по специальности инженер-химик. В Центре «Фатх» он преподавал основы нравственности и мистицизма. Все студенты и ученики очень любили его уроки. Во время войны он был задействован в Корпусе стражей Исламской революции города Шуштар, а в настоящее время, имея степень магистра, работает в инженерном отделе Нефтяной компании в городе Ахваз (*прим. авт.*).

господин Али Асгар Зареи¹ – политику, а господин Мохаммад Садр² – военное дело. Каждый, в зависимости от преподаваемого предмета и личных склонностей, занимался соответствующими теоретическими и практическими исследованиями. Каждая из нас: сестры Борхани, Мари Назари, Парвана Ака-Назари, Захра Алмасиан, Марьям Фарханиан, Фарида Хамиди, Седдика Атешпандже, Зинат Салехи, Пешманфар и я – посещали эти занятия

¹ Али Асгар Зареи является выпускником нефтяного факультета Абаданского университета и депутатом Меджлиса исламского совета от тегеранского округа (*прим. авт.*).

² Сейед Мохаммад Садр-Хашеми – сын аятоллы Сейеда Асадоллы Садр-Хашеми, являлся секретарем в Министерстве образования. С началом войны он стал работать на радиоканале Нефтяной компании в Абадане, где готовил программы военного и эпического характера. Он также работал в качестве диктора этих программ вместе с Голам-Резой Рахбаром. В 1983 г. ему было передано руководство радиоканалом, одновременно с этим он возглавлял Штаб пятничного намаза города Абадан. Позднее он осуществлял деятельность на таких должностях, как генеральный директор подразделения Министерства культуры и исламской ориентации Ирана в провинции Хузестан. Параллельно с этим заведовал Порталом культуры и искусства при Министерстве культуры и исламской ориентации Ирана на юге, а также – радиоканалом «Соут аль-Мостазифин» в ливанском городе Баальбек. С 1999 по 2003 г. являлся культурным атташе при посольстве Исламской республики Иран в Бейруте. Садр-Хашеми, имеющий степень магистра по специальности «история, культура и цивилизация ислама», на протяжении многих лет также являлся директором Центра исламских исследований и арабского мира, а также советником по исследовательским вопросам заместителя директора Организации исламской культуры и связей. После ухода на пенсию в 2013 г. он занялся научной деятельностью (*прим. авт.*).

в качестве представителей от различных женских дабирестанов.

В первый день на занятии по нравственности и мистицизму, которое вел господин Мотахар в Центре «Фатх», присутствовало пятнадцать учеников. Согласно заранее подготовленной программе, мы зашли в класс. Кондиционер не справлялся со своей задачей охлаждения всей аудитории – прохладно было только на последних рядах, а попасть именно на них требовало от человека определенной ловкости. Чем ближе мы подходили к двери, тем жарче становилось. Мы ждали преподавателя. Наконец в аудиторию вошел господин Мотахар, он был высокого роста. Окинув скромным взглядом присутствовавших, назвав их мягким голосом сестрами, он поприветствовал всех и сказал: «Мне, неимущему и просящему подаяние, доверено беседовать с вами о мистицизме и нравственности». Далее он стал цитировать поэта Моулану. Тут я его перебила, сказав: «Господин, я отстала, повторите, пожалуйста, снова!» Я думала, что на этом занятии, как и любом другом, следует записывать за преподавателем. После этого он произнес медленно: «В пути оставайтесь, но никогда не отставайте! Остаться в пути лучше, чем отстать. Бейты, которые я сейчас прочитал, следует понять и усвоить, а не записывать. Запишите их так, как вы поняли. Секрет понимания Божественных тайн заключен в том, чтобы предать себя полному забвению и увековечиться в Возлюбленном – воссоединиться со Всевышним и таким образом обрести бессмертие и вечность. Познавший себя познает Всевышнего.

Первая ступень познания Всевышнего заключается в познании самого себя. В первую очередь вы должны спросить самого себя: “Кто я?”. Познайте ваше истинное и подлинное “Я”, которое является частицей Бога. Двигайтесь от части к целому. Считайте себя частью Создателя и, познав это “Я”, придите к познанию Великого Творца. Познакомьтесь со своим “Я”».

Затем преподаватель попросил нас: «Ответьте на вопрос: “Кто я?”». Каждый из нас описал свое представление о своем «Я»: «Я» – то есть мои глаза, «Я» – то есть мои уши, «Я» – то есть мой разум, «Я» – то есть моя рука, «Я» – то есть моя нога, «Я» – то есть мой язык, «Я» – то есть мое сердце, «Я» – то есть моя душа... Преподаватель сказал: «Вы должны видеть красивее. “Я” – то есть моя рука – то есть частица Бога, “Я” – то есть мои глаза – то есть частица Бога. И тогда глаза, язык, уши, руки, ноги и сердца обретут большую весомость и более высокое место. Следовательно, вы – хранители того, что вам вверено, и поэтому вы становитесь обладателями более важной миссии. И когда ваше “Я” наполнится Богом, тогда ваше “Я” станет глазами Всевышнего, Его ушами, разумом, руками, ногами, устами, сердцем. И именно тогда вы станете частицей Всевышнего».

Начался новый учебный год – первый после свершения революции. С началом школы и уроков настроения ребят стали еще более революционными. Даже наш критерий дружбы и вражды определялся формулой *«Я друг вашим друзьям и враг вашим врагам»*. В духовной школе Имама мы познавали

уроки гуманности и человеколюбия. Мы настолько были погружены в революционные мысли и идеи, что старались вести себя так, чтобы каждое наше слово и каждое наше действие имели пользу для дела революции. Поэтому наши слова стали лаконичными, но содержательными и многозначительными. Молчание препятствовало лжи, клевете и пересудам. Несмотря на то, что наша школьная форма пока что оставалась прежней, многие девушки по собственному желанию и инициативе надели брюки и поменяли свою школьную форму на более скромную. В новом учебном году уроки физики, химии и алгебры проходили очень вяло, с минимальным количеством учеников. Зато на уроках религии и богопознания аудитории были заполнены так, что ученики из-за нехватки мест сидели даже на полу. Я вместе с Наргес Каримян, Фатимой Салехи и Зинат Чангизи под руководством нескольких прореволюционных учителей, таких как госпожа Казияни и госпожа Херадманд, обратились в Министерство образования с просьбой направить к нам учителя религии, революции и политики и уволить учителей религии старого режима. И в результате благодаря настойчивости и бесчисленным визитам нашей инициативной группы господин Мохаммад Эслами-Насаб¹ и го-

¹ Мохаммад Эслами-Насаб был одним из студентов-активистов Исламского общества Америки, который до победы Исламской революции приехал в Иран вместе с революционно настроенным потоком людей и стал одним из активистов, пропагандировавших исламскую культуру. В первые годы войны с Ираком был назначен заместителем министра торговли (*прим. авт.*).

сподин Мохаммад Бахши¹, представлявшие революционные силы города, начали работу в нашей школе в качестве преподавателей религии. Школа наша была похожа на что угодно, только не на школу. Она больше напоминала место политических встреч, дискуссий и полемик групп и партий «Хезболлы», «Моджахедов иранского народа», коммунистов и т.д. Иной раз, когда диспут или полемика не удавались, начинались споры, которые в свою очередь перерастали в конфликты. Именно во время таких споров и стычек горизонт наших мыслей и сознания расширялся и претерпевал преобразования, открывая перед нами запертые двери. Я уверена, что, если бы не Имам и революция, мы бы никогда не смогли открыть те двери, увидеть и познать представший перед нами мир.

Зимой 1980 года в Хузестане произошла катастрофа – сошел сель, оставивший под водой несколько деревень. После этого мы внесли изменения в наш школьный график: день ходили в школу, день – в пострадавшие деревни для оказания их жителям гуманитарной помощи. На деньги, вырученные от продажи аше реште, самсы и

¹ Инженер Мохаммад Бахши являлся выпускником факультета нефти, который после победы Исламской революции некоторое время занимал должность заместителя командующего внутренними войсками Абадана. Позднее он также занимал должности заместителя начальника Департамента химической промышленности при Министерстве промышленности, руководителя инвестиционных вложений в банке промышленности и рудников, начальником по кредитам в Банке развития и экспорта. В настоящее время он занимается свободной деятельностью в сфере управленческих и промышленных проектов (*прим. авт.*).

фалафеля¹, мы покупали одеяла, одежду и средства обогрева и отдавали их жертвам стихийного бедствия. После того как произошло наводнение, мой отец сказал: «Абадан находится между водой и огнем. Он или тонет в воде, или сгорает в огне».

По утрам рядом с моим портфелем стоял котел с аше реште. Каждая из нас что-то готовила на продажу, чтобы использовать вырученные средства для осуществления деятельности Исламского общества и организации книжной выставки. В том году мы купили некоторое количество одеял и керосиновых ламп для жителей пострадавших от наводнения деревень. Вместе с группами добровольцев-волонтеров мы ходили в близлежащие деревни, где занимались обучением грамоте детей.

Третий класс дабирестана был для меня одним из лучших годов в моей жизни. Несмотря на то что нам пришлось пережить наводнение и мы имели дело с трениями и конфликтами между разными политическими группами, противостояние различным проблемам, как ни странно, во многом облегчило мне выполнение всех задач, связанных с уроками и книгами. Я до сих пор удивляюсь, как мне удавалось заниматься уроками и сдавать экзамены при наличии такого объема культурно-общественной работы и нагрузки в связи с ней. Я даже не помню, когда умудрялась сесть за уроки. Я была слишком гордой, чтобы списывать у кого-то из одноклассниц домашнее задание или выпрашивать

¹ Фалафель – блюдо, представляющее собой жаренные во фритюре шарики из измельченного нута или бобов, приправленные пряностями (*прим. перев.*).

оценки у учителей. Вместе с тем я знала, что, если получу плохую оценку, моя семья запретит мне заниматься какой-либо деятельностью вне школы, и вся моя культурно-просветительская и социальная активность прекратится.

С началом лета и программ Центра «Фатх» уроки господина Мотахара возобновились. Темой первого занятия был страх. В самом начале урока учитель спросил: «Все мы в жизни боимся чего-то. Но почему мы боимся? Чего каждый из вас боится?»

Каждый из нас действительно чего-то боялся, начиная от тараканов, мышей и хищных животных и заканчивая темнотой, одиночеством, бедностью, голодом, жаждой, духами, джиннами, огнем преисподней, Азраилом и смертью. Страх смерти, подобно неизлечимой болезни, овладел нашими телами и душами, и нам трудно избавиться от него. Но если Бог вездесущ и всюду пребывает, если Он всевидящий и всемогущий, почему мы тогда боимся того, что не является Богом?

Присутствуя на этих занятиях, мы поняли, что бояться чего-то, кроме Всевышнего, – запретное деяние, и остановились в последней цитадели – обители ангела смерти Азраила. Занятия, которые велись летом 1980 года, были посвящены теме «ангел смерти». Мы должны были протянуть этому ангелу руку дружбы. Для того, чтобы побороть страх смерти и подружиться с Азраилом, нам необходимо было заниматься постоянной медитацией, самоконтролем и погружением в размышления, неустанно пребывать в состоянии пробужденного сердца, которое в молитвах обращается ко Все-

вышнему. В нашем сознании Азраил не был красивым ангелом, напротив, он был черным и ужасным, и мы его боялись. Поэтому мы должны были познать Азраила – этого главенствующего над смертью ангела – и влюбиться в него. Он был послем Всевышнего на земле, послем, который проникает во все живые существа, проходит сквозь них и вынимает из их тел души, чтобы доставить их в высший мир. Мы условились вечерами, после заката, после того, как люди оставляют своих близких на месте их вечного упокоения, приходиться на кладбище, разговаривать с духами и таким образом протянуть Азраилу руку дружбы и соединить нашу жизнь со смертью. Мы часами лежали в пустых могилах рядом с могилами ушедших и испытывали ощущение смерти и вхождения в другой, заповедный мир. Самой трудной задачей для нас была предполагаемая дружба с Азраилом, а также практика общения с отошедшими в мир иной существами и самоконтроль. Некоторые из нас, например, Фарида Хамиди и Седдика Атеш-пандже, очень серьезно относились к этим занятиям и не допускали никаких шуток во время них. Мы же с Захрой Алмасиан, чтобы преодолеть страх внутри себя и не чувствовать жуткое одиночество, начинали громко смеяться и переговариваться. Мы брали с собой фрукты и, шутя, говорили, что вкушаем райские плоды. Время от времени девочки призывали нас к порядку и напоминали слова преподавателя, который говорил: «Громкий смех сродни наущениям шайтана. Даже если вы чему-то очень обрадовались, вы должны только улыбнуться». Все уроки

и задания нашего преподавателя были выполнимы и терпимы: лазить по горам Хоррамабада голодными и жаждущими в стужу и зной с рюкзаком на спине, быть одетым в легкую одежду в холод и в шерстяное пальто в жару, воздерживаться от приема пищи на протяжении длинных летних дней, совершать полночные намазы и долгие молитвы, сдерживать свой гнев, совершать обязательные и желательные богоугодные дела, искренне служить отцу, матери и близким, отказаться от лжи, смирять свои желания и привязанности, а также принять мысль о смерти. Однако находиться часами в могилах умерших и вести круглосуточный диалог с их душами было для меня настоящим испытанием и сложнейшей задачей.

Салман и Сейед, которым было известно, что я посещаю занятия господина Мотахара, будучи свидетелями моральных и поведенческих изменений во мне, зная мою склонность к уединению и затворничеству, во время некоторых практик открыто сопровождали меня, а иногда тайно и незаметно следили за нами.

Во время последнего нашего визита на кладбище мы все четверо легли в могилы на определенном расстоянии друг от друга. Действия эти происходили после захода солнца. Темнело. Мы пролежали в могилах около часа, особенно усердно предаваясь молитвам, как вдруг услышали лай обитавших на кладбище бродячих собак, приближающихся к могилам, в которых мы лежали. Не испугаться этих звуков было невозможно. Даже Фарида и Седдика, куда более серьезно, чем я, воспринимавшие эти

практики, не колеблясь ни секунды, выскочили из могил и бросились бежать с кладбища. Мы бежали изо всех сил и кричали от страха, а лай собак с каждым мгновением становился все более громким и зловещим. Когда мы удалились на достаточное расстояние от кладбища, мы остановились и посмотрели друг на друга. Мы были мертвенно-бледные и не в состоянии вымолвить ни слова; страх будто бы сковал даже наше сознание, и мы не узнавали друг друга. Когда мы рассказали о происшествии учителю, нам стало стыдно за себя, и мы пожалели, что так повели себя в той ситуации. Учитель спросил нас: «Чего вы испугались? Умершие умерли, они заняты тем, что отвечают за свои деяния при земной жизни, – у них нет намерения причинить вам вред. Собаки возились с телами мертвецов, – им тоже было не до вас. Если бы вы не испугались и не побежали, собаки не стали бы вас преследовать. Если человек не боится собаки и не бежит от нее, она не причинит ему вреда. Однако ваше искреннее признание в том, что вы всё еще находитесь во власти страха, достойно похвалы».

Мы почувствовали еще больший стыд, когда поняли, что не было никаких собак! Оказывается, нас преследовали вовсе не злые псы, а Салман и Сейед, которые спрятались недалеко от места нашей дислокации и подражали собачьему лаю; они понемногу двигались в нашу сторону, а когда мы побежали, погнались за нами с громким лаем, чтобы напугать нас, разорвать нити нашей дружбы с ангелом смерти и отвадить нас от походов на кладбище.

Разные политические группы каждый день инициировали в том или ином месте столкновения или устанавливали взрывные устройства. В основном через границу с Ираком в город завозились оружие, гранаты, самодельные бомбы, которые оказывались в руках простых людей с улиц и базаров.

Али Асгар Зареи, который являлся заместителем командующего внутренними войсками Абадана и выпускником нефтяного факультета, объяснял нам политические тенденции и идеологию разных политических партий. На этих уроках меня и всех сестер убедили в необходимости прохождения военной, медицинской и политической подготовки.

Прошло около года после революции. Многие старые учреждения и структуры с их начальниками и директорами и даже сторонники прежнего режима, сотрудники спецслужбы САВАК, продолжали свою деятельность, саботируя нововведения и создавая нездоровую атмосферу в стране в попытке настроить массы против новой системы. Абадан, важный промышленный город, подвергся нашествию разного рода политических партий, сект и групп – город, находившийся вблизи соседа (Ирака), который только и ждал возможности предоставить своим сторонникам различные виды разрушительного оружия, чтобы использовать их против Ирана. Небезопасную обстановку в городе усугубляло восстание «Партии арабского народа» и трения между арабами и неарабами. Но все же в районах люди, независимо от национальной принадлежности, по-прежнему сосуществовали в согласии и мире.

После прихода к власти в Хузестане нового губернатора и назначения на этот пост господина Батманкелича¹, принадлежавшего к революционными силам и бывшего выпускником Института нефти Абадана, город снова вздохнул. С целью зачистки структур, организаций и губернаторского аппарата от подрывных элементов он привлек к работе ряд лиц из Корпуса стражей, студентов Института нефти и Исламского общества дабирестанов в качестве сотрудников и добровольных представителей губернатора. Однако в то время ни одна организация или учреждение не хотели признавать нас официально. Единственной группой, с которой считались, были представители губернатора в мечетях. Только они были удовлетворены приемом и отношением к себе.

¹ Инженер Фаривар Батманкелич родился в 1957 г. в Тегеране. Детство и юность провел в Мешхеде и Абадане и, следуя примеру отца, работал на железной дороге. Среднюю школу Фаривар окончил в Абадане. В 1979 г. окончил Абаданский Институт нефти. Был в числе тех, кто принимал активное участие в забастовке на нефтеперерабатывающем заводе, поэтому был арестован и сослан. После победы Исламской революции он в возрасте 24 лет был назначен губернатором Абадана. После начала навязанной войны с Ираком возглавил Штаб по координации деятельности губернаторства Абадана. Оставаясь на должности губернатора до конца осени 1981 г., Батманкелич делал все возможное ради укрепления, наращивания мощи и обороны города. В результате большого объема и интенсивности деятельности, осуществляемой им, он тяжело заболел. Его увезли из Абадана на носилках. Лечение было долгим. После того, как на должность руководителя администрации Министерства нефти был назначен Мохаммад Карзи, Батманкелич принял на себя руководство департаментом по кадровой политике этого министерства (*прим. авт.*).

Каждый из нас имел право в качестве представителя губернатора выбрать для себя место работы в одном из центров, учреждений или организаций. Ближе всего моей душе было служение в Абаданском сиротском доме, который мы называли приютом. Неведомая и тайная сила звала меня к детям, и работа в приюте по-настоящему привлекала меня. Придя в сиротский дом, я встретила сестру Мейманат Карими, которая преподавала Коран в мечети имени Обетованного Махди (да приблизит Аллах его пришествие!). Мейманат была весьма набожной и религиозной девушкой. Я очень обрадовалась встрече с ней. Несмотря на то, что она тоже недавно пришла в приют, Мейманат успела хорошо узнать царившую там атмосферу и детей, поэтому показала мне разные отделы приюта. Последний, кому она представила меня, был директор приюта. Я заметила, что он был не в восторге от нашего прихода. Директор был нервным человеком, который, по-видимому, вымещал свои внутренние комплексы на этих беззащитных детях, ругаясь и крича на них. Все дети очень боялись и слушались его.

Девочки и мальчики содержались в двух разных секторах, имеющих отдельные выходы на открытое пространство. Каждый сектор имел несколько спальных помещений, рассчитанных на двадцать человек. В приюте имелась столовая, в которой работники Наим, Абдуль-Хусейн и Акбар готовили еду для ста двадцати детей в возрасте от двух до пятнадцати лет. Брат Карим Салахшур¹ приказом

¹ Карим Салахшур после войны окончил Университет города Манчестер в Великобритании, получил докторскую

губарнатора был назначен на должность начальника Комитета Красного Полумесяца. Он был студентом Института нефти Абадана. Поскольку количество мальчиков было велико, он сначала выбрал брата Сейеда Сафара Салехи в качестве воспитателя, а впоследствии передал ему полномочия по руководству приютом. Сейед был одноклассником Рахмана и одним из тех ребят, которые работали в мечети имени Обетованного Махди. А я училась в одном классе с его сестрой Фатимой-аль-Садат. Я спросила его: «С чего начнем? Как нам подружиться с детьми и сделать так, чтобы они нас приняли?». Он ответил: «Этих детей собрали в одном месте лишения, страдания и боль сиротской участи и одиночества. Мы должны разделить с ними эту боль, поняв ее. Тогда они почувствуют к нам доверие и симпатию».

Как мы ни старались завязать разговор с детьми, они с отрешенными взглядами проходили мимо нас. Облик каждого из них нес печать недоброй судьбы. Одна из девочек сказала: «Мы – ошибки Бога. Мы должны были умереть в утробах своих матерей, но не умерли. Мы не должны были родиться на свет, но родились». Моральное и эмоциональное состояние этих ребят было одно плачевнее другого. Имена и прозвища¹, которыми дети называли друг друга, свидетельствовали о горькой и много-

¹ Настоящие имена воспитанников приюта не названы из соображений сохранения человеческого достоинства и соблюдения моральных принципов (прим. авт.).

страдальной жизни, выпавшей на их долю. Сначала я думала, что у Хасана фамилия такая – Сарерахи, но после я поняла, что «сарерахи» (в переводе с персидского – беспризорник) – это история жизни Хасана. Десять лет, одиннадцать месяцев и шесть дней назад Хасана нашли рядом с кучей мусора, после чего его принесли в этот приют. Другого прозвали Сухрабом-Обманщиком. Мать Сухраба умерла во время родов, после чего его отец отдал мальчика в этот приют, а сам из-за нищеты стал жить на улице номер Один района Ахмад-Абад¹. Третьего мальчика звали Муса Гашишный. Его история потрясла всех. Муса был жертвой порочных и губительных развлечений своих родителей-наркоманов. Каждый раз, когда они вдруг загорались желанием забрать Мусу домой, они прижигали ту или иную часть тела мальчика «мангалом» для варки гашиша. Раны на теле Мусы не позволяли ему забыть родителей. Еще одним обитателем приюта был Шапур-Попрошайка. Его мать была цыганкой-нищенкой. После смерти отца Шапура она не в силах была содержать ребенка, начала попрошайничать и иногда приносила Шапура в приют немного сладостей и что-нибудь из одежды. Одним словом, каждый из ребят носил печальное прозвище согласно своей тягостной жизненной истории.

И теперь нам предстояло подружиться с этими детьми, заниматься с ними и проводить с ними культурную работу. Нам надо было войти в их

¹ Один из районов Абадана. В районе Ахмад-Абад было пятнадцать улиц, и улица номер Один считалась одним из главных базаров города (прим. авт.).

жизни. Мы не должны были смотреть на них, как на странные и обделенные существа. Они были похожи на других детей, живших в городе, с той лишь разницей, что эти родились на свет более одинокими и неимущими, лишенными самой элементарной и естественной жизненной прерогативы – родительской любви. Мы не знали, с чего начать. Мы не знали, должны ли мы заботиться только об их физическом благосостоянии и росте или рассказывать им об исламе, революции и Имаме. С чего начать вести с ними разговор? Знали ли они вообще, что произошла революция? Имела ли она для них хоть какое-нибудь значение? Видели ли они революцию? Брат Салахшур постоянно акцентировал внимание на важности нашей миссии и говорил: «Если вы познакомите их с исламом, революцией и Имамом, они сами найдут правильный жизненный путь. Только не будьте слишком эмоциональны и не проявляйте по отношению к ним жалость». После долгих бесед и советов с братом Салахшуром мы пришли к выводу, что подобная необустроенная жизнь нуждается в структурировании и законе. И я включилась в этот процесс.

Сейед начал свой первый урок словами: «Отныне никто из вас не имеет больше права называть других кличками и прозвищами. Надо называть друг друга добрыми именами. Все мы – одна семья, все мы друг другу – братья и сестры. Более взрослые должны опекать более младших и заботиться о них». И тут Расул – один из приютских детей – оборвал Сейеда на полуслове и спросил громко: «Братья и сестры от скольких мам и пап?». Но Сейед

спокойно и невозмутимо продолжил: «Даже в самой слабой памяти остаются воспоминания о малейших проявлениях доброты. Мы закрепим союз братьев и сестер дружбой и любовью».

Поднялся шум. Седдика, которая была самой разумной из всех детей, крикнула: «Заткнитесь! Дайте услышать хотя бы два стоящих человеческих слова!» Сейед продолжил: «Старшие пусть укроют младших под зонтом своей доброты и заботы». И вновь слышались с разных сторон шутки: «Под каким зонтом мы должны пойти в этот палящий зной, когда дождем и не пахнет?!» Малолетняя аудитория взорвалась смехом. Сейед продолжил: «Всевышний, сотворивший нас, ниспослал нам Книгу и Пророка для того, чтобы они наставили нас на путь истинный и показали нам правильный образ жизни. При их помощи мы должны выбрать для себя прямой путь. Человек сам творит свою судьбу». Но дети как будто сговорились не дать Сейеду вести свою речь. Они беспрерывно выкрикивали шутливые и язвительные реплики с разных сторон и пытались дерзить. Настала очередь Фариды выкрикнуть свои постоянные внушенные ей матерью измышления: «Мы же только ошибки Всевышнего! Никто не сможет наставить нас на путь истинный. Лучшие наставления для нас – это пощечины и пинки. Мы становимся более или менее людьми, когда нас бьют». Сейед терпеливо и медленно произнес: «Нет, ребята, если бы кто-нибудь становился человеком при помощи побоев, осел бы тоже давно стал человеком». Дети замеялись, ухватились за этот новый сюжет, и теперь каждый из них начал

шутить на эту тему. Сухраб сказал: «Наверно, я тот самый осел, которого били так, что он стал похож на человека». Сейед, невзирая на эти реплики, продолжил: «Вы знаете, что шахиншахский режим, господствовавший в стране, свергнут, и все мы сейчас под сенью руководства имама Хомейни оказались направленными на верный путь? Если вы захотите, вы тоже впредь можете быть с нами и узнавать больше об истории жизни Имама». Один мальчишка сказал: «Уважаемый, нас здесь морят голодом, поэтому если, слушая эти истории, мы будем прерываться и есть хлеб и кебаб, начинай их рассказывать, если же нет, история о нас самих – самая душещипательная».

Каждый день сестра Мейманат, я или Сейед вели с детьми беседы. И по прошествии некоторого времени нам, наконец, удалось понемногу завоевать доверие ребят и пробудить симпатию по отношению к нам. Иногда с разрешения директора приюта мы отводили детей к себе домой, чтобы познакомить их с доброй и дружественной атмосферой, которая царит в кругу семьи. Больше всех из нас дети полюбили Сейеда, они просто влюбились в него! И ласково называли его «дядя Сейед».

Однажды по случаю наступления Нового года – Навруза – Сейед взял к себе домой двенадцать воспитанников приюта. Отец Сейеда, будучи человеком набожным и приветливым, радушно принял детей и всячески их развлекал, а мать Сейеда приготовила для них разные вкусные домашние кушанья, сладости и фрукты. Всем детям даже раздали подарки. Во дворе дома Сейеда росло большое

дерево зизифус¹, которое называли зизифусом Сейеда. Вместо одного раза оно давало плоды несколько раз в году. Сейед говорил: «Отец настаивал на том, чтобы я привел детей домой, чтобы они отведали плодов этого дерева».

Как и все семьи тех времен, семья Сейеда держала в своем доме кур и петухов. Мать Сейеда приготовила для детей омлет из куриных яиц. Дети с удовольствием поели омлет со свежим хлебом и плоды дерева зизифус. После этого они долго играли и резвились, а вечером, довольные и радостные, вернулись в приют. Но не прошло и нескольких минут после их возвращения, как они стали ругаться между собой, и через пару мгновений ссора переросла в драку. Сейед попытался разнять ребят и выяснить, в чем дело. Он беспокоился о том, что детям не понравилось у него дома и то, как они провели там время. Он спросил их: «Дети, разве вам не понравилось, как вы провели время у нас дома? Что вас огорчает, почему ругаетесь?»

Хасан ответил: «Дядя Сейед, это очень несправедливо! Сухраб собрал все косточки от плодов зизифуса, пробрался внутрь клетки, где содержатся куры и петухи, и скормил их им, и убил их всех. Если ты пойдешь домой, ты сам увидишь, что он сделал

¹ Зизифус – колючий листопадный кустарник или дерево с густой кроной и мелкими зеленовато-белыми цветками. Плоды – небольшие, круглые или яйцевидные, мясистые, гладкие. Вначале они имеют бледно-желтый цвет, затем – красно-коричневый. Это сочные костянки с очень сладкой, вкусной и питательной мякотью. В Абадане это дерево широко распространено как в пальмовых рощах, так и в садах домов Нефтяной компании (*прим. авт*).

с этими бедными курами и петухами». Часть детей была опечалена этим происшествием, а те, которые отличались особенным озорством, смеялись и забавлялись.

Несмотря на все их баловство и проказы, я любила их, причем не из сострадания. Во взглядах и объятиях детей я видела мир, призывавший к дружбе, доброте и любви. Сами нуждавшиеся в любви и внимании, они всегда старались восполнить доброе отношение других по отношению к себе. Те, что были постарше, говорили: «Дядя Сейед, Бог даст, мы восполним твое добро!».

Никакая работа и никакое место не были для меня столь приятны и умиротворительны, как минуты пребывания с этими детьми. Мы привыкли друг к другу и постепенно стали единой семьей. Дети знали всех наших родных. Нам хотелось, чтобы ребята испытали радость дружеских и семейных отношений и перестали вызывать в окружающих жалость по отношению к себе.

Я предпочитала проводить время либо с детьми, либо дома. Я, которая до этого возраста любила пошутить и подурачиться, день ото дня менялась, становилась все более чуткой и восприимчивой. Я сильно похудела, постоянно следила за своей речью, мыслями и сердечными побуждениями. Я выбрала для себя аскетический образ жизни и стала избегать контактов с людьми, что мне казалось лучшим способом уберечься от греха. Круглыми сутками я предавалась богопоклонению и молитвам. Неверная интерпретация и неправильное понимание мной материалов, преподававшихся

на уроках господина Мотахара, а также предостережения, получаемые от него, привели меня к затворничеству. Мать умоляла меня выйти из дома и возобновить свою социально-культурную деятельность – деятельность, которая привлекала бы внимание людей и могла заслужить их похвалу и одобрение. Ее раздражало то, что в летний зной я надевала зимние вещи и говорила ей: «Мир не создан для того, чтобы человек получал удовольствие от жизни». Я относилась ко всему с особой щепетильностью и в вопросе знаний хотела превзойти своего учителя.

Прошло некоторое время. Господин Мотахар узнал о моем затворничестве и в назидание мне сказал: «Жизнь складывается по принципу умеренности и баланса. Никакого фанатизма! Важно помнить о том, что Всевышний оказывает помощь людям, когда они едины, вместе. Вы должны находиться среди людей и не грешить. Камень попадает в двигающийся поезд. Если вы праведник, вы должны присутствовать на жизненной битве, быть в миру, чтобы испытать свое благочестие, смелость и мужество. Показателем уровня благочестия, веры и совести не является совершение намаза и соблюдение поста. Счастливый конец не подразумевает отшельничество и затворничество в монастыре. Путь равновесия и умеренности требует рационализма, развития компетенции и наращивания потенциала. Вы должны поразмыслить о себе и о том, что вас окружает. Для повышения уровня вашего благочестия надо иметь терпение и выдержку. Разве можно упасть в воду и не намочнуть? Почему вы

не растаетесь с берегом, почему боитесь волн? Неужели вы думаете, что можете вступить на арену битвы с вашим эгоизмом так, чтобы ни одна стрела не попала в вас? Когда человек рождается, это означает, что Всевышний официально приглашает его в этот мир. Следовательно, отказ от мирской жизни и отшельничество – большой грех. Зачастую человек доходит до того, что даже вера и богослужения портят его. Путь мира и согласия с рабами Божьими в мирской жизни предписан пророками в Священном писании. Будьте бдительны, ибо этот путь очень узок и тернист».

В конце лета для меня обрисовались две перспективы: первая –развлекательная программа в виде поездки в Исфахан вместе с приютскими детьми, вторая – участие в лагере в Хоррамабаде и Тегеранском лагере Манзария, что носило политический, культурный и воспитательный характер. Моя имя фигурировало в списках участников обеих программ. Дядя Сейед вместе с Хусейном Атешкаде, Мехди Рафии¹, Али Джейрани с Мохаммадом Ислами-насабом и Мейманат Карими отправились в Исфахан, а я вместе с Али Асгаром Зареи, Хамидом Акбари, Азарнуш и Захрой Алмасиан поехали в лагерь Манзария в Тегеране. Я знала, что программа в этом лагере составлена с акцентом на самовоспитание и очищение, поэтому решила направиться именно туда. Моя мать очень обрадовалась

¹ Мехди Рафии был одним из активистов мечети имени Обетованного Махди. В 1997 г. он погиб в автомобильной катастрофе во время выполнения пропагандистской миссии (прим. авт.).

тому, что я какое-то время буду находиться вне Абадана, не догадываясь о том, что этот лагерь является своего рода продолжением тех занятий и программ самопостроения, в которых ранее я принимала участие.

Мое возвращение из лагеря совпало с рождением ребенка моего брата Карима, который жил в Тегеране. Мейсам появился на свет тридцать первого числа месяца шахривар (двадцать второго сентября), одновременно с вторжением Ирака в Иран. Мама не хотела, чтобы я возвращалась в Абадан, и просила меня остаться еще несколько дней в Тегеране для того, чтобы я присмотрела за женой Карима и маленьким Мейсамом. Потому что Саддам напал на нашу страну, и в Абадане шла война.

Глава четвертая

ВОЙНА И ПЛЕН

Учебный 1980 год начался гулом бомбардировщиков «МиГ»¹. С полетами иракских истребителей-бомбардировщиков в городе стали раздаваться звуки, которые невыносимо было слышать. Школьный звонок сливался воедино со звуками снарядов, рыхливших землю под ногами малолетних школьников. Владельцы магазинов в ужасе закрывали их и бежали домой, к своим семьям, но никто не знал, откуда раздаются эти наводящие ужас звуки. Некоторые говорили, что где-то произошел взрыв, другие, более осведомленные, говорили, что преодолен звуковой барьер². Вместо песен, посвященных школе и началу учебного года, по радио передавали военный марш, сигнал боевой готовности и сирену воздушной тревоги. За короткий промежуток времени улицы города пропитались запахом смерти, повсюду раздавались

¹ Навязанная война началась 22 сентября 1980 г. Следующим днем было 1 число месяца мехр, то есть начало нового учебного года (*прим. авт.*).

² Когда боевой летательный аппарат развивает скорость, превышающую скорость звука, он вызывает ударную волну, которая создает громкий звук, похожий на взрыв, от которого лопаются стекла (*прим. авт.*).

стоны матерей, потерявших своих детей, крики напуганных детей и звуки непрерывно разрывававшихся мин. Беззащитные мирные люди стали мишенью для вражеских орудий.

Приветственные слова по случаю начала учебного года, звучавшие по традиции из уст начальника Управления по делам образования, на этот раз сменились новостью о его мученической смерти. Господин Самад Салехи¹ и тридцать его коллег поздравили абаданских школьников с началом нового учебного года своей кровью. И стало так, что школьники вместо ручек взяли в руки оружие. Запах пороха заменил запах новых учебников, одежда басиджей (ополченцев) – школьную форму, окопы – школьные парты. Смерть на поле боя стала домашним заданием, учителя – командующими,

¹ Самад Салехи, сын Хабибуллы Салехи, родился в 1938 г. в городе Фаса провинции Фарс. Он был одним из выдающихся деятелей системы образования еще в дореволюционный период и являлся активным борцом с антиреволюционными течениями и группировками в Абадане. После победы Исламской революции он был назначен руководителем Генерального управления по делам образования Абадана. 24 сентября 1980 г. он погиб во время бомбардировки здания Управления по делам образования. Он оставил после себя сына и двух дочерей. Бомбили Управление по делам образования Абадана на третий день после начала массированного наступления армии Баас Ирака на Иран. Здание Управления по делам образования находилось в районе Боварде Шомали, на углу улицы, а напротив него располагался Институт нефти. В тот день было запланировано культурное мероприятие с участием руководителей Управления по делам образования, однако иракские воздушные атаки унесли жизни, помимо Самада Салехи, еще 23 человек. По этому случаю 29 сентября было объявлено днем траура (прим. авт.).

а ученики и студенты – мучениками. Война застала всех врасплох – учителей, инженеров, докторов; стариков и молодежь, женщин и детей. Саддам обрушился на наши города, подобно кровожадному дракону-людоеду; как ядовитая ненасытная змея, он питался кровью сынов и дочерей этой земли.

Новости, которые я получила из Абадана, взволновали меня так, что я начала упрашивать и умолять Карима не препятствовать мне во что бы то ни стало вернуться в Абадан, и он согласился. Я даже не стала дожидаться, пока жена Карима выпишется из родильного дома. Рано утром я добралась до Ахваза. Рахим приехал в Ахваз за мной и встретил меня на вокзале. Мы вместе пошли в Штаб по координации и поддержке фронта при Нефтяной компании. Большое количество женщин-добровольцев было занято оказанием услуг по поддержке фронта – они помогали медицинскому персоналу, ухаживали за ранеными, заботились о престарелых и инвалидах. Несколько дней я оставалась в штабе, но все мои мысли по-прежнему были заняты детьми из приюта, я беспокоилась о них. Наш мирный, живой и активный Абадан превратился в ристалище военных действий. Шок от сознания того, что началась война, был настолько велик, что мало кто помнил о детях из приюта. Даже в мирное время судьба этих несчастных детей мало кого волновала, тем более в кровавые дни войны! Иракские бомбардировщики беспощадно бомбили город. Распространялись противоречивые слухи о ходе боевых действий. Баасовский режим Ирака осуществлял дикие вылазки, нападая на беззащитных

людей. Каждый день до меня доходили новости о разрушении той или иной части города. Воспоминания о приветливых улочках, благоухающих цветах и солнечных днях Абадана сжимали мое сердце. У нас не было известий о наших близких. Мозг отказывался верить в реальность происходящего. Казалось, вот-вот раздастся финальный свисток, извещающий об окончании какой-то жуткой игры. Все вокруг изменилось до неузнаваемости. Душа была полна тревоги за своих родных. Но больше всего я все же беспокоилась о приютских детях. Я должна была вернуться в Абадан. Этот город – разрушенный или благоустроенный – был моим родным городом. Я неустанно говорила Рахиму, что должна вернуться домой. Он злился и отвечал: «Абадан больше не является тем местом, где ты должна находиться! Там идет война! Ты понимаешь это, Масуме?! Война – это не военные учения и не культурная акция, в которых ты привыкла принимать участие! Это – война!». Несмотря на слова Рахима, я все больше наполнялась решимостью вернуться в Абадан. Угрызения совести ни на мгновение не стихали внутри меня. Каждый день я искала способ уехать в Абадан. Под артиллерийскими обстрелами передвигаться по дороге Абадан – Ахваз было почти невозможно. Транспорт отвозил солдат и привозил обратно их трупы. И не было пути для моего возвращения домой.

Однажды утром Салман приехал в Ахваз на автобусе вместе с большим количеством пассажиров и начал разговаривать с Рахимом зашифрованно, знаками. Рахим зашел внутрь автобуса, окинул

взглядом пассажиров и вышел обратно. Я смотрела на происходящее снаружи. Все пассажиры были одеты в белые майки. У некоторых глаза были завязаны тканевыми повязками; они пытались запрокинуть головы, чтобы что-нибудь увидеть из-под них. Я спросила Салмана:

– Как странно выглядят эти пассажиры, кто они?

– Это пленные, – ответил Салман.

– Что означает «пленный»? – снова спросила я.

– Это означает, что они – иракцы, их поймали во время боевых действий в Хоррамшахре.

– А почему им завязали глаза? Почему они в одних майках? Почему они так напуганы?

– Они безжалостно воюют на нашей земле, но как только попадают к нам в руки, сами снимают свои одежды, кричат: «*Дахил аль-Хомейни!*» – «Ищу убежища у Хомейни», – и сдаются. Они не страдают ни от голода, ни от жажды. Глаза им завязали только из соображений безопасности. И каждый из них сидит на отдельном сиденье.

В конце концов, благодаря моим настоятельным просьбам и уговорам, я смогла отправиться в Абадан в тот же день после обеда, тем же автобусом с иракскими пленными, которых наши ребята к тому времени закончили допрашивать. Господин Хусейннежад стоял перед иракцами с винтовкой G3, а я села рядом с Салманом, который был за рулем. По дороге в Абадан Салман пытался морально подготовить меня к тому, что мне предстояло увидеть. Он рассказывал мне о дорогих моему сердцу и полных воспоминаний улочках, от которых после

бомбежек остались лишь руины; о родном городе, который был заполнен ранеными и задыхался от дыма, гари и копоти. На каждую новую фразу Салмана я отвечала вопросом: «Неужели это правда?» Я не могла поверить в то, что он говорил. Но он продолжал: «Мать и Марьям не в Абадане. Они уехали в Махшахр и останутся там до тех пор, пока бомбежки не поутихнут. Дома сейчас никого нет. Только отец время от времени заглядывает домой. Но я, Мохаммад, Рахман, Ахмад, Али и Хамид здесь. Сообщай нам обо всех своих передвижениях, куда бы ты ни шла, всегда информируй нас!»

Салман рассказал мне новости с фронта Хоррамшахра, о деятельности в тылу, о народных штабах и о моих друзьях. Однако о детях из приюта у него сведений не было. Я спросила: «Что говорили эти пленные? Какие планы у них насчет Абадана и Хоррамшахра? Как ты думаешь, как долго еще продлится это положение?» Салман ответил: «Их целью были не только Абадан и Хоррамшахр. Они хотели захватить Тегеран, причем в течение трех дней».

«Да, планы у них большие, судя по всему. И подготовлены они хорошо, раз сумели за эти несколько дней перепахать весь город!» – сказала я. Салман продолжил: «Они пришли подготовленные и оснащенные, но они кое-что не учли. Они не подумали о том, что столкнутся с народным сопротивлением и обороной. Вооруженная до зубов армия баасовцев вторглась к нам и напоролась на самодельные бомбы. Возможно, война продлится всего лишь месяц, и эта ситуация продержится

до конца месяца мехр. У баасовцев нет ни смелости, ни доблести – они рассчитывают лишь на свою технику. Мы стали объектом агрессии свирепого и бессовестного соседа. Как только он подглядел, что в доме небольшой разлад, он взобрался на забор и стал кидаться камнями. Помнишь, когда мы были маленькими, время от времени из Ирака на границу Шаламче отправляли некоторое количество босых и голодных людей и говорили: “Их предки – иранцы”? А мы называли тех людей иракскими изгнанниками».

Мы приближались к Абадану – городу, на теле которого не оставалось живого места от непрерывных бомбежек, но который все еще дышал и хотел жить. Иракские военные раз в несколько минут пробивали звуковой барьер. Радиоканал «Нефть» непрерывно передавал голос Голам-Резы Рахбара¹

¹ Голам-Реза Рахбар до начала войны работал на радиоканале «Национальная нефть Абадана» в качестве диктора. После начала войны, помимо дикторской работы, он стал готовить репортажи о положении на фронте в Абадане и близлежащих окрестностях. После прорыва блокады Абадана его деятельность вновь расширилась. Присутствуя при различных военных операциях, таких как «Тарик аль-Кодс», «Фатх аль-Мобайен» и «Бейт аль-Мукаддас», он готовил аудио- и видеорепортажи с мест событий и отправлял их на радио- и телеканалы Гостелерадио Ирана. Впоследствии он был назначен руководителем Центрального информационного агентства Абадана и параллельно продолжил деятельность руководителя информационных групп Гостелерадио в разных районах боевых действий на юге страны. За смелость и доблесть Голам-Реза Рахбар на определенный срок был назначен представителем Гостелерадио Ирана в священном городе Кербеле (в Ираке). Разумеется, эта возложенная на него ответственность не препятствовала тому, чтобы он присутствовал на передовых линиях фронта и

и Мохаммада Садра, которые своими пламенными речами поднимали дух народа, старались его успокоить и вселить в него надежду. Иногда Абуль-Фатх Азар-Пейкан¹ декламировал эпические стихи, в которых восхвалял героическое сопротивление народа.

Мы не могли привыкнуть к войне. Война была незванным гостем. Никто не знал, как реагировать на происходящее. Все ждали окончания войны. Каждый день мы думали, что война закончится завтра.

Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больший шок овладевал мной. Я постоянно спрашивала Салмана, правильной ли дорогой он едет.

Факел на вершине нефтеперерабатывающего завода, который с 20-километрового расстояния всегда приветливо возвещал всем въезжающим в город о его процветании, погас. Едкий черный дым клоками висел в голубом небе. В городе было полно людей с покалеченными и окровавленными телами. Я не могла поверить своим глазам. Город, который еще вчера сверкал, подобно драгоценному камню в перстне, сегодня превратился в опус-

готовил репортажи оттуда. Репортажи, подготовленные Голам-Резой Рахбаром в течение шести лет непрерывного присутствия на южном и западном фронтах страны, составляют значительную часть архива аудио- и видеоматериалов периода Священной обороны. Голам-Реза Рахбар не раз делился с друзьями своим стремлением к героической гибели на поле боя и в конце концов зимой 1987 г. в результате прямого попадания снаряда погиб мученической смертью (прим. авт.).

¹Азар-Пейкан был сотрудником Нефтяной компании, который впоследствии устроился в департамент Гостелерадио Ирана в городе Абадан и погиб в ходе боевых операций по освобождению Хоррамшхра (прим. авт.).

тевшее и заброшенное место, тлеющее под натиском непрерывных бомбежек и артобстрелов. Меня душили слезы при виде этой картины. Жители города защищали свою родную обитель, как могли, но при этом Абадан, при всей его красе и радушии, горел и тлел, испуская густой черный дым, который большими клубами поднимался вверх.

– Откуда идет этот дым? Что они бомбили?

– Ты лучше спроси, что они не бомбили! – сердито ответил Салман.

Абадан стал похож на склад дымного пороха. Люди в других городах строят дома и живут вокруг полных зелени и цветов площадей. Мы же живем вокруг Танкфарма¹. Но даже по соседству с этим пороховым складом в мирное время люди жили в веселье и радости, потому что были вместе. Теперь же эти двести сорок больших и малых цистерн с нефтью в центре осажденного города взрываются и начинают полыхать неукротимым пламенем.

Иракские истребители наперегонки бросали бомбы на головы беззащитных и безоружных жителей и тут же растворялись в клубах дыма и копоти.

Город стал похож на бурлящее море, объятые штормом. Пушки, «катюши» и артиллерийские орудия обрушили свои снаряды на мирных жителей. Мир и покой стали сладкими воспоминаниями из прошлого. Со всех сторон слышались крики ужаса и боли. Ошеломленные люди с тоской и страхом взирали на происходящее – от прежней красоты города не осталось и следа.

¹ Название жилого района, в котором находились большие цистерны с нефтью (прим. авт.).

Салман остановил машину и, повернувшись к пленным, закричал в ярости: «Вы называетесь мужчинами?! Вы называетесь солдатами?! Вы называетесь людьми?! Где ваше достоинство?! Война начинается с границ, солдаты воюют друг с другом, убивают и умирают, и в конце концов война заканчивается у тех же самых границ. А вы?! В первый же день войны – в первый день учебного года вы забросали своими бомбами малолетних школьников и учителей!»

Я не знала, что хотел Салман от этих пленников и куда их планировал сдать. Я спросила его об этом и поняла, что пунктом их назначения является Корпус (КСИР¹). Я тоже хотела обратиться в Корпус, чтобы меня взяли для какой-либо работы, при этом каждый раз, когда раздавался взрыв, я начинала умолять Салмана словами: «Останови прямо здесь! Я хочу помочь людям».

Вот и сейчас Салман не позволял мне выйти из машины. Слезы навернулись на глаза нам обоим. Он пытался успокоить меня и говорил: «Масуме, я сперва должен сдать этих пленных». Наконец мы приехали в резиденцию Корпуса. Салман завел пленных внутрь и передал их соответствующим лицам. От стражей Корпуса он узнал, что Мечеть имени Обетованного Махди стала штабом поддержки фронта, и все сестры в составе резервных сил Корпуса находятся в этой мечети. Он велел мне тоже пойти туда.

¹ КСИР – Корпус стражей Исламской революции (прим. ред.).

Салман сказал мне: «Там ты сможешь оказывать более эффективную помощь. Если где-то требуются силы, они берут их в мечети».

Затем он посмотрел на меня и сказал: «С какой совестью я должен передать тебя отцу? Он обязательно спросит, почему я не оставил тебя в Тегеране и для чего привел сюда. Останься в мечети несколько дней и не ходи домой. Я поеду на фронт. Пока не закончится война, я не должен показываться здесь. А ты должна пообещать мне, что хотя бы иногда будешь писать нам письма о себе».

– Что? – возразила я. – Какие письма? В этой суеде и беспорядках как я могу обещать тебе, что буду писать? Нет, не могу обещать. И вообще, откуда мне брать бумагу и ручку?

– Слезами и просьбами ты заставила Карима привезти тебя из Тегерана в Ахваз, своим упрямством ты заставила Рахима привезти тебя в Абдан, а теперь ты даже не соглашаешься пообещать писать хотя бы пару строк, чтобы мы меньше переживали? – сердито спросил Салман.

– Неужели посреди всей этой суматохи, огня и крови я должна буду вести поиски бумаги и ручки? И вообще, что я должна буду писать? – спросила я.

– Что за торг ты устроила из-за написания двух строчек?! Я же не прошу тебя написать «Шахнаме», напиши только **«Я жива»**.

Я не знала, почему я должна была писать «я жива», но невольно в своем воображении я написала пальцем на своей ноге: **«Я жива»**.

Поистине, смерть стала такой дешевой!

Мечеть находилась напротив нашего дома. Зайдя внутрь, я увидела, что сестры заняты приготовлением пищи и последующей упаковкой ее. Сестра Дашти, увидев меня, сказала: «Госпожа, ну и куда же ты пропала? Ты стала, как звезда Сохейля – совсем тебя не видно. Даже беременные женщины и кормящие матери стоят за этими кастрюлями и сковородками». Я ответила: «Сестра, я уехала в Тегеран к своей сестре, чтобы помочь ей после рождения ребенка, меня не было в Абадане, простите меня ради Всевышнего! А с третьего дня войны я находилась в Штабе поддержки фронта и войны в Ахвазе».

Чтобы восполнить свое отсутствие в первые дни войны и устранить обиду в душе сестры Дашти, я добровольно бралась за самую тяжелую работу. Она дала мне огромный пестик размером с меня саму и сказала: «Это – наказание за твое отсутствие, ты до утра должна молотить пшеницу. Завтра утром мы собираемся накормить солдат халимом».

Затем сестра Дашти снова обратилась ко мне: «Провиант на исходе. Поскольку ты общаешься с людьми из губернаторства, пойди туда вместе с сестрой Маниже Рахмани и принесите немного продуктов».

Мы с Маниже пришли в губернаторский штаб, но нам сказали, что надо подождать два-три дня, пока не будет получено разрешение на разгрузку продовольственных складов Нефтяной компании. Я подумала про себя, что через пару-тройку дней война закончится. Однако сестра Дашти сказала: «Тогда идите и попросите у соседей их продуктовые

запасы. Соседи ради фронта и борцов пожертвуют даже собственной кровью». Эти слова означали, что нам надо очнуться от сна и понять, что это – только начало войны.

Она была права. В городе витал высокий дух достоинства и благородства. Таких понятий, как «мое» и «твое», больше не существовало. Поскольку мечеть находилась в том же районе, где мы жили, я вспомнила об обещании, которое Салман взял с меня. Я нашла клочок бумаги и написала на ней: «Я жива. Мечеть Обетованного Махди».

На улице не было ни души. Не было и намека на присутствие детей, их ссоры и игры. Сильный запах пороха перебивал любые другие запахи. Дверь нашего дома, как и двери других домов, была открыта. Я зашла внутрь. Я знала, что в это время отца не будет дома. Дом был пустым и тихим. Велосипед Али, который пользовался большим спросом и за который дрались все соседские мальчишки, бесхозно валялся во дворе. Я приклеила свое послание на треснутую стену комнаты. От сильных взрывов стекла дома тоже были в сплошных трещинах. Молчание терзало мне душу. Казалось, что в этом доме уже много лет никто не живет. Неужели всего несколько дней назад я вместе со своими братьями и сестрой смеялась в этом доме? Отсутствие матери, чья фотография, подобно изображению прекрасного цветка, висела на стене столовой, которую мне никогда не приходилось видеть без нее, было невыносимо. Вместо запаха еды в столовой пахло гарью. Гостиная покрылась пылью, и только фотография отца с его величественным образом

по-прежнему висела на стене. С какой бы стороны я ни смотрела на фотографию, глаза отца оставались неизменно благородными, следящими за мной и не спускавшими с меня взгляда. Я так соскучилась по отцу! До каких пор мне надо было ждать, чтобы Салман придумал какую-нибудь историю, подтверждавшую неизбежность моего возвращения из Тегерана домой, в Абадан?

Я пошла в кладовую и собрала последние припасы: рис, сахар, растительное масло, муку, горох, фасоль, чечевицу и т.д. Вместо того, чтобы вернуться в мечеть и перебрать там чечевицу, я уселась напротив фотографии отца и начала перебирать ее прямо тут.

Время прихода отца еще не настало, но вдруг я увидела, что он стоит рядом со мной! Несколько секунд мы оба были в оцепенении, поскольку никак не ожидали увидеть друг друга. Я была безмерно рада видеть его, а он, казалось, был огорчен этой встречей. Отец удивленно спросил меня: «Ты что здесь делаешь? Для чего ты здесь? Как Карим мог оставить тебя? Как Рахим мог оставить тебя? С кем ты приехала? Сколько дней ты уже в Абадане? Где ты бываешь?»

Отец устроил мне такой допрос, что я не успевала отвечать ему. Я смотрела на него смущенными глазами. Когда я рассказала ему, чем занималась последние дни в мечети и какую работу проделала, он обрадовался. Он планировал построить на улице баррикады из мешков с гравием. Отец потребовал, чтобы я каждый вечер, без исключений и при любых обстоятельствах, приходила домой.

Поэтому я пообещала ему, что ночью буду приходить домой для ночевки и отдыха. Получалось, что я дала два разных обещания: одно – Салману, второе – отцу. Продукты питания, собранные у соседей, я положила в несколько пакетов и переправила их в мечеть.

На следующую ночь, согласно обещанию, данному мной отцу, я пришла домой. Я увидела, что отец построил небольшую и компактную траншею-землянку на улице, неподалеку от нашего дома. При виде этого сооружения, призванного служить укрытием во время уличных боев, я вспомнила могилы, в которые мы добровольно укладывались с целью преодоления страха смерти. Отец положил внутри землянки одеяло и маленькую подушку. Потолком служила сетка, которая должна была предотвратить проникновение внутрь землянки всяких насекомых, ящериц и прочих вредителей. При виде этой землянки, сделанной руками моего отца, на моем лице расплылась улыбка умиления, и я сказала: «Отец, это вовсе не землянка, это – королевские покои!» Он обнял меня, поцеловал в лоб и сказал: «Разве ты – не королева? Ты королева твоего отца!»

Я никогда не забуду ласковое и доброе лицо отца, его большие, покрытые мозолями от постоянной и тяжелой работы руки, которыми он гладил в тот вечер мою голову. И я с искренней любовью в сердце поцеловала эти ласковые и заботливые руки.

Я вспомнила о том, что мне надо было оставить для Салмана послание, согласно нашему уговору.

Я снова написала на клочке бумаги «Я жива» и приклеила его к треснувшей стене гостиной. Звуки разрывавшихся снарядов ни на секунду не смолкали. Языки пламени, беспощадно сжигавшие город и поднимавшиеся вверх, заставили отступить темноту ночи и залили недобрым светом все вокруг. Город изнемог от пронзительного свиста неприятельских мин и снарядов.

Желая хоть как-то отвлечь меня от этой наводящей ужас атмосферы, взрывов и огня, отец стал рассказывать мне о других войнах, об истории, поэзии и литературе. Как всегда с приходом осени, отец распускал шерстяные жакеты, связанные им в прошлые годы, и заново вязал из собранной пряжи жакеты и прочие вещи новых фасонов. Он связал для меня жакет персикового цвета и, не взглянув даже на итог своей работы, сказал: «Все люди видят в своей жизни одну войну. Я же видел две – я видел и войну 1941 года и вижу войну с Ираком».

По соседству с нами еще несколько человек построили в своих дворах землянки. Они каждый день собирались вокруг отца и, поскольку он обладал приятным голосом с минорным тембром, в один из вечеров его попросили: «Машди, так тоскиво на душе! Почитай нам файез¹, пусть хоть немного станет легче!» Отец ответил: «Сейчас не время для файеза. И потом, звуки взрывов этих снарядов сами по себе являются файезом. У меня нет настроения ничего читать». Однако настоятельные просьбы соседских мужчин все же возымели

¹ Файез – особая форма печального чтения стихов, распространенная в областях Бушер и Дашдестан (*прим. ред.*).

результат, и в конце концов он согласился. «Я буду читать эти стихи для моей дочери, чтобы она уснула, а вы тоже слушайте», – сказал отец. Сквозь свист и взрывы падавших снарядов начал звучать его красивый меланхоличный голос...

На двенадцатый день после начала войны я вновь отправилась в мечеть имени Обетованного Махди в надежде на то, что война сегодня закончится. Господин Мохаммад Бахши, представитель губернатора, обратился в мечеть с просьбой выделить оттуда семь человек из резервного штаба для оказания помощи в хозяйстве «Дейри фарм»¹, но не сказал, для каких именно работ требуются люди. Я знала, что «Дейри фарм» было большим агропромышленным комплексом по разведению крупного рогатого скота; хозяйство располагало обширными территориями, из которых несколько десятков гектаров занимала люцерна. «Дейри фарм» снабжала необходимыми кормами для скота все остальные скотоводческие фермы. Внутри комплекса имелся также развлекательный центр. Я никогда не видела «Дейри фарм» вблизи. Это было полностью механизированное фермерское хозяйство, обеспечивавшее пастеризованным молоком всех сотрудников Нефтяной компании в Абадане, Ахвазе, Харке и Гачсаране. В те дни любая работа для нас означала служение Всевышнему. Нам приходилось работать в разных местах. Но опыта работы на скотоводческой ферме у нас еще не было.

¹ «Дейри фарм» (Dairy farm) – крупное фермерское хозяйство в Абадане, которое на юге имело выход к Лодочному парку, а на севере – к Конно-спортивному комплексу (прим. авт.).

Мы сели в пикап, в котором сидели еще несколько арабоязычных крестьянок, и двинулись в путь. По дороге Марьям Фарханиан сказала: «Всех отправляют на фронт, а нас – в коровник!»

Марьям, которая сама по национальности была арабкой, спросила женщин-арабок: «Для чего нас везут в коровник?». Я возразила ей: «Марьям, ты не опускай так низко уровень “Дейри Фарм”, к твоему сведению, это – крупный промышленный и животноводческий комплекс». «“Дейри Фарм” – иностранное его название, – с отвращением произнесла Марьям, – а по-нашему – коровник».

Наконец мы доехали до места назначения и, влекомые любопытством, вошли внутрь. Как выяснилось, руководители этого животноводческого комплекса сразу же после начала войны бросили на произвол судьбы хозяйство, в котором содержалось около пятисот голов племенных коров голландской и немецкой пород, каждая из которых весила тонну. Этот комплекс принадлежал Нефтеперерабатывающему заводу Абадана. «Дейри фарм» считался ценным национальным достоянием и теперь находился в зоне абсолютной досягаемости для иракской армии. Некоторые из рогатых питомцев этого хозяйства были убиты попаданием в них шранпельных снарядов, другие подлежали закланию после получения необходимых разрешений и согласно требованиям шариата. Некоторые животные проявляли такую степень агрессии и страха, что к ним невозможно было приблизиться. По правде говоря, в самом начале, когда я смотрела в глаза этим коровам, я тоже боялась, пока посте-

пенно не привыкла к ним, следуя советам женщин-арабок, и только тогда смогла подойти к животным. Одна из арабок объяснила нам, что раньше этих коров доили при помощи современных модернизированных аппаратов, теперь же электричество отсутствует, возможности использовать доильные аппараты нет, поэтому их необходимо доить вручную. Каждая из коров ежедневно давала от пятидесяти до восьмидесяти литров молока.

Крупные племенные коровы смиренно стояли и ждали, когда мы их подоим. И мы, следуя указаниям арабских крестьянок, которые занимались традиционным скотоводством, до заката смогли вернуться в мечеть с десятью бочками молока, а утром приготовили на завтрак солдатам вкуснейшую рисовую кашу. Молоко было таким жирным, что мы в течение нескольких дней снимали с него сливки.

Некоторые из коров были беременны и скоро должны были дать потомство. Брат Джафар Мадани Задеган¹ вывел их из загона и перегнал в какой-то гараж поблизости от остановки номер двенадцать. Доильный аппарат починили и подключили к электрогенератору. Было занятно, что коровы, которые пугались и сторонились нас, когда мы

¹ Брат Джафар Мадани Задеган родился в 1956 г. в Абадане в религиозной семье. В 1980 г. он учредил первое Исламское общество сотрудников нефтеперерабатывающего завода. После начала навязанной войны он выполнял функции заместителя начальника Штаба нефтеперерабатывающего завода и одновременно занимался организацией Народного штаба под руководством господина Батманкелича (прим. авт.).

хотели их подоить вручную, при звуках доильного аппарата сами выстраивались в ряд. После того, как остановка номер двенадцать подверглась нападению иракских баасовцев, коров перевели на поле городского стадиона¹.

Прошел еще один день. С каждым днем состояние Абадана становилось все более плачевным. Город тонул в гигантских облаках густого дыма, образовавшегося в результате горения огромных нефтяных цистерн – национального капитала. У каждого, кто работал в мечети, родственники находились на фронте, и от них не было никаких вестей. Казалось, что сигнал воздушной тревоги, ставший неизменным атрибутом нашей жизни, с каждым днем становился все более зловещим, а его монотонность и долгота – все более невыносимыми. Тревога и беспокойство не оставляли нас ни на минуту.

Замужние женщины при виде братьев, приехавших с фронта за едой, с нетерпением и надеждой спрашивали о своих спутниках жизни. Регулярно кому-то из сестер вместо весточки о здоровье супруга сообщали о его мученической гибели. Всё вокруг имело печальный и удручающий вид, однако терпение и стойкость сестер перед происшедшими на фронте событиями и новостями, проходящими оттуда, были достойны восхваления.

¹ После взятия иракскими войсками Хоррамшахра коровы были перевезены на самосвалах сначала на сельскохозяйственный факультет университета имени Чамрана в г. Ахвазе, а оттуда часть их переправили в Аграрный университет г. Тебриза (*прим. авт.*).

Я удивлялась, как можно обладать такой выдержкой, чтобы, услышав весть о смерти самого близкого человека на свете, не забиться в рыданиях. Война постине была горькой и изнуряющей.

Как-то в мечети я беседовала с сестрой Дашти. Я сказала ей: «С тех пор, как я поехала в Тегеран в лагерь Манзария, я очень похудела. Думаю, я вешу сейчас меньше сорока килограммов. Вся одежда стала велика мне, а брюки просто спадают. Хорошо бы найти булавку, чтобы их закрепить».

У нас не было никакой личной жизни. Всё вышло из устоявшихся, естественных и привычных рамок. Родной дом находился совсем близко, но в те дни был как никогда далеко. Я уже давно искала возможность заглянуть домой, чтобы узнать, как отец и мои братья, заодно прихватить булавку и, конечно, выполнить в очередной раз обещание, данное Салману. Я написала на клочке бумаги «я жива» и отправилась домой.

Отец время от времени заглядывал домой. Мы держали несколько кур, которые несли яйца с двумя желтками. Отец регулярно собирал яйца, относил их в клинику O.P.D, где он работал, и раздавал эти яйца и молоко раненым, чтобы они окрепли и быстрее поправились.

Я была в дороге, как вдруг по карманному радио, которое я постоянно прикрепляла к уху, раздался сигнал тревоги, вслед за которым последовал еще более устрашающий и нестерпимый звук. Я упала на землю, закрыв руками уши и прижав голову к груди. После прекращения сигнала воздушной атаки и пролета «МиГов» в воздухе по

направлению к нашей улице остался шлейф белого дыма. Я быстро поднялась и побежала к дому. Но чем быстрее я бежала, тем дальше, казалось, становился дом. Я двигалась, не чуя под собой ног, напрягала глаза, чтобы быстрее увидеть наш дом, но... его уже не было! Не было ни двери, ни стен. Двор превратился в большую яму. Вокруг пахло смертью. Я ощущала во рту терпкость и вяжущую кислоту и с трудом глотала слюну. Дом, где жила Зари, тоже был полностью разрушен.

Из состояния оцепенения меня вывел голос отца, который послышался из того места, где раньше была наша столовая. Я не верила своим глазам. Я обняла отца и спросила: «Ты в порядке? Ты не ранен?!» Он и сам не верил, что невредим; он думал, что наверняка ранен, но в состоянии стресса не чувствует этого. То, что осталось от стен дома, какая-то мебель – всё было изрешечено осколками снарядов. Я провела по голове отца рукой – она стала мокрой. В тревоге я медленно посмотрела на свою руку и с облегчением убедилась, что это – не кровь, а мыльная пена. Я стала целовать его голову и лицо, которые были покрыты пылью, сажей и мыльной пеной, и благодарила Всевышнего. Отец сердито произнес: «Всевышний миловал! Самолеты без конца прилетают, бомбят и улетают обратно! Я был в ванной. Только намылил голову и открыл душ, как увидел, что вода в резервуаре закончилась. Я оделся, взял кастрюлю, чтобы принести воды из сада и помыть голову, как вдруг услышал звуки приближающихся истребителей. Я прикрыл голову кастрюлей и укрылся в углу столовой».

На кастрюле, спасшей отцу жизнь, виднелись два следа от попавших в нее осколков снарядов. Один осколок вошел в кастрюлю с одной стороны и вышел с другой. Сила удара была такова, что кастрюлю отбросило в сторону на несколько метров. Отец поднял кастрюлю, огляделся по сторонам и сказал: «Правду говорят, что жизнь человека – в руках Всевышнего. Посмотри сюда!»

Ванная была полностью разрушена. Сад, особенно место у фонтана, явившийся эпицентром бомбежки, тоже был развален. Отец взял меня за руку и сказал: «Мы должны немедленно покинуть это место. Иракцы, зная, что люди собираются здесь, обязательно вернутся сюда снова».

Иракские «МиГи» продолжали полосовать небо над городом, подвергая единовременным массивным бомбардировкам промышленные и военные объекты, а также нефтяные хранилища. Под бомбами баасовцев гибли беззащитные мирные жители. Отец взял мою руку, и мы побежали с ним по одной, затем по второй улице, но не знали, где найти укрытие. «Королевская» землянка отца не была больше безопасным местом.

Мы бежали. Одна моя рука была в руке отца, а другой я придерживала брюки, чтобы они не упали. Я вспомнила, что вообще-то приходила домой, чтобы взять булавку. Я хотела вернуться за булавкой, но отец не разрешал мне это, несмотря на все мои просьбы и заверения о том, что у меня в доме важное дело. Он то и дело повторял: «Беги, пока хватает дыхания».

– Отец, у меня очень важное дело! – снова сказала я.

– Сейчас важнее осторожность, – возразил он – Наш дом и вся округа находятся сейчас под огнем иракцев.

Не отпуская рук, мы присели на корточки и стали озираться по сторонам. Отец с комом в горле сказал:

– Вчера я смог поспать не более часа. За это время мне приснилось, будто бы я потерял камень от моего кольца «Шараф-аш-Шамс»¹. Я очень долго искал, но не мог найти его. Я подумал, разве может человек не найти что-то, что потерял в своем же доме? Девочка моя, я прошу тебя, если дело, которое у тебя в доме, не очень важное, давай не пойдем, – подождем пару часов, пока наша округа не станет безопасной.

– Отец, но мое дело действительно очень важное! – ответила я.

В конце концов отец уступил моим просьбам, и мы направились в сторону дома, не отпуская рук. Я вспомнила о навевающей грусть манере, с которой отец читал минорный стих «*Не уходи без меня*».

¹ Надпись «Шараф аш-Шамс» должна быть сделана на агате желтого цвета, на котором особым образом пишутся пять высоких эпитетов Всевышнего. Гравировка этих эпитетов должна быть сделана грамотным и нравственным человеком, который сможет соблюсти правила нанесения на камень этой надписи. Обычно на камень Шараф аш-Шамс наносят особым почерком такие эпитеты Бога, как Аллах, Джамиль (Прекрасный), Рахман (Милостивый), Мо'мен (Дарующий безопасность) и Нур (Свет). Иногда гравировщики наносят на камни первые буквы этих пяти эпитетов, то есть А, Дж, Р, М и Н. Помимо этих правил касательно камня Шараф аш-Шамс существует еще ряд других (*прим. авт.*).

Было ощущение, будто отец привязал мою руку к своей цепями. Мы крадучись пробирались мимо разрушенных стен разных домов к остаткам нашего жилища. Когда мы пришли туда, я сразу попыталась понять, где можно найти булавку в этом полуразрушенном доме, лишившемся стен и дверей. Я вспомнила, что в гостиной мать всегда держала наготове одеяла для гостей. Она обертывала эти одеяла простынями и закрепляла большими английскими булавками. Одеяла были в пыли и в дырках от попавших в них осколков снарядов. Но булавки оставались на месте, и я незамедлительно сняла с одного одеяла нужную мне вещь. Увидев это, отец сердито спросил: «Это и было твоим “важным делом”?! По-твоему, твоя жизнь не стоит того, чтобы беречь ее? Стоило из-за такой ерунды возвращаться и подвергать себя опасности?»

Я разглядывала наш полуразрушенный дом. Он на мгновение показался мне совершенно чудим, не тем, который был для меня убежищем, с которым меня связывало столько детских воспоминаний. В моей душе возникло удивительное щемящее чувство ностальгии. Мне хотелось остаться дома, но крик отца вернул меня к действительности: «Крепче держи свою булавку! Смотри, не потеряй ее! Неужели эта штука важнее и ценнее твоей собственной жизни?!»

На полпути я вспомнила об обещании, данном Салману. Третье мое письмо все еще лежало у меня в кармане, но, с сожалением, в доме больше не было окон, к стеклу которых я могла бы приклеить свое послание.

– Отец, разве только что ты не испытал на себе, как Всевышний вывел тебя из ванной, надел тебе на голову железную шапку и оставил тебя в живых посреди всех этих крушений и бедствий? – сказала я.

– Но не всегда бывает так, поверь мне! Иногда Всевышний отводит тебя из кухни в ванную, и ты там умираешь! – возразил он.

– Значит, мы должны покориться воле Бога. У каждого человека своя судьба. Посмотрим, что ожидает нас, – сказала я.

Отец, до этого крепко сжимавший мою руку в своей, похоже, внезапно поверил в судьбу и медленно разжал свою ладонь. Он хотел взять меня с собой в больницу, где постоянно работал. Он говорил, что только на крыше клиники О.Р.Д имеется знак Красного Креста, который служит опознавательным знаком. Благодаря этому знаку баасовские истребители Ирака знают, что там – больница и ее, по закону, бомбить нельзя. Отец настаивал на том, что больница является безопасным местом, а поскольку начальник больницы и многие из медперсонала бежали, она нуждается в помощи добровольцев, и я как раз и смогу помогать раненым.

Но я попросила его вместе со мной пойти в мечеть имени Обетованного Махди, и он согласился. Еще в самом начале войны Салман принес для отца форму ополченца-басиджа. Отец ее носил, стирал и снова надевал. Он ходил в этой одежде даже на работу в больницу. Отцу очень шло это обмундирование – оно придавало ему при его высоком росте и густой каштановой шевелюре еще большую

мужественность, так что все его боялись и подчинялись ему. Когда он говорил людям, что работает в клинике O.P.D, все думали, что он либо начальник, либо врач высшей категории. Никто не знал, что все красовавшиеся на газонах во дворе клиники цветы и деревья – дело рук этого мужественного и с виду сурового человека.

Наконец мы достигли мечети. Все работавшие в мечети имени Обетованного Махди, знали отца. Они поздоровались с ним, после чего отец прошел в мужскую часть, а я осталась в отделе сестер. Сразу же перед нами поставили несколько мешков фасоли для того, чтобы мы ее перебрали. Мы занялись чисткой фасоли, но, как ни старались, работа никак не заканчивалась. Через несколько часов приехал Сейед и сказал, что из аптек города привезли большое количество медикаментов и приборов, для разбора которых два человека должны прийти в Центр помощи фронту. Этот Центр размещался в школе для детей с ограниченными возможностями, которая находилась на расстоянии одной остановки от нашего дома. На той же машине, которая привезла Сейеда, мы поехали туда вместе с Парваной. Все лекарства были вперемешку раскиданы по мешкам. Я и Парвана, знавшие из лекарств только аспирин и таблетки от простуды, растерянно смотрели на груды незнакомых нам препаратов. Госпожа Аббаси, работавшая там фармацевтом, объяснила нам названия и свойства всех лежавших перед нами лекарств. Мы принялись раскладывать по отдельности препараты первой необходимости для фронта, антибиотики, шприцы и бинты.

В течение двух дней мы основательно изучили и запомнили названия препаратов и их назначение. Мы договорились передать некоторые медикаменты в больницу Красного Полумесяца «Лев и солнце», которая впоследствии была переименована в «Больницу Спасателей».

Приехав в больницу с этим грузом, я стала объяснять госпоже Мукаддам, заведующей одного из отделений, названия и свойства некоторых препаратов. Она окинула меня высокомерным взглядом.

– Ты не похожа на медсестру, – сказала она.

– Почему? Только потому, что на мне нет шляпы и юбки, как на вас? – ответила я.

– Откуда ты знаешь названия препаратов? – спросила она.

– У вас научилась, – скромно ответила я.

Я слышала, что в этой больнице на представителей губернатора смотрят как на шпионов или членов групп зачистки. Поэтому, желая попасть на работу в больницу, решила вести себя учтиво. А говорить красиво и убедительно я умела. И вскоре госпожа Мукаддам раскрыла мне свои объятия. Я поцеловала ее и стала упрашивать разрешить мне работать в отделении. «Я буду делать все, что вы мне скажете, только позвольте мне остаться рядом с вами. Если хотите, я буду даже подметать палаты. Я не буду обращать внимания на вашу шляпу и юбку, а вы не обращайтесь внимания на мое макнаэ¹ и плащ», – сказала я.

¹ Макнаэ – элемент исламской одежды, платок с закругленными и сшитыми вместе концами, который прикрывает одновременно голову и грудь (*прим. перев.*).

Госпожа Мукаддам никого не пускала в отделение. Девушкам в хиджабе она говорила: «Отделение должно оставаться стерильным. Вы можете занести инфекцию на своих макнаэ, плащах и брюках». Но, несмотря на это, она согласилась оставить меня в отделении, чтобы я помогала принимать раненых. Я была очень рада, что устроилась работать в больницу. Находясь здесь, я была ближе к приюту и могла при подходящем случае навестить приютских детей. Я очень по ним скучала. Дети передавали мне свои послания через Сейеда.

Моя работа в больнице заключалась в том, что я должна была сначала осмотреть раненых, поступавших в приемное отделение, затем – зарегистрировать их данные. Чтобы подготовить раненых к промыванию ран и перевязкам, мне приходилось разрезать их одежду ножницами.

Больница была похожа на что угодно, кроме больницы. Была ужасная суматоха. Люди доставляли сюда раненых на любом транспорте, плакали, причитали, били себя в грудь и по голове, а некоторые, будучи не в силах смотреть на страдания и безнадежное состояние своих близких, падали в обморок. Вид крови, которая в больнице была повсюду, искалеченные тела раненых терзали сердце каждого из нас. Весь больничный персонал, включая руководство, врачей, медсестер и охранников, работал на грани нервного срыва. На пункте сдачи донорской крови при больнице круглые сутки было столпотворение. Звуки сирен машин «скорой помощи» сливались воедино с воем сигнала воздушной тревоги. Во время воздушных атак

отключалось электричество, поэтому почти всё время работал электрогенератор, предназначенный для экстренных случаев. Количество коек в палатах не соответствовало реальному числу раненых. Людям приходилось размещать в коридорах и постоянно проверять, живы они или уже нет. Мы едва успевали перемещать тела погибших в морг. Городское кладбище не могло вместить столько умерших. В больнице не было специальной машины для перевозки трупов на кладбище, а машины «скорой помощи» предпочитали возить раненых. Город оказался завален трупами. Дети, потерявшие родителей во время бомбежек, с плачем слонялись по городу. Люди не умели воевать.

Я делала все, что могла, чтобы остаться работать в отделении. Я сразу протирала полы там, где проливалась кровь. Каждому, кто был близок к тому, чтобы потерять сознание, я давала воды. Я плакала и в то же время утешала других. Мне приходилось видеть столько людей с оторванными конечностями, что через каждые несколько минут я щупала свои ноги. Я боялась, что война отнимет у меня ноги. В разгар этой суматохи в приемное отделение вошел солидный мужчина в белом халате, который, вынужденно используя повышенный тон, спешно выгнал абсолютно всех толпившихся здесь людей, кроме раненых. Я испугалась, что меня тоже выгонят как «постороннюю», быстро забежала в комнату медперсонала, схватила висевший там большой белый халат и надела его на себя. Не обратив внимания на нагрудную карточку с именем на халате, я схватила швабру и быстро начала

протираю полы в тех местах, где они были запачканы кровью, после чего со шваброй в руках прошла мимо этого грозного врача и скрылась от его глаз в безопасных внутрибольничных коридорах. Обучение, которое я прошла на курсах спасателей, включало только оказание первой медицинской помощи, навыки перевязки и умение делать инъекции. Этого, разумеется, было недостаточно для объемов той трагедии, с которой мы имели дело. Поэтому я, под предлогом необходимости подмести и протереть полы, стояла рядом с медсестрами, которые готовили раненых для отправки в операционные залы и промывали им раны, и умоляла их допустить меня к этим процедурам со словами: «Клянусь, я могу это делать, у вас ведь имеются более важные дела». В то же время я не хотела выпустить из рук свой веник, потому что он был моим разрешением на то, чтобы остаться в больнице. С веником в руке я зашла в операционную вместе с одним раненым. Увидев эту картину, медсестра, находящаяся в операционной, закричала: «Зачем ты принесла сюда этот грязный веник? Выйди отсюда! И почему на тебе халат доктора?!» И тут только я поняла, что я наделала: я помыла полы во всем отделении, будучи одетой в халат врача.

До двадцать первого числа я не имела возможности повидаться с детьми из приюта. Я боялась, что если я не буду постоянно находиться на глазах у медсестер, они забудут мое лицо, и я не смогу больше вернуться в отделение.

Война поставила сотрудников больницы перед выбором: они могли закрыть глаза на всё происхо-

дящее, чтобы не видеть ужаса трагедии, заткнуть уши, чтобы не слышать криков и стонов, и предпочесть бегство от трудностей, придумав какое-нибудь оправдание для своей совести. Или же, как сделали многие, подобно ангелам остаться у изголовья раненых и стать для них живительным бальзамом и спасением.

Как-то ко мне пришла Фатима Неджати, постучала в дверь отделения и спросила: «Ты не хочешь увидеть детей? Насиба очень часто спрашивает о тебе».

Я вышла из отделения и побежала к детям, которые играли во дворе приюта. Я заметила, что в этом месте дети чувствовали себя по-особенному и уходили в свой мир. Взрослые при звуках сигнала воздушной тревоги бежали в окопы и бомбоубежища, дети же, наоборот, выбегали во двор и с криками «Ура!» целились во вражеские бомбардировщики из самодельных луков. Жизнь и смерть были для них одного цвета. У некоторых из детей, однако, был грустный и безучастный вид. Я подумала, что они, вероятно, беспокоятся о своих близких и спросила, почему у них на лицах печаль. Один мальчик ответил: «Не везет нам. В этом году, когда, наконец, нам купили школьную форму, книги и тетради и мы приготавились, подобно детям, у которых есть родители, пойти в школу, надев новые ботинки и новую выглаженную одежду, чтобы утереть нос богатеньким сынкам и покрасоваться перед ними, с неба и земли льются камни и огонь».

Несмотря ни на что, они каждый день надевали свою новую обувь и школьную форму, брали в руки портфели и целыми днями бегали по двору. То,

что в этой критической обстановке они находились в городе, не могло не вызывать тревогу и беспокойство за них. Их любимый «дядя Сейед» был единственным, кто остался рядом с ними в Абадане. Я поговорила с Сейедом, чтобы он вывез детей из города. Благодаря Красному Полумесяцу и хлопотам Сейеда этим ребятам доставалась хоть какая-то еда. Чтобы решить вопрос об эвакуации приютских детей в безопасное место, мы с Сейедом отправились к брату Салахшуру в администрацию губернатора. По дороге на каждом шагу мы видели свидетельства внезапного свирепого вторжения войны в людские жизни, признаки того, что эта война застала их врасплох. С каждым днем проблемы горожан становились все более многочисленными: отсутствие электричества, воды, голод, страх, болезни, одиночество и ужас. Владельцы магазинов продавали свои товары по минимальным ценам, а иногда отдавали их даром. Но за хлебом и бензином всегда выстраивались очереди, которые доводили людей до полной потери самообладания.

Когда мы приехали в администрацию губернатора, господин Батманкелич, погруженный в заботы о безопасности города, рассказал нам, что группа бессовестных мародеров по ночам грабит магазины и дома и без того несчастных людей. Губернатор работал круглые сутки, стремясь сохранить жизни горожан и обеспечить целостность и сохранность их имущества. Ему казалось, что война вот-вот закончится, и он пытался как можно скорее заменить разбитые окна и отремонтировать треснувшие от бомбежек стены городских домов.

Брат Салахшур, выслушав с тревогой наши доводы касательно эвакуации детей в безопасное место, сказал: «Вы, вероятно, знаете, что начальник Управления образования Абадана господин Салехи и несколько его сотрудников погибли смертью мучеников. Многие из школ разрушены. Даже если война закончится до конца текущего месяца, школы откроются с опозданием. Так что будет лучше, если мы для начала согласуем вопрос о размещении этих детей с каким-нибудь детским домом или организацией, чтобы кто-то принял на себя ответственность за них, и затем мы отправим их туда».

После серии переговоров с различными организациями, наконец, удалось договориться с приютом города Шираз, согласившимся принять детей при условии, что их воспитатели будут постоянно находиться с ними. Поскольку в городе действовало правило подвергать выезжавшие из города машины досмотру, мне, Сейеду и другим нашим спутникам выдали специальные письма в качестве приказов о командировке.

Дети, радостные, одетые в ту самую новую школьную форму, держа в руках свои портфели и выданные им большие пакеты с пижамами и одеждой, сели в автобус. Из сестер в качестве постоянных воспитателей детей в Ширазе с нами поехали Шамси Бахрами, Парвана Ака-Назари, Фатима Неджати, Ашраф Шокухиан, Сейеда Зинат Салехи, а из братьев – Ахмад Рафии и Али Салехпур. Как только дети зашли в автобус, они начали ругаться друг с другом за право сесть у окошка. При посредничестве дяди Сейеда они, наконец, условились,

что будут сидеть у окна по очереди: до города Махшахр – одни, а оттуда до Шираза – другие. Некоторые из мальчиков взяли с собой свои луки и грозились сбить стрелами иракские «МиГи». Брат Сейед и Рафии сели рядом с двумя мальчишками, напоминавшими боевых петушков, а мы – рядом с девочками, и все двинулись в путь.

Спустя некоторое время Сейед сказал: «Возможно, дорожная полиция не разрешит нам выехать из города. Нам лучше сначала заехать в администрацию губернатора, взять разрешение на выезд машины в Шираз, а также немного денег и продуктов, чтобы было, чем поужинать».

Буквально за несколько минут до нашего появления на автотрассе иракская артиллерия подвергла ее массированным обстрелам. Мы с трудом пересекли этот развороченный участок дороги.

Побывав в администрации, мы продолжили свой путь с пакетом хлеба и четырьмя кругами сыра на сто двадцать детей, которых мы разместили в четырех автобусах. Дети воспринимали бомбежки города, снаряды, летящие по нему, окопы и баррикады на улицах как захватывающий приключенческий фильм. Они с интересом смотрели сцены, разворачивавшиеся на их глазах. В течение всего пути они просили хлеб, сыр, воду или просились в туалет. Поэтому весь заготовленный на ужин провиант ушел на перекусы в дороге, и мы были вынуждены снова купить на ужин для детей горячий хлеб и несколько кругов сыра. Каждый раз, когда автобус заезжал в ямы и ухабы на трассе, дети, дурачась, начинали беспорядочно трястись и

наклоняться из стороны в сторону с большей, чем это мог делать автобус, турбулентностью; они стукались головами и хохотали во все горло. Время от времени то с одной, то с другой стороны автобуса раздавались голоса каких-то животных, имитируемые детьми.

Доехав до города Махшахр, водитель, у которого разболелась голова от шума и криков детей, остановил машину возле заправки и вышел из автобуса, чтобы подышать воздухом. В это время в автобус зашел попрошайка. Он молился за здоровье детей и говорил: «Да станете вы благоденственны! Подайте ради Всевышнего!»

Каждый, к кому подходил нищий с этими словами, говорил: «Иди к другому!». Дети стали подшучивать над ним и громко смеялись. Каждый считал своим долгом что-нибудь сказать этому нищему. Один говорил: «Нищий к нищему, милость – ко Всевышнему». Другой говорил: «Пока не дашь что-нибудь, ничего не получишь».

А когда несчастный попрошайка, наконец, вышел из автобуса, он понял, что кто-то из детей вытащил у него из кармана деньги, и мы целый час разбирались и ругались с нищим. В конце концов мы заставили Сухраба, делом рук которого было это карманное воровство, отставить шутки и вернуть деньги их хозяину. Кроме того, нам пришлось заплатить пострадавшему нищему компенсацию за потерянный из-за нас час его «работы», и после этого мы двинулись дальше в путь. Утром мы приехали в Шираз.

Для детей всё было ново: климат, лица, среда, говор. Приют Ширази с полной готовностью

принял наших питомцев, предусмотрев место для их временного проживания. А я каждую минуту настороженно слушала новости о войне, южном и западном фронте. У меня не было намерения оставаться в Ширазе после размещения там приютских детей. Я просталась с ребятами. В это время ко мне подошел Сейед и, помявшись немного, спросил: «Госпожа Масуме, можно вручить вам одну бумагу?» – «Какую бумагу?» – спросила я. «У меня был к вам разговор, но не было возможности поговорить с вами наедине», – ответил он.

Я взяла письмо и попрощалась с Сейедом. Я в последний раз обняла детей и поцеловала их. Однако это прощание было не навсегда. Я хотела одну ночь провести в мавзолее Шах-Чераг¹. В момент прощания Насиба спросила меня: «Когда ты вернешься?» – «Не знаю, – ответила я, – знаю только, что иду в Шах-Чераг и, вероятно, пробуду там до утра».

Когда я вошла в мавзолей Шах-Чераг, я увидела там многих из тех жителей Абадана и Хоррамшара, у которых война отняла всё. Удрученные тяжелыми, сокрушительными мыслями и переживаниями, они сидели или лежали внутри двора в изорванных одеждах, с небольшими котомками с предметами первой необходимости – единственным

¹ Мавзолей Шах-Чераг – усыпальница в городе Шираз, в которой, по убеждению шиитов, погребены Ахмад бин Муса Казем – старший сын имама Мусы Казема – и Мохаммад бин Муса, то есть братья имама Резы. Когда Ахмад бин Муса Казем поехал в Хорасан, чтобы присоединиться к своему брату, он был схвачен и убит людьми правящей династии Аббасидов. Мавзолей был построен в XIV в. (прим. перев.).

жалким достоянием всей их жизни. С каждым часом количество этих несчастных, оставшихся без крыши над головой, увеличивалось. Люди, которые еще несколько дней назад имели дом, имущество, деньги, в одночасье лишились всего, и теперь им больше нечего было терять. Мне стало жалко моих земляков, мой город и саму себя. Передо мной были семьи, которые не имели никаких финансовых возможностей или места, где могли бы жить, поэтому от безысходности они нашли убежище в Шах-Чераге. Они сидели, обхватив колени руками, а на их лицах застыло выражение муки, усталости и бессилия.

Среди этих разоренных войной людей была мать Насибы, девочки из приюта. Она узнала меня. После смерти своего первого мужа она отдала девочку в приют и вышла замуж за одного коммерсанта. Во втором браке она родила еще троих детей. Иногда она навещала Насибу. Увидев меня, она сразу спросила меня о ней. Я сказала, что детей перевезли в Шираз, что с Насибой все в порядке, и дала ей адрес ширазского детского приюта. Она что-то говорила, и слезы текли по ее бледному лицу и пересохшим губам; она взяла мою руку, поднесла ее к своим губам, поцеловала и, плача, стала говорить такие слова: «Во имя святости и благословенности этого мавзолея да воздастся тебе Всевышним! Пусть Он дарует тебе столько же благ, сколько имеется волос на голове у этих детей-сирот! Пусть тебе сопутствует добро! Пусть станешь ты счастливой матерью за то, что ты спасла детей от огня и гибели!». У меня к горлу подступил ком. Я не знала, что отвечать

ей, я даже не могла обнадежить ее ничем. Слова не могли выразить моих чувств и эмоций. Ситуация была безнадежной, и я ничем не могла помочь.

Я смотрела на младенцев, пытавшихся высосать молоко из опустевшей груди своих матерей; я смотрела на стариков, которые ценой невероятных усилий добрались до этого места, спасаясь от ужасов войны; я смотрела на малолетних школьников, которые, оказавшись оторванными от уроков, школы и книг, недоуменно и растерянно озирались по сторонам.

Я подошла к алтарю Шах-Чераг и дала волю своим эмоциям. Неподалеку от меня, рядом с алтарем, отрешившись от войны и внешней суматохи, сидели, прижавшись друг к другу, видимо, только что поженившиеся молодые супруги. Они будто забыли, что в этом храме, в этом городе и вообще в этом мире существуют и другие люди, кроме них. Наблюдая за этими молодоженами, я вспомнила о письме Сейеда. Я вынула письмо из кармана, развернула его и прочла следующие строки:

«Во имя Всевышнего, вдохнувшего в нас от Духа Своего, чтобы мы были подобны Ему. Во имя Его цвета, Его благоприятеля и союзника Его посланнической миссии, знаю, что во дни крови, огня и войны говорить о мире, жизни и любви – бессмысленно, по мнению многих. Я же считаю, что говорить об этих вещах надо именно сегодня. Сегодня, когда жизнь и смерть стали одинаково дешевыми; сегодня, когда война испытывает нас и влечет за собой фатальные бедствия. Если женитьба и замужество призваны

совершенствовать человека, мне для прохождения этого пути нужен человек, который будет для меня крыльями, чтобы летать, ногами, чтобы ходить, и глазами, чтобы видеть.

В мечтах и наяву я искал человека, во взгляде, в поведении и в голосе которого я видел бы Бога. Всё, в поисках чего я был, я нашел в Вас. Не знаю, с чего мне надо начать и что писать. Я даже не знаю толком, как правильно посвятаться. Это – первый и, несомненно, последний раз, когда я прошу руки девушки. Я написал эти несколько незавершенных строк, чтобы поведать о своем расположении и любви к Вам. Знайте, что мое бессмертие – в любви к Вам...»

Мне показалось странным, что в условиях, когда жизнь утратила свое значение, кто-то может думать о создании семьи и выборе для себя спутника жизни. Я бросила письмо Сейеда внутрь алтаря Шах-Чераг и погрузилась в молитвы и намаз. В это время снаружи слышались крики и шум, которые привлекли к себе всеобщее внимание. Я вышла во двор мавзолея и увидела, что пострадавшие от войны беженцы сцепились и ругаются с ширазцами. Те кричали в адрес переселенцев: «Вы испугались, не остались воевать и бежали. Вы хотите, чтобы пришли люди из других мест и воевали вместо вас!» Они хотели выдворить беженцев из мавзолея. Атмосфера была накалена до предела. Беженцы говорили: «Всю свою жизнь мы принимали у себя дома гостей. Мы были не просто гостеприимными, мы обожали гостей! А теперь, по воле злого рока, мы вынуждены кормиться остатками с ваших

столов. Если бы у вас под самым ухом тоже пару раз выстрелили, вы бы поняли, что значит война!».

Всю свою боль, тяготы перенесенного пути, измучившего их голода и жажды беженцы обрушили в этом споре на ширазцев. Каждый что-то говорил по поводу сложившейся ситуации:

– Красота и обаяние города – в его жителях, а не в кирпичах и многоэтажных зданиях!

– Каждый человек – король только в своем городе.

– До тех пор, пока человек не увидит войну собственными глазами, он не поймет ее значения.

Некоторые из ширазцев приняли доводы беженцев, однако те были так обижены опрометчивыми словами нескольких молодых ширазцев в свой адрес, что, несмотря на усталость, изнуренность и слабость, которую они чувствовали, никак не могли успокоиться и продолжали ругаться.

Еще двое схлестнулись в другом конце двора мавзолея. Один говорил другому: «Еще одно слово, и я ударю тебя так, что ты останешься приклеенным к стене, как фотография!» «Если бы у вас была честь и достоинство, вы бы не превратили однодневную войну в двадцатидневную и не стали бы спасаться бегством, укрывшись в мавзолее!» – ответил другой.

Я подумала: разве Имам не сказал, что люди должны оказывать сопротивление и держать оборону? Одним словом, ситуация была близка к экстремальной, дело почти дошло до уличной драки. И тут я обратилась к сестре Бахрами, которая тоже пришла в Шах-Чераг для паломничества: «Я иду

в Красный Полумесяц, оттуда возвращаюсь в Абадан. Ширазцы правы – мы должны обороняться. Кто-то должен стоять на пути иракцев и давать им отпор. Они только того и хотят, что отобрать у нас весь Хузестан. Для чего мы здесь? Мы хотели передать детей в приют Шираза, и мы это сделали».

Я подумала, что война – это не математическая задача, над которой надо подумать, чтобы решить; война вообще не поддается никакой логике, поэтому нельзя найти к ней подход с логической точки зрения. Война – не книга, которую можно прочесть. Война – это война. Настоящую войну можно понять, только увидев ее со всей ясностью и прикоснувшись к ней руками.

Скитания, лишения, пребывание на чужбине, тяготы и невзгоды стали уделом каждого ребенка, каждой престарелой женщины и каждого старика из числа беженцев.

Несмотря на возникшие споры и ссоры, в тот вечер нашлось несколько ширазцев, которые приняли в своих домах семьи беженцев с маленькими детьми. Но мне после всего, что я услышала, было трудно оставаться гостем в храме Шах-Чераг более одного часа¹. Мы с сестрой Бахрами отправились в Красный Полумесяц. Там мы увидели большое количество добровольцев из жителей Шираза, готовых к отправке в Абадан.

¹ На протяжении всей войны провинция Фарс оставалась прекрасным и радушным местом для пребывания беженцев. Многие из них предпочли остаться там даже после того, как война закончилась (*прим. авт.*).

Все вместе на автобусе Красного Полумесяца мы двинулись в путь. По дороге мы пели революционные гимны и скандировали лозунги о единстве. Было видно, что это придавало водителю дополнительную энергию, и он ехал с большой скоростью и в приподнятом настроении. К утру мы достигли города Махшахр. Далее, подъезжая к Хузестану, на радиоволне «Нефть» мы слышали голоса Сейеда Мохаммада Садра и Голам-Резы Рахбара, которые передавали новости с фронта, сопровождаемые воодушевляющими на борьбу с врагом патриотическими лозунгами. Но радио заглушалось шумом проезжавших мимо нас машин, наполненными людьми, и звуками непрерывных взрывов, которые многих добровольцев в нашем автобусе повергли в состояние подавленности и ужаса.

Автобус еще не успел въехать в зону боевых действий. Повторяющиеся сигналы воздушной тревоги вынуждали водителя останавливаться, поэтому путь, который мы должны были преодолеть за полчаса, растянулся не меньше, чем на два. Водитель понял, что этот путь – не путь стихов и лозунгов, а путь крови и шахадата. Он остановил машину на обочине и сказал с красивым ширазским акцентом: «Братья, я возвращаюсь в Шираз. Кто хочет вернуться со мной, пусть сидит на месте, кто не хочет, пусть выйдет из автобуса. Дорога открыта и длинна. Ехать дальше по этому пути – дело опасное».

После долгих уговоров он все же согласился проехать вперед еще несколько километров, а затем, после города Сарбандар, остановился и потребовал,

чтобы мы вышли из автобуса. Никакие наши призывы и доводы не действовали на него. «Это нечестно – высадить нас на полпути и оставить на дороге! – говорили мы. – Ты – водитель автобуса Красного Полумесяца! Ты забыл об этом?»

Он ответил: «Всё! Шутки и игры закончились! Согласен, я – нечестный! Каждый, кто нечестный, пусть остается в машине, честные пусть выходят и идут на войну! Разве вы не хотели пойти на фронт и воевать? Война начинается здесь».

Из сорока с лишним пассажиров, ехавших в нашем автобусе, из него вышли только десять человек – восемь братьев, я и сестра Бахрами. Мы выстроились на краю проезжей части дороги и двинулись в путь. Пару раз мы останавливали проезжавшие машины, и они сажали кого-нибудь из нас. Братья в очередной раз остановили машину и сказали, обращаясь ко мне и сестре Бахрами: «Садитесь в машину, сестры, и езжайте, чтобы быстрее добраться! Мы сами можем и пешком дойти». Иногда я вспоминала о письме Сейеда. Я злилась на себя, хотя не понимала, почему, и в душе хвалила Сейеда за его смелость, за то, что он в такой плачевной ситуации думал о жизни. Сама я ни разу не дала себе возможности подумать об этом. Водитель автомобиля, в который мы сели, в противоположность водителю автобуса, смело и не обращая внимания на сигналы тревоги и взрывы, быстро ехал по своему маршруту. Мы проехали несколько километров от Сарбандара. Один из пассажиров нашей машины, производивший впечатление человека, владеющего информацией о положении на фронте,

взволнованно рассказывал: «Иракцам даже и не снилось, что они смогут воевать с Ираном три недели. Сегодня – среда, двадцать третье число месяца мехр. Обещаю, что в пятницу мы будем праздновать победу. Они должны лишь извлечь из этих трех недель урок назидания, чтобы напрочь забыли о Каруне¹ и Хузестане».

Слыша краем уха его слова, я параллельно слушала маленькое радио, которое закрепила под макнаэ на своем ухе, чтобы поминутно отслеживать на радиоволне «Нефть» новости с фронта. Положение было плачевным. Ошеломленные мирные жители, не веря в происходящее, одетые и обутые во что попало, передвигались в другие города, держа на руках грудных младенцев или таща за собой малолетних детей. Голодные, усталые и подавленные, они обреченно брели по пустыням и солончакам, не имея ни малейшего представления о том, куда идут и кто их примет. Их никто нигде не ждал. Порой они судорожно преграждали путь проезжавшим машинам, чтобы их подобрали, или просили у водителей бензина в каком-нибудь сосуде. А некоторые сокрушенно и безнадежно продолжали свой путь с волдырями на ногах и согнутыми спинами. В большинстве своем это были старики и дети. Наблюдая за этими скитальцами, я вспомнила о перепалке, которая накануне произошла в мавзолее

¹ Карун – наиболее полноводная и единственная судоходная река на территории Ирана, протекающая на юго-западе страны. В городе Хоррамшахр впадает в пограничную с Ираком реку Шатт-эль-Араб (персидское название – Арвандруд). Дельта Каруна образует остров Абадан, на котором расположен одноименный город (*прим. перев.*).

Шах-Чераг. Я сказала сестре Бахрами: «Все мы проходим великое Божественное испытание. Война для всего иранского народа, даже для тех, кто не на границах, – большое испытание». Я снова вспомнила о письме Сейеда и пообещала себе непременно подумать о будущем, о жизни и о Сейеде после того, как пройду это испытание.

Машина двигалась с такой большой скоростью, будто хотела доставить нас до пункта назначения вовремя, чтобы мы не опоздали на рейс. Понемногу мы приближались к дорожной табличке с надписью «Абадан, 12 км». Группа солдат за проезжей частью дороги, рядом с нефтяными трубами, находилась в состоянии боевой готовности на земле в положении лежа. Мое внимание привлекло несколько стоявших на обочине частных автомобилей. Я сказала своей спутнице: «Сестра Бахрами, посмотри на солдат! Да дарует им Всевышний добро! С каким трудом они сторожат территорию, под этим палящим солнцем, под этими нефтяными труб...»

Не успела я закончить фразу, как где-то совсем близко прозвучал мощный взрыв, и наша машина остановилась. А эти самые добросовестные солдаты быстро поползли в нашу сторону. Я в недоумении смотрела на них. Водитель не захотел отпускать руль, чтобы выйти из машины. Ни он, ни тот, кто сидел с ним рядом, ни мы, сидевшие сзади, не могли ни шелохнуться, ни произнести ни слова. Мы только смотрели по сторонам, не понимая, что происходит. Сколько танков! Сколько военных машин! Присмотревшись внимательно, я увидела на

военной форме солдат эмблему Корпуса стражей, однако они, по-видимому, забыли снять с голов красные береты – атрибут военного обмундирования сил Баас.

– Что случилось? – спросила я водителя.

– Мы попали в плен, – ответил он.

– В плен к кому? – снова спросила я.

– В плен к иракцам, – сказал он.

– Разве здесь не Абадан? Ты нас сдал иракцам? – в недоумении произнесла я.

– Аллах Акбар, сестра! Мы все попали в плен, – вскрикнул он.

Иракские военные молниеносно ринулись в нашу сторону и через мгновение оказались у нашей машины. Я, сидевшая всё это время неподвижно у окна, быстро подняла стекло, закрыла двери, но это их не остановило. Они выбили стекло рукояткой автомата. От страха я прижалась к сестре Бахрами. Иракские солдаты высадили стекло машинного окна также и со стороны сестры Бахрами. Водитель отпустил руль и вышел из машины. Сидевший рядом пассажир вышел тоже. И только мы с сестрой Бахрами сопротивлялись и отказывались выходить из автомобиля. Маленькое радио, с которым я никогда не расставалась, выпало у меня из рук. Я все еще не могла понять, что произошло. Автоматный выстрел, произведенный иракским солдатом по двери машины, вследствие чего она открылась, вывел меня из состояния оцепенения. Солдат сказал: «Выходи! Быстро! Выходи!»

Когда мы вышли из машины, иракцы, подобно хищникам, выбрались из своей засады, окружили

нашу машину, затем бросили водителя и его попутчика на землю, как мешки с песком.

Перед солдатами остались стоять мы – две девушки в возрасте восемнадцати и двадцати одного года: сестра Бахрами, одетая в манто¹ синего цвета и светло-серое макнаэ, с белыми туфлями медседстры на ногах, и я в сером манто, коричневом макнаэ и армейских ботинках. Солдаты окружили нас.

Иракцев сопровождал человек в гражданской форме в качестве переводчика. Это был араб из Хузестана по имени Джавад, владевший фарси. Один из солдат, одетый в пятнистый камуфляж спецназовца, подошел к нам, чтобы обыскать. Я отскочила и закричала: «Не трогайте меня! Я сама выверну карманы!» Баасовцы, не ожидавшие такой реакции, отошли на несколько метров назад и, направив автоматы в нашу сторону, позвали Джавада и приказали ему переводить:

- Сдай оружие, которое у тебя имеется!
- У меня нет оружия.
- Сдайте всё, что у вас есть, сдайте гранаты!
- У меня нет гранат.

Я провела руками по своей одежде, потрясла макнаэ, вывернула карманы. Когда я вытаскивала руки из карманов, я спрятала в одной руке приказ о командировке, полученный в администрации губернатора, а в другой – записку «Я жива». Иракский офицер увидел эти бумаги у меня в руках. Он сделал знак, чтобы я показала руки. С улыбкой заговорщика и таким выражением лица, будто

¹ Манто – иранская легкая женская верхняя одежда типа платья или халата свободного покроя (*прим. ред.*).

он раскрыл большой секрет, он забрал у меня обе бумаги и позвал переводчика. Джавад прочитал: «Я жива». Офицер окинул меня подозрительным взглядом и спросил: «Это – пароль?». Джавад посмотрел на меня, затем уставился на вторую бумагу. Он не хотел читать то, что было написано там. Он то и дело переводил взгляд с бумаги на меня, но у него не было выбора, и в конце концов он прочитал: «Масуме Абад, представитель губернатора в Абадане. Миссия: Переправить детей в приют Шираза».

Иракские военные решили, что завладели одной из важных военных тайн. Не помня себя от радости, они что-то быстро говорили по-арабски, а я с любопытством слушала их, следила за их движениями и за тем, что происходит вокруг меня. Но чем больше я слушала, тем меньше понимала. В каждой их фразе я слышала слова «banat al-Khomeini» и «general». Они связались со своими по рации и передали им новости. Я спросила Джавада, о чем они говорят. Он ответил: «Говорят, что взяли в плен двух иранских женщин-генералов». «Мы – сотрудники Красного Полумесяца», – возразила я.

Иракский солдат понял значение слов «Красный Полумесяц» и сказал: «Helal Ahmar, banat al-Khomeini» – «Красный Полумесяц, дочери Хомейни». Затем он повернулся к сестре Бахрами и спросил: «Как твое имя?» Прежде, чем она успела что-то ответить, я сказала: «Марьям, мы – сестры». Иракцы следили за малейшими нашими движениями и кричали: «Шагайте!»

Они заставили нас держать руки за головами. Мое макнаэ из-за это съезжало назад, открывая волосы, и это причиняло мне моральные муки. Я закричала: «Я не буду этого делать!» Джавад шел рядом с нами. С полуарабским-полуперсидским акцентом он сказал мне: «Сестра, ты попала к ним в плен, а не они – к тебе. Выполняй их приказы. Они думают, что ты скрываешь под макнаэ гранату. Они говорят, что в Курдистане женщины тоже носят такие же макнаэ и прячут под ними гранаты». Я снова потрясла свое макнаэ и показала им свои пустые руки, чтобы они убедились в том, что под макнаэ у меня ничего нет. Казалось, что они в какой-то степени поверили в то, что одежда сестры Бахрами принадлежит Красному Полумесяцу. На мою же одежду и обувь они смотрели с опаской и сомнениями. Даже если я чесала нос, они менялись в лице и направляли на меня оружие.

Вдали я видела иранских добровольцев, которые намеревались отправиться на фронт, но попали к засаду, устроенную иракцами. Я была крайне огорчена тем, что столько военнослужащих так просто попали в плен к противнику. Каким образом баасовцы оказались здесь? Я ведь поминутно и непрерывно отслеживала по радио положение наших войск и военную ситуацию в целом. Я не слышала ни единой фразы относительно того, что иракские войска смогли перейти реку Карун и захватить завод по производству пастеризованного молока, кораблестроительный завод в Арвандане, завод по производству мыла, селение Салмания и дошли до главной дороги Абадан – Махшахр. Подобно раз-

бойникам, скрывающимся в кустах у обочины и появляющимся внезапно, они подстерегали и охотились за лучшими нашими людьми и добровольцами и взяли под свой контроль всю трассу.

Я по-прежнему отказывалась держать руки за головой. И баасовцы искали в пустыне проволоку или веревку, чтобы связать мне руки. У братьев руки были свободны. Я сказала Джаваду: «У мужчин ведь руки не связаны, почему они хотят связать руки нам?» Джавад перевел иракскому офицеру мой вопрос, и тот ответил: «Иранские женщины опаснее иранских мужчин». Я почувствовала еще большую гордость и готовность к противостоянию от того, что две иранские девушки были в их глазах такими грозными и опасными. После долгих и тщетных поисков в пустыне подобия веревки, чтобы связать нам руки, один из солдат развязал шнурки на ботинках, и ими они связали наши руки.

Наша встреча с баасовцами была неожиданной для нас и азартной – для них. Мы чувствовали себя атомными бомбами. При малейшем движении наших голов или рук иракцы тут же наставляли на нас оружие. Мы были ошеломлены и расстроены. Иракцы сомкнули кольцо вокруг нас. Среди них были военнослужащие всевозможных чинов: рядовые, сержанты, прапорщики, лейтенанты. Я повернулась назад, ища глазами водителя РИО¹. Иракский солдат, закричав «Стой!», сильно ударил меня

¹ РИО – большой армейский автомобиль, похожий на грузовик и предназначенный для транспортировки различных комплексов вооружений и военного оборудования (прим. перев.).

по плечу прикладом автомата. Баасовцы окружили нас двойным кольцом и держали под прицелом. Ни мы не понимали их, ни они – нас. Переводчик изнемог. Каждый что-то говорил и спрашивал, и Джавад не знал, чьи слова переводить. И мы, в свою очередь, не знали, на чьи вопросы отвечать.

Подошел офицер, у которого на погонах было больше звезд, чем у других. Все присутствовавшие с подчеркнутым уважением отдали честь и встали в строй. Офицер ударил ногой по автомату одного из солдат. Длинный ряд солдат разбился. Не знаю, что сказал им офицер, но многие из солдат немедленно разошлись и направились к новым машинам, которые появлялись на дороге. Офицер подошел к нам и спросил: «*Anti askariya?*» Я не поняла, что значит слово «аскари», но ответила: «*La. – Нет*». Он снова спросил: «*Anti madaniya?*» Я снова не поняла значение слова «мадани», но снова ответила «*La. – Нет*». Я словно пребывала в состоянии ступора и не понимала ничего из того, что мне говорят.

Офицер снова спросил: «*Anti shahna?* – Так кто же ты тогда?»

Я ответила: «Абад».

Тогда он сказал: «*Abad shenno? La, antom haras Khomeini. – Абад? Нет, ты – страж Хомейни*».

Чтобы разъяснить обвинение, офицер указал на одного иракского солдата, переодетого в форму стражей Корпуса, и сказал: «*Haza haras al-Khomeini. – Это – страж Хомейни*». Затем он кивнул в сторону огромной впадины неподалеку от того места, где мы находились. Он указал на людей в ней, примерно сто пятьдесят человек – братьев, многие из

которых были одеты в военную форму, на некоторых была гражданская одежда, а на других только майки, – и сказал: «Koll'hom haras Khomeini. – Все они стражи Хомейни».

Я посмотрела на братьев. Не обращая внимания на вооруженных охранников над их головами, они взволнованно смотрели в нашу сторону.

Повторяя: «banat al-Khomeini – дочери Хомейни», – иракцы повели нас к яме, в которой находились братья. При виде их нами овладели противоречивые чувства. С одной стороны, их присутствие придавало нам уверенности в себе, а с другой – мы чувствовали неловкость при виде их беспомощности и пьяных улыбок иракцев. Я вспомнила дни, когда хотела, чтобы Всевышний испытал меня. Я не могла поверить в то, что испытанием для меня стал плен. Я видела своих братьев – плененных, со связанными руками. Я не хотела демонстрировать перед врагом слабость. Присвоенные нам баасовцами статусы «дочерей Хомейни» и «генералов» придали мне немало смелости. Но я боялась сумрачной и безликой судьбы, которая меня ожидала. Я боялась представить, что с нами может случиться. В душе мне хотелось услышать роузе¹ имама Хусейна (да будет мир с Ним!). Мне хотелось, чтобы кто-нибудь напел мне роузе кануна Ашуры. Душой я вверила себя благодати ее светлости Зейнаб...

Когда нас бросили в яму, братья расступились. Они уселись один на другого, чтобы я и сестра Бахрами устроились удобно и не чувствовали

¹ Роузе – траурный религиозный гимн (прим. перев.).

неловкости и стесненности. Иракские солдаты, увидев это, начали ругать братьев за то, что те сели друг на друга, уступив нам столько места, и принялись расталкивать их прикладами автоматов. Баасовцы не сводили с нас презрительных взглядов. Внезапно один из братьев – парень высокого роста и крупного телосложения с бритой головой и густыми усами, одетый в гражданскую одежду, – позвал Джавада и сказал с явным абаданским акцентом: «Переведи им в точности и дословно то, что я скажу, чтобы они поняли!» Затем он повернулся к баасовским военным и сказал: «Меня называют “Ледяной Исмаил”, я жажду опасностей. Посмотрите на шрамы на моей голове: каждый из них я получил, защищая свою честь и достоинство. Честь для нас значит так много, что мы клянемся ею. Понятно?! Умереть благородно, умереть с достоинством – честь для нас!» После этого он провел руками по своим усам, вырвал из них один волос и продолжил: «Мы клянемся нашими усами. Глаз, не знающий, как смотреть на чужое достояние и честь, достоин того, чтобы ослепнуть! Когда вы берете в плен женщин, это означает конец вашему достоинству и мужеству! Вам чужды такие понятия, как “чужое добро” и “защита собственного достоинства”. Понятие “честь” для вас – пустой звук. Разве так ведет себя мусульманин?! Мусульмане!..»

Солдаты видели, как на его шее надулась вена и глаза покраснели от прилива крови. Они крикнули Джаваду и приказали быстро перевести всё, что он сказал, пригрозив пустить ему пулю в лоб.

Брат-араб не знал, как ему смягчить слова, выказанные абаданцем с такой злостью и негодованием, и перевести их баасовцам. Он мялся. Не знал, что сказать. Тогда Ледяной Исмаил сказал: «Брат, ты боишься защищать свое достоинство? Жить – не искусство, искусство – жить благородно!» Джавад повернулся к другим братьям и произнес с сильным арабским акцентом: «Остановите его, его понесло!»

«Будь осторожен, чтобы не ослепнуть душой от страха смерти, – продолжал Ледяной Исмаил, – если ослепнешь душой, ты станешь немым, безруким и безногим. Тогда, если на твоих глазах возьмут в плен твоих близких, ты будешь сидеть молча и безропотно, радуясь тому, что ты все еще жив и тебя не убили!»

Мы все еще слышали голос абаданца – голос мужества и чести, когда баасовцы велели нам выйти из ямы. Нас отвели в другое место; место, где мы были под их присмотром и на некотором расстоянии от других. Мне больше было жаль братьев, чем саму себя. Какие душевные муки они испытывали, увидев нас пленными в руках врага! Моя персона не была важна – я думала о семье, о том, кто принесет моей матери новость о том, что меня взяли в плен. Я думала о том, что почувствует отец, когда узнает об этом. Что предпримут Карим и Салман? Рахим бы не перенес новости о моем пленении. Бедный Сейед! Он выбрал себе в спутницы жизни ту, которой война не дала возможности даже подумать над его предложением и ответить на него!

За несколько минут до нашего пленения баасовцы схватили двух иранцев. Один из них был средних лет. Ему связали руки, а лицо его было в крови, так что даже нельзя было понять, какая часть его лица пострадала от осколка снаряда. Другой брат – на вид лет двадцати шести, высокого роста и крупного телосложения, с бледным лицом и потухшим взглядом. Он был одет в военный камуфляж, лежал на земле, и земля под ним окрасилась в красный цвет. При виде этих истекающих кровью братьев я забыла о себе и собственном положении. Я забыла о том, что я – пленная, и о том, что надо мной стоит вооруженный солдат-неприятель.

Я зубами развязала руки себе, а затем и сестре Бахрами. Как ни кричал и ни пытался остановить меня солдат-охранник, я его не слышала, будто была лишена ушей. Я взяла кусочек бинта, которым на всякий случай повязала ногу, и, используя воду из армейской фляжки раненого ополченца, обмыла его окровавленное лицо. Область глаз была сильно повреждена. После промывания глаз я приложила к ране немного стерильной марли, чтобы хотя бы на время остановить кровотечение. Однако такого куска марли хватило лишь на один глаз. Другой брат лежал на земле в нескольких метрах от нас. Я побежала к нему. Солдат-баасовец всё кричал мне вслед: «Мамnou’! Мамnou’ – Нельзя! Нельзя!» А я в ответ кричала ему: «Majrouh! Majrouh! – Ранен! Ранен!»

Я подумала про себя: «Будь что будет! Разве я вернулась в Абадан не для того, чтобы помогать этим раненым? Разве я не умоляла госпожу

Мукаддам оставить меня в амбулатории?» Ополченец с каждой минутой становился все более бледным. Я прочитала нашивку на его одежде: «Ополченец Мир-Ахмад Мир-Зафарджуйан». Меня душили слезы. Кровь вскипела в моих жилах так, что мне казалось: в любую минуту я могу изрыгнуть ее. Я расстегнула пуговицы на одежде ополченца. Он был тяжело ранен в живот. Видны были даже его внутренности. Вся его одежда была мокрой от крови. Сестра Бахрами подняла вверх его ноги. Но что я могла сделать пустыми руками, без нужных средств? Я стала просить баасовцев вызвать «скорую», чтобы его отвезли в больницу, на что они отвечали: «Ждите, едет, она в пути!» Время шло, и отсутствие возможности оказать помощь своим соотечественникам вызывало в нас все большую тревогу и злость. Мы стали кричать на иракского солдата и требовать машину «скорой помощи».

Брат Мир-Зафарджуйан простонал: «Не просите у них ничего!». Он непрерывно произносил молитвы и проклинал Саддама. Прижав ладони к его животу, я смогла немного ослабить кровотечение. Мои манто и макнаэ пропитались кровью этого брата-ополченца. Я чувствовала себя ужасно. Недалеко от нас я увидела один из домов Фастер Вилер¹ с открытой дверью. Я сказала сестре Бахрами: «Я хочу зайти в этот дом, может, я смогу найти кусок чистой материи и антисептические средства, чтобы перевязать рану».

¹ Жилые дома Буровой компании были известны под названием Фастер Вилер (*прим. авт.*).

Сестра Бахрами ответила: «Это опасно! Там могут быть размещены иракские военные».

Я вернулась и заглянула в яму, где находились братья. Взволнованные взгляды всех по-прежнему были устремлены на нас. Благородство и достоинство, излучаемые их глазами, подарили мне чувство безопасности. Я встала, чтобы зайти в дом, но в этот момент брат Мир-Зафарджуйан что-то прошептал. Его голос был уже еле слышен. Мне пришлось напрячься, чтобы расслышать, что он говорит. Он повторял: «Не ходите никуда, здесь небезопасно».

Я почувствовала гордость от того, что голос раненого, распростертого на земле ополченца все еще источает мужество и достоинство, и с удвоенной энергией стала хлопотать для того, чтобы он остался в живых. Я показала свои окровавленные руки иракскому солдату, стоявшему над нами, и дала ему понять, что мне нужно вымыть руки. Я зашла в дом. За дверью на вешалке я увидела большое белое полотенце. Я схватила его. Солдат понял, что мытье рук – это повод, однако, в силу ли своей гуманности или впечатления, под которым он оказался от моих действий, он не подал вида, что обо всем догадался.

Я не видела иракского солдата, я видела только дуло его автомата, которое двигалось синхронно с нашими перемещениями. Я с трудом обвязала раненому брату живот полотенцем. Он потерял столько крови, что его тело стало вялым и тяжелым, а губы пересохли, и он постоянно просил воды. Сестра Бахрами сказала иракскому солдату: «Воды,

воды!» Мир-Зафарджуйан снова повторил: «Не просите у них ничего – они грязные люди».

На дне фляжки еще осталось немного воды. Я поднесла фляжку к его рту и смочила ему губы водой. Я спросила его: «Сейед, у тебя есть ребенок?» Утвердительно кивнув, он произнес: «Да». Казалось, он хочет поговорить о своей дочери. «Ее зовут Сумайя», – сказал он. В этот момент по его щеке медленно скатилась слеза. Я разлилась на себя: мало того, что я не смогла остановить у него кровотечение, еще и заставила его вспомнить о дочери. Он с трудом держал глаза открытыми. С еще большим усилием он произнес: «Скажите моей дочери Сумайе, что ее отец умер смертью мученика с открытыми глазами и достиг своей мечты». Эти слова заставили дрогнуть и облиться кровью мое сердце. В этот момент тишину нарушил гул нескольких приближавшихся самолетов. Пленные братья, находившиеся в яме, обрадовались – они подумали, что летят наши, чтобы освободить нас.

Я обратилась к Мир-Зафарджуйану: «Сейед, ты – ополченец, тебя ждет столько людей! Мы ведь не на иракской земле, мы – на территории Ирана. Через несколько часов придут наши войска и освободят всех нас. Мы вернемся домой, и ты сам сообщишь новость о нашей победе Сумайе и ее матери». – «Будь проклят Саддам!», – ответил он. Услышав, что он насылает проклятия на Саддама, брат, который был ранен в глаза, сказал: «Сейед, они понимают, что ты говоришь, будь осторожен!». Однако тот снова, еще громче, произнес из самой глубины души: «Пусть будет проклят Саддам!»

Белое полотенце, которое я положила на его рану, пропиталось кровью. Перекладывать полотенце было очень сложно.

«Скорая помощь» приехала примерно через три часа. Медики сначала направились в сторону братьев, которые находились в яме, они перенесли в машину тех, у которых имелись ранения головы, лица, рук и ног, а после всех пришли к Мир-Зафарджуйану. Я попросила носилки, но мне ответили, что он должен сесть в машину сам. Я не понимала, как может раненый, который не в состоянии даже держать глаза открытыми, самостоятельно забраться в машину «скорой помощи». Никто не обращал внимания на мои настоятельные просьбы принести носилки. Машина приехала без носилок и без каких-либо средств оказания первой помощи. Тогда я еще не знала, с каким врагом мы имеем дело.

Иракцы стояли, уперев руки в бока, и говорили: «Положите его в машину». Мы с сестрой Бахрами, как ни старались, не смогли поднять его с земли. Увидев эту сцену, все пятеро раненых, уже севших в машину, вышли из нее и поспешили нам на помощь. Общими усилиями мы подняли ополченца и уложили его в машину. Я снова поправила полотенце на его ране и обратилась к одному из братьев, сидевшему рядом с ним: «Это – ополченец Сейед. Ради Всевышнего, я прошу тебя, положи руку на его рану и надавливай на нее, чтобы уменьшить кровотечение, чтобы он доехал до больницы живым».

В последний раз я положила руку на его рану и прочитала молитву. Он открыл глаза и произнес:

«Сестра, это – путь Зейнаб и Сейеда аш-Шохада». Кровь застыла в моих жилах. Его высказывание прозвучало очень вовремя. В те минуты отчаяния и неверия я нуждалась в том, чтобы кто-нибудь сказал мне: «Это – путь Зейнаб и Сейеда аш-Шохада, яви терпение!».

Я очень старалась остаться в машине «скорой помощи» вместе с братьями и проводить их до больницы, однако под давлением наставленных на меня дул автоматов иракцев и просьб братьев я покинула машину. Мои настойчивые просьбы увезти раненного в глаз брата тоже остались без внимания.

Когда я вышла из машины, иракский солдат снова толкнул меня дулом автомата в сторону раненного в глаз брата. За эти несколько часов баасовцы так часто толкали и били нас дулами своих автоматов, что у нас заболели кости. Я хорошо запомнила последнюю сцену, произошедшую в тот момент, когда я выходила из машины и дверь закрывалась.

Я видела в машине «скорой помощи» юношу, которому на вид было лет двадцать. У него было огнестрельное ранение в левую ключицу. На юноше была белая майка. Он был среднего роста, с черными глазами. На правой руке молодого человека, которую он подвязал к шее при помощи ремня, я увидела татуировку, изображающую Рустама и змея. Я старалась запомнить лица, которые вижу, но за последние часы увидела столько разных лиц и образов – наших и вражеских, что при всем желании не могла запомнить их все.

Я вернулась к сестре Бахрами и раненному в глаз брату. Лицо и глаза парня были залиты кровью. Когда он опускал голову, кровотечение усиливалось и сопровождалось страшной болью. Он ничего не видел. Мы с сестрой Бахрами сидели возле него. Я сказала ему: «Прочитай молитву, чтобы твоя боль утихла. Почему ты не подошел и не попытался сесть в машину “скорой помощи”, чтобы вместе с другими отправиться в больницу? Ты можешь лишиться глаз». – «Это не было целесообразно», – ответил он. «Почему? – удивилась я. – Разве это не было лучше, чем остаться здесь? Здесь нет даже элементарных средств для оказания первой помощи. Мы вынуждены останавливать кровотечение нажатием рук».

«Вы попали в плен вместе?», – спросила я. Он ответил: «Я, Мир-Зафарджуйан, Маджид Джалалванд и Абдулла Бави были вместе».

Затем он тихо спросил:

– Где иракцы?

– Они стоят недалеко.

– Они слышат нас?

– Почему ты спрашиваешь?

– При удобном случае вытащите мою сумку из кармана штанов и уничтожьте. Если вы уничтожите ее, я вздохну свободно и смогу терпеть боль в глазах.

– Разве вас не обыскали? Разве ваши карманы не вывернули наизнанку? У вас имеется оружие?

– Нет, они задержали несколько машин сразу. Поскольку я был ранен, они только связали мне руки и бросили сюда.

На ногах сестры Бахрами были летние санитарские туфли белого цвета с маленькими дырочками на поверхности. Обе мы сидели в одинаковой позе, поджав ноги и обхватив колени руками. Наши взгляды были опущены. В головах у нас роились разные мысли, мы думали о прошлом, о сумрачном и неизвестном будущем, которое ожидало нас. Я машинально поднимала с земли мелкие камешки и целилась ими в дырочки на туфельках сестры Бахрами. Внезапно она спросила: «Кстати, почему ты назвала меня Марьям? Мою сестру зовут Марьям. Меня можно звать как угодно, только не Марьям!»

– Это не страшно, мою сестру тоже зовут Марьям. Как на самом деле тебя зовут?

– Шамси.

– Но с этого момента ты – моя сестра, и я буду звать тебя Марьям.

Марьям, словно ругая свою младшую сестру, сказала мне:

– Масуме, какая ты беззаботная! Ты видишь, что мы попали в плен к врагу, а сама вспоминаешь детство?! Тебе хочется играть в камушки? Вот уже полчаса, как ты бросаешь камушки в мои туфли. Ты даже не заметила, как к нам подошел солдат-иракец и стал смотреть, что мы делаем, но ничего не понял и удалился.

Я повернула голову и убедилась в правоте слов сестры Бахрами. Солдат, долгое время не спускавший с нас взгляда и дула автомата, отвернулся в другую сторону. Это был подходящий момент. Я немного приблизилась к раненому, опустила

руку в его карман и вытащила из него всё, что там находилось. Я прочла бумаги. Среди них было письмо, касавшееся Штаба вооруженных сил, и маленький карманный Коран.

– Это же Коран! И бумаги Штаба вооруженных сил, – сказала я.

– Не медли! – ответил он. – Моя идентификационная карта в заднем кармане брюк.

Медленно, не поворачивая головы, одной рукой я поднимала с земли камушки, а другой – вытащила идентификационную карту. На ней было написано: «Доктор Хади Азими. Звание – полковник. Должность – начальник больницы военно-морских сил города Хоррамшахр».

Я была потрясена.

– Вы – полковник? – спросила я.

– Говори тише!

– Вы к тому же и доктор?

– Извините, не тратьте время! Уничтожьте карту!

– Вы еще и начальник больницы военно-морских сил Хоррамшахра?

– Я прошу вас! Немедленно уничтожьте ее! – сказал он порывисто.

Я попыталась порвать карту, однако из-за ламинарованного покрытия это практически невозможно было сделать. Мои попытки помять ее тоже были бесполезны. Иракский солдат сменил свой маршрут и повернулся в мою сторону. Теперь я целиком и полностью находилась в поле его зрения. У меня не было больше времени на то, чтобы мять или рвать карту. Я немедленно сунула идентификационную карту доктора Хади Азими вместе

с Кораном и письмом в свой карман. За нами следил не только солдат-иракец. Братья, находившиеся в яме, также наблюдали за нами издали. Доктор боялся того, что в эти минуты у нас могут возникнуть проблемы. Он постоянно спрашивал: «Ты уничтожила ее?» Для того, чтобы успокоить его, чтобы хотя бы немного утихла боль в его глазах, я сказала: «Дело сделано, будь спокоен!»

Каждый раз, когда расстояние между солдатом и нами сокращалось и он начинал смотреть на нас более пристально, ужас и нервозность, которые я испытывала, удваивались. Я лихорадочно искала какой-нибудь способ избавиться от содержимого своего кармана. Носком ботинка я начала медленно копать землю, пытаясь вырыть в ней ямку. Когда это удалось, я бросила туда идентификационную карту и письмо полковника и опять же ногой засыпала ямку землей, ударив несколько раз по ней подошвой ботинка, чтобы сровнять. Затем я отодвинулась от полковника и под села ближе к Марьям.

В полдень все – и раненые, и здоровые, невзирая на свое положение и состояние, лишённые возможности совершить омовение в условиях пустыни, в которой мы находились, занялись намазом. Баасовцы не разрешали нам совершать намаз стоя и всех заставляли сесть. Они опасались, что в положении стоя наши увидят нас и поймут, в чем дело. Доктор Азими, не обращая внимания на мучившие его страшные боли и кровотечение, непрерывно читал намаз со связанными руками и окровавленными лицом и постоянно говорил: «Сестра, помолит за меня Коран!»

Баасовцы захватывали трассу, используя определенную тактику. Они давали возможность проехать некоторым нашим машинам. И в тот момент, когда наши войска думали, что баасовцы отступают, они вновь вторгались на дорогу, быстро ее осаждали и возобновляли охоту за нашими.

Это был подлый и варварский метод. Прибегая к хитрости, они одного за другим брали в плен лучших наших ополченцев, бойцов сил Корпуса и спасателей. Действия баасовцев были больше похожи на похищение людей, чем на сражение и взятие в плен. Нам хотелось подняться, закричать и предупредить наши войска об их коварном трюке, но это в любом случае было бы бесполезно, ибо баасовцы пришли в полной боевой готовности, вооруженные до зубов. Некоторые из наших, попадая в плен к иракцам, начинали радостно восклицать: «О Хусейн ибн Али! Неужели ты призвал нас, и нам выпадет счастье стать паломниками Кербелы? О повелитель, мы будем твоими гостями эту неделю!». Некоторые из них даже называли друг друга «кербелайи». У меня невольно возникло ощущение, что мы действительно поедем на неделю в Кербелу для паломничества.

Я спросила полковника: «Доктор, вы ведь военный, как вы думаете, чем закончится война? Что произойдет с нами?» Он ответил: «У иракцев нет способности продолжать дальше войну с Ираном, но прежде, чем они осознают эту действительность, может пройти неделя. С вами же дело обстоит по-особому, поскольку вы являетесь сотрудником Красного Полумесяца. Согласно международ-

ным Женевским конвенциям, они не могут взять вас в плен. К тому же каждая из вас может освободить двоих раненых военнослужащих».

Я спросила: «Мы сами выбираем, кого освободить, или они?» – «Нет, – ответил он, – вы сами вправе выбрать раненых для освобождения».

Я подумала: «Если так, то жаль, что мы отправили ополченца Мир-Зафарджуйана в больницу. Я бы выбрала его и доктора Азими, и мы бы забрали их с собой в Иран. Кого и как теперь я выберу для освобождения?»

И тут я в сердцах посмеялась над собой и снова обратилась к своему собеседнику: «Но, господин полковник, однажды вечером я видела по телеканалу «Басра» (в Абадане можно было смотреть программы иракского телеканала «Басра»), что Саддам порвал подписанный при посредничестве Алжира официальный договор, в котором содержалось законное соглашение касательно пограничных линий между двумя странами, и отдал приказ о начале военных действий. Я хочу сказать, что сам принцип войны – это нарушение международных конвенций, как же при этом возможно, чтобы они освободили нас согласно этим же международным конвенциям?»

Кивнув в знак согласия, полковник сказал: «Да, они могут действовать и вопреки международным законам и не освободить вас».

Послеполуденный зной был нестерпим. Лучи солнца на протяжении долгих часов беспощадно втыкали свои иглы в наши головы. У меня ужасно болела голова. Болело все тело от ударов, наносимых

стволами автоматов. Но я не хотела, чтобы день заканчивался. Я боялась ночи, которую мне предстояло провести, будучи в плену. От одной мысли, что я не смогу видеть, что происходит вокруг меня, мной овладевал ужас. Приехала грузовая машина. Без учета вместимости грузовика всех братьев, находившихся в яме, погрузили в него, подобно камням и мусору. Даже стариков и немощных брали за руки и за ноги и бросали в кузов грузовика.

Присутствие братьев-бойцов, хотя и пленных, придавало нам уверенность и спокойствие. После того, как их увезли, место нашего содержания превратилось в обитель скорби. Пока братья были с нами, мы не так сильно ощущали присутствие баасовцев. Однако после их отъезда мы остались втроем и стали объектом их пристального внимания – малейшее наше движение отслеживалось десятью-двенадцатью вражескими солдатами. Доктор Азими, не видевший ничего, постоянно спрашивал о дислокации иракцев. Неожиданно охота на иранские силы приостановилась, и баасовцы занялись подготовкой к каким-то перемещениям. Затем они принялись ужинать, и этот процесс у них сопровождался большим шумом. А доктор Азими, я и Марьям приготовились к совершению вечернего и ночного намаза. Доктор Азими сказал: «Сестра, в своих молитвах испросите у Господа терпения и вознесите благодарность Всевышнему. Не волнуйтесь, все мы – под сенью милости Аллаха».

После намаза я снова начала читать полковнику Коран. Если во время чтения, из-за того, что мысленно отвлекалась на происходящее вокруг,

я пропускала какой-то аят, доктор Азими со свойственной ему бдительностью и спокойствием поправлял меня. Было очевидно, что он слушает очень внимательно и знает наизусть эти суры.

Солдат, охранявший нас с утра, ушел и передал свой пост другому. Новый охранник, весьма крупного телосложения, был либо наивным, либо притворялся таким. После того, как он опустошил не меньше пяти баночек консервированной фасоли и разбросал их вокруг, он закурил сигарету и стал прохаживаться туда-сюда. Наступила ночь. От страха я не могла сомкнуть веки. Я ощущала сухость в глазах. С предельным любопытством я наблюдала за тем, что происходит вокруг. Я постоянно спрашивала доктора Азими, который был жителем Хоррамшахра и знал арабский лучше, чем мы: «Доктор, что они говорят?»

Он, в свою очередь, тоже спрашивал нас о численности и положении иракских военных. Мы все трое будто напрочь забыли о своих физиологических потребностях – мы не чувствовали ни голода, ни жажды, ни даже необходимости сходить в туалет. Было уже за полночь. Несмотря на всю нашу бдительность и на то, что мы следили за каждым движением вокруг нас, мы не заметили, что приставленный к нам солдат-баасовец куда-то исчез.

Движение свелось к минимуму. Я попросила Марьям поменяться со мной местами. Я медленно легла на землю и поползла к краю стены, о которую мы опирались. Выглянув наружу, я увидела солдата-баасовца, растянувшегося на земле и положившего свое оружие рядом. Похоже, он спал мертвым

сном – до нас отчетливо доносился его громкий храп. Доктор был занят совершением ночного намаза. Я тихо сказала Марьям: «Что ты думаешь по поводу того, чтобы забрать его оружие и незаметно уйти отсюда втроем? Он спит как убитый и до утра даже не шевельнется».

Марьям не успела ответить, как доктор, совершавший намаз, повторил несколько раз: «Аллах Акбар, Аллах Акбар».

Марьям сказала: «На что ты надеешься, на наше “мастерство”? Мы же не умеем пользоваться оружием! Ты думаешь, тех восьми часов военной подготовки, которые мы прошли у господина Садра, достаточно?! Оставь эти партизанские игры!»

Доктор, поняв, что я полна решимости осуществить свой замысел, прервал свой намаз, оставив его незаконченным, и сказал: «Этот иракец не один, вокруг полно солдат. А этот спящий только прикидывается, а на самом деле не спит».

Я спросила полковника: «Доктор, у него автомат, вы умеете обращаться с этим видом оружия?»

«У меня нет глаз, я даже не могу видеть землю, на которую наступаю. Будьте благоразумны, покоритесь Божественному провидению и доверьтесь Всевышнему. Судьбе было угодно, чтобы вы оказались в плену. Ни один из нас не был пленен по собственному желанию. Вы были избраны для этого пути. Разве вы не оказались на этом пути ради кучки сирот и несчастных детей? Вами двигало благое побуждение. А после вы опять же направлялись в регион для оказания помощи фронту. Вы приложили усилия ради совершения благого дела,

поэтому любое приключение на этом пути должно расцениваться как благо. Да, миссия наша становится горькой, но Всевышний неизменно является источником добра и блага. Не сомневайтесь во благости вашего дела. Ни одна судьба не лишена причастности к Божественной воле», – сказал доктор.

Я сказала: «Доктор, если уходить, то вместе. Любое решение будет принято нами троими совместно».

Мы немного посоветовались, но ни доктор, ни Марьям не были согласны с моим планом. Прошло около двух часов, и «злой дух» проснулся. Я поняла это по запаху дыма сигареты, которую он закурил. Он положил автомат на плечо и снова зашагал туда-обратно. К баасовцам прибавилось еще трое солдат. И снова начались шепот, тяжелые взгляды и слова, смысла которых мы не понимали. Вновь прибывшие солдаты сделали нам знак, чтобы мы встали и шли к ним. Не обращая внимания на их знаки и слова, я взяла руку Марьям, крепко сжала ее и сказала: «Мы теперь – сестры и ни при каких обстоятельствах не расстанемся».

Увидев безразличие с нашей стороны, они сами подошли к нам. Один из солдат сказал: «Здесь – Абадан, у вас есть два часа, чтобы уйти отсюда. Мы поможем вам». Поскольку они говорили на арабском, я понимала не все их слова. Доктор, который в этот момент совершал намаз, произнес громко: «Аллах Акбар, Аллах Акбар».

Закончив совершение намаза, доктор сказал, обращаясь к солдатам: «Они не знают арабского». Тогда те велели доктору: «Переведи им!» Доктор,

переведя нам их слова, добавил уже от себя: «Не поддайтесь их обману!» Я сказала: «Доктор, если мы уйдем, мы уйдем вместе втроем».

Солдат-баасовец сказал: «Нет, мы можем освободить только вас двоих, потому что вы – женщины». Несмотря на то, что я поняла суть дела, я спросила их: «Какой дорогой нам уйти?»

Путь, который он указал, был неверным. Поэтому мы еще больше усомнились и заподозрили их в том, что они замыслили что-то неладное. Так как доктор Азими был ранен и мы не хотели оставлять его одного, мы не приняли предложения солдат уйти. Однако те настаивали на том, чтобы мы ушли, а мы, в свою очередь, продолжали твердить, что останемся с доктором. Доктор был хорошим поводом, чтобы остаться. Я сидела между доктором Азими и Марьям. Солдат-баасовец, теряя терпение, стал тыкать в голову Марьям стволом своего автомата. Марьям схватила рукой край дула, отвела от своей головы и закричала: «Нечестивый! Убирайся с глаз моих! Ты предлагаешь мне свободу под страхом оружия?!»

Они спросила доктора: «Что она говорит?» Я не знаю, как доктор перевел им слова Марьям, однако после этого они молча удалились. Спустя полчаса к нам пришли шестеро других солдат и сказали: «Мы должны доставить доктора Азими в больницу».

Мы с Марьям прижались к доктору и не отходили от него ни на шаг. Я сказала: «Доктор – наш отец, и мы ни при каких обстоятельствах не расстанемся с ним». Один из солдат, который был курдом и

хорошо знал фарси, сказал: «Мы с доктором пойдем вперед, а вы идите за нами».

«Нет, мы с доктором пойдем вместе», – возразила я.

Это была длинная ночь. Казалось, утро не собирается наступать, как будто оно где-то застряло. Время шло, а темнота ночи не проходила. Я посмотрела на звездное небо. И задумалась: какую долю уготовили мне эти звезды, сулящие всем свет и ясность утра?

Я сказала: «Доктор, мне кажется, у них грязные сатанинские мысли. Вы как думаете?»

Он ответил: «Вы только совершайте намаз, и ночь пройдет, и наступит утро».

Мы совершали намаз, а они смотрели на нас. И понемногу на смену ночи пришла белая пелена, предвещающая скорое наступление утра. Но все же до наступления утра еще оставалось время. В руках у баасовцев было столько провизии, съестных припасов, орешков и сладостей, будто они были гостями на каком-то торжественном приеме. Для того, чтобы возбудить наш аппетит и вынудить нас попросить у них что-нибудь поесть, они устроили перед нами представление «жвачные во время кормежки». Закончив трапезу, они бросили пустые банки из-под консервов на землю. Ветер носил их мусор из стороны в сторону. Я заметила, что на упаковках продуктов, которые съели баасовцы, были надписи на персидском, то есть они были иранского производства. У нас не было желания есть, не смотря на то, что мы ничего не ели с утра прошлого дня.

Я спросила: «Доктор, что здесь происходит? Эти банки и коробки – иранские».

Доктор ответил: «Наверняка это был груз одной из машин, которые они останавливают на дороге – провизия для фронта».

Утро 16 октября было наполнено шумом баасовских машин и новых потоков иракских военных, устремившихся на эту же трассу с севера Хоррамхашра. Днем ранее, с самого рассвета до захода солнца, мы были свидетелями взятия в плен разных групп людей. Меня и Марьям переместили в ту яму, в которой держали до этого братьев. Доктор Азими сидел один на земле и ждал, когда его отправят в больницу.

В восемь часов утра баасовцами была схвачена группа из шести братьев – стражей Корпуса. По их поведению было ясно, что они были застигнуты врасплох. Их, подобно мячам, бросили в нашу яму. По прошествии некоторого времени, когда между нами установилось доверие, мы обменялись с ними информацией.

Мы спросили:

– Откуда вы были командированы?

– Из Корпуса Омидийе.

– Мы – сотрудники Красного Полумесяца и, возможно, будем вскоре освобождены.

После этих слов двое из братьев, которые были семейными, сняли со своих пальцев обручальные кольца и отдали их нам со словами: «Если вас освободят, передайте эти кольца в Корпус Омидийе. По ним наши семьи опознают нас».

В надежде на то, что нас освободят, одно из колец взяла Марьям, а второе – я. Интенсивность

столкновений и пленения наших войск была больше, чем в предыдущий день. Однако никто из тех, кого брали в плен, не расстраивался, словно думая, что впереди лишь краткосрочное, временное путешествие.

С каждым часом к нам прибавлялись все новые и новые лица. Братьев из Корпуса стражей и ополченцев поместили в той же яме, рядом с нами, а остальных оставили стоять у стены. Около десяти утра в нашу яму, подобно стреле, выпущенной издалека, был брошен худощавый высокий юноша с волосами каштанового цвета. Нижняя часть его лица была окровавлена. Он производил впечатление деревенского человека, имел широкое лицо, а его губы застыли в какой-то странной улыбке. Ни у кого из нас не было платка, чтобы дать ему. Он вытер свои окровавленные губы краем рукава и присел. Вслед за этим юношей, который, вероятно, был пастухом, в нашу яму спустили не меньше полсотни овец с колокольчиком на шее у каждой. С того момента в какую бы сторону мы не повернули голову, мы видели перед собой морды этих овец, которые к тому же извергали на нас свои фекалии и непрерывно бляели.

Спустя тридцать часов голода и жажды мы попросили пить, и баасовцы принесли один стакан воды, из которого каждый из нас, будучи окружен целой отарой овей, отпил один глоток.

Метавшиеся из угла в угол и тревожно бляевшие овцы успокаивались и стихали сразу же после того, как их хозяин проводил рукой по их головам и спинам. Один из братьев Корпуса Омидийе

спросил его: «Как тебя зовут, брат? Кто ты по профессии?» Юноша ответил с предельной простотой и искренностью: «Меня зовут Азиз, я – пастух из Кашана. Вчера я двинулся в путь из Кашана. В нашей округе каждый, кто хотел помочь нашим бойцам, пожертвовал на нужды фронта несколько овец. Я был на пути в Абадан, когда меня схватили. Стадо уставшее и голодное. Эти овцы не выдерживают здешнюю жару. Хорошо, если бы дали немного воды и травы этим бедным животным».

С присущим ему приятным кашанским выговором и предельной наивностью он спросил: «До каких пор мы будем находиться здесь? Если хотят, пусть оставят нас здесь, но пусть быстрее доставят овец на фронт для борющихся братьев».

По-видимому, он пребывал в своем, совершенно обособленном мире. Он хранил в памяти сведения о каждой своей овечке и знал характер любой из них. В этот момент мимо прошел офицер, который в самом начале нашего пленения спрашивал нас о том, военные мы или гражданские лица. Увидев нас среди овец, он изобразил на лице презрительную ухмылку и сказал пару слов, смысла которых я не понял.

Другой офицер, у которого на погонах было больше звезд, внезапно обратился ко мне и приказал мне выйти из ямы.

Я сделала вид, что не слышу его, и вдруг он закричал: «Животное, я с тобой разговариваю!»

Я вышла из ямы. Джавад стоял рядом с ним и переводил ему. Он сказал: «У себя в Ираке мы с уважением относимся к генералам, вы – наши гости».

«Именно поэтому вы держите нас вместе с овцами?» – спросила я. Он ответил: «Нет, генерал. Мы думали, что завладеем Хузестаном до завтрашнего дня, поэтому не стали переводить вас в другое место. А сейчас пришел приказ относительно тебя и твоей сестры». Я с надеждой подумала, что это как раз реализация той самой международной конвенции, о которой говорил доктор.

«Согласно международным Женевским конвенциям, каждая из нас может освободить двоих раненых», – сказала я.

Он ответил: «Отлично, ты осведомлена и о международных конвенциях, устанавливающих правила ведения войны».

Мы с Марьям вышли из общей массы пленных и сели в машину, однако каждая из нас предпочла бы находиться среди овец, чем среди волков. Прежде чем сесть в машину, мы, после некоторых колебаний, положили кольца, отданные нам братьями Корпуса Омидийе, на землю Ирана в надежде на то, что их найдет кто-то из наших, потому что мы допускали возможность того, что иракцы отберут их у нас.

Чем дальше двигался наш автомобиль, тем более незнакомыми для нашего глаза становились окружающие пейзажи и люди. Нас высадили в каком-то неизвестном нам месте, и мы зашли в здание, которое, по нашим предположениям, являлось резиденцией какого-то командного штаба, поскольку на груди и на плечах людей, которые ходили внутри этого здания, было полно звезд, орлов и прочей военной атрибутики. Нам принесли

две пары специальных очков, надев которые, мы полностью лишились возможности видеть что-либо. Кроме того, иракцы крепко связали нам руки. Около четырех часов мы простояли в комнате безмолвно, никто не задал нам ни единого вопроса. Я старалась понять хоть что-то из того, что слышала вокруг себя, но так и не смогла разобрать ни слова. Каждые несколько минут я и Марьям единичным кашлем оповещали друг друга о своем присутствии, и каждый раз слышали грубый голос баасовского солдата, который кричал: «Молчать!» Спустя четыре часа, после того, как нам развязали руки и сняли с нас очки, начался короткий допрос, который больше был похож на прощупывание и выяснение наших позиций, взглядов и убеждений. Нас спросили:

– Вы – сотрудники Красного Полумесяца?

– Да.

– Где вы работали?

– Везде, где мы были нужны.

– Вы согласны работать в иракской больнице и ухаживать за нашими ранеными?

– Наша работа – гуманитарная. Спасение жизни людей не имеет границ и пределов, – ответила я.

– Хитрые дочери Хомейни! Маджусы¹!

Нас с Марьям проводили в зал, где в несколько рядов стояли кровати, на которых лежали раненые из разных пострадавших от войны районов. Нам сказали: «Все они – иракцы. Вы должны ухаживать за ними».

¹ В исламской традиции так называются приверженцы зороастризма (*прим. перев.*).

Мужчина средних лет, одетый в белую одежду, представился нам доктором Саадунум. У него была комичная внешность. Когда я смотрела на его одежду и лицо, я вспоминала себя в халате врача с венником в руке. Было полное ощущение того, что на него по ошибке надели чужую одежду. Подобно солдату на утреннем параде войск, которые проходят маршем по случаю какого-либо торжества, он, не обращая внимания на состояние раненых, шел вперед, не поворачивая головы, мы шли за ним, а за нами – еще четверо солдат. По его равнодушию к стонам раненых было понятно, что врачевание – не его призвание.

На кроватях были чистые простыни и одеяла. Рядом с кроватями стояли маленькие столики, на каждом из которых имелось по несколько бутылок иранского компота. Иракские раненые либо были в бреду, либо спали и отдыхали. У всех стояли капельницы. Но в конце зала виднелось несколько рядов кроватей, накрытых полиэтиленовыми накидками, безо всяких простынь и одеял. На этих кроватях лежали раненые, которые скорчились от холода и боли, а бинты на их ранах были насквозь пропитаны кровью. Запах гнили и испражнений в этой части зала вызывал тошноту. До меня донесся голос, который с болью и стонами обращался с просьбами о помощи к некоему Сейеду Аббасу. Каждый раз, когда он взывал к Сейеду Аббасу, мы с Марьям переглядывались, мысленно вопрошая: не иранец ли он? И думали про себя: может быть, он имеет ввиду нашего Сейеда Аббаса?

Я догадалась, что в последнем ряду лежали иранские раненые. На их телах виднелись кровоточащие раны. У них не было ни столиков, ни компота, ни капельниц. Их безжизненные взгляды, пересохшие потрескавшиеся губы свидетельствовали о том зле, которое было им причинено в течение всего этого времени. Каждый, к кому мы подходили, невольно тряс головой. Их страждущие и щемлящие душу взгляды были устремлены к нам. Находясь среди этих раненых и немощных пленных, мои глаза невольно искали доктора Хади Азими и Мир-Зафарджуйана. Когда мы дошли до последнего ряда, доктор Саадун ускорил шаг и стал говорить нам: «Быстрее, идемте быстрее!»

Однако, видя взгляды и слыша голоса своих земляков, мы с Марьям не могли не замедлить шагов. Наш сердца сжались от того, что в них проникла та мучительная боль, которую испытывали эти раненые. Я ощутила невыносимое чувство удушья. Мне хотелось закричать: «Раненые ведь есть раненые! Не имеет значения, иранцы они или иракцы!».

Мое макнаэ, рукава и полы моего манто были в крови Мир-Зафарджуйана. Пятна крови, подобно засохшим лепесткам розы, чернели на моей одежде. На макнаэ их не было видно, поскольку оно было коричневого цвета, зато я непрерывно ощущала запах крови, которой пропиталась его нижняя часть. Мои глаза искали среди раненых знакомый взгляд, как вдруг я заметила татуировку Рустама и гремучей змеи на руке одного из пациентов. Я вспомнила, что это – тот самый юноша, которому я тогда поручила ополченца Сейеда, попросив

сильно сдавить рану на его животе, чтобы уменьшить интенсивность кровотечения. Рука юноши все еще была подвешена к шее на ремне.

Я возликовала от встречи с ним. Пренебрегая осторожностью, я отошла от Марьям и, радостно направившись к нему, спросила: «Что стало с тем раненым ополченцем?» Не успела я услышать от него ответ, как пощечина, которую отвесил мне доктор Саадун, повернула мою голову на сто восемьдесят градусов. У меня было ощущение, будто мои мозги вышли наружу через рот. Мои губы задрожали, и рот наполнился кровью. Увидев эту картину, раненые братья-иранцы привстали со своих кроватей, но сделать ничего не могли. Иракские солдаты, выругавшись, вышвырнули нас на улицу, через некоторое время посадили в машину и увезли в неизвестном направлении.

Следы пальцев доктора Саадун остались на моей щеке. Марьям, желая успокоить меня, начала вытирать мои окровавленные губы краем своего макнаэ. Однако физическая боль от пощечины мучила меня не так, как осознание того факта, что впервые в жизни до моего лица дотронулась рука чужого, не *махрама*¹. Это чувство было для меня столь невыносимым, что для того, чтобы избавиться от него, я была вынуждена попросить у солдата,

¹ Махрам – близкий родственник, за которого женщина не имеет права выходить замуж по причине их родства, но с которым имеет право оставаться наедине и отправляться в путешествие. Мужчина, являющийся махрамом для женщины, может прикасаться к ней, и ношение хиджаба для нее в его присутствии не обязательно (*прим. перев.*).

который был приставлен к нам для охраны, воды, чтобы хоть как-то смыть со своего лица следы нечистых и скверных рук доктора Саадуну.

Марьям, изрядно рассердившаяся на меня из-за проявленных мной любопытства и неосторожности, сказала: «Теперь ты поняла, где Мир-Зафарджуйан?»

Я ответила: «Нет». И, сглатывая ком, подступивший к горлу, продолжила: «Зато я поняла, где я сама».

Встреча с ранеными иранцами и атмосфера, царившая на границе между Ираном и Ираком, оживили во мне обнадеживающее чувство пребывания на родине. Однако маршрут, по которому ехал наш автомобиль, пах чужеземщиной и горечью. Мне хотелось спросить, куда нас везут, вкус крови все еще ощущался во рту, губы были сухие, и, если честно, я боялась того, что другая сторона моего лица тоже запачкается нечистью. Через час мы приехали в лагерь, обнесенный забором из колючей проволоки, внутри которого имелось несколько комнат. Я не знала, где мы находимся. Хотя для меня больше не имело значения, где я нахожусь. Я думала: я не в Иране, а если так, то какая разница, где я? Я была оторвана от своего города, от своего дома и от своей семьи.

После того, как машина остановилась и мы вышли из нее, нас окружили солдаты-охранники и около восьми военнослужащих более высоких чинов. Один из них подошел к нам и сказал: «Дочь Хомейни, как тебя зовут?»

– Масуме.

– А-а, генерал Масуме!

Затем он спросил Марьям: «Дочь Хомейни, как тебя зовут?»

– Марьям, – ответила она.

– Вы сестры?

– Да, мы сестры.

– Хомейни отправляет на фронт и своих дочерей, чтобы они воевали за него?

– Нет, мы – сотрудники Красного Полумесяца, – ответила я.

– Посмотри туда! – сказал он. Он показал пальцем на одну из комнат, находившуюся примерно в пятистах метрах от того места, где мы стояли. Я увидела девушку с черным платком на голове, тревожно смотревшую из окна комнаты. На таком расстоянии я больше ничего не могла рассмотреть и понять.

Иракец, который вел с нами беседу, продолжил:

– У вас с ней одинаковая одежда одинакового цвета. Она – тоже страж Хомейни.

Мне ужасно захотелось еще раз взглянуть на ту девушку. Я хотела повернуть голову и разглядеть ее получше. Но звук от пощечины доктора Саадуна все еще звучал в моих ушах.

– Для чего вы пришли на фронт? Вы хотите воевать с нами?

Я не могла говорить по-арабски, и он начал звать кого-то: «Хамед! Хамед! Переведи!»

Я сказала: «Нас взяли в плен в городе, в котором мы живем».

– В том городе велись военные действия.

– Вы вторглись в наш город, похитили нас и привезли сюда, – сказала я.

Как будто в нем мелькнул проблеск совести, он распустил всех и приказал отвести нас в ту самую комнату, где содержалась сестра, которую баасовец назвал «стражем Хомейни». Нам строго запретили разговаривать. Чем ближе мы подходили к комнате, тем отчетливее вырисовывалось размытое лицо девушки, которую я увидела с расстояния в пятьсот метров. Я не знала, кто она.

Это была высокая белолицая девушка лет двадцати шести – двадцати семи, одетая в манто и брюки темно-серого цвета. Одетая она и вправду была, как я. Ее взгляд был светлым, но взволнованным. Мы еще не успели открыть дверь ее комнаты и войти, как она через окно поздоровалась с нами и сказала: «Салам!» Но, прежде, чем я успела ответить на ее приветствие, охранник решительно произнес: «Нельзя!»

Я спросила: «То есть как, даже здороваться запрещено?»

Он открыл дверь, и мы – три иранки – оказались в одной комнате. Но как это возможно, чтобы три девушки находились вместе и не разговаривали друг с другом?! Вопреки всем предупреждениям и правилам, мы расспросили друг друга обо всем необходимом и с абсолютным доверием поделились друг с другом информацией о себе. Незнакомка представилась так: «Я – Фатима Нахиди. Я акушерка. После того, как я закончила учебу, я уехала в бедные районы, поскольку чувствовала, что там я нужнее. Я находилась в одной из деревень вблизи города Бам, когда до меня дошла новость о начале войны. Я вернулась в Тегеран, а оттуда вместе

с доктором Садики, с которым я познакомилась в Бандар-Аббасе, господином Занди, братом Джергуйи и двумя другими спасателями отправилась на юг. Сначала мы поехали на западный фронт, но пробыли там всего три дня, потому что нам сказали, что на юге в нас нуждаются больше. Мы уехали в Андимешк. Приехав туда, мы увидели, что иракцы разбомбили электростанцию, повсюду клубился дым. Увидев эту картину, я попросила своих спутников поехать в Дезфуль, чтобы переночевать там. Они поддержали меня. Однако на базу “Единство” Дезфуля (военная база Военно-воздушных сил) никого не пускали. Там остались только военнотружающие армии. Женщин и детей вывезли из города. Я позвонила своему дяде. С его помощью мы смогли остаться на ночь в Дезфуле. Это была страшная ночь. Всем моим существом овладели страх и неуверенность. Мне не нравилась эта неуверенность. Мне хотелось быстрее принять решение.

Я говорила себе, что, возможно, мне следовало послушать дядю и не приезжать на фронт. Дядя пугал меня трудностями фронта и говорил: “Тобой руководят эмоции. Война не так проста, как тебе кажется. На войне убивают, пропадают, попадают в плен!” Но последнее слово было за матерью. Она сказала: “Брат, не настаивай! Пусть она идет со спокойной душой”. Отец тоже знал, что если я сказала, что еду, значит, я хорошо обдумала свое решение. Я приехала на фронт из чувства долга».

Фатима продолжила далее: «На следующее утро от этих сомнений и страхов не осталось и следа. Бомбежки еще не закончились, но я уже не боялась.

Мы приготовились выехать в сторону Хоррамшахра. Девятнадцатого мехра мы добрались до Хоррамшахра. Соборная мечеть стала базой скорой медицинской помощи. Мы разместились в добротном доме, предоставленном в наше распоряжение одним из жителей Хоррамшахра. Одну из комнат мы оборудовали под медицинский пункт. Ночью мы разделились на две группы. Доктор Садеки с двумя спасателями образовали одну группу, а я, брат Джергуйи и Занди – другую. Мы условились, что каждая группа по очереди будет один день находиться на линии фронта, а другой – в лечебнице. Утром группа доктора Садеки отправилась на линию фронта, а я и брат Джергуйи стояли перед домом, беседовали о судьбе и о том, что всё, что происходит – происходит по воле Всевышнего. Поговорив, мы зашли в дом. Не прошло и минуты, как грохот от взрыва снаряда заставил задрожать весь дом. Мы выбежали на улицу. Снаряд разорвался именно там, где пару минут назад стояли мы с доктором Садеки. Это повергло меня в шок. Но я всем сердцем твердо верила в то, что действительно на все – воля Всевышнего.

В этот самый момент к нам пришли два наших солдата и сказали, что среди наших сил много погибших и раненых и нужна помощь. Без промедления мы сели в машину «скорой помощи» и отправились на линию фронта. Издалека было видно только одну черную линию. Все мои мысли и чаяния были лишь о том, чтобы быстрее добраться до раненых и пострадавших. Продвинувшись немного вперед, один из солдат сказал: «Как много здесь танков!»

Мы совершенно не задумывались о том, что у нас нет столько танков. Накануне говорили, что в Хоррамшахре имеется один-единственный танк. Мы даже не задались вопросом, что здесь делают все эти танки. Мы даже не заметили, что их дула направлены в нашу сторону, а не в сторону иракцев. Мы не замечали ничего странного. Мы почти доехали до линии фронта. Внезапно снаряд, выпущенный из танка, упал на землю рядом с нашей машиной. Только тогда мы поняли, что линию контролируют иракцы. Мы выскочили из машины, чтобы укрыться где-нибудь. Брат Джергуйи был ранен в ногу. Недалеко от нас был небольшой ров. Мы добежали до него. У меня с собой имелись средства для перевязки, и я думала только о том, что должна остановить брату кровотечение. Когда иракцы добрались до нас, чтобы увезти с собой, повязка, которую я наложила на ногу брата Джергуйи, осталась лежать на земле, потому что у меня не было времени затянуть ее. Нас посадили в танк и допросили по очереди. После допросов несколько минут стояла гробовая тишина. Я даже не слышала дыхания ребят. Я позвала их. Никто не отвечал. Из-под платка, которым завязали мне глаза, я видела только ноги солдат-баасовцев. Я осталась одна. Меня бросили в яму, в которой пахло мусором.

Первые несколько часов мой мозг не работал. Находясь в этой вонючей яме, я думала о смерти. В те ужасные минуты я считала смерть лучшим, что могло произойти со мной. После каждого взрыва я тянулась вверх, чтобы увеличить вероятность попадания в меня осколков снарядов. Мое тело

начинало лихорадочно трястись, когда я вспоминала взгляды баасовцев.

Через некоторое время меня вывели из ямы, посадили в машину и стали ждать водителя. Я повернула голову назад и из-под повязки, которая была на моих глазах, увидела солдата Эбади, который лежал на полу машины со связанными руками и ногами. Остальных не было. Баасовцы утверждали, что каждый, у кого нет жетона военнослужащего, – шпион и подлежит немедленной казни. Среди нас, кроме Эбади, который лежал в машине, ни у кого больше не было военного жетона. В моей голове начали роиться тревожные мысли о том, что баасовцы сделают с нами и другими нашими спутниками. Нас пересадили в какой-то фургон, на котором к вечеру доставили сюда. Первая ночь была кошмарной. С первого же дня нас подвергли допросам, которые продолжаются до сих пор».

Мы тоже представились и сказали ей: «По правде говоря, мы сказали, что я и Марьям – сестры, чтобы нас не разлучили. Они поверили, что мы сестры. Впредь же мы втроем – сестры».

Фатима, увидев мою одежду и макнаэ Марьям, которые были в крови, сказала: «Мы в Ираке, и мы попали в плен. Возможно, до конца месяца мехр мы останемся здесь. Через три часа, ближе к закату, дверь откроют на несколько минут, и мы выйдем наружу. Быстро умойте лица и руки и отстирайте свои вещи».

Я спросила ее: «Вы одна?» Она ответила: «Вот уже три дня, как я нахожусь в этой камере одна. Но в соседних камерах содержатся около двухсот-

трехсот пленных иранцев. Они выходят в туалет по очереди. В обед, когда приносят еду, мы можем увидеть некоторых из них».

Я спросила: «Разве здесь еду тоже дают?»

«После еды дают даже десерт», – пошутила она.

Фатима обладала спокойным и смиренным нравом. Она хорошо поняла, что значит война, и сразу и безоговорочно приняла свою судьбу, то есть плен. Мы о многом должны были поговорить друг с другом.

Мы сидели рядом на полу в маленькой камере с голыми стенами. В камере было два окна, выходящих на внутреннюю часть тюремного двора. Был вечер. Солдат, время от времени заглядывавший внутрь через окно, удалился. Это был подходящий момент для того, чтобы Фатима рассказала нам подробнее о трех днях, проведенных в камере до нашего приезда. Она сказала: «В эти дни дверь открывают примерно в это время».

Я уже не так боялась. Присвоенный мне статус «генерала» я примеряла на себя, испытывала на себе, упражнялась на нем и верила в него. Фатима больше не была одинока. В первую минуту после того, как охранник запер за мной дверь, у меня было чувство, что я – обвиняемая и нахожусь в тюрьме. Однако потом я подумала: «В чем я провинилась? Почему я в тюрьме?»

Спустя примерно час дверь открылась, и нам дали одну на всех миску с едой – немного риса с жидкостью красного цвета в качестве подливы. Еда выглядела так, что вместо того, чтобы возбуждать аппетит, отбивала его напрочь. Фатима

взяла миску, с удовольствием понюхала еду и начала хвалить. Было очевидно, что она пытается вызвать в нас аппетит и заставить поесть. Она повторяла: «Начинайте кушать, через четверть часа они вернутся и заберут посуду».

Мы втроем сели вокруг миски с едой, которая могла накормить лишь одного человека. Я спросила: «А где же ложка и вилка?» Фатима ответила: «Здесь – тюрьма Танума¹, а не ресторан! Вместо вилок пользуйся пальцами. Соедините четыре пальца, чтобы еда не сыпалась сквозь них. Начните и научитесь». Затем она продемонстрировала нам на деле, как это сделать. Я сказала, обращаясь к Марьям: «Знаешь, если девушка из столицы научилась, мы и подавно научимся. Приступай!» Однако, когда я взглянула на свои руки, у меня пропал аппетит. Между моими пальцами виднелась засохшая кровь, и вообще везде на моих руках были следы грязи и крови. Я спросила: «После еды дают воду?»

«Нет, – ответила Фатима, – после еды приносят пепси-колу! Ешьте, говорю! Чего вы ждете?! Через несколько минут охранник придет и заберет миску».

Руки Марьям были в таком же состоянии, как и мои. Но мы не хотели, чтобы Фатима обиделась на нас в первый же день. В конце концов кончиками пальцев мы съели свои доли. Пришел охранник и забрал миску. Через час он снова открыл дверь на несколько минут для того, чтобы мы могли выйти

¹ Танум – город в Ираке, в котором находится военная база. Расположен примерно в 20–30 километрах от города Басра (*прим. перев.*).

из камеры и воспользоваться санузлом. Помогая друг другу, мы быстро почистили свои запачканные кровью манти и макнаэ, не снимая их с себя. Мы хотели совершить омовение, но охранник влетел в туалет и заставил нас вернуться в камеру.

Для того, чтобы наши мокрые вещи, с которых все еще стекала розовая от крови вода, высохли, мы начали ходить по камере взад-вперед, тряся на себе одежду. Одновременно мы делились друг с другом своими тревогами и говорили о том, что еще не успели сказать. Солдат-охранник со злостью открыл дверь и сердито прокричал: «Маджусы! Вы разве не знаете, что вы – пленные?! Вы находитесь в Ираке! Ходить и разговаривать запрещено! Всё запрещено!»

Марьям сказала: «Живой человек имеет свойство ходить и разговаривать, разве нет?!»

Несмотря на то, что иракец не понял смысла слов Марьям, он, видя, что она что-то сказала ему, открыл дверь пошире и подошел к Марьям. Мы с Фатимой подскочили и заслонили собой Марьям, преградив баасовцу путь. От наших криков солдат вышел из камеры. Тогда я поняла суть преступления, наказанием за которое не является заключение в тюрьму, но...

Я вздохнула и сказала: «Сегодняшняя ночь – уже вторая ночь, как у нас нет вестей из Ирана, а в Иране не знают, где мы и что с нами. Марьям, тебе не кажется, что вчера, когда мы еще находились на территории Ирана, в пустыне, вблизи Хоррамшара, и с надеждой прислонялись к стене этого города в ожидании того, что в любую минуту придут наши

и освободят нас, нам было лучше? Мы здесь такие чужие и одинокие! Мы так далеко от Ирана! Вчера мы были на родине, а сегодня – на земле врага». Марьям сказала: «Сегодня – вторая бессонная ночь моей матери, которая не смыкает глаз в ожидании меня». Фатима добавила: «Девятнадцатого числа на базе “Единство” в Дезфуле я тоже сказала о том, что еду в Хоррамшахр, только своему дяде. Когда я ехала в Хоррамшахр, я думала о чем угодно, только не о том, что попаду в плен к иракцам. Похоже, что судьба распорядилась иначе».

Мы продолжали беседовать. Было за полночь. Стресс и тяжелые события дня, пережитые нами, не позволяли нам уснуть. В это время открылась дверь, и к нам в камеру бросили юношу лет девятнадцати-двадцати. Я не поверила своим глазам. О великий и несравненный Создатель! Я в жизни не видела столь красивого молодого человека. Никто не мог смотреть на его лицо более двух мгновений. Всевышний будто нарисовал все черты его лица с особенным и предельным мастерством и изяществом. Это был стройный широкоплечий юноша среднего роста. Цвет его одежды я не помню.

Не начиная разговора с ним, мы лишь изредка с опаской посматривали на него. Несмотря на то, что он был иранец, мы отнеслись к нему с подозрением из-за того, что его изолировали от других. Мы боялись довериться ему, хотя еще не знали значения слов «шпион» и «пятая колонна»¹. Люди

¹ Баасовцы выбирали среди пленных трусливых и слабых людей, которых использовали для шпионажа и сбора сведений (прим. авт.).

были либо иракцы, либо иранцы – мы не различали полутонов. Спустя час Фатима все же нарушила молчание и спросила: «Вы ранены?». Покраснев от смущения и чувствуя неловкость от того, что находится в обществе девушек, юноша ответил с явным и очень приятным абаданским акцентом: «Сестра, разве не видишь, я стою на своих ногах». Марьям спросила: «Как тебя зовут?». «Юсеф Вализаде», – ответил молодой человек. Затем спросила я: «Почему тебя отправили к нам?». Он сказал: «Сестра, вы все – как сестры мне, но, клянусь Всевышним, я сам смущен тем, что меня привели сюда. Я находился в соседней камере, среди двухсот других мужчин. Все они порядочные и стоящие люди, не то, что я. Все они доктора и инженеры, к несчастью, попавшие в руки этих нечестивцев. Они умоляют этих бессовестных солдат открыть дверь, чтобы умыться, но эти безбожники не соглашаются это делать. Они отбирают у пленных их обручальные кольца и часы, чтобы спустить их в туалет. Они сказали мне: “Встать и выйти из камеры!” Я подумал, быть может, война закончилась, и они хотят отправить меня в Иран. А оказалось, они привели меня к вам, девушкам. Не знаю, что и сказать еще. Наш удел – плен и несчастье».

– Когда тебя взяли в плен: ? – спросила Фатима.

– Два дня назад.

– Где тебя взяли?

– На этой проклятой трассе, всех нас взяли на этой же трассе.

Внезапно он как будто вышел из состояния забытья. Видя, что мы втроем окружили его и атако-

вали вопросами, он сказал: «Надо же, вы задаете мне столько вопросов! Больше, чем сами иракцы. Скажите-ка сами, что вы здесь делаете?»

Он был очень наивным и простым юношей. Скоро мы почувствовали доверие к нему и рассказали об истории нашего плена. Спустя немного времени он тоже начал изливать нам душу: «Мой отец умер, когда я был маленьким. Моя молодая мать осталась с двухлетним сиротой на руках. Она пожертвовала своей молодостью ради меня. Она вырастила Юсефа, прислуживая людям, обстирывая их и работая уборщицей в больнице O.P.D. А теперь, когда она была в ожидании того, что увидит добро от своего Юсефа, что он позаботится о ней, восполнит ее труды и принесенные ею в жертву молодые годы, Юсеф попал в руки иракцев! Если пройдет еще один день, и мать не найдет меня, она умрет от горя и тоски! Как я ни прошу этих беззаконников прежде, чем распространится весть о моей гибели, разрешить мне поехать и сообщить своей матери о том, что я в плену, и вернуться, они не соглашаются с этим, хотя я даю им честное слово, что вернусь обратно. Никакие слова и уговоры не доходят до них».

Излив душу, он замолчал. Было около половины второго ночи. Никто из нас не мог уснуть, лежа на холодном и влажном земляном полу, перед солдатом, ходившим за окном взад и вперед и не сводившим с нас глаз. Мы все сидели на полу в одной и той же позе – прислонившись к стене и обхватив руками колени. Юсеф сидел у стены напротив нас. Иногда он закрывал глаза, разводил руки в стороны,

как будто хотел обнять кого-то, и начинал сводить указательные пальцы, шепча: да – нет, да – нет. Если пальцы сходились, он начинал смеяться и радостно кричать: «Да, да, да! Война закончится, мы будем освобождены!» Однако если эти два пальца не сходились, его глаза наполнялись слезами. Всё мое внимание было приковано к нему. Я спросила его: «Юсеф, так да или нет?» Он ответил: «Сестра, если и да, то путем мухлевания».

В конце концов он уснул сидя и смог поспать около двух часов.

Когда он проснулся и увидел, что мы совершаем поклон на свои пальцы, поскольку у нас не было мохров¹, он дал каждой из нас по финиковой косточке и сказал: «Совершайте поклон на косточки!» И сам приготовился к совершению намаза. После нескольких ракатов² он сказал: «Мы, наверное, сошли с ума – еще не наступило утро, что за намаз мы совершаем?». Фатима ответила: «Мы совершаем намаз благодарения».

– А за что же благодарить? – спросил он. И тут же добавил: – Хотя нет! Сестра, как хорошо ты сказала! Вот если бы моя мать видела, что Юсеф стал регулярно молиться!

Через несколько минут он спросил: «Кстати, девочки, вы умеете гадать на финиковых косточках?»

¹ Мохр – ритуальная принадлежность, небольшая плитка овальной формы, к которой шииты прикладываются лбом во время земного поклона при совершении намаза (прим. ред.).

² Ракат – цикл словесных формул и движений при совершении намаза (прим. перев.).

– Нет, – ответили мы.

– А на горохе?

– Нет.

– А сны вы умеете толковать?

– Нет.

– Что же вы умеете тогда?! – спросил он – Девушки всегда интересуются гаданием. Гаданием на горохе, финиковых косточках, кофе, чае, гаданием по ладони и толкованием снов.

Марьям спросила: «И что же ты видел во сне?»

Юсеф поведал о своем сне так: «Вчера, во время полночной дремоты, я видел сон, будто играю в футбол на открытом поле. Каждый раз, когда мяч оказывался у меня, я бил по нему с невероятной силой, и он влетал в ворота. Ребята качали меня на руках. Я стал своего рода Пеле. Мать тоже была в игре, но не могла бить по мячу».

Выслушав его, Марьям сказала: «Толкование твоего сна очевидно, брат. Всевышний дарует тебе силы и мощь для преодоления трудностей на твоём пути. И ты займешь высокое положение».

Юсеф ответил: «Сестра, как красиво ты истолковала! А говоришь, что не умеешь. Но во сне я хотел, чтобы эти голы в ворота забила моя мать. Когда мяч оказывался рядом с ней, она не могла бить по нему ногой. Что же это означает? Дождется ли она моего возвращения?»

Вторую ночь мы тоже провели в присутствии брата Юсефа Вализаде. Затем Юсефа забрали, и мы его больше никогда не видели. На каждом клочке земли – нашей или иракской – мы теряли кого-то.

С наступлением второго утра к нам пришли несколько баасовских охранников и офицеров, которые, как в фильмах, допрашивали нас, сопровождая свои вопросы дешевыми непристойными шутками.

На третий день после нашего плена мы трое – Фатима, Марьям и я – сидели на полу, оперевшись о стену. Солдат-баасовец подошел к нашему окну и знаком велел мне подойти. Я отказалась. Я стала смотреть по сторонам, делая вид, что не понимаю, чего он хочет и к кому обращается.

Он повторил: «Я с тобой разговариваю! С тобой, с тобой!»

Фатима тихо сказала мне: «Сиди, не вставай!»

Но баасовец не отставал, и мне пришлось подняться и подойти к нему поближе. «Как тебя зовут?» – спросил он.

– Масуме.

– Нет, не Масуме! Генерал Масуме! Сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Ты военное лицо?

– Гражданское.

– Ты из Арабестана¹?

Мне понадобилось два дня, чтобы понять, что означают слова «asgari» (военный) и «madani» (гражданский). А теперь я не понимала значение слова «арабестани».

¹ Иракцы переименовали Хузестан в Арабестан. Поскольку мы были из Хузестана, мы не должны были проносить название нашей провинции по-персидски (прим. авт.).

– Нет, я из Ирана, – ответила я.

Он засмеялся так, что мне было видно его глотку.

– Ты не иранка, ты – индианка, – сказал он. Он снял обручальное кольцо с безымянного пальца левой руки и сказал: «Возьми!» Видимо, он хотел расположить меня к себе. Когда я поняла это, я сердито сказала: «Я – мусульманка, ты – тоже мусульманин. Ты – мой брат по вере!» После этого я развернулась и села на свое место.

Фатима, видя, что я сильно разозлилась и испугалась, сказала: «Не бойся, они нас проверяют. В первые дни мне пришлось наблюдать и выслушивать много таких дешевых маневров и бредней. Слава Богу, что мы сейчас официально находимся в плену в руках у иракского правительства. Мы прошли первые фронты, на которых нас никто не видел и не определил наши личности. А теперь многие братья-иранцы знают о нашем пребывании здесь и видели нас». Однако этих слов было недостаточно для успокоения моего удрученного и сокрушающегося сердца.

«Нас взяли в плен вместе с тремя другими людьми, – возразила я, – доктором Хади Азими, Мир-Ахмадом Мир-Зафарджуйаном и Маджидом Джалалвандом. И я не имею представления, что с ними случилось».

Аргументация Фатимы была логичной, но я не могла принять ее, потому что находилась в состоянии сильного стресса, близкого к шоку. Все мое тело было мокрым от пота. Я испытывала сильную тошноту и жжение в желудке. Не говоря ничего, я доползла до угла камеры и, держась за желудок,

свернулась калачиком от физической боли и душевных мук.

Марьям с глазами, полными участия и беспокойства, села рядом со мной и попыталась обратиться в шутку непристойные намеки иракских военных.

Поедание пищи грязными руками дало о себе знать. У меня началось сильнейшее расстройство желудка, и я в тот вечер не в состоянии была даже подняться с места.

На следующее утро, услышав суматоху на улице, мы подошли к окну, чтобы узнать, что происходит. Мы увидели грузовик, полный пленных иранцев – военных и гражданских, молодых и старых. Номера на машине принадлежали региону города Ахваз. Каждого, кто выходил из машины, баасовцы пинками толкали к другим. Это был унижительный прием. Я пристально всматривалась в лица, пытаясь найти среди них знакомые. Я подумала: «Всевышний Создатель! Откуда они берут столько людей?! Если я увижу отца, Рахима, Салмана или Мохаммада, как я поступлю? Окликнуть их или промолчать?»

В это время к нашей камере подвели еще одну девушку. Нам не верилось, что на календаре двадцать четвертое мехра, а неприятель все еще берет людей в плен на дороге. Когда открылась дверь, мы, не обращая внимания ни на какие предостережения и запреты, устремились встречать вновь прибывшую. Для того, чтобы мы не установили с ней дружеский контакт, иракские солдаты запугали ее нами. Поэтому она проявляла осторожность и

сторонилась нас. Однако спустя несколько часов все же представилась и назвала свое имя, сказав: «Я – Халима Азмуде, сотрудница отделения акушерства при больнице имени Девятого Абана (ныне – больница имени Бехешти). С самого начала войны в нашей больнице мы круглосуточно занимались лечением раненных на фронте и во время бомбежек. Госпожа Дельгоша, заведующая санитарно-гигиеническим отделением больницы, разрешила мне отправиться домой на несколько дней, чтобы отдохнуть и затем вернуться обратно. Я уехала к своему жениху – Надеру Насери¹. Мы собирались вернуться с ним вместе. К сожалению, нас обоих взяли в плен, когда дорога перешла под контроль иракских сил. Надера поместили в камеру с братьями, а меня привели сюда».

Нас стало четверо. У каждой из нас были свои убеждения и вкусы, но при этом мы старались проявлять сплоченность и единство в деле противостояния врагу. Мы вселяли друг в друга надежду и отгоняли друг от друга страхи; помогали друг другу и радовались друг с другом; мы плакали друг с другом и скрашивали одиночество друг друга. И очень скоро мы стали единомышленны и единоголосны в любом вопросе.

На следующее утро за стенами камер снова была беготня и шумиха. Мы по очереди дежурили у окна. Снаружи что-то происходило. На этот раз вместе военных грузовиков подъехали первоклассные

¹ Надер Насери пропал без вести вместе со всеми пленными, содержащимися в пограничной тюрьме города Танума (прим. авт.).

легковые автомобили. Мы отошли от окна, но даже с такого расстояния увидели, как по направлению к нашей камере идут примерно пятнадцать иракских женщин-военнослужащих. Они были одеты в выглаженные юбки и блузы зеленого цвета, а на их плечах красовались погоны – воинские знаки отличия. И все же эти дамочки мало походили на военнослужащих. Это были женщины, единственной проблемой которых было отсутствие зеркала. У них были накрашенные лица и уложенные волосы. Было очевидно, что они потратили уйму времени на то, чтобы сделать макияж и прихорошиться. Когда они подошли совсем близко, мы заметили, что лак, покрывающий их ногти, был одного цвета с одеждой. Довольно странно было видеть массивные украшения, которыми они увешали руки, шеи и уши. На головах у них были пилотки красного цвета. Почти все женщины жевали резинку. Я с удивлением смотрела на них. Даже на свадебных церемониях я никогда не видела такие разукрашенные лица. Марьям сказала: «Хорошо, что мы хоть женщин увидели, мы можем поговорить с ними о средствах гигиены, в которых нуждаемся. В конце концов, они одного пола с нами, и можно поговорить с ними на деликатные темы».

Когда эти женщины вошли в нашу камеру, они стали бросать на нас пренебрежительные и насмешливые взгляды. Ухмылки на их лицах дышали такой злобой, что я думала, сейчас они разорвут нас зубами на куски. Военачальник, сопровождавший их, сказал нам: «Перед вами женщины – генералы иракской армии, посмотрите, какие они

красивые!» Будто находясь на конкурсе красоты, где ему надо было выбрать королеву, он переводил взгляд с одной на другую и повторял: «Красивая! Какая красивая!».

Затем он снова обратился к нам: «Сравните свои лица с лицами этих женщин! Посмотрите на свои вещи, на то, как вы одеты!»

Мы стояли перед группой этих женщин в ряд, и каждая из них, проходя мимо нас, плевала нам в лицо, обрушивая на нас ругань и оскорбления. Их плевки и оскорбления не миновали ни одну из нас. Затем они развернулись и вышли. Военачальник спросил: «Вам досадно?» – «Нет, – ответила Халима, – мы рады, что вы злы на нас до такой степени».

Этот эпизод явился для баасовцев хорошей темой для обсуждения и смеха. Очевидно, они основательно подготовились к тому, чтобы вывести нас из состояния эмоционального равновесия. Непонятно только, где они взяли этих разукрашенных девиц, единственной миссией которых было оплести нас и уйти.

После того, как нам принесли миску с повседневной едой, дверь внезапно распахнулась, и нас отвели в соседнюю камеру. Там мы увидели около двухсот пленных братьев, в жуткой тесноте сидевших на корточках друг рядом с другом. Когда мы вошли, некоторые из братьев встали, освобождая нам место, но в это время иракские надзиратели прикрикнули на них и приказали всем сидеть. Братья с трудом сели один к другому на колени, освободив для нас место у окна, чтобы мы были вне зоны досягаемости взглядов иракских тюрем-

щиков. Мои глаза бегали по камере, подобно юле. Я разглядывала каждого пленного. Первым, кого я узнала, был Ледяной Исмаил, который тогда, во время нахождения в яме, сказал: «Глаз, который не знает, как надо смотреть на чужое достояние, заслуживает того, чтобы ослепнуть!»

Он сидел на корточках недалеко от нас, под другим окном. У него под глазами были такие большие синяки, а лицо его было настолько опухшим, что я узнала его только по одежде. Вторым был Азиз – вечно улыбающийся пастух из Кашана, который сидел в центре помещения и все еще улыбался. Я стала пристальнее всматриваться в лица сокамерников, и вдруг вздрогнула и спросила себя: «Верно ли я вижу?! Быть может, это обман зрения?» Мне хотелось, чтобы я ошиблась, обозналась. Я увидела студентов мечети имени Обетованного Махди, учителя Корана и учителя нравственности, которые были из нашей же округи и дружили с Рахимом и Салманом, – Махмуда Хусейн-заде, Резу Зарбата, Али Мосайеби и Зарэ¹. Мне хотелось заговорить с ними, но я ранее усвоила очередной урок о том, что нельзя даже здороваться. Поэтому я тайком и незаметно поприветствовала их и получила ответ на свое приветствие. Этим студентам было все равно, где они находятся. Точно так же, как они

¹ Махмуд Хусейн-заде, Реза Зарбат, Али Мосайеби и Зарэ – все были студентами духовной семинарии при мечети имени Обетованного Махди. Осенью 1981 г. они были взяты в плен иракскими силами и пропали без вести в пограничном концентрационном лагере Танума. С ними был также Мохсен Джахан-ара (*прим. авт.*).

вещали и произносили проповеди в мечети, они занимались просветительством и в лагере Танума, под ухом Саддама и под ударами плети. Несколько ребят из постоянных прихожан мечети собрались вокруг них и незаметно задавали им какие-то вопросы. Они, в свою очередь, тоже незаметно отвечали им, рассказывали хадисы¹ и призывали покориться Божественному провидению. Кто-то из ребят тихо спросил Хусейн-заде: «В чем же суть этого Божьего промысла? Мы хотели воевать, чтобы быть убитыми на пути Всевышнего и ради Всевышнего! А вместо этого, не начав воевать, мы попали в плен. Неужели Создателю угодно, чтобы мы сидели здесь и подвергались избиениям?»

Хусейн-заде ответил: «Когда вы вышли из своих домов, у каждого из вас были свои намерения. Однако вы должны наполнить их искренностью и чистотой для Всевышнего. И если не представится счастливой возможности для претворения в жизнь этих чистых намерений, по мудрости Всевышнего эти намерения совершить то или иное благое деяние приравниваются и становятся равносильны свершившемуся благу деянию». В подтверждение своих слов он пересказал следующий хадис: «Али (да будет мир с Ним!) во время одной из войн делил трофеи и дал каждому воину по несколько дирхамов, оставив себе тоже несколько. Вдруг один из его сподвижников глубоко вздохнул. Его светлость спросил о причине этого вздоха. Мужчина

¹ Хадисы – рассказы о поступках, мистических переживаниях и высказываниях Пророка Мохаммада и его сподвижников (прим. перев.).

ответил: “Когда я собрался в поход с Вами, я пошел за своим братом, но застал его лежащим в постели и страдающим от сильного недуга, который лишал его возможности присоединиться к Вам. Во время прощания он сказал: «О, если бы я был здоров и мог бок о бок с Али сразиться с врагами Всевышнего!»”. После этих слов Его светлость тут же отдал воину свою трофейную долю и изрек: “Когда навестишь своего брата, отдай ему эту долю и скажи, что доля эта принадлежит ему за его чистое и искреннее намерение, которое равносильно тому, будто он на протяжении всего похода был с нами”. Сегодня, когда вы обладаете молодостью и сильной волей, а древо греха не пустило корни глубоко в ваши души, наполните искренностью и чистотой для Создателя свои намерения и шаги». В продолжение этой же темы Реза Зарбат пересказал хадис от Его светлости имама Резы (да будет мир с Ним!): «В Судный день одному правоверному показывают книгу его грехов, и он начинает бояться и дрожать. Затем ему показывают книгу его благих деяний, и он начинает радоваться и ликовать. Затем Всевышний приказывает принести и показать ему книгу, в которой записаны благие деяния, которые он мог бы совершить, но не совершил. Когда правоверный посмотрел, он воскликнул: “О Создатель! Клянусь Твоим Величием, я не совершал эти благие деяния!” Господь ответил: “Да, ты прав, но поскольку ты намеревался их совершить, я принял их (запечатлел их в книге совершенных тобой благих деяний)”. И тогда Всевышний даровал правоверному великую награду».

Али Мосайеби тоже поддержал эту тему и сказал: «Имам Реза (да будет мир с Ним!) изрек: “Если желаешь быть соучастником награды мучеников Кербелы, каждый раз, когда вспоминаешь о них, говори: «О, если бы я был с ними!» И тогда ты обретешь беспредельное счастье”».

В этом одухотворенном кругу, который составили четыре молодых студента-богослова, ведущих беседы на духовные и нравственные темы, наблюдались проявления различных чувств и эмоций – всех, кроме страха и боязни иракцев, пыток и смерти. Некоторые из братьев, чувствовавшие страх и опасность, сидели спиной к ним и делали вид, что абсолютно не слушают их. Студентов я хорошо знала, и они тоже меня знали. Единственный вопрос, который они задали мне, был: «Когда вы приехали в Кербелу?» Я ответила: «Но здесь ведь не Кербела, здесь – Танум». – «Почему не Кербела? – возразили они. – Этот путь и эта судьба абсолютно похожи на эпические события Кербелы. В Ирак вас привели любовь к Кербеле, Предводителю всех мучеников – имаму Хусейну – и ее светлости Зейнаб. Вам лишь надо преисполнить искренностью и чистотой ваши шаги». И далее продолжили: «Сестра, здесь – земля, которую прокляла ее светлость Зейнаб и после Ашуры изрекла: “Всякий день – Ашура, и всякая земля – Кербела”. То есть восстание имама Хусейна не ограничивается одним временным и пространственным промежутком, и ежеминутно происходит где-нибудь».

Я сказала им: «Ребята собрались вокруг вас. Иракцы издали следят за всеми нами. Не привле-

кайте к себе внимание!» Он ответил: «Наши тюрбаны и абы¹ находятся у них. Мы попали в плен двадцатого мехра и сполна получили свою долю побоев. Эти новые, которых привели недавно, тоже получают свое». Марьям сказала: «Господин, женщины в плену и мужчины в плену – это разные вещи. Мы нервничаем, боимся и волнуемся за свою репутацию». Учитель Корана, нашептывая себе под нос молитву, ответил: «Всевышний позволил иракцам взять вас в плен, чтобы опозорить их, чтобы вы осрамили и обесславили их». И далее продолжил: «Ничто не находится за пределами могущества Творца. Сестра! Усердно молитесь!»

Та ночь, по велению Всевышнего, стала благом для нас. Иракские тюремщики уснули на несколько часов, и мы оказались предоставленными самим себе, чтобы зарядиться духовной энергией на оставшуюся часть пути и пройти его с еще большей верой, сердечной чистотой и упованием на Всевышнего.

Я спросила одного из студентов, который сидел ближе ко мне: «Раненые братья не здесь?»

«Нет, сестра, – ответил он, – здесь из здоровых делают раненых».

Баасовцы выбирали жертвы из пленных братьев согласно их собственным критериям и соображениям и, конечно, не без помощи нескольких продажных элементов из числа наших. Подлее иракцев были те из наших, которые за пачку сигарет торговали такими понятиями, как гуманность,

¹ Аба – мужская распашная верхняя одежда без рукавов (прим. перев.).

благородство и честь. Они показывали пальцем на ребят, которых после этого вели в камеру пыток. Эти люди были иранцами, которые ради продления собственной жизни проливали кровь своих соотечественников и ради того, чтобы самим испытать меньше боли, подвергали других бóльшим мучениям. Каждого, кого эти шпионы называли «Нарас ал-Кhomeyni» (страж Хомейни), отводили на своих ногах, но возвращали на четвереньках с такими окровавленными и избитыми лицами и телами, так что их невозможно было узнать. Показателем того, что человек – «Нарас ал-Кhomeyni», являлось наличие на его лице бороды и совершенное им намаза. А в эти дни лица всех братьев были обросшими.

Когда иракские надзиратели заходили в камеру, чтобы выбрать «стража Хомейни», они зажимали носы, потому что там стоял тяжелый запах. Это было естественно – двести взрослых людей поместили в одно 24-метровое помещение и выпускали из него один раз в день. Для того, чтобы хоть как-то сделать эту гнетущую обстановку переносимой, ребята превращали всё в шутку. Сидя в ожидании очередной порки, они говорили, что готовятся «подышать воздухом». По мере возможности они надевали друг на друга по несколько пар толстой одежды с длинными рукавами, чтобы меньше чувствовать удары. Некоторых подвергали особенно долгим и внеочередным истязаниям. Один из ребят повторял: «Учитель Карим, скажите, разве это справедливо? Когда я был ребенком, я находился под плеткой отца, когда я пошел в школу, я оказался

под плеткой учителя, а закончив школу, попал под плеть этих неверных!» Другой сказал: «Не повезло мне! Завтра должен был наступить последний день моей военной службы». Третий удивлялся: «Судьба – удивительная штука! Имея на руках американскую визу и билет, я попал в плен к иракцам. Если бы война началась двумя днями позже, я бы сейчас находился в Техасе». Каждый был занят анализом своей судьбы и степенью своей везучести. Не успел он закончить свою фразу, как его снова вызвали. После двухчасового перерыва, который иракцы предоставили в качестве отдыха себе и ребятам, они возобновили пытки.

На этот раз они указали своим дьявольским пальцем на пастуха Азиза и нескольких других братьев. Те из ребят, которые были вместе с Азизом в камере пыток, рассказывали: «Азиза подвесили за ноги и начали избивать его плетью по всему телу, по голове и лицу. А когда его отвязали, ему приставили к виску пистолет и сказали: “Азиз, это – контрольная пуля. Если у тебя есть какое-нибудь завещание, быстро скажи, чтобы твои друзья передали его твоим близким”». Азиза пытали так долго, что в конце концов он стал заикаться и не мог больше говорить. Все его тело было в крови. На него вылили ведро воды и сказали: «Мы даем тебе возможность придумать завещание. Твоя участь сегодня – смерть». Азиз умолял дать ему время для завещания. Спустя полчаса он успокоился. Иракцам стало любопытно, и они захотели узнать, о каком завещании говорит Азиз. Юноша, изо рта у которого лилась кровь, произнес, заикаясь: «Одну из

тех овец, которые были со мной, принесите в жертву ради здоровья имама Хомейни!» Когда переводчик перевел эту фразу иракским тюремщикам, они с новой силой набросились на Азиза и не оставили живого места на его теле. Когда его приволокли и бросили в камеру, он абсолютно не мог говорить, и его невозможно было узнать. Это было очень мучительно и невыносимо – быть свидетелем подобных сцен. Но нам оставалось только терпеть. После зверских истязаний и пыток, которым иракские надзиратели подвергли Азиза, он несколько раз начинал биться в конвульсиях. Утром того же дня он умер мученической смертью.

В тот же день, после обеда, братья остались в камере, а нас посадили в машину спецслужбы и увезли. Находясь на грани нервного срыва и морального истощения, с грузом душевной боли от происходящего, от мучений и пыток, которые пришлось перенести брату Азизу, мы отправились в неизвестное место. Это был первый раз, когда нас посадили в спецмашину. Стекла автомобиля были обтянуты камуфляжной пленкой.

Один иракский солдат уселся рядом с водителем, а другой решил сесть рядом с нами. Фатима и Халима потеснились и прижались друг к другу так, чтобы солдат уместился. Было двадцать седьмое мехра, и по расчетам людей оставалось три дня до окончания войны, однако нас с Ираном разделяли многие километры. Солдат, севший рядом с Фатимой и Халимой, закрыл глаза с самого начала пути и как будто заснул глубоким сном, во время которого он то и дело облакачивался на Халиму. Чем

больше Фатима и Халима прижимались друг к другу, тем свободнее он располагался. Казалось, он закрыл глаза, чтобы не видеть наших недовольных и возмущенных взглядов. Наши протесты оставались без малейшего внимания. Солдат, сидевший впереди, каждые пять минут отодвигал занавеску с окна и выставлял напоказ свои зубы, несколько из которых были золотыми. Марьям сказала: «Не иначе, он рекламирует зубную пасту “Колгейт”!»

Каждый раз, когда он поворачивался назад и смотрел на нас, мы делали ему знаки, что его напарник, похоже, умер, но он не обращал внимания. Чтобы покончить с этой проблемой, мы подняли шум. Фатима постучала по стеклу, и мы в один голос закричали со злостью. После этого наш охранник принял нормальную позу, но тоже начал кричать. Мы не понимали, что он говорит, и он не понимал наших слов. Доехав до определенного места, «мертвый» солдат и солдат, «рекламировавший зубную пасту», поменялись местами. Я сказала Халиме: «Спроси этого экзальтированного господина, куда нас везут». Халима спросила несколько раз, но на каждый ее вопрос ираец только молча скалил свои золотые зубы. Наконец машина подъехала к какому-то зданию. Нас завели в кабинет, затем пришел офицер с несколькими листами бумаги в руках и начал допрашивать нас:

- Вы видели ранее город Басру?
- Нет, я не видела никогда этого города, – ответила я, но поняла, что мы находимся в нем.
- Кто выигрывает войну?
- Не знаю, мы не военные.

Офицер немного владел фарси. На ломаном персидском, смешанном с арабским, он спросил:

– Здесь много иранцев, хотите остаться и жить здесь?

– В Иране тоже много арабов, но при этом каждый предпочитает жить в своей стране.

– Хомейни сказал, что женщины должны воевать?

– Мы не воюем, мы обороняемся.

– Если не воюете, что тогда означает пароль «Я жива»?

– Это не пароль, это – весть о состоянии.

Халима беспокоилась за Надера. Она постоянно спрашивала, где он и что с ним, но не могла добиться от иракцев вразумительного ответа на свои вопросы. Она попросила свою сумку, но они ответили, что обнаружили в ней наркотические вещества, поэтому не могут вернуть ее ей.

«Это еще что за обвинение?! – возразила Халима. – Они не смогли приписать мне военные и политические преступления, поэтому сфабриковали для меня дело с наркотиками!» Халима далее продолжила: «Если так, то получается, что я и Надер – наркоманы. И вы должны взять у нас анализы, чтобы это утверждение было доказано».

Нас провели по узкому коридору и бросили всех четверых в одну очень грязную, сырую и вонючую камеру. Там была абсолютная темнота. Было такое чувство, будто нам завязали глаза черными повязками. Время шло, а наши глаза не привыкали к темноте. Было ощущение, будто мы потеряли друг друга. Мы начали руками ощупывать пространство

вокруг. Я нащупала стеклянный предмет и потрясла им. Я подумала, что это – сосуд с водой, который принадлежал заключенному, находившемуся в камере до нас. Я обрадовалась. Из-за острой диареи, случившейся у меня ранее, мой организм перенес сильнейшее обезвоживание. Мне ужасно хотелось пить. Не предложив даже другим, я подняла бутылку и поднесла ее ко рту, чтобы выпить, но по вонючему запаху, ударившему мне в нос, я поняла, что в сосуде моча. Все мое тело стало мокрым от холодного пота. Я наклонила голову к животу, насколько это было возможно. Хотя физиологические нужды – часть человеческой природы, я чувствовала, что эта проклятая диарея низвергла меня с высот человеческой сути на землю.

Как ни кричали и ни стучали мы в дверь, результата не было. Я дошла до сумашествия. Мне не хотелось опозориться перед подругами. Несмотря на то, что зловоние и грязь, которые были в этой черной камере, ничем не отличали ее от туалета, все же человеческое достоинство, в конце концов, зависит от тех личных и интимных моментов, которые присущи природе человека как биологического существа. Фатима все повторяла: «Не смущайся, другого выхода нет – мы же в плену». Халима говорила: «Пусть Всевышний проклянет их!» Марьям кричала: «Моя сестра умирает, приведите врача!» Внезапно кто-то из тюремщиков открыл дверь. Мы все четверо выпрыгнули наружу, однако он закричал неистовым, не похожим на человеческий, голосом, загнал нас обратно в камеру и запер дверь, повторяя: «Завтра, завтра открою дверь».

Я посмотрела на часы. До утра оставалось четыре часа. Секунды длились невыносимо долго и тяготили меня, словно я несла на плечах огромную скалу. Я не знала, как мне прожить эти несколько часов. Мы снова начали кричать и бить по двери. Надзиратель крикнул из-за двери: «Только один человек!»

В конце концов я вышла из этой проклятой камеры. Тюремщик надел мне на глаза очки, залепленные черной пленкой, и, толкая прикладом своего оружия, приказал идти вперед по коридору. От камеры до того места, куда мы пришли, было около двухсот шагов. Несмотря на то, что у меня на глазах были специальные очки, я поворачивала голову то вправо, то влево в надежде увидеть хоть что-нибудь, однако в этих очках не было видно ничего, кроме абсолютной темноты. На мгновение я решила сорвать очки, чтобы освободиться от этого ужасного чувства слепоты, однако страх был сильнее. Я боялась того, что меня вернут в камеру прежде, чем я попаду в туалет; я боялась солдата-иракца, который был моим надзирателем. Резкий и зловонный запах испражнений предупреждал о том, что мы приближаемся к месту назначения. Но что я услышала в этот момент? Приятное минорное чтение молитвы «Тавассоль». Молитву читал иранец! Когда я подошла поближе, я начала кашлять, чтобы предупредить его о своем присутствии. Однако туалет был не там. Меня вели дальше. С каждым новым шагом я наступала на мягкие «кучки», которые говорили о том, что я достигла нужного места. Мне захотелось тут же вернуться в камеру,

но состояние моего кишечника не позволяло мне сделать это. Наздиратель без слов снял очки с моих глаз и сказал: «Иди!» Я была похожа на слепого человека, который с трудом различает темноту и свет. Я спросила: «Куда мне идти? Где я?»

Я находилась в совершенно темном коридоре с двумя рядами камер, одна из которых, предположительно, и была нужником. В этой темноте я не могла сделать ни шагу, но хотя бы освободилась от проклятых очков. Несколько секунд я стояла неподвижно, надеясь, что мои глаза привыкнут к темноте, и я смогу определить дорогу. Я прошла по коридору несколько шагов в ту сторону, откуда доносился голос. Охранник подвесил свой фонарь на рукоятку одной из дверей. Дверь была приоткрыта, а пола помещения не было видно под фекалиями. Я делала шаг вперед, но тут же захотела выскочить оттуда – я оказалась в маленькой полной дерьма комнатушке, которую использовали в качестве отхожего места без наличия в ней хотя бы туалетной ямы. Всякий раз, когда я наступала на «мягкие кучки», их смрадный запах усиливался. У меня было ощущение, что я попала в преисподнюю, где содержатся грешники, превращенные в гниль и дерьмо.

Когда я вышла из этого страшного места и вернулась в камеру, я вздохнула свободно. Камера показалась мне после этого уютной комнатой. В ту ночь я вынуждена была проделать этот путь дважды. Во время второго похода я снова услышала голос, произносивший молитву. Я убедилась в том, что человек, которому принадлежит голос, –

иранец. Чтобы уведомить его о том, что я – тоже иранка, я спросила тюремщика: «Здесь нет света? Очень темно». В ответ иракец закричал во все горло: «Заткнись, маджус!»

Под настоящим давлением и криками моих соратниц утром меня направили для лечения в госпиталь. Первой вещью, в которой я убедилась, было то, что мы находимся в Басре. Меня отвели в просторную залу с зеркальными стенами и потолками. В первые секунды мне показалось, что в комнате находится много людей, однако спустя некоторое время, когда мои глаза адаптировались к свету, я увидела только двух офицеров, сидевших за столом. Еще один человек совершал намаз. Я с удивлением смотрела на него. С одной стороны, мне было отрадно сознавать, что они – мусульмане, следуют пути Создателя, Пророка и Корана, а с другой – с огорчением задавалась вопросом: почему же те, кто совершает намаз, воюют с нами? Мне не верилось, что всего в нескольких шагах от нашей душной вонючей камеры находится такой великолепный дворец! Однако действительность была такова, что подобные дворцы построены путем грабежа тех, кто вынужден ютиться в трупобных каморках. Деспотия и гнет восседавших в роскошных дворцах угнетателей влекли за собой бедность и злополучие неимущих. Пьяный и необузданный хохот одних был возможен за счет жалобных и беспомощных стонов других. И те, и другие совершали намаз, но где первые и где вторые?!

Боль в животе не позволяла мне выпрямиться. Я вошла в лечебницу, держась за живот и скривив-

шись от боли, в грязных и вонючих брюках и обуви. Мой внешний вид вызывал жалость. Презрительные ухмылки на лицах иракцев были вынести куда тяжелее, чем физические муки, которые я испытывала. Один из офицеров спросил по-персидски с курдским акцентом: «На каком языке разговаривает Всевышний с людьми? На каком языке разговаривали Пророк и имамы? На каком языке вы сами разговариваете с Богом? Мохаммад (да благословит Аллах Его и Его род!), Коран, Кербела, имам Хусейн – их языком был арабский, они принадлежат нам. Вы пришли сюда, чтобы сделать из нас мусульман?»

Моим ответом было молчание. Он снова спросил: «Ты принесла для нас революцию Хомейни, дочь Хомейни? Ты пахнешь революцией!»

Вонь от моей обуви распространилась по всей комнате. Мои мучители закрывали носы, чтобы не чувствовать ее. Я больше не могла стоять на ногах ни секунды. Я допускала, что заболела дизентерией. Я совершенно потеряла контроль над собой и присела на корточки. Но мне тут же пришлось снова подняться под страхом оружия и криков иракского офицера. Он сказал: «Вы совершаете намаз? На каком языке? Арабском? Вы пришли, чтобы совершить паломничество в Кербелу? Хомейни отправляет нам послания. Он хочет внести смуту в нашу страну. Что на это скажешь ты, дочь Хомейни?»

Я не могла говорить. Я только кривилась от боли и не знала, когда я, наконец, выйду из этого мучительного, изматывающего душу суда. Я готова

была передумать и отказаться от помощи врачей и лекарств. Все мое тело было мокрым от пота. Я отчетливо слышала биение собственного сердца. Мои колени сгибались под тяжестью моего веса. В горле и во рту пересохло так, что я даже не могла разомкнуть губы. Из-за обезвоживания мой организм стал слабым и изможденным. Секунды шли мучительно долго. Боли в животе и диарея валили меня с ног на землю, подобно тайфуну. Простояв на ногах на допросе, во время которого мне была задана уйма вопросов, оставшихся без ответов, я испытывала чувство, что все кости моего тела распадаются. И тут в комнату вошел третий иракец и сел на стул рядом со шкафом. Он спросил меня с насмешкой: «Что у тебя болит, дочь Хомейни?»

Для того, чтобы быстрее уйти с этого места и положить конец своим мучениям, я ответила: «Ничего не болит». Доктор дал мне четыре таблетки дифеноксилата и сказал солдату: «Забирайте ее!»

Сестры очень беспокоились, пока меня не было. Когда я вернулась в камеру, Фатима подбежала ко мне и спросила: «Как ты себя чувствуешь? Лечебница – за пределами этого здания? Тебя отвезли на машине?»

Я ответила: «Нет, за этими застенками есть инкрустированное стеклом помещение, которое не имеет ничего общего с лечебницей. В нем они заседают для допросов больных и раненых. В нем не только не лечат, но и калечат».

За то короткое время, что я провела вместе с госпожой Аббаси в Центре помощи фронту (в школе для детей-инвалидов), я выучила названия

медицинских препаратов, но все же спросила Фатиму, показывая таблетки, данные мне доктором: «Это – таблетки дифеноксилата? Давайте примем по одной таблетке!» – «Это же не леденцы, чтобы ты их раздавала всем! – возразила Фатима. – Твой организм сильно обезвожен, тебе надо принять все четыре таблетки разом». Я проглотила таблетки без воды.

Сестры, как бы то ни было, протерпели меня до утра. Я совершила намаз в том состоянии, в котором пребывала. Находясь в своей черной и беспроектной камере, мы не могли видеть наступление утра, однако время шло, и мы догадывались, что скоро рассвет. Вскоре два охранника открыли дверь и сказали: «Встаньте и выходите наружу!»

Я приготовилась к тому, что мне завяжут глаза, однако на этот раз нас вывели из камеры без каких-либо повязок и очков. Утренняя прохлада ласкала мне лицо. Осенний ветерок пошевелил пальмы, мимо которых мы проходили, и заставил упасть на землю несколько высохших фиников. Я улыбнулась этим финикам. Они были единственными знакомыми существами в этом чужом и враждебном пространстве, и я не могла пройти мимо них равнодушно. Не обращая внимание на дуло автомата, время от времени толкавшее меня в спину, я нагнулась и подняла с земли несколько фиников. Одновременно один из баасовских наздирателей сказал: «Не останавливайся, брось их!»

Я не послушалась. Я посчитала финики – их было шесть. Я дала каждой из сестер по одному и два – иракским тюремщикам, которые сопровождали

нас с оружием. Халима сказала: «Я никогда еще не ощущала вкус финика так отчетливо». Благодаря этим финикам мы продержались сутки.

Для того, чтобы мы больше ничего брали с земли, на нас снова надели специальные очки. На протяжении всего пути мы вчетвером держались за руки и медленно шли вперед. Несколько раз мы падали, спотыкаясь о неровности земли и неуклюже натываясь друг на друга. Мы сели в новую машину «скорой помощи» марки «Тойота», в салоне которой еще даже не успели снять с сидений чехлы-накидки. Ирак вступил в войну в полной боевой готовности, хорошо оснащенным, в том числе и в военно-медицинской сфере. На этот раз сзади, рядом с нами, никто не сел, как тогда, когда мы ехали из Танума в Басру. Впереди сидели водитель и один солдат. Басра, подобно Абадану, является приграничным городом. Время от времени мы приподнимали очки, чтобы разглядеть что-нибудь вокруг. Ни намека не было на мины, снаряды и авиабомбежки. Люди жили обычной жизнью. Даже дети ходили в школу как обычно – в школьной форме, с портфелями и книгами в руках¹.

¹ Я вспоминаю слова летчика Азада Ошала, который рассказывал: «Во время одного задания, согласно плану, мы должны были разбомбить склад с боеприпасами. Каждый раз, когда я направлял свой «Фантом» F4 (истребитель-бомбардировщик Макдоннел-Дуглас F4) в сторону предполагаемого объекта бомбежки и видел там школу, я разворачивался и возвращался на базу. Я совершил несколько таких холостых рейсов, пока, наконец, на третий раз не понял, что объект находится за этой школой. И тогда мы перенесли время бомбежки на вечер, рассчитав так, чтобы в момент авиаударов школа была закрыта и в ней никого

В госпитале, в который нас завели, было многолюдно. Все пациенты и сотрудники вышли на улицу, чтобы посмотреть на нас. Не знаю, в качестве кого нас представили, однако одни смотрели на нас с ненавистью и злобой, другие – с удовлетворением и радостью. Каждый из «зрителей» в соответствии со степенью накала своих эмоций пинал нас кулаками и ногами и бросал в нас камни. Ругаясь и непристойно ведя себя, они провожали нас к месту назначения. Однако среди этого сборища людей виднелись также печальные и удивленные лица. Не знаю, таким ли большим поводом для гордости являлось взятие в плен четырех молодых девушек. Хиджаб, который они видели на нас, имел для них больше политико-стратегическое значение, чем религиозное.

Фатима спросила меня: «Ты хочешь, чтобы доктор осмотрел и тебя?» Я ответила: «Нет, я почувствовала облегчение после того, как приняла те четыре таблетки дифеноксилата. Я не хочу новых допросов». Фатима и Марьям пошли к доктору. Вернувшись от него, Фатима рассказала: «Доктор больше интересовался вестями о войне, чем состоянием больного. Он без конца спрашивал, почему нас взяли в плен и когда взяли. Спрашивал о положении в Иране. А после, даже не поинтересовавшись у Марьям, на что она жалуется, поставил ей капельницу».

не было». Следует заметить в этой связи, что первым объектом, который иракские пилоты подвергли бомбовым ударам, являлось здание Управления образования Абадана (прим. авт.).

Около часа мы ждали в этой лечебнице. Через каждые несколько минут у доктора возникали новые вопросы, и он подвергал Фатиму допросам. Когда мы выходили наружу из здания, вся толпа, собравшаяся в момент нашего приезда, все еще оставалась там и проводила нас таким же «дружелюбным» образом, как и встретила. Халима очень расстроилась и опечалилась таким поведением людей. Она заплакала и сказала: «За какие грехи они так ведут себя с нами? Чем мы заслужили такое явное презрение и неуважение? Разве их страна и наша страна не исповедуют ислам? Разве Иран и Ирак – не братья по вере?»

Фатима сказала: «Не забывают, что здесь – земля Куфы и Кербелы. Земля, на которой пленили имама Хусейна (да будет мир с ним!) и его домочадцев, мучили их и проявляли неуважение к ним. Странно было бы, если бы они по-доброму отнеслись к нам».

Проехав около часа, мы остановились возле чайханы. Мы – уставшие, измученные и больные – говорили, что не хотим ничего есть, и настаивали на том, чтобы остаться в машине, однако охранники с этим не согласились и сказали, что мы в любом случае должны сесть вместе с ними за стол, даже если сами ничего есть не собираемся.

В той ободранной и грязной чайхане стояло несколько прямоугольных столов. Мы вчетвером сели с одной стороны стола, а два иракских солдата – с другой. Перед нами поставили четыре порции еды, похожей на бараний шашлык. Те двое с жадностью открывали рты и быстро поглощали

содержимое своих тарелок. Иногда они надкусывали косточку и предлагали ее нам. Они были похожи на волков-людоедов. Невольно я стала следить за их движениями. Если честно, я испугалась. Фати-ма, заметив ужас и замешательство на моем лице, сказала: «Не думай о них!» – «Боюсь, следующей их порцией можем стать мы, или они съедят нас в качестве десерта», – ответила я.

После того как они с помощью воды протолкнули в свои желудки застрявшие где-то в пищеводах куски еды, они погладили свои мокрые усы и сказали: «Шагайте вперед! Быстро!»

Не знаю, сколько часов мы провели в дороге. Никто и ничто не было знакомо мне. Я окончательно потерялась. Ни одна картина и ни один пейзаж не помогали мне расстаться с чувством потерянности. До того, как мы остановились у чайханы, охранники делали вид, что не замечают, как мы снимаем с глаз проклятые очки. Однако, проехав час после этой остановки, они стали вдруг очень строгими и злыми. Солдат, который сидел рядом с водителем, постоянно кричал: «Почему вы сняли очки?! Почему вы смотрите в окно?! Почему вы шевелитесь?! Почему вы разговариваете?! Почему вы смотрите друг на друга?!»

Наш автомобиль двигался с включенной сиреной и на большой скорости. С того момента они пристально следили за нами, реагировали на малейшее движение с нашей стороны, кричали и угрожали. Поэтому я подумала: «Что за еду они съели в чайхане, от которой так озверели – шашлык из баранины или шашлык из собаки?»

Глава пятая

В ЗАСТЕНКАХ «АР-РАШИД» В БАГДАДЕ

Мы прислушивались к их голосам и следили за тем, чтобы при попадании автомобиля в выбоины и ухабы на дороге наши головы, руки и ноги не шевелились. Доехав до внезапного и крутого склона, наша машина резко остановилась. Помня об угрозах и предупреждениях, сделанных надзирателями в наш адрес ранее, мы больше не смели дотронуться до очков, чтобы снять их. Мы вышли из машины. Я невольно взяла Марьям за руку. И снова раздался вопль надзирателя. Из его грубых и злобных криков я разобрала только слово «нельзя». Я отпустила руку Марьям. Нас завели в какое-то помещение, после чего с наших глаз сняли очки. За столом перед нами сидел военный, а рядом с ним стоял другой в штатской одежде. Они обратились к нам со словами: «Сдайте все ценные вещи и вообще всё, что имеете при себе».

У нас не было ничего, кроме наручных часов. Нам снова надели очки, и мы сели в лифт. Лифт так долго катался с одного этажа на другой, что мы не поняли, на каком этаже вышли.

Мы оказались в каком-то длинном коридоре перед огромной железной дверью с толстыми

решетками и невероятно тяжелыми замками. На двери повернулись несколько затворов, прежде чем она открылась.

Мы избавились от очков с эффектом слепоты, после чего были отправлены в какой-то темный чулан. Прошло какое-то время, прежде чем наши глаза адаптировались к темноте и мы смогли разглядеть пространство вокруг себя. Стены помещения, в котором мы оказались, были покрыты плиткой темно-коричневого цвета, точно такого же, как в чулане моей бабушки. Я подумала: «Боже мой! Какое поразительное сходство! Всевышний, после стольких дорог и скитаний Ты привел меня в тот самый чулан, где моя бабуля хранила драгоценности, антикварные предметы и посуду для гостей? В тот самый чулан, в который мы с Ахматом и Али залезали иной раз и играли в “дочки-матери” и прятки?»

Когда мои глаза привыкли к темноте, первой, кого я нашла в этом чулане, была Марьям. Как хорошо, что моя сестра Марьям все еще со мной! – подумала я. Я сжала ее руку. Затем мы увидели Фатиму и Халиму, которые, подобно неприступным скалам, гордо и непреклонно стояли в углу. Надзиратель ушел, и мы остались одни.

Не произнося ни слова, мы целый час разглядывали стены закутка, в который нас заключили; рассматривали все, что нас в нем окружало: цвета и формы, размеры, выпуклости и вогнутости. Пространство вокруг нас было до такой степени узким, что, разводя руки в стороны, я касалась стен. Видя бетонные стены и несчетное количество

надсмотрщиков, дверей с железными замками и решетками, я почувствовала себя важной и ценной персоной. На двери имелось маленькое окошко, предназначения которого я не понимала. Не успели мы до конца осмотреть свой закуток, как вдруг то самое окошко открылось, и лицо, которое показалось в нем и напоминало призрак, закричало: «Обыск! Обыск!»

После этого послышались звуки поворачивающихся в замке ключей, и таинственная дверь открылась.

Я подумала, что кого-то привели в наш чулан, но ошиблась. Надзиратель, оставаясь за дверью, сказал: «Снимите с себя всю одежду: головные платки, рубашки, брюки!»

Мы не шевелились, и тогда в камеру вошла женщина в военной форме. Не плюнув на нас, как это по традиции делали другие иракские женщины-военнослужащие, она сказала: «Одна за другой!»

Мы должны были встать, чтобы она обыскала нас по очереди. Осмотрев одну вещь, она говорила: «Следующая!» У Фатимы была заколка черного цвета, с которой она не хотела расставаться, поэтому она стала спорить с тюремщицей на ломаном арабском, требуя вернуть заколку. В ответ на это тюремщица с силой ударила Фатиму по руке. Я подумала: «Если она увидит булавку на моих брюках и заберет ее у меня, как я буду ходить в них?» Я потихоньку отцепила булавку от брюк и незаметно передала ее Марьям, которую досмотрели первой. Я была последней. Несмотря на всю тщательность, с которыми тюремщица обыскивала

мои вещи, я смогла спасти свою брючную булавку и в душе похвалила себя за смекалку.

Тюремщица ушла, а мы остались в таинственном чулане. На холодных каменных стенах нашего закутка мы заметили надписи, сделанные предыдущими его обитателями. Как хорошо, что Халима знала арабский лучше нас!

Я спросила ее: «Халима, что здесь написано?»

Она ответила: «Имена и даты мученической смерти прежних узников».

«То есть прежних узников убили?» – снова спросила я.

Она объяснила мне, что среди надписей есть имя девушки – Банат аль-Хода, которую должны были казнить на такой-то улице такого-то числа. «Какой засекреченный чулан!» – подумала я. Мы строка за строкой читали и рассекречивали все надписи и видели себя в очереди на казнь.

И снова неожиданно откуда-то донеслись и раздались в моих ушах звуки поворачивающегося в железном замке ключа, сердитые крики и непонятные фразы. Дверь открылась, и тюремщики бросили нам четыре одеяла. Фатима сказала:

– Эти одеяла означают, что мы можем сидеть на них.

– Нет, они означают, что мы здесь надолго.

– Нет, они даны нам только на одну ночь, поскольку завтра тридцатое мехра – окончание войны.

– Мы не останемся здесь.

Сквозь железные ступеньки, встроенные в противоположную стену, едва заметно пробивались солнечные лучи. Эти тоненькие ниточки света

были для нас своего рода часами. Мы расстелили одеяла на полу и приготовились совершить намаз.

Через каждые несколько минут окошко в двери открывалось и кто-то говорил: «Четверка дочерей Хомейни!» Затем этот кто-то с предельной злобой захлопывал окошко. Однако на этот раз вместо окошка открылась дверь. Надзиратель спросил: «Сколько вас человек, и как ваши имена?» Затем он прочел с листа бумаги, которую держал в руке: «Фатима Ибрахим? Халима Мохаммад, Марьям Талиб, Масуме Талиб?»

Услышав имя отца – Талиб, я преисполнилась сил. С того момента меня стали называть Масуме Талиб. Имя отца стало частью моего имени, а это означало, что отец всегда будет со мной – тот, кто был для меня жизненным оплотом и опорой; тот, кто в моем воображении сражался с демонами и колдунами; тот, который мог перепрыгнуть через родник Тандо из моего детства; тот, кто мог устранить самые трудные жизненные проблемы семьи; тот, в отсутствие которого его фотография в раме придавала гостиной нашего дома величественный вид, а моим братьям – силу. С того момента его имя всегда было со мной.

Вечером нам принесли две пластиковые миски зеленого цвета и четыре красных пластиковых стакана. В мисках было немного разведенной водой томатной пасты. К ним прилагалось еще четыре подобия сэндвичей, внутри которых можно было обнаружить какой угодно мусор. Прошла неделя с момента моего прибытия в Ирак, однако мне все еще не хотелось есть. У Марьям, недавно оправившейся после расстройств кишечника, тоже не

было аппетита. Каждый раз, когда мы слышали звуки открывающейся двери, мы быстро обувались и вскакивали. На этот раз, когда открылась дверь, прошло уже два часа с того момента, как солнечные лучи покинули нашу камеру, наступил вечер. В камеру вошел надзиратель-баасовец и сказал: «Масуме Талиб». Затем он дал мне в руки очки и сказал: «Возьми!»

Не сопротивляясь, я взяла очки и надела их. Как легко я смирилась с тем, чтобы быть лишенной возможности видеть! Надев очки, я тянула голову вверх или же, наоборот, опускала ее так, что подбородок приклеивался к груди, чтобы разглядеть дорожку, по которой мы шли. Однако, получив удар по голове, я больше не крутила ею. Баасовец-иракец тянул меня за край моего макнаэ, чтобы я прибавила шагу. Я ускорила шаг и... Боже мой!

В какой-то момент я вдруг перестала чувствовать землю под ногами и от ужаса внезапного падения отчаянно закричала, пытаясь ухватиться за что-нибудь. Во время падения мои очки немного съехали. Затем я увидела огромные ноги в сапогах размером с весло, которые стали бить меня по всему телу. Я быстро встала и поняла, что упала со ступенек. Надзиратель поправил очки на моих глазах, и я продолжила свой путь.

По тому, как солдат отдал честь, я поняла, что мы прибыли на место. Я остановилась и села на кресло с колесами. Я подумала, что меня будут фотографировать, однако кресло, на котором я сидела, резко закрутилось с большой скоростью, и я упала на землю. Я не хотела унижаться, валяясь на полу,

поэтому быстро поднялась. С моих глаз сняли очки. Я увидела, что нахожусь в просторном, светлом и богато обставленном кабинете, в котором три человека сидели за столом напротив меня, а еще двое – два солдата – стояли у входной двери. По телевизору показывали Саддама – кадры, которые я десятиками раз видела по телевидению Басры в Абадане. На кадрах видеосъемки был запечатлен момент, когда Саддам нажимает на спусковой рычаг пушки, после чего раздается выстрел. Произведенный залп ознаменовал приказ о начале воздушной, наземной и морской операций одновременно с дислокацией двенадцати бронированных и механизированных дивизий и президентской гвардии на территории, выходящей более чем на тысячу километров за общую с Ираном пограничную линию. Саддам, присутствуя в меджлисе Ирака, открыто заявил тогда, что разрывает Алжирское соглашение, подписанное 6 марта 1975 года, и, пренебрегая интересами Ирана, подчеркнул, что Ирак не признает право Ирана на владение той или иной частью русла Арвандруд.

Один из баасовцев спросил:

– Масуме Талиб?

– Да.

– Профессия?

– Я – ученица.

– Из Арабестана?

Я помнила, что под словом «Арабестан» баасовцы подразумевают Хузестан, поэтому кивнула.

– Ты – генерал?

Я отрицательно покачала головой и сказала:

– Я не говорю по-арабски.

– Can you speak English?

– A little.

– Говори по-персидски, я – иранец.

Я была поражена. Он разговаривал на фарси без курдского или арабского акцента.

– Как ты стала генералом?

– Я – не генерал, мне всего восемнадцать лет. Для того чтобы стать генералом, необходимо пройти через множество этапов обучения и практики, и для этого требуется много времени.

– Нет, – ответил он. – Для того чтобы стать генералом Хомейни, достаточно быть революционером.

– Ты также являешься представителем губернатора, не так ли? Что может связывать простую ученицу с губернатором?

Я поняла, что дело, лежавшее перед ним на столе, касается меня. Ну и объемистое же они сфабриковали дело из тех двух несчастных бумаг, которые нашли у меня!

– Как называется твоя школа?

– Школа имени Мосаддыка.

– А как называются средняя и начальная школы, которые ты окончила?

– «Шахрзад», «Махасти».

– Сколько у тебя братьев и сестер?

– Я и Марьям – сестра, у нас есть еще три брата.

– Сколько им лет?

– Двенадцать, десять, восемь.

– Как их зовут?

– Мустафа, Мортеза, Моджтаба.

– Чем занимается твой отец?

Я придумывала на ходу. Я вспомнила, что, будучи в Тануме, когда баасовцы искали «стражей Хомейни», слышала, как большинство ребят говорили, что они – дворники, после чего иракцы оставляли их в покое. Поэтому я тоже сказала:

– Дворник.

Баасовский офицер спросил:

– Почему все иранцы – дворники?

Переводчик-иранец сказал:

– Не все иранцы – дворники, революция Хомейни была революцией дворников.

Моя мать всегда говорила: «Ложь порождает ложь. Сказав один раз ложь, знай, что за ней придет вторая, третья и десятая». Она не научила нас даже говорить при необходимости ложь во благо. С каждой новой ложью мое сердцебиение учащалось. Я чувствовала, как приливает кровь к моему лицу. Я хотела сбить баасовцев с толку и не оставить ни единого намека о себе и своей семье.

– Где находится клуб «Иран»? – снова спросил офицер.

– Не знаю, – ответила я. – Я – ученица и знаю только дорогу от дома до школы.

– Где находится клуб «Арванд»?

– Не знаю.

– Клуб «Анкас»? Бильярдный клуб? Лодочный клуб?

С каждым ответом «не знаю» он все больше терял самообладание. В конце концов, разъяренный, он вскочил с места, нервно положил передо мной записку «Я жива» и спросил:

– Что это за шифр?!

– Это – не шифр. Это всего лишь – два слова. Я хотела донести до своей семьи весть о том, что я жива.

– Если кто-то попадает сюда, это означает, что он все знает. Если ты собираешься отвечать на наши вопросы фразой «не знаю», весть о том, что ты жива, не дойдет до твоей семьи.

– Я не боюсь смерти, я боюсь жизни здесь, в неволе.

Каждый из тех, кто допрашивал меня, играл какую-нибудь роль. Один злился, другой говорил ему: «Успокойся!» Один бил, другой говорил ему: «Не бей!» Один издевался и смеялся, другой говорил ему: «Не смейся!» Следователь-иранец, в свою очередь, слово в слово переводил мои ответы двум другим. Иранец метал искры больше, чем два баасовца-иракца. Последние повернули русло вопросов в сторону революции, Имама и ислама:

– Почему иранцы совершили революцию, почему они не хотели шаха?

Не успел он еще сформулировать свой вопрос, как второй офицер-иракец спросил:

– Кто совершил революцию против шаха?

И снова первый перебил его:

– Почему вы любите Хомейни?

Затем спросил второй:

– Почему вы произносите салават за Пророка один раз, а за Хомейни – три раза?

Подвергшись перекрестному допросу, я вспомнила слова Имама, который изрек: «Война – это возможность для совершения революции».

У меня возникло ощущение, будто я – посол революции в соседней стране, и эта миссия возложена на меня Божественным провидением. Не знаю, почему я подумала, что они действительно не знают истины и на мне лежит обязанность направить их и указать им правильный путь. Я обрадовалась их вопросу и изложила о Коране и революции все, что узнала на занятиях по идеологии при мечети имени Обетованного Махди. Я рассказала о разнице между шахским исламом и революционным исламом, о колониализме, империализме и т.д. Одному Всевышнему известно, как долго они смеялись надо мной. Наконец, после долгих и изнурительных расспросов, они произнесли с усмешкой: «Ты что, принесла нам революцию Хомейни?» И далее спросили:

– Что ты изучала?

– Практические науки: алгебру, природоведение и химию я хорошо знаю.

– Где ты обучалась военному делу?

– Я не проходила военное обучение, я – сотрудник Красного Полумесяца.

Неожиданно баасовский офицер вынул из кармана брюк пистолет и спросил:

– Это что?

– Оружие

– Какое оружие?

– Не знаю, я не разбираюсь в видах оружия.

– Похоже, ты не хочешь остаться в живых, ты – одна из двадцатимиллионной армии Хомейни, и ты ничего не знаешь об оружии?!

Я погрузилась в свои мысли, мне хотелось только молчать. Переводчик-иранец спросил:

– Почему ты молчишь, чего ты ждешь?

– Я жду, когда Всевышний сжалится надо мной,
– ответила я.

Он со злостью швырнул в меня авторучку, которую держал в руке. После этого он подошел ко мне, поднял свою ручку и встал рядом. Он продолжил задавать мне вопросы, и при этом каждый раз, задавая мне новый вопрос, с силой вонзал мне в голову эту авторучку. Мне было больно так, будто в мою голову проникает какой-то тяжелый свинцовый предмет. Ради ублажения иракцев он не гнушался ничем. Иногда он говорил, кивая им на меня: «Все они – приспешники Хомейни, идущие на смерть ради него».

Я благодарила Бога за то, что не владела большей частью той информации, которой они от меня требовали.

– Почему ты молчишь? – снова спросил переводчик.

– Я всего лишь ученица и знаю только один маршрут – от дома до школы.

Допрос тянулся очень долго. Я удивлялась, почему они меня не оставляют в покое. Неужели им угодны выдумки и небылицы, которые я им наплела? С каждым новым вдохом я желала, чтобы он стал последним, и я бы избавилась от этих мучений. Впервые я считала секунды, чтобы преодолеть это бесконечное ожидание. Вопросы следователя-иранца были полны ядовитых уколов.

Офицер-иракец сказал: «Расскажи-ка еще один хадис от Пророка, чтобы наставить нас на путь истинный!»

Подобно маленькой беззащитной птичке, попавшей в руки птицелова, я пыталась быстрее вырваться из этой западни и найти спасение. Время от времени он сжимал свои кулаки в знак своей силы и превосходства. В душе я взывала ко Всевышнему и говорила: «О Создатель! Вверяю свою жизнь и честь Тебе и ищу убежища в Твоем извечном могуществе!»

Ругань и непристойные выражения были для баасовцев развлечением. Если бы можно было облачить некоторые из тех мерзких слов в покровы приличия, чтобы воспроизвести и озвучить их! Рядить слова в красивые формы и выражаться эстетично – это ведь тоже исламский обычай. Для того чтобы мою семью не смогли опознать, я придумала новую семью с новыми именами, профессиями и адресами. Я не знаю, откуда родом был тот следователь-иранец, но он знал Абадан как свои пять пальцев. Мне он сказал, что он из Тегерана, и он хорошо знал и Тегеран. Иногда он блефовал и говорил, например, что до революции видел меня с сестрой без хиджаба идущими в направлении такого-то клуба или места. А на самом деле мы с Марьям познакомились во время поездки в Шираз, и вообще ее настоящее имя было Шамси, а не Марьям.

Придумав всю эту историю с новой семьей, я очень волновалась за Марьям, которая стала для меня сестрой в неволе. У нас не было ни малейшей возможности предварительно согласовать ответы на предполагаемые вопросы. Я была объята тревогой. Я слышала дыхание Марьям позади себя,

слышала, как она откашлялась. Но я не знала, что планируют делать баасовцы. Они питали особую симпатию к Гугуш¹. Она исполнила однажды одну композицию на арабском языке. Не знаю, почему при звуках голоса этой певицы все вышли из помещения. Каким-то чудом на пару секунд я оказалась одна, предоставленная самой себе. Я повернулась назад и убедилась, что за моей спиной сидит Марьям. Я тихо произнесла шепотом: «У нас с тобой есть три брата двенадцати, десяти и восьми лет. Зовут их Мустафа, Моджтаба и Мортеза. Наш отец – дворник».

Я сама делала над собой усилия, чтобы запомнить ответы, данные мной на заданные вопросы, потому что знала, что у лжеца короткая память. С уходом баасовцев из помещения мой допрос завершился. Глаза Марьям, у которой был вид невинного барашка, смиренно и безропотно приготовившегося к участи жертвы, искали ответы на мучившие ее вопросы в моих глазах. Я прошла мимо нее и сказала: «Слава Всевышнему!»

И снова меня ждали очки с эффектом слепоты и лабиринтообразные коридоры. Баасовец-иракец дернул край моего макнаэ. Я остановилась. Звуки поворачивающегося в замочной скважине ключа означали, что мы на месте. После того как открылась дверь, меня так быстро и сильно толкнули внутрь камеры, что я ударилась головой о стену, в результате чего на моем лбу вскочила большая шишка. Тюремщик велел мне встать лицом к стене

¹ Гугуш – иранская певица и актриса азербайджанского происхождения (прим. перев.).

и упереться на нее ладонями и сказал: «Не двигайся!». Затем он вышел из камеры и запер дверь. В камере никого не было. После возвращения с допросов я была настолько измотана морально, что у меня было ощущение, будто меня извлекли из-под руин.

Тот факт, что камера была пуста, вызвал во мне сомнения: та ли это самая камера, где нас держали прежде? В моих ушах продолжали звучать вопросы, которые иракцы задавали мне во время допроса. Каждую секунду я чувствовала тяжесть присутствия надзирателя-баасовца, его тень и его руки за собой. Я боялась, что он сейчас войдет и положит руку мне на плечо. Я все еще стояла неподвижно в положении лицом к стене, мои виски готовы были взорваться, а мозг – закипеть. Я ощущала себя не человеком, а тенью на стене. Не знаю, были ли эти лица, которые я наблюдала вокруг, изначально такими зловещими и мерзкими, или же деяния их владельцев сделали их такими. Страшные орлиные глаза надзирателя усиливали мой ужас. Я не могла больше находиться в таком положении. Я подумала: «Лучше один раз наплакаться и один раз умереть! Повернись и дай ему пощечину!» Я взяла себя в руки, сдвинула брови и собрала всю свою злость и ненависть в глазах, а всю свою силу – в кулаках. Я выпрямилась и резко повернула голову назад, чтобы посмотреть, что происходит у меня за спиной, и избавиться от мучившего меня ужаса. Однако за моей спиной не было ничего и никого, кроме моих собственных воображаемых призраков. Увидев одеяла, расстеленные нами на земляном полу,

две пластиковые миски и четыре стакана, также лежавшие на земле, я убедилась, что это – тот самый прежний наш чулан, и подумала, что сестер, вероятно, тоже забрали для допросов. Наедине со своими мыслями я стояла перед изображениями и надписями на стене камеры, оставленными прежними ее жителями. Надзиратель через каждые несколько минут открывал окошко в двери и что-то говорил. Я была рада, что почти не знаю арабского.

Не знаю, сколько часов, месяцев или лет прошло, – я потеряла счет времени, однако в конце концов я услышала, как к камере приближаются громкие шаги тюремщика, а вслед за ними – более слабые шаги. Открывшаяся дверь и возвращение Фатимы, а через еще пару минут – Марьям и Халимы положили конец моему одиночеству. Воссоединившись, мы успокоились. Мы обвинялись в одном и том же – в любви к Иمامу, революции и Исламской республике.

На календаре было двадцать девятое мехра, и по прогнозам тех, кто был военными, имевшими опыт участия в боевых действиях, война должна была закончиться на следующий день. Тонкие лучи света едва заметно освещали наш чулан. Мы ничего не знали о местоположении нашего здания; о том, в каком городе оно находится и какого рода постройкой вообще является. Однако каждая из нас в этом замкнутом пространстве периодически обнаруживала что-то новое и делилась своим открытием с другими. В конце камеры имелась невысокая стена, за которой располагались унитаз и душевая. В одной из стен было небольшое отверстие,

перекрытое беспорядочно перевитой и спутанной проволочной сеткой. Сквозь него проникал слабый электрический свет, призрачно ложившийся на темные стены и вещи вокруг, а самое главное – на наши лица. Этот свет был дорог нам, но, к сожалению, контроль за его источником оставался за пределами нашей досягаемости.

В стене, находившейся напротив этого светового окошка, имелась какая-то маленькая дверца, которая рождала в наших душах и надежды, и страх. Она была заперта и обшита плотной звукоизоляционной пленкой, но не становилась преградой ни холоду, ни зною. Над дверцей виднелись несколько рядов железных прутьев, сквозь которые внутрь нашего чулана проникали лучи солнечного света. Всякий раз, когда эти лучи появлялись, двигались и исчезали, я понимала, что прошли еще одни сутки благословенных дней моей молодости.

Мы считали секунды, желая, чтобы они быстрее превратились в минуты, минуты – в часы, часы – в сутки. Будучи заточенными в очень маленьком пространстве, мы имели дело со множеством проблем. Единственная наша радость заключалась в том, что мы вместе. Мы постоянно искали какой-нибудь угол, чтобы спрятаться от жалящих взглядов тюремных надзирателей, которые через каждые несколько минут заглядывали к нам через окошко в двери; снова и снова они касались нас своими свирепыми взглядами и пересчитывали.

Я не хотела, чтобы существование в этой камерке вошло в обычную колею моей жизни, хотя ужас и страх перед будущим и так не позволяли

тем дням стать привычными для меня. В те дни все, что меня окружало, было из железа и камня; даже люди казались каменными. В их взглядах и поведении не было ни капли человечности. Единственными звуками, которые доносились до слуха, были стоны тех, чьи души ввиду полного отсутствия сил не могли покинуть свои изможденные тела. Звуки ударов кабеля по двери, стенам и измученным телам заключенных сменили ласковые нотки материнского голоса и добродушные напевы отца.

Окошко в двери открылось, и мы услышали резкий окрик. Вслед за этим мы увидели крупное лицо, которое было шире, чем само окошко. Хозяин этого лица протянул в окошко руку, как лопату, и что-то потребовал. Никто из нас не понимал, чего он хочет от нас. У нас ведь ничего не было. Мы позвали на помощь бедную Халиму, чей словарный запас на арабском был на десяток слов больше нашего:

– Халима, что хочет эта рука?

Мы хотели быстрее избавиться от его криков. Он изобразил жестами и движениями прием пищи. И тогда мы поняли! Мы отдали ему лежащую в нашей камере посуду, после чего получили две миски супа, представлявшего собой воду, в которой плавал рис и несколько зерен чечевицы. Мы все уселись вокруг мисок, но ни одна из нас не желала прикоснуться к ним. Однако мы должны были набраться сил для преодоления больших страданий, чтобы не согнуться от слабости. Я сказала сестрам: «Ешьте! Это – еда сегодняшнего дня. Сегодня – тридцатое мехра. Завтра война закончится, мы будем

свободны, будем сидеть каждая – за своим столом». В этих словах были семена надежды, которые мы сажали в своих сердцах, чтобы набраться терпения на последующие дни и преодолеть ожидавшие нас другие тяготы и лишения.

Пришло время спать. Мой мозг был не в ладах с глазами. Мы то стояли, то по очереди сидели, прячась от свинцовых взглядов иракских тюремщиков. Наша скудная доля дневного света исчезла, что означало наступление ночи и времени отхода ко сну; крики и стоны, доносившиеся снаружи, не давали нам сомкнуть ресницы. Мы поделили между собой одеяла. Одно мы расстелили, чтобы лечь на него. Второе досталось мне и Фатиме, третье – Марьям и Халиме, а четвертое мы свернули рулоном и подложили его под головы в надежде на наступление того мгновения, когда сон перенесет нас в более приятное и безопасное место.

На следующее утро, желая избежать злых взглядов солдата-баасовца, мы условились, что во время раздачи еды, после того, как услышим звуки за дверью, все четверо встанем возле нее, чтобы сразу отдать пустые и получить новые миски с супом. Нам хотелось, чтобы у тюремщика, которого звали Хикмат, а мы переделали его имя и стали называть Никбат (Презренный), не было возможности осмотреть наш чулан, и мы без лишних слов и взглядов получим хлеб и суп и отойдем в сторону.

От сильного голода я слышала урчание своего желудка, напомнившее мне колыбельную «Последняя ночь», которую всегда напевал отец. В моей голове роилось множество вопросов: «Как моя

мать найдет меня? Что бы почувствовал мой отец, увидев, что его “карманная девочка” живет в этой могиле в таких условиях? Он, несомненно, не выдержал бы тяжести этой боли и прогнулся бы под ней». С такими мыслями я в конце концов уснула глубоким сном.

На следующее утро, проснувшись от шума и стука ногой в двери соседних камер во время задачи хлеба и супа, я вскочила и приготовила руки для получения еды, как вдруг открылось окошко. Я сделала шаг вперед, но вместо Хикмата-Никбата увидела... красивое и лучезарное лицо моей матери. Я не верила своим глазам! Я закрыла их и через мгновение снова открыла. О Всевышний! Это была моя мать – прекраснейшее из созданий! Чьи объятия всегда пахли молоком; которая повязывала на голову голубой бархатный платок; которая всегда читала мне стихи.

Я заплакала. Как же я соскучилась по ее ангельскому лицу! Она позвала меня тихо: «Милая Масуме, я принесла тебе горячий хлеб с кунжутом». Я не могла поверить в то, что вижу. Передо мной стояла мать, которая вместо иракского хлеба принесла мне горячие лепешки с кунжутом, которые пахли домом! Она считала лепешки и клала их мне в руки. А я зачарованными глазами смотрела на прекраснейший образ из всех, когда-либо имевших место в моей жизни. Лепешки были такие горячие, что обжигали мне руки, лицо и грудь. Вместо четырех она дала мне сорок лепешек. С комом в горле я стала умолять ее дать мне больше: «Мама, милая, дай еще лепешек, нас здесь не кормят!»

«Нет, моя девочка, кушай в месяц одну лепешку, этого будет достаточно», – ответила она¹. Лепешки все еще были в моих руках, а образ матери стоял перед моими глазами, как вдруг я проснулась от криков, ударов ногой по двери и звуков шевелящегося засова. Окошко на нашей двери открылось. Я валялась в углу, и все мое тело было покрыто холодной испариной. Я дрожала. Я не в состоянии была подняться. Я отчетливо слышала удары своего сердца, которые, подобно киянке, били меня по голове. Мое лицо было мокрым от слез, а тело – от холодного пота. Как будто я только что приняла душ. Фатима быстро поднялась и приняла еду на всех нас. Фатима, Халима и Марьям, взволнованные, собрались вокруг меня. Потрогав мое лицо и руки, они атаковали меня вопросами:

– Почему ты такая бледная?

– Почему ты дрожишь, ты простудилась?

– Ты вся мокрая от пота, почему? В камере ведь не жарко?

– Ты что, плакала?

Некоторое время я лежала безмолвно и неподвижно – я не могла пошевелиться и произнести хоть одно слово. Спустя почти час я немного пришла в себя и рассказала сестрам свой сон. Каждая из них толковала его по-своему. Марьям сказала: «Вот уже неделя, как твоя семья потеряла тебя и не знает, что с тобой, поэтому твой сон на самом деле означает, что скоро, даст Бог, твоя мать узнает о том, что ты в плену».

¹ Пребывание нас, четырех сестер, в плену продлилось ровно сорок месяцев (прим. авт.).

Аромат свежего кунжутного хлеба моей матери не дал мне поесть супа...

Каждый день нам открывалась какая-нибудь тайна в том таинственном чулане, в который нас заточили. Мы все еще не знали, где находимся. В последующие дни окошко на двери нашей камеры открывалось все реже и реже, нас реже считали и реже спрашивали наши имена. Однако тот факт, что в нашей камере никогда не гас тот самый слабый свет, проникавший сквозь отверстие с беспорядочно перевитой проволочной сеткой, убедил нас, что в нашем чулане установлена скрытая камера. Мы ни на секунду не чувствовали себя в безопасности, поэтому не могли снять с себя хиджабы или спокойно воспользоваться их проклятым душем.

Через несколько дней нам принесли одежду, которая напоминала пижамы. Нам сказали, что это – местная форма женщин-заключенных. Однако мы ни под каким предлогом не хотели принимать ее. Мы не хотели, чтобы баасовцы видели нас в неофициальной одежде. Мы даже не допускали, чтобы они видели нас без обуви и носков, хотя последние нам пришлось использовать в качестве средств гигиены. Мы ежесекундно были в состоянии готовности. В любую минуту среди дня и ночи, услышав приближающиеся шаги баасовцев, мы вскакивали и стояли до тех пор, пока окошко или дверь снова не закрывались. У Халимы был особо острый слух. Она слышала самые свежие новости, которые тюремщики обсуждали между собой в коридоре. Иногда случалось и так, что ей удавалось

разобрать лишь одно слово, которое мы потом на протяжении нескольких дней пытались как-то истолковать и интерпретировать, чтобы таким образом придать хоть какую-то динамику и ритм тому бездушному и изолированному миру, в котором пребывали. Мы по очереди прикладывали уши к двери в надежде на то, что услышим хотя бы пару слов через все звукоизоляционные слои и материалы.

Прошло всего лишь чуть больше недели с момента нашего перемещения в чулан, как мы снова слышали шаги большой группы людей. Шаги становились все ближе и ближе и, наконец, остановились за дверью нашей камеры. В это время мы, все четыре, совершали вечерний намаз. Окошко в двери открылось, однако мы не остановились и продолжили совершать молитву. Первый вопрос, который был нам задан, прозвучал так: «Все хорошо? Вам ничего не надо?» Мы ответили: «Нет, ничего не надо, все хорошо». Мы предпочитали по мере возможности ничего не просить у баасовцев. «Вы – гости Сейед-ар-Раиса¹ – Саддама Хусейна». И продолжили: «У вас же есть ключи от рая, зачем вам еще совершать намаз?» Не получив ответа на свой вопрос, они напоследок бросили фразу: «С Ираном покончено, вы можете оставаться в Ираке». И удалились. Эти несколько фраз баасовцы произнесли с демонстративной надменностью и высокомерием. Видя, как они ликуют, и услышав выражение «с Ираном покончено», мы почувствовали невыра-

¹ Иракцы называли Саддама «Сейед ар-Раис» – Предводитель вождей (прим. авт.).

зимую печаль в сердцах, но решили не поддаваться ей и старались поддержать друг друга:

– Они определенно стремятся подавить нас психологически!

– Обещания Бога – истинны и непреложны.

– Мы в сделке со Всевышним, и в этой сделке мы не потеряем ничего.

Однако баасовцы с каждым днем радовались все больше и больше. В то время, пребывая в заточении, мы ни единого слова не услышали хотя бы от одного иранца или человека, который бы относился к нам по-дружески.

Была середина месяца абан¹. В коридоре было шумно. До нас доносились звуки радостного улюлюканья и плясок баасовцев. В коридоре к тому же было на полную громкость включено радио. Находясь на крайнем пределе эйфории, иракцы били ногами и руками двери и окошки, демонстрируя таким образом свое ликование. Баасовцы никогда не открывали дверь нашей камеры без разрешения на то начальника тюрьмы. Однако в тот день они без конца открывали окошко на двери нашей камеры и говорили нам «привет!» Каждый раз, когда они здоровались с нами, Фатима со злостью говорила: «Да чтоб вы сдохли! Что случилось?! Чего вы хотите?!»

В тот вечер, после того, как мы выпили томатный сок, который призван был стать нашим ужином, нам во второй раз принесли чай. Нам это показалось подозрительным – мы были убеждены,

¹ Абан – 8-й месяц иранского солнечного календаря, соответствует 22 октября – 21 ноября по григорианскому стилю (прим. ред.).

что что-то случилось. Я была равнодушна к чаю. Моя порция обычно доставалась Марьям. Она была большой любительницей чая и употребляла его в невероятных количествах. Но в тот вечер никто из нас не притронулся ко вторым порциям принесенного нам чая. Мы наострили уши и постоянно прикладывали их к двери, чтобы услышать хоть пару слов, объясняющих такое экзальтированное поведение баасовцев. И снова до нас донеслись шаги и пьяный хохот тюремщиков. Мы слышали, как они приближаются к нашей камере. Шаги остановились. Боясь того, что окошко на нашей двери откроется, мы отошли назад. Однако открылась не наша дверь, а дверь камеры напротив. По всей видимости, баасовцы привели какого-то нового и важного арестованного. Они не сразу закрыли дверь той камеры. Вероятно, еще не закончили допрашивать узника. Среди суматохи и множества голосов мы неоднократно слышали от баасовцев одиозное выражение «с Ираном покончено». Еще мы слышали голос человека, который спросил на персидском: «Где мои спутники?» Мы удивленно переглянулись и подумали: «Они привели пленного иранца!» Означает ли это, что война еще не закончилась? Прошло два часа, однако мы все так же стояли, прислонившись к двери, и прислушивались к голосам снаружи. На этот раз, когда открылось окошко на двери камеры напротив, кто-то задал узнику вопрос по-английски:

– What’s your name? (Как твое имя?)

– I am Mohammad Javad Tondgooyan. (Мохаммад

Джавад Тондгуйан.)

- What's your occupation? (Род деятельности?)
- I am the minister of oil (Я – министр нефти.)
- Where were you captured? (Где ты был взят в плен?)
- On Ahvaz road. (По дороге в Ахваз.)

Дверь закрылась. Мы в недоумении смотрели друг на друга. Мы не хотели верить в услышанное – в то, что господин Мохаммад Джавад Тондгуйан¹ – министр нефти Ирана (!) – тоже взят в плен на той же самой проклятой дороге, что и мы. Я спрашивала себя, почему они задавали ему вопросы так громко; почему они не сказали ему, чтобы он отвечал тихо; почему они не задали ему свои вопросы через окошко в двери и т.д. Мы помолились за то,

¹ Мохаммад Джавад Тондгуйан родился в 1951 г. в Тегеране. Начальную и среднюю школы он закончил в школах «Джавад» и «Джафари Ислами». В 1973 г. на «отлично» окончил Университет нефти Абадана, где учился по специальности «нефтяная инженерия». Кроме того, он с успехом получил степень магистра по специальности «менеджмент» в иранском Центре исследований в области менеджмента. После завершения учебы в 1973 г. Тондгуйан устроился на работу на нефтеперерабатывающий завод Тегерана. В 1974 г. из-за политико-религиозной деятельности был арестован и провел около года в тюрьме шахского режима. Восемь месяцев из этого срока он находился под страшными пытками в Совместном комитете против обструкций. После освобождения и выхода из тюрьмы его выгнали из Нефтяной компании, и он был призван на военную службу. После демобилизации он устроился на работу в частный сектор. С 1976 по 1979 г. он работал в разных отделах завода «Парс Тошиба». После победы Исламской революции был приглашен для работы в нефтяную промышленность. Руководя министерством нефти, Тондгуйан во время командировки на фронты боевых действий в конце октября 1981 г. был схвачен баасовскими военными и в плену предан мученической смерти (*прим. авт.*).

чтобы ему были даны терпение и здоровье. Мы читали: «Кто отвечает на мольбу нуждающегося, когда он взывает к Нему, устраняет зло и делает вас наследниками земли?» Мы старались тоже кинуть через окошко наружу какую-нибудь фразу на персидском, надеясь на то, что министр услышит ее. Поэтому на следующее утро, после утреннего намаза, мы десять раз громко прочитали молитву «Кто отвечает на мольбу нуждающегося», после чего скандировали лозунг о единстве. Надзиратель открыл окошко и заревел: «Замолчите! Читать молитвы запрещено!». Однако мы, невзирая на крики надзирателя, который оставил окошко открытым и ругал нас, продолжали читать молитвы, особенно – молитву о единстве. Мы знали, что таким образом министр обязательно поймет, что мы – иранцы.

С того дня мы стали постоянно читать молитвы вслух после совершения ежедневных намазов. Мы садились на корточки, приложив ухо к двери, и оставались в таком положении на протяжении долгих часов в надежде услышать что-то новое. Прошло несколько дней. И вот, наконец, во время раздачи супа, после того как окошки на дверях камер нашего ряда закрылись и стали открываться дверцы камер противоположного ряда, мы услышали чей-то голос, который произнес громко: «Утро близко». Откуда было это послание, кому и кем адресовано, – мы не знали. Мы знали, однако, что оно определено было не из вражеского, а из дружеского лагеря, и это говорило о том, что мы – не одни. Это послание было подобно лучику света, осветившему наши сердца во мраке беспросветной ночи.

Баасовцы разделили всех пленников на две группы. Одних они называли огнепоклонниками-маджусами, других – лжецами.

После долгих и основательных допросов похоже было, что нас определили в первую группу. Нас более не допрашивали, но допросы и истязания наших соседей по камере с каждым днем становились все более частыми. Единственное, что мы поняли из разговоров наших соседей, – это то, что они находились в плену долгое время, потому что знали всех тюремщиков.

Шум, который доносился из коридора, не прекращался ни днем, ни ночью. Баасовцы пребывали в приподнятом расположении духа, при этом они ужесточали условия содержания пленников в камерах. Чем выше мы поднимали порог терпения для принятия невыносимых условий содержания – грязи, вони, тесноты и темноты, тем сильнее они сдавливали удавку на нашей шее.

Фатима говорила: «Обычно смена сезона и наступление холодов кладут конец войнам». Холода, однако, пришли к нам раньше срока через то самое проклятое окошко, являвшееся проводником в нашу жизнь удушающей жары или смертоносного холода. Совершенно невозможно было не заметить и не чувствовать этот холод. С каждым часом он становился все более и более сильным и ощутимым. Мы даже усомнились в том, что на дворе – осень. С другой стороны, мы не хотели внушить и навязать друг другу чувство холода. Фатима спросила:

– Девочки, вам тоже холодно, как и мне?

– Нет, разве жителям Абадана может стать холодно?

– Мы носим в карманах солнце!

– Причиной здешней жары, несомненно, является присутствие трех несущих в себе зной жительниц Абадана!

– Тогда согрейте на милость своим зноем нашу крохотную камеру!

Погода, однако, с каждым днем становилась все более и более суровой. С этим холодом шутить было невозможно. У нас дрожали челюсти и неистово стучали зубы. Как ни старались мы согреть дыханием свои окоченевшие носы, пользы от этого не было, потому что само дыхание тоже было ледяным. Руки и ноги посинели. Было ощущение, будто кровь в наших жилах застыла. Пытаясь спастись от беспощадной стужи, мы сворачивались клубочком. Мы складывали свои одеяла конвертиками и с головой прятались внутри них, потому что невозможно было держать голову снаружи. Однако даже эти одеяла не в силах были сдерживать студеные и жальщие ветра, которые гуляли по камерам. Все тепло, которое на протяжении многих лет мы вобрали в свои тела от палящего солнца и раскаленного до 60 градусов воздуха, которым дышал Абадан, молниеносно испарилось. Съежившись от холода, мы лежали на полу камеры, свернувшись калачиком. Мы были не в силах проронить ни слова. Я не боялась смерти, мне было страшно от мысли умереть на чужой земле. Похожие на эскимо, мы неподвижно и безмолвно лежали в ледяном чулане и лишь изредка обменивались взглядами. Никто из нас

не мог ничего сделать. Настал полдень – время раздачи еды. Когда открылось окошко, густое облако горячего пара ворвалось в ледяное пространство нашей камеры, которая стала похожа на погреб, набитый льдом. Мы готовы были умереть от холода; готовы были к тому, чтобы наши окоченевшие и безжизненные тела вынесли из камеры наружу, но не хотели хоть что-то просить у баасовцев. Ноги не слушались нас, мы не в силах были сделать хоть одно движение. Сидя или на четвереньках мы раскачивались из стороны в сторону в надежде, что эти движения придадут нам хоть немного энергии и тепла. Халима сказала:

– Думайте о жарких летних днях в Абадане!

– Мы не доживем до утра...

– Странно, что мы вообще еще до сих пор живы.

Мы бросали друг на друга взгляды, содержавшие просьбу о прощении, которое хотели получить друг от друга в преддверии нашей неизвестной участи. Иногда мы дружно начинали смотреть на щели вокруг окошка в надежде найти способ бороться с чудовищной стихией под названием стужа, которая незаметно проникла в наш чулан и воцарилась в нем.

Чтобы хоть как-то согреться, мы сели друг рядом с другом и обмотались одеялами, прижимая колени к туловищу. Я спросила:

– Мы идем ко Всевышнему или Всевышний идет к нам?

– Всевышний – на своем месте, это мы приближаемся к Нему.

Мы знали, что до заката должны воспользоваться теми несколькими слабыми лучами солнца, которые едва проникали в нашу камеру. Мы знали, что если солнце зайдет и наступит ночь, сатанинский холод погубит нас. Поэтому мы решили встать на борьбу с ним. У него не было права подчинять нас своей воле. Мы с трудом доползли до двери, подобно улиткам. Мы смочили хлеб в соусе, который нам принесли на обед, и получили мягкое тесто, которым и вооружились для сражения с врагом. Фатима наклонялась, а Халима становилась на нее и поднималась вверх, чтобы заполнить щели вокруг окошка полученным тестом. Затем я наклонялась, а Марьям становилась на меня и делала то же самое. Мы дрожали, подобно тростнику на ветру. Мы бросили взгляд на кафельную плитку, разрисованную именами прежних жителей чулана; жителей, которые смогли долгие годы прожить в этом холоде, грязи, с этими запахами и насекомыми, и в конце своей жизни оставить о себе воспоминание в виде надписи на стене, чтобы другие, пришедшие на смену им, знали их имена. Мы же пробыли здесь всего одну осень. Каждый раз, когда тюремщик-баасовец открывал окошко на двери нашей камеры, ему в лицо ударял холодный ветер с такой силой, что теребил его волосы. При этом он громко смеялся и говорил: «Да нет же! Совсем не холодно, вы шутите!»

Какая адская шутка! Из-за этой шутки мы пребывали между жизнью и смертью.

Назиратель открыл дверь. И снова облако горячего пара вошло внутрь камеры. Нам достались

еще четыре одеяла. Несмотря на то, что в ту ночь мы сломали дьяволу под названием «холод» рога, он повалил нас на землю с такой силой, что покалечил нас. Мы, все четыре, обессиленные и бледные, валялись на полу, будучи не в состоянии пошевелиться от ломоты в теле, и едва дышали, находясь во власти разных недугов. Приготовленное нами тесто, которым мы замазали щели вокруг окошка, смогло в некоторой степени противостоять ветрам, однако сила и скорость последних вскоре превратили его в камушки и, сорвав с места, швырнули в нашу же сторону. Новые одеяла, принесенные нам, оказались логовом голодных блох и клопов, которые были приглашены полакомиться нашими обессиленными телами. Мы не знали, что нам делать – искать ли пути бегства и спасения от беспощадных вихрей, которые ударяли, словно плетью, по нашим беззащитным телам, или же искать средство от чесотки, поразившей кожу на наших телах. Иногда, когда открывались окошки на дверях камер для раздачи еды, был слышен кашель – наш и других заключенных, который, подобно лаю собаки, вырывался из изъязвленных легких. И это было единственным признаком того, что мы все еще живы.

Мы привыкли к тому, что окошки на дверях камер открывались три раза в день, однако в последнее время заметили, что поздно ночью дверцы соседних камер и камеры напротив тоже открываются и закрываются. Мы стали прислушиваться к звукам в коридоре и в конце концов услышали голос тюремщика-баасовца, который говорил

заключенному: «Что будешь есть?» Иногда после вопроса «Что будешь есть?» он говорил: «Ты поправишься, пей воду!» Выражение «ты поправишься» было выражением медиков. Следовательно, сделали мы вывод, автор этих слов, возможно, был доктором, причем «водным» доктором, потому что он для всех выписывал один и тот же рецепт лечения – воду. Иногда, надо сказать, приходил другой доктор, который давал больным другой рецепт лечения болезни. На все жалобы и вопросы больного он отвечал: «Отдыхай!» Этого доктора мы называли «отдыхным».

Боль и страдания, которые мы испытывали от сознания пребывания в плену и на чужбине, а также тоска, одиночество и скованные цепями чувства и эмоции были настолько сильны, что не оставляли места хрипам kloкочущего дыхания и туберкулезному кашлю. Поэтому для иракцев было лучше видеть нас как можно реже. Те, которые по ту сторону двери, – не «наши». А те, которые сидят по соседству за стенами камеры, – такие же, как мы. Мы стучали по стенам справа и слева в надежде услышать ответный стук. Но, несмотря на то, что все мы были заключенными, никто не доверял другому из страха оказаться в еще более бедственном положении.

Осень подходила к концу, и было время считать цыплят, потому что количество линий, которые мы чертили на стене, становилось все больше и больше. Каждая из этих линий обозначала уход одного дня нашей молодости и провозглашала приближение зимы. Я же по-прежнему ждала завтра, чтобы

война закончилась и нас освободили. Наступила ночь Ялда¹. Я вспоминала запах сладкого плова, который готовила бабушка, медовый вкус арбуза и щелканье подсолнечных семечек. Не ведая о том, что будет завтра, мы сидели друг рядом с другом, оперевшись о стену. Никто из нас не мог отвлечь себя от мыслей о своей семье. Каждая из нас вспоминала кого-то из своих близких, и мы вели тихую беседу:

– Если я немного задерживалась, отец начинал искать меня по всему городу. Интересно, где он сейчас и что с ним?

– Мои родители даже представления не имеют, где меня искать.

– Если мой дядя умер смертью мученика на военной базе «Единство» в Дезфуле, никто не сможет сказать моим родителям, что я уехала в Хоррамшахр.

– Если они узнают, где мы, они умрут от горя.

– У них нет шансов найти ниточки, ведущие к нам.

– Мать, потерявшая своего ребенка, неустанно смотрит на дорогу в надежде на то, что он однажды покажется там.

– Как могут они понять, где мы находимся, где они должны нас искать? Они ведь не знают, где мы потерялись, иначе начали бы поиски с того места.

– В любой войне люди теряют своих близких и друзей, а другие, наоборот, обретают друг друга. К примеру, мы сами, будучи выходцами из разных семей и культур, нашли друг друга здесь.

¹ Шабе Ялда – древний иранский праздник, отмечающийся самой длинной ночью года, то есть накануне зимнего солнцестояния (*прим. перев.*).

Я смотрела на дверь. Могла ли она принести мне счастье? В длинную ночь Ялда мы говорили о сердечной тоске, обидах, печали родителей; о нашей собственной репутации и чести, подлости и бесчеловечности врага и о далеких заповедных горизонтах. Внезапно тюремщик, которого звали Кейс и который утверждал, что он из города Наджаф, открыл дверцу. Это был юноша лет восемнадцати-девятнадцати, во взгляде которого отсутствовали какие-либо признаки враждебности и злобы. Он старался войти к нам в доверие. В его взгляде прослеживалась скрытая жалость к нам. Кейс спросил: «Выключить свет?»

Мы не понимали, о чем он говорит. Тогда он несколько раз выключил и включил свет, после чего мы поняли, что этоо освещение тоже можно выключать. В абсолютной темноте мы могли снимать хиджабы и пользоваться душем. Фатима сказала: «Возможно, внутри камеры установлены прослушивающее устройство и камера. Нам надо быть осторожными в речах. Кейс знал, что мы разговариваем, поэтому он и пришел, открыл дверцу и выключил свет».

После ночи Ялда каждый день с наступлением ночи свет в нашей камере стали выключать. Самыми отвратительными звуками были звуки поворота ключа в замочной скважине железной двери, после чего надзиратель нагло и без предупреждения оказывался перед нами.

Однажды ночью дверь камеры открылась очень поспешно, и тюремщик закричал: «Соберите одеяла и вынесите их наружу!»

Сперва я подумала, что то самое завтра, в ожидании которого мы были, наконец, наступило и, как говорила Фатима, зима положила войне конец. Но потом мы поняли, что нет.

После допросов это был первый раз, когда нас вывели наружу из чулана. Свет был такой яркий, что мы не могли держать глаза открытыми. Коридор, который по сравнению с нашим чуланом был очень длинным и широким, дал нам возможность изучить пространство вокруг и наших соседей. Каждая из нас что-то говорила:

- Куда нам идти?
- Одежда очень тяжелые.
- Солнце высоко.

Солдат-баасовец кричал: «Молчите, молчите! Наденьте очки!»

Не знаю, почему Кейс дал нам возможность перемолвиться парой фраз, хотя он постоянно кричал: «Молчите!» Каждая из нас в одной руке держала одеяло, а свободными – мы крепко взяли за руки. Так мы шли по коридору с закрытыми глазами. Только тогда я поняла, почему Мирза-Хасан не мог молчать с закрытыми глазами. Пройдя по коридору около ста метров, мы сказали друг другу более ста слов. И каждый раз Кейс, исполняя свои обязанности, пытался пресечь наши разговоры, чтобы их никто не услышал: он со злостью и силой ударял кабелем по земле и стенам и говорил: «Молчать, разговаривать нельзя!». Это был первый раз за три месяца, когда мы своими голосами пытались осведомить наших соотечественников о своем нахождении там.

Нас привели в другой чулан. Несмотря на то, что все в нем было таким же, как и в предыдущем, для нас он имел определенную новизну. Стены были единственной нашей опорой и свидетелем нашей боли и страданий. Стены, выложенные каменными плитками коричневого цвета, которые я пересчитала (их оказалось 1650) и по одной изучила. Стены, которые мы знали, как свои пять пальцев. Казалось, эти стены были частью нашего имущества, которое перевезли в это место вместе с нами. Однако стены камеры номер 13 стали для нас более знакомы и привлекательны. Каждая плитка там являлась напоминанием о ком-то неизвестном. Эти напоминания были аккуратно и искусно высечены острым предметом на стене в виде изящного и трепетного стиха. На одной из плит было написано: «Гроб мой возложите на возвышенности, дабы ветер унес мой запах на родину». Это было напоминание, которое вызывало минорный трепет в сердце каждого, кто читал его строки.

На стене новой камеры были высечены имена братьев-летчиков и военных¹: «Летчик Сейед Джамшид Ошал, Мохаммад Салавати, Мохаммад Седдик Кадири, Алиреза Алирезайи, Хушанг Шервин, Реза Ахмади, Давуд Салман, Акбар Бурани, Ахмад Сохейли, Ахмад Коттаб, Мохаммад Хад-

¹ Судьба многих из братьев – летчиков и офицеров сухопутных войск, таких как Сейед Джамшид Ошал, Хасан Зенхари, Алиреза Алирезайи, Хушанг Шервин, Давуд Салман, Акбар Бурани, Ахмад Сохейли, Ахмад Коттаб, Бахрам Али-Моради, Фаршид Искандари, Махмуд Мохаммади Нохандан, Хусейн Лашгари, оставалась неизвестной до конца пребываниях их в спецтюрьмах Багдада (*прим. авт.*).

дади, Бахрам Али-Моради, Фаршид Искандари, Махмуд Мохаммади Ноухандан, Хусейн Лашгари, Хасан Зенхари, Мир-Мохаммади». Каждый день мы читали и запоминали их имена и даты пленения. Каждый день число пропавших становилось все больше. Нам было досадно, что у нас нет средства, при помощи которого мы тоже высекли бы на темных плитах камеры свои имена. Некоторые из имен были написаны на коричневых стенах камеры темным карандашом. Прочесть их могли только жители этого чулана, глаза которых адаптировались к темноте. Интересно было наблюдать за тюремными надзирателями, которые иногда устраивали ревизии внутри камер, но ничего не видели. Для нас же все, что было запечатлено на стенах, было читаемо. Теперь мы были не одни. Сознание того, что другие братья тоже находятся рядом с нами, придавало нам сил и уверенности. Каждый день мы тщательно изучали стены в надежде на то, что обнаружим знакомое имя или какую-либо информацию. Для того чтобы изучить окошко, мы по очереди наклонялись, а Халима, которая была самой легкой из нас, становилась нам на спины, поднималась вверх и осматривала там пространство. И в конце концов нам повезло! Халима щупала рукой стену, спускаясь по ней вниз, и нашла карандаш голубого цвета. Мы очень обрадовались находке и благодарили за нее Всевышнего. Мы допускали, что этот карандаш – один из тайных предметов чулана, которые его жители передавали друг другу по наследству. Таким образом мы стали владельцами небольшого инструмента для письма длиной

с одну фалангу пальца на руке. Камеры периодически обыскивались, а заключенные – менялись местами. Какими же все-таки опасными существами мы были в их глазах! Почему они продолжали так тщательно обыскивать нас? Разве в первый день они не забрали все предметы, которые были при нас?

Здесь, на новом месте, то есть в камере номер 13, с приходом зимы дьявол-мороз дремал, давая нам возможность нормально дышать. Мы поняли, что температура воздуха в разных камерах не одинакова. Еще одним отличием этого чулана от предыдущего являлось то, что под дверью, в том самом месте, где железная решетка делила дверь пополам и уходила в землю, виднелась небольшая щель величиной с чечевичное зерно, через которую можно было видеть сапоги надзирателей.

В один из дней, когда холодная зима была на исходе, ветер издали донес до нас приглушенный голос неизвестного человека, который из самых глубин сердца пел лирическую песню. Это был голос, желавший не просто повествовать, а кричать о большой любви и привязанности к своей супруге, которые он чувствовал в последний момент их расставания. Подобно Фениксу, угодившему в клетку, он пел, чтобы не быть забытым. Нам был знаком и мотив, и слова этой песни. Мы все с упоением слушали ее. Наконец, спустя несколько месяцев, мы услышали голос, хозяин которого пытался остаться в живых. Ветер становился сильнее, а голос Феникса – яснее. Единственной вещью, мешавшей ясно слышать этот голос, было наше собственное

воспаленное дыхание. В тот день надзирателем был человек, которого мы называли «Старый Сержант». Казалось, он тоже влюбился в голос «певчего узника», закрытого в штрафном изоляторе. Его голос повествовал о тоске и одиночестве; он как будто и сам чувствовал, что его пение заворожило всех и заставило прильнуть к дверям ушами. Слушая этот голос, я вспомнила Рахмана. Для него ванная комната всегда была студией прямого эфира. Когда он заходил в ванную, мы все садились за дверь и слушали живые концерты в его исполнении.

Внезапно внутри меня проснулось какое-то потерянное чувство. Понемногу песня, которую он пел с комом в горле, перешла в стоны – в душераздирающие стоны, рвущиеся из самых глубин его души. Я не в состоянии была слушать стонов этого мужчины. Видеть мужчину, льющего слезы, было для меня самым жалким зрелищем в моей жизни. Я всегда думала, что у мужчин нет слезных желез, поэтому их глаза никогда не бывают мокрыми. Никогда в жизни мне не приходилось слышать ныть мужины. Никогда за всю свою жизнь я не видела плачущим своего отца. Даже в те моменты, когда мои братья боролись друг с другом, а я становилась судьей, лишь я одна начинала хныкать уже перед финальным свистком, жалея проигравшего. Я всегда думала, что гордость и честь являются большей силой, чем чувства, однако горькая действительность неволи и цепей заставляет плакать даже мужчину.

В последующие ночи мужчина снова предавался душевным переживаниям и радовал всех своим

пением. Это был уже не голос, а умиротворявшая божественная трель, слушать которую было настолько упоительно, что некоторые из охранников, такие как Кейс и Хасан, даже зачастую просили его исполнить песни, которые им нравились. Иракцы тоже любили музыку и песни, поэтому многие из тюремщиков говорили обладателю этого красивого голоса: «Ты – Абдуль-Халим Хафиз, спой нам».

Однажды ночью мы, как обычно, сидели на корточках, прижавшись к двери, и прислушивались к звукам снаружи. До нас снова донесся знакомый голос. Прислушавшись повнимательнее, мы поняли, что поющий произносит имена узников, некоторые из которых мы видели на стенах нашей же камеры. Он пел, а мы запоминали имена. Иной раз он даже упоминал звания и даты пленения некоторых узников, а в промежутках, чтобы сбить тюремщиков с толку, исполнял забавные переливы. Напарник Кейса по имени Юнес, сидя за столом, крикнул: «Эй, животное, почему ты реवेशь, как осел? Пой красиво!» В этот момент из-за дверей всех соседних камер послышался приглушенный смех. Мы тоже засмеялись. За последние шесть месяцев это был первый раз, когда мы, все четыре, смотрели друг на друга и искренне, по-доброму смеялись. Я смотрела на улыбающиеся лица Фатимы, Марьям и Халимы, и эти лица были одно прекраснее другого. Посреди всех страданий, лишений и боли улыбка являлась прекраснейшей печатью, которая могла быть наложена на наши лица и которая заставила бы нас задуматься о нашей силе и способностях. И все же смех этот иногда перебивали

стоны, которые как будто желали напомнить смеющимся, что здесь – тюрьма.

Природа возвещала о приближавшемся празднике цветения и торжества весны. Мне хотелось снова вдохнуть аромат цветов, которые росли в саду нашего дома. В последние дни уходящего года зима свирепствовала всюду, не желая уступать дороге весне. Гул весенних ветров нарушил тишину в нашей камере и переместил нас от двери к той стене, за которой находилась главная улица. В последние дни в коридоре снова стало шумно. До нас постоянно доносились звуки поворота ключа в замке и непрекращающихся ударов кабелем по телам узников. Слыша стоны многострадальных узников и перемещаясь из одной камеры в другую, мы, невзирая на присутствие иракцев, читали молитвы. Мы, не видевшие войны, не слышавшие звуки «Катюш», не знавшие зенитных орудий и вообще не понимавшие смысла плена, разом испытали всё вместе. До этого мы знали лишь революцию.

Я как можно плотнее прижалась ухом к стене, выходящей на улицу, закрыв рукой другое ухо, чтобы мне не мешали никакие звуки изнутри. Я закрыла глаза, чтобы лучше сосредоточиться. В моих ушах раздавалось все то, что я слышала на уличных демонстрациях во время нашей революции: голос революции, шествий, лозунгов, скандирования «Аллах Акбар!» и т.д.

Звуки становились все ближе и ближе. То, что мы слышали за дверью и за стеной, окрашивало наше воображение в цвет реальности. Уверенная в том, что восставшие моджахеды и народ Ирака

приближаются к тюрьмам, что вот-вот двери тюрем будут взломаны, и все закончится, и придет, наконец, то завтра, в ожидании которого мы так долго оставались, я передала свой пост прослушивания Марьям. А сама вместе с Фатимой пыталась отследить происходящее в тюремном коридоре через ту самую щель под дверью размером с чечевичное зерно. Халима и Марьям тоже прижались к стене, выходявшей на улицу. Из-под двери доносились всевозможные звуки и стоны.

Я докладывала подругам все, что видела. В правой части коридора, за нашей дверью, баасовцы выстроили в ряд группу арабоязычных мужчин, женщин, детей и подростков. Затем они отделили всех мужчин из общей толпы и оставили там же, а женщин с детьми отвели поодаль, к столу охранника. Баасовцы сняли с моджахедов рубашки, и те остались стоять в одних майках. Затем к моджахедам стали подходить охранники, каждый из которых срывал какую-нибудь вещь из оставшейся на них одежды. Пленники стыдились предстать в обнаженном виде перед женщинами и детьми; они умоляли баасовцев не делать этого, однако ответом на их мольбы и протесты были лишь удары плетью.

Баасовцы заставили совершенно обнаженных узников-мужчин наклониться. Едва те коснулись колен руками, как надзиратели – Никбат, Старый Сержант и другие, кроме Кейса и Хасана, сели на них верхом, а несколько других охранников подгоняли их кабелем и заставляли в таком виде делать круги на глазах у их жен и детей. Когда они прохо-

дили мимо стола охранника, женщины с мольбой в голосе говорили: «Ей-Богу, это – ужасно, это – грешно, это – непозволительно!».

Я закрывала глаза и с силой сжимала веки. Не могла поверить своим глазам. Я спрашивала себя: «Не видение ли это? Неужели то, что я вижу, – действительность?» Объятая ужасом, я призвала в свидетели глаза Фатимы. Затем я обратилась к ней со словами: «Фатима! Давай закричим! Какая низость! Эти бессовестные и бесчестные подонки глумятся над человеческим достоинством!» Фатима ответила: «Держи себя в руках, не забывай, где мы находимся, здесь – спецтюрьма».

Поскольку женщины были на большом расстоянии от нас, мы не понимали, что там происходит.

Никакие доводы в мире не могли оправдать подобные зверства и низость. Совершение какого греха должно было повлечь за собой подобное наказание? Куда делась гуманность? Само пребывание в застенках – это страдание, единственным спасением от которого является свобода. Так почему же с этими пленными должны поступать подобным образом? Я желала, чтобы этой щели не было, тогда я не стала бы свидетелем подобных сцен глумления над человеческим достоинством. Мне хотелось найти в этих людях хоть каплю гуманности. От увиденных безжалостных и бесчеловечных действий баасовцев я пережила дикое волнение и шок, и в этой буре депрессивных эмоций меня, как разбитую лодку, бросало по мятежным волнам разбушевавшегося океана. В камере воцарилось гробовое молчание, и неописуемый ужас овладел

нами. Никто из нас не мог вымолвить ни слова, ибо любое слово означало бы сумасшествие. Сцена, увиденная нами, была настолько унижительной, что нам было стыдно даже заново прокручивать ее в голове. Принимая во внимание всю гнусность и низменность врага, было чудом, что мы оставались живыми и невредимыми. Эта сцена приподнимала завесу со многих неопределенностей и давала ответы на наши вопросы, такие как «где мы?», «с кем мы имеем дело?» и «какая участь нас ждет?» Возможно, мы тоже стояли в очереди за смертью. Я вопрошала: «Как уберечь мне душу от этого безжалостного насилия?» Никто из тех, кто находится здесь, не может избежать своей горькой участи. Как части одной мозаики, я собрала все картины, увиденные мной за время пребывания в этих стенах, и конечная картина, изображающая суть баасовцев, оказалась до ужаса уродливой и омерзительной.

Каждую ночь я думала, что это – самая тяжелая ночь в моей жизни, однако теперь тяжесть, как оказалось, перешла все границы. Мне хотелось прямо там расстаться со своими глазами – я думала, возможно, таким образом я отдалюсь от увиденного и пережитого и забуду их, однако чем больше времени проходило, каждая последующая ночь становилась все более тяжелой и невыносимой. Я просила Всевышнего даровать мне терпение. Это было единственной вещью, которая успокаивала меня. Я непрестанно читала молитвы и, прося Всевышнего даровать терпение и уповая на Его милость, преодолевала трудности и невзгоды.

Мой мозг раскалился от шквала вопросов, на которые не было ответов. На какой стадии находится война? Я думала, что, должно быть, война закончилась, раз Саддам сводит внутренние счета с моджахедами и мирными жителями. После последней увиденной мной сцены наша история показалась мне намного более горькой, чем я думала. Мы стали разговаривать об этом:

– Что сделают с нами баасовцы, если они не щадят свой собственный народ?

– Они не могут покушаться на нас.

– Они нас упрятали сюда, никто не знает, где мы.

– Те, кто переступает порог человечности, становятся на один уровень с животными, и для них перестает существовать разница между чужестранными пленниками и своими узниками.

– Многие из братьев знают, что мы находимся здесь, нас не тронут.

– Сегодня мы собственными глазами увидели ту реальность, о которой боялись даже подумать.

– Конец нашей истории – быть закопанными живьем в землю.

– Мужчин-заключенных они тоже спрятали.

– Если бы они не несли за нас ответственность в рамках закона, мы бы сейчас находились в ином, гораздо более плачевном положении.

– Никаких вестей не приходит внутрь извне и наоборот.

Наплыв вопросов и противоречивых ответов привел нас в состояние растерянности и стресса. У меня дергалось веко. Фатима невольно пожимала плечами. У Марьям сводило судорогой губы,

а Халима грызла ногти. Мы были на взводе и при этом призывали друг друга к терпению и стойкости. Не знаю, что испытывали в душе другие, но я... Я неустанно повторяла слова:

«О Всевышний! Я покоряюсь Твоей воле и повинуюсь Твоему велению, ибо нет равных Тебе, о Дарующий утешение взывающим с мольбами!» Я говорила себе: «До этого момента, находясь в тяжелых условиях и являясь свидетелями дикости и варварства врага, мы пребывали под сенью милости Творца, который уберег нас, и мы должны и впредь уповать на Него».

Перемещение в мир сновидений для заключенного – это ключ к сокровищнице, которая может стереть в порошок любую реальность. До последнего происшествия, которое повергло нас в ужас, сны обычно переносили меня в те сладостные дни, когда я, опьяненная запахом сухого жасмина, сладко засыпала. И все менялось. Я видела отца, сажавшего или срывавшего цветы; я видела мать, которая ароматом свежеприготовленного дампохтака созывала к обеденной скатерти Карима, Рахима, Фатиму, Рахмана, Салмана, Мохаммада, Ахмада, Али, Хамида и Марьям. Я слышала звук гудка нефтеперерабатывающего завода, который был для меня самой ласкающей слух мелодией на свете. Я видела жившую по соседству с нами тетю Туран, которая раздавала соседям созревший инжир из своего сада. Я видела, наконец, мальчиков-подростков, которые по очереди катались на велосипеде и соревновались в силе рук. Только сны оживляли в нас воспоминания о прошлом и не давали забыть его.

Мы были рады тому, что переживаем во сне лучшие дни. Наши сны уподобились воспоминаниям. Мы более не различали границы между сном и явью. Мы уже не знали, видели ли мы те вещи, о которых говорим, во сне или наяву.

Мы то становились небожителями и прогуливались по небесам, то с моими пленными сестрами ходили в гости друг к другу. Мы рады были находиться в царстве грез и сновидений. Марьям стала великой толковательницей снов – она постоянно трактовала чьи-то сны. В большинстве случаев, однако, эти сладкие сны оказывались очень кратковременны, потому что холод, жара и боли в суставах, причиной которых являлся жесткий каменный пол и отсутствие какого-либо настила на нем, не давали нам спать.

После же той ночи, когда мы увидели сцены дикого и бесчеловечного поведения баасовцев, все мои сны превратились в кошмары. Во сне я боялась так же сильно, как и наяву. Мне начали сниться Никбат, Старый Сержант, Саадун и десятки других одиозных лиц, от которых я постоянно убегала. Я была в ожидании смерти – в ожидании достойной и осознанной смерти в плену.

«Мир и благословение тебе, о Зейнаб¹, ибо терпение и стойкость обрели смысл благодаря тебе!»

¹ Зейнаб – внучка пророка Мухаммада по линии его дочери Фатимы аз-Захры и его зятя Али ибн Аби Талиба. Особо почитается мусульманами-шиитами в силу принадлежности к семье Мухаммада. Сыграла важную роль в оповещении мусульманского сообщества о событиях при Кербеле и обстоятельствах мученической смерти своего брата – внука пророка имама Хусейна ибн Али в 680 г. н.э. (*прим. перев.*)

Как хорошо бы было, если бы я никогда не видела во сне себя в плену, и Никбат, Старый Сержант и другие мерзкие надзиратели не приходили бы в мои сны! После того, как я увидела те омерзительные и тошнотворные сцены и те унижения, которым баасовцы подвергли иракских моджахедов, поправ гуманность и человеческое достоинство, понятия «сон» и «спать» для меня тоже изменились.

Целую неделю я не смыкала глаз. Сон для меня означал отсутствие сил для того, чтобы держать глаза открытыми. Я засыпала с трудом и просыпалась от малейших звуков и движений. Сцены и голоса, особенно стоны и мольбы маленьких детей, ставших свидетелями пыток и унижений своих родителей, ни на мгновение не выходили у меня из головы. Для того чтобы избавиться от страха и боли, возникших внутри нас после того, как мы увидели те сцены, мы заключили между собой некий тайный уговор и взаимное соглашение. Мы условились, что, если столкнемся с какой-либо угрозой посягательства на нашу честь, мы уничтожим себя сами. И поскольку у нас не было никаких средств для самоубийства, мы решили, что если такой момент придет, мы задушим друг друга. Смерть казалась нам куда более приятной и привлекательной, чем полная грязи жизнь, которую создали для нас эти бесславные нечестивцы. По ночам, с трудом борясь со сном, я мысленно разговаривала со своим отцом. Я вспоминала его слова, когда он говорил: «Служите Создателю должным образом, тогда и Он воздаст вам в полной мере. Если вы упоуете на Бога и вверили себя Ему, не беспокойтесь более,

потому что даже если вы дойдете до края пропасти, вы не упадете в нее; даже если вы погрузитесь на самое дно океана, вы не утонете; даже если вы окажетесь объяты языками пламени, вы не сгорите. Только верьте и уповайте на Него!»

Иногда, чтобы меньше думать о гневе надзирателей, холоде стен и приглушить боль от душевных и телесных ран, мы садились в круг и заводили разговор о наших семьях. Мы вспоминали прошлое, особенности и характеры наших сестер, братьев и родителей. Бывало так, что мы в десятый раз слышали детали каких-то историй и воспоминания из детства, но все же с удовольствием внимали рассказчику. Мы узнали всех членов семей, близких и дальних родственников и соседей друг друга. В своем мире грез мы даже выбрали друг для друга женихов, репетировали церемонии обряда сватовства и помолвки и таким образом стали родственниками друг для друга. Когда Фатима «посватала» меня за своего брата Алирезу, я дала согласие, установив в качестве махра¹ один том Священного Корана, и после этого, когда Фатима называла меня «невестка», я радовалась.

¹ Махр – в исламском семейном праве – имущество, которое муж выделяет жене при заключении брака. Махр является одним из главных условий для заключения брака. Выплата махра может быть отсрочена по договоренности после свадьбы. В случае вдовства или развода по требованию мужа махр остается у жены. Махр ошибочно отождествляется с калымом. В отличие от калыма, выплачиваемого семье жены и представляющего собой выкуп за невесту, махр выплачивается непосредственно жене и является частью ее собственности (*прим. перев.*).

С приходом весны и нового 1981 года из разных концов коридора до нас доносились различные звуки и голоса, возвещавшие приход Нового года и смену сезона. Весна смогла проникнуть через все щели, каменные двери и стены и преобразить наше внутреннее состояние. Заключенные всех камер под всякими предложениями стучали в двери и поздравляли друг друга с Новым годом. Нам хотелось знать, на какой стадии находится война и связана ли наша судьба с судьбой войны. Неопределенность и отсутствие информации были подобны медленной смерти. Мы решили спросить Кейса, закончилась ли война или продолжается. Он ответил: «Запрещено». Мы спросили: «Что значит запрещено? То есть мы не должны ничего знать?» Вопрос «Война закончилась или продолжается?» был единственным вопросом, который мы задавали и на который не получали ответа. Мы были уверены, что война закончилась, а баасовцы используют пытки, некогда использовавшиеся в нацистской тюрьме Кольдиц, и распространяют ложную негативную информацию с целью сломить дух заключенных и вынудить их к совершению самоубийства. Для меня, которая никогда не сидела на одном месте и всегда являлась своего рода информационным центром, барахтаться в абсолютном неведении было невыносимо тяжело. Однажды, в один из праздничных дней после наступления Нового года, мы постучали в дверь. К счастью, в тот день в качестве охранника дежурил Ахмад, который абсолютно не владел фарси. Мы сказали громко, чтобы нас услышали в соседних камерах: «Наш праздник – наша победа!»

Ахмад не понял нас и спросил: «Что?» Чтобы сбить его с толку, мы жестаами объяснили ему, что хотим зубную щетку. Он ответил: «Запрещено».

Спустя несколько дней Фатима предложила снова под предлогом просьбы о зубной щетке громко крикнуть через окошко: «Братья, какие новости?» – в надежде на то, что кто-нибудь из владеющих информацией услышит нас и ответит что-нибудь. Халима сказала: «В прошлый раз мы попросили зубную щетку, и нам сказали “запрещено”».

Наши зубы были в плачевном состоянии, и к прочим болям добавились еще и зубные. Иногда мы слышали голоса «водного» и «отдыхного» докторов, шедших по коридору. К числу их пациентов добавились и мы. Осмотрев наши зубы и поняв, что нам необходимы зубные щетки и паста, он сказал Кейсу: «Одна щетка на четверых!»

Кейс сделал нам милость и принес свою щетку, которая выглядела и воняла так, будто до этого лежала в канализации. Увидев ее, мы отказались ее брать, а для того, чтобы справиться с проблемой, каждая из нас сплела из собственных волос маленькое и изящное подобие зубной щетки, которым и чистила зубы. С определенной частотой мы меняли их и снова мастерили из своих волос новые щетки. Мы использовали волосы также в качестве зубной нити.

Через несколько дней мы, намеренные получить извне какие-нибудь новости, постучали в дверь и попросили зубную пасту. После того, как мы озвучили свою просьбу и услышали в ответ «запрещено», мы громко задали приготовленный вопрос:

«Братья, какие новости о войне?» Ответом была тишина. После многократных просьб дать нам зубную пасту нам принесли пригоршню стирального порошка, которым мы должны были чистить зубы вместо пасты.

Прошло несколько недель с момента наступления нового 1981 года. Мы находились в весьма плачевном физическом состоянии, наши тела были вконец обессилены. Единственное, благодаря чему мы все еще стояли на ногах, была внутренняя сила духа и энергия. Наши организмы использовали резервы сил и энергии, накопленные нами в Иране. Однако длительное нахождение в антисанитарных условиях вызывало болезни, которые скашивали нас и заставляли страдать долгими неделями. Мы вынуждены были обратиться за помощью к «водному» и «отдыхному» докторам. Доктор утверждал, что говорит по-английски, однако Фатима, которая владела английским лучше всех нас, как ни старалась, не смогла донести до него ни единого слова. Мы хотели, чтобы доктор пришел один, без охранника, чтобы мы могли свободно поговорить с ним о личных вещах, и он согласился, однако, к сожалению, он не понял нашу просьбу относительно средств гигиены¹. Тогда он дал нам бумагу и ручку и сказал, чтобы мы написали свою просьбу на бумаге. После этого он показал бумагу заключенным

¹ Я долго сомневалась, писать или не писать об этом в книге, однако, в конце концов, желание остаться верной воспоминаниям и принципу исторической записи перенесенных лишений и боли победило мои сомнения. Неодходимо сказать о том, что женщины, находясь в подобных условиях, испытывают особенные страдания (*прим. авт.*).

из соседней камеры. Тогда мы поняли, что наши соседи по камере, вероятно, – иранцы. Они говорили по-арабски очень хорошо, когда мы слушали их разговоры из-под двери, хоть и с акцентом, поэтому мы и не допускали, что они могут быть иранцами. заключенные в камере слева постоянно менялись, и дверь камеры постоянно открывалась и закрывалась. Так или иначе, доктор, поняв, в чем мы нуждаемся, согласился выделять нам каждый месяц определенное ограниченное количество гигиенических женских прокладок с условием, что мы будем возвращать ему использованные взамен на новые. Это требование было очень неприятным и постыдным. Но мы не могли больше в качестве средств гигиены использовать свои чулки, которые уже стали непригодны для этой цели. Мы подумали: «Будьте вы прокляты, раз нет в вас ни капли стыда и благородства!» Мы вынуждены были согласиться. В первые месяцы мы незаметно вытаскивали из прокладок немного полиэтилена и ваты, а остальное сдавали доктору и взамен получали одну новую прокладку. Таким образом, собрав какое-то количество полиэтилена и ваты, а также – массу волос, которые падали с наших голов, подобно осенней листве, мы переплели их и получили длинную веревку. После этого мы каждый день использовали веревку в качестве скакалки, чтобы улучшить свое физическое состояние. Понятие «счастье» настолько изменило для нас свое значение, что когда нам удавалось вместо трех использованных прокладок сдать две и оставить одну использованную у себя, мы считали это большой

удачей и искренне радовались ей. Мы прыгали, не помня себя от счастья, а иногда даже награждали друг друга призами.

С первого дня пребывания в плену мы отказались носить тюремную униформу, похожую на пижамы. Мы продолжали носить свою одежду. Мы стирали ее и тут же, мокрую, надевали на себя, поэтому она начала рваться по швам. И к нашим тревогам прибавилась еще одна. Хиджаб, покрывавший и защищавший нас от глаз иракцев, а к тому же делавший нас в глазах врага величественными, хотя при этом и уродливыми, трещал по швам. Для устранения этой проблемы нам нужна была иголка, однако мы понимали, что если зубная щетка и паста считались запрещенными предметами, то иголка и нитка и подавно относятся к категории орудий убийства. Мы должны были что-нибудь придумать. Несмотря на то, что мои брюки держались на мне только благодаря булавке, которая имела ценность не меньшую, чем моя жизнь, я вытащила ее, и эта булавка стала единственным средством сохранения нашей репутации и достоинства. Мы выдергивали нити, торчавшие по краям одеял, и при помощи булавки зашивали нашу одежду. После этого я сказала Фатиме: «И что теперь будет с моими брюками, которые держались на моей талии благодаря этой булавке?» Она засмеялась и сказала: «Не беспокойся! Я сделаю так, чтобы твои брюки стали тебе как раз».

Я немного умела шить, но у Фатимы это получалось более аккуратно и изящно, чем у меня. Верхние слои прокладок были немного плотнее, чем салфетка, поэтому требовалось большое умение

для их шитья. И здесь мне как нельзя лучше помогли уроки шитья госпожи Дравансиан. Булавку мы еще использовали и как средство для письма – мы царапали ею буквы на стенах камеры и оставляли память о себе, которая могла быть орудием обличения позорной сути режима Баас Ирака. Повсюду на черных стенах нашей камеры мы писали свои имена, несмотря на то, что подобные акты, как и многие другие – более безобидные – могли обернуться для нас большими проблемами. Самой печальной надписью на стене любой камеры явились бы имена четырех молодых иранок, захваченных иракскими военными в плен осенью 1980 года.

Моя булавка стала универсальным и многофункциональным орудием. Я вспомнила день, когда отец сказал мне: «Неужели эта булавка важнее и ценнее твоей собственной жизни?!» Теперь эта булавка была единственным моим имуществом и богатством, которое связывало меня с воспоминаниями прошлого.

Через несколько дней пришел новый надзиратель и, несмотря на то, что все работники тюрьмы, начиная от охранника и заканчивая начальником, знали, что окошки на дверях камер должны открываться и закрываться по мере необходимости, а наша камера, как утверждал Кейс, находится под видеонаблюдением, этот новый охранник, имевший весьма опрятный внешний вид, аккуратно выглаженную одежду и пользовавшийся одеколоном, запах которого душил человека, по делу и не по делу открывал окошко на двери, вежливо здоровался и спрашивал: «Вам ничего не нужно?»

Мы, не поднимаясь с места, давали отрицательный ответ. На этот раз он открыл дверцу и спросил: «Can you speak English?»

Несколько раз он открыл дверцу и произнес эту фразу. Мы подумали, что, наконец, нашелся кто-то, кто говорит на английском; мы подумали, что, должно быть, нам открывается мир, полный новой информации и новостей, и, возможно, этот человек сможет спасти нас от этого абсолютного неведения и психологического напряжения. Однако мы сомневались, имеет ли смысл спрашивать у него что-либо. Наконец, мы решили, что подойдем к двери все вместе, но вопросы ему задаст Фатима. У нас было очень много вопросов, но после небольшого совещания мы выделили несколько самых важных. Мы решили, что на первый раз не будем спрашивать его о войне, а для начала спросим о местности, о здании, в котором находимся, и о своем положении, а уж затем – о ходе войны. Фатима спросила:

– Where are we? (Где мы?)

– Yes. (Да.)

– Who else is kept here? (Кто еще содержится здесь?)

– Yes, yes. (Да, да.)

– Where do they keep other women? (Где они держат других женщин?)

– No, no. (Нет, нет.)

– Where is Mr. Tondgooyan? (Где господин Тондгуян?)

– No, no. (Нет, нет.)

– Where are his companions? (Где его спутники?)

– Yes, yes. (Да, да.)

Одним словом, ответом на все вопросы было “yes” или “no”. Марьям, которая своими смешными репликами всегда оживляла в моей памяти воспоминания о матери, сказала тихо: «Да пропади ты со своими “yes” и “no”!», развернулась и отошла в сторону. Халима сказала: «Скажите этому профессору, чтобы пошел и отредактировал Оксфордский словарь!» Фатима сказала: «Оставьте его, отойдите!» А ему ответила:

– Thank you. (Благодарю вас.)

Он все еще намерен был продолжать диалог, но мы отошли от окошка. Однако это его несколько не смутило, и он сказал саркастично напоследок:

– Bye bye. (Пока-пока.)

Мы обрадовались тому, что наши соседи слева – иранцы. Нам надо было во что бы то ни стало заставить заговорить разделявшие нас толстые стены и сделать людей за стеной нашими друзьями и соратниками. Мы должны были сломать тишину. Долгими часами мы сидели, прижавшись ушами к стене и прислушиваясь к голосам. Но единственным, что мы слышали, был многоголосый приглушенный гул, который свидетельствовал о том, что людей за стеной много. Мы воспроизвели стуки по стене, по ритму соответствующие лозунгу «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар!» («Всевышний – Велик, Хомейни – лидер!»). Мы знали, что если они – иранцы, им будет знаком этот ритм ударов, и они ответят на него. После нескольких попыток мы, наконец, получили ответ и на радостях начали обнимать и целовать друг друга. Последующие несколько дней мы только и делали, что наслаждались ведением

«стучательного» диалога ритма и пароля. Однажды после совершения намаза и молитвы мы сели лицом к заветной стене, которая стала для нас второй киблой¹. Мы произвели по стене тридцать два удара – по числу букв в алфавите. В ответ они тоже сделали тридцать два удара по стене – не больше, не меньше. Мы обрадовались тому, что они поняли нашу идею. Мы начали диалог. Пятнадцать ударов – «с», двадцать семь ударов – «л», один удар – «а», двадцать восемь ударов – «м» – то есть «салам» («привет»). Мы стали ждать ответа, но не получили его. Мы повторили приветствие во второй и третий раз в надежде услышать ответ на него, но тщетно – ответом была тишина. Мы стали отправлять другие слова и фразы, но на любое послание неизменно получали в ответ ритм ударов лозунга «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар!» Разочарованные, мы снова прижались ушами к стене, все еще надеясь услышать «привет», как вдруг вместо ответа с левой стены до нас дошел ответ на наше приветствие с правой стены тем же самым ритмом «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар!» Наша эйфория усилилась. Мы испытывали удивительное чувство радости и счастья. Стены с обеих сторон заговорили с нами! Позднее мы нашли способ общения выстукиванием по стене порядковых номеров букв алфавита без предварительного обучения этому, без каких-либо

¹ Кибла – в исламе: точно установленное из любой точки земного шара направление в сторону священной Каабы в г. Мекка в Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения пятикратных ежедневных молитв и отправления ряда ритуалов (*прим. перев.*).

согласований между собой. В нас возникло чувство свершения великого чуда; мы были подобны слепцам, которые только что обрели дар зрения. Мы без стеснения плакали и стучали по стене.

Общаясь с теми, кто находился за стеной слева от нас, мы вдруг снова услышали призыв «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар» с правой стены. Снова мы поприветствовали их словом «салам», но опять не получили ответа. Обитатели камеры слева постучали в оконце и позвали охранника. Когда окошко на их двери открылось, мы метнулись к двери нашей камеры, нагнулись и стали прислушиваться. Мы услышали голос, который громко сказал: «Мы не знаем порядок алфавита». Мы подумали, что они, возможно, – иранские арабы, потому что когда к ним приходил доктор, они свободно говорили с ним по-арабски. Еще одним предположением было то, что они, возможно, не владеют достаточной грамотностью. Мы вспомнили об оригинальном трюке того брата, который под видом пения назвал нам имена своих друзей, используя стихи и музыку. Поскольку все надзиратели привыкли к тому, что три раза в день после совершения намаза мы читали молитву, и все они смирились с этим, мы начали громко читать молитву – то есть тем же привычным тоном и нараспев стали вместо слов молитвы произносить по порядку буквы алфавита. Поскольку молитва была внеочередная и повторилась несколько раз, недовольный охранник открыл дверцу и спросил раздраженно: «Что случилось? Хватит причитать!»

Чтобы он не подумал, что мы замолчали по его приказу, мы прочли «молитву» еще раз. Когда мы закончили, соседи справа, получив порядок алфавита, сразу же начали стучать по стене.

Их посланием было: «Женщина одной рукой качает колыбель, другой – весь мир». «Молодцы! – подумали мы. – Какое длинное предложение! Какие они понятливые!» Мы так обрадовались своему успеху, что не знали, с чего начать, что спрашивать. Мы смеялись и плакали. Нас всецело поглотило новое знакомство и общение. Мы металась между двумя стенами. Они задавали вопросы нам, а мы – им. Мы напрочь забыли о тюремных правилах и порядках. В тот день до полуночи мы стучали по стене, задавали вопросы и получали ответы. Мы получили информацию от соседей справа и слева. Понемногу мы вышли из состояния абсолютного неведения.

Мы узнали, что в камере справа от нас содержатся шесть докторов, которых звали Хади Азими¹ – специалист по клинической лабораторной диагностике, Аббас Пакнежад² – специалист общей

¹ Доктор Хади Азими, человек набожный и благочестивый, был полковником ВМС и начальником больницы ВМС города Хоррамшахр. После того как началась навязанная война, по распоряжению генерала Фаллахи он возглавил миссию по благоустройству больниц города Хоррамшахр (прим. авт.).

² Доктор Аббас Пакнежад родился в городе Йезд в очень религиозной семье. В возрасте 50 лет, в начале войны, он был командирован в зону боевых действий для оказания помощи раненым, где был захвачен в плен баасовцами. Спустя десять лет, проведенных в заточении, он вернулся в Иран и начал деятельность в Исламском консультативном совете в качестве депутата от города Йезд (прим. авт.).

хирургии, Расул Эршад¹ – педиатр, Хади Бигдели² – гинеколог, Сейед-Али Халеки³ – ортопед, Раджаб-Али Кухпаре⁴ – доктор юридических наук, и господин Аббаси⁵.

¹ Доктор Расул Эршад – очень набожный и благочестивый человек – являлся детским врачом. Родился он в городе Багдад. Прошел специализацию и получил степень доктора в Германии. Свободно владел немецким и арабским языками. После вторжения армии Ирака в Хоррамшахр и его оккупации был взят в плен. После десяти лет плена вернулся в Иран и восстановил свою частную клинику в Хоррамшахре (*прим. авт.*).

² Доктор Хади Бигдели – крайне верующий и благочестивый человек, по специальности – акушер-гинеколог. Специализацию прошел в США. Во время войны отправился в город Абадан, в зону боевых действий, с целью оказания помощи раненым. На пути из Абадана в Махшахр был взят в плен силами Баас Ирака. Из плена освобожден на два года раньше, чем его товарищи, благодаря посредничеству своей бывшей супруги-американки, после чего вернулся в Иран и начал деятельность в составе команды медиков в канцелярии Духовного лидера при Организации по делам хаджа и паломничества. В настоящее время работает врачом в Тегеране. (*прим. авт.*).

³ Доктор Сейед-Али Халеки – крайне верующий и благочестивый человек, уроженец Тегерана. Работал ортопедом в больницах жандармерии. Для оказания помощи раненым отправился в зону боевых действий и на пути был взят в плен иракцами. Спустя десять лет он вернулся в Иран и в настоящее время работает по специальности в Тегеране (*прим. авт.*).

⁴ Раджаб-Али Кухпаре – доктор юридических наук, адвокат и начальник департамента по правовым вопросам при Нефтяной компании Абадана, уроженец города Дезфуль. Во время войны вместе с его родственником господином Аббаси был взят в плен иракскими военнослужащими. Десять лет провел в плену (*прим. авт.*).

⁵ Господин Аббаси был одним из садоводов и работников сельского хозяйства города Дезфуль, владел пасекой. В возрасте шестидесяти лет он попал в плен в иракцам вместе с доктором Кухпаре (*прим. авт.*).

Когда я нашла доктора Азими, во мне ожили воспоминания о нашей встрече с ним в первые дни плена, о его раненых глазах. Я вспомнила и раненого ополченца Мир-Зафарджуйана, а также Маджида Джалалванда. Но доктор Азими не владел никакой информацией ни о ком из них. За стеной слева находились еще пятеро братьев, которых звали Мохаммад-Али Зардбани¹, Ферейдун Йамин², Али Джафари³, Ибрахим Рамезан-заде

¹ Мохаммад Али Зардбани окончил Университет нефти города Абадан, где получил специальность инженера-механика, работал в инженерном отделе при Нефтеперерабатывающем заводе Абадана. Осенью 1980 г. он вместе с двумя своими коллегами, оставшимися в Абадане для оказания помощи Генштабу Вооруженных сил и координации с Нефтеперерабатывающим заводом, был взят в плен иракскими силами. На тот момент ему было 26 лет. Десять лет он провел в плену, затем вернулся на родину. Стал работать в качестве советника министра нефтехимической промышленности. Во время пребывания в плену он оказывал своим товарищам ряд незаменимых услуг образовательного характера и был известен в лагере под прозвищем «компьютер» (прим. авт.).

² Ферейдуну Йамину было 27 лет, когда он попал в плен к иракцам. Он окончил Университет нефти в Абадане, получив специальность «инженер-химик». Магистратуру он прошел в Политехническом университете Тегерана. Работал в отделе первичной переработки нефти при Нефтеперерабатывающем заводе Абадана. После возвращения на родину и ухода на пенсию стал работать в одной международной компании (бывшая компания АВВ) (прим. авт.).

³ Али Джафари, которому на момент взятия его в плен было 40 лет, был уроженцем города Рашт. В свое время учился в США. Приехал в Иран, чтобы повидаться со своими близкими, и в это время, совпавшее с началом навязанной Ираком войны, попал в плен в противнику. Его супруга была американкой, и после освобождения из плена он развелся с ней. В настоящее время живет в США (прим. авт.).

Хожабр¹. Все четверо были инженерами из Нефтяной компании.

Имена других братьев за стеной были Махмуд Шарафати², который был ополченцем, и Маджид

¹ Ибрахиму Рамезан-заде Хожабру было 28 лет, когда его взяли в плен. Он окончил Университет нефти Абадана, получив специальность инженера-механика. Работал в отделе общего инжиниринга при Нефтеперерабатывающем заводе. 30 октября 1980 г. во время блокады Абадана он вместе с Мохаммадом Али Зардбани и Ферейдуном Йамином был взят в плен силами режима Баас Ирака. После освобождения и ухода на пенсию работал в одной канадской компании (*прим. авт.*).

² Махмуд Шарафати в начале октября 1980 г. во дворце Ширин был взят в плен вместе со своим двоюродным братом, который был ополченцем. Желая связать свою судьбу с судьбой брата, Махмуд Шарафати тоже представился ополченцем. После этого их посадили в машину и куда-то повезли. По дороге машина, в которой они находились, подверглась обстрелу со стороны сил народного сопротивления. Пуля попала Махмуду ниже области подмышек, и его увезли в больницу «Ар-Рашид». Он потерял след своего двоюродного брата. Поскольку Рашид был молод и имел приятную внешность, иракцы подумали, что он – летчик. Когда в больницу пришли сотрудники Красного Креста, Махмуд сообщил им, что является ополченцем. Они зарегистрировали его и выдали ему карточку. Разозленные иракцы, желая компенсировать свою ошибку, бросили его в штрафной изолятор, несмотря на тяжелое ранение и операцию, которую он перенес. Рана была настолько серьезна, что врачи вынуждены были использовать кожу, взятую с его ноги. Когда Махмуд находился в камере, его нога загноилась. Процесс развился до такой степени, что тюремные надзиратели, принося ему еду, зажимали носы, чтобы не чувствовать смрада. В конце концов в ноге завелись черви. Махмуд снял с руки гипс и наложил его на ногу, так как рассчитывать на перевязку и врачебную помощь не приходилось. Мало того, в таком состоянии он не раз получал удары дубинками, сопровождавшиеся руганью и унижениями (*прим. авт.*).

Солейман¹, бывший родом из Ливана. Они вместе с Али-Аскараром Исмаили², водителем министра нефти, и его братом Шукруллою, также являвшимся сотрудником Нефтяной компании, подтвердили весть о том, что министр нефти и его спутники живы, и – то, что они проявляют стойкость перед невыносимыми пытками, которым их подвергают. Голос, которым обычно произносился азан, принадлежал Сейеду Мохсену Яхйави³ – заместителю

¹ Маджид Солейман был студентом из Ливана, который учился в Куме и был причастен к ливанским шиитским партиям. Для того чтобы предотвратить нежелательные и опасные последствия, он сказал, что приехал в город Сусенгерд (город на юго-западе Ирана в остане Хузестан) для встречи с невестой. В настоящее время живет в Ливане (*прим. авт.*).

² Али-Асгару Исмаили было двадцать лет, когда он попал в плен к иракцам. Он был водителем Джавада Тондгуйана – министра нефти (*прим. авт.*).

³ Сейед Мохсен Яхйави родился в 1943 г. в провинции Боруджерд. Начальное и среднее образование получил в г. Ахваз. В 1963 г. поступил в Университет нефти Абадана и до 1965 г. учился по специальности «нефтяной инжиниринг». В 1974 г. он вместе со своей супругой уехал в город Детройт в штате Мичиган США, где продолжил учебу по специальности «гражданское строительство». В 1976 г. вернулся в Иран. В США он являлся членом Исламского общества студентов США и Канады. Он также был одним из основателей Исламского общества при Университете нефти города Абадан. После Исламской революции Яхйави примкнул к Комитету по устранению разногласий в подразделениях министерства труда. Он играл главную роль в составлении устава Фонда недвижимости и градостроительства Исламской революции и являлся членом ее Центрального управляющего совета. Некоторое время в конце 1979 г. работал на должности министра жилищного строительства. В начале навязанной войны курировал нефтеносные районы, а осенью 1980 г. вместе с Джавадом Тондгуйаном (министром нефти) и господином Бушехри

министра нефти. В соседней с ними камере находился Бехруз Бушехри¹, который иногда своими лозунгами восхвалял и поощрял нас, говоря: «Мои подобные Зейнаб сестры, вы молодцы!» Мы испытывали спокойствие и гордость от того, что находимся в безопасном соседстве с нашими братьями. Однако факт их заточения заставлял страдать нас. Они зорко следили за тем, как открывается и закрывается дверь нашей камеры, и даже за тем, как смотрят на нас надзиратели-баасовцы. Последние до ужаса боялись ревностной, рьяной и неуправляемой готовности братьев защищать честь и достоинство своей отчизны и своих соотечественниц,

был взят в плен иракскими военными. Десять лет провел в застенках Истихбарат (военной разведки) Ирака. После освобождения из плена он неоднократно становился депутатом Исламского консультативного совета от Тегеранского и Боруджердского округов (*прим. авт.*).

¹ Бехруз Бушехри родился в 1945 г. В 1968 г. окончил Нефтяной университет Абадана, получив специальность «нефтяной инжиниринг», а в 1973 г., после учебы в Исследовательском центре управления Ирана, получил степень магистра по специальности «управление». Работал заместителем министра нефти и исполнительным директором Национальной нефтяной компании. 31 октября 1980 г. вместе с мучеником Тондгуйаном и господином Яхйави при въезде в Абадан был взят в плен баасовцами. 17 сентября 1990 г. был освобожден и вернулся в Иран. После освобождения занимал различные должности, в том числе должность советника министра нефти, министра шахт и горной промышленности, председателя совета директоров и исполнительного директора свободной экономической зоны Кешм, председателя совета директоров Нефтяной компании «Сепакхан» и т.д. В настоящее время работает председателем совета директоров и исполнительным директором компании территориального планирования «Сина» (*прим. авт.*).

даже несмотря на то, что братья были закованы в цепи, поэтому баасовцы опасались даже косо посмотреть на нас. Каждый раз, когда баасовцы открывали дверь нашей камеры, мы слышали голос, который кричал: «Помощь от Аллаха и близкая победа». В ответ на это другие братья говорили: «Так передайте радостную весть правоверным!» Мы сначала не знали, кто этот человек, который проявляет такую ревностную реакцию в момент открывания двери нашей камеры, однако впоследствии поняли, что это – министр нефти Мохаммад Джавад Тондгуйан.

Теперь мы, заточенные в темницу «Ар-Рашид», обрели второе дыхание, и надежды в наших сердцах понемногу пробивали себе путь, выбираясь из терний тоски, печали, уныния и скорби. И теперь уже тяжесть непосильной ноши плена равномерно делилась между нами.

Мы перестали вести счет минутам, длившимся невыносимо долго. Я была очень рада, что нашла доктора Азими, который еще в первые часы своего плена понял, что благородство – бесценное сокровище, с которым нельзя расставаться даже в обмен на свободу.

Было пятничное утро. Нас радовала мысль о том, что в камерах вокруг нас находятся иранцы. Их присутствие оживляло во мне воспоминания о моих братьях, в присутствии которых я безбоязненно, в полной безопасности могла идти, куда мне захочется. В плену у нас тоже было столько братьев! Мне хотелось каждому из них сказать: «Спасибо!» Мне хотелось сказать им: «Братья, я восхищаюсь вашим благородством и тем, насколько вы

все благонравны, начиная от министра и адвоката и заканчивая Ледяным Исмаилом». Мне хотелось закричать: «Мы, потерявшиеся, все равно нашли друг друга! Всевышний, благодарю Тебя безмерно!»

Я вспомнила пятничные дни, когда отец по утрам сажал нас в ряд и клал перед нами подставки для книг и экземпляры Корана, а сам стоял неподалеку с грозным и взыскательным видом, засунув руки в карманы, и проверял произношение и соблюдение каждым из нас всех правил фонетики и рецитации. Тому, кто читал Священное писание красивее и чувственнее других, он клал пятириаловую монету рядом с его подставкой для Корана, а другим – монеты достоинством в один или два риала. Наши глаза следили не за кораническими аятами, а за руками отца, за тем, когда он вытащит их из кармана, и кому и сколько монет достоинством в один, два или пять риалов достанется, потому что каждый должен был продолжать чтение до тех пор, пока отец не положил бы ему монету, и надо сказать по справедливости, что всегда пятириаловые монеты доставались Рахману и Кариму. Они читали Коран в очень приятной манере. Я решила громко прочесть суру «Прославление». Сначала на этот счет были споры и выяснение того, можно ли это делать с точки зрения шариаата, морали, безопасности и т.д., однако исходом споров явилось единодушное согласие на то, чтобы я прочла слово Всевышнего, и я приступила. Я почувствовала себя Абдуль-Бассетом¹. Я нараспев прочла суру так

¹ Знаменитый египетский декламатор Корана (прим. перев.).

громко, насколько мне позволили это сделать мои дыхание и голосовые связки. Сразу же после этого прибежал один охранник, а затем – другой, тот самый, который рисовался своим внешним видом и которого мы называли Ален Делон; он открыл окошко на двери и сказал: «Ты что, себя соловьем возомнила?! А ну-ка замолчи!» Надзиратели не ожидали такого. Они ворвались в камеру и начали бить кабелями по стенам и двери, чтобы напугать нас. Я же радовалась тому, что дверь открыта и мой голос отчетливее проникает наружу. Со следующей недели я читала сестрам те суры из Священного писания, которые они хотели услышать. Но у нас не было Корана, а я могла воспроизводить наизусть только одну его часть. После этого баасовцы дали каждой из нас прозвище. Иногда вместе того, чтобы позвать меня по имени, они обращались ко мне: «Соловей!»

Убедившись в том, что все крыло осведомлено о нашем нахождении там, я перестала практиковать чтение Корана. По утрам, проснувшись, совершив намаз и поупражнявшись со скакалкой, мы, как будто включая радио, спешили к стене и вели с соседями негласную, бессловесную беседу. Через стену, за которой находились инженеры, мы главным образом получали новости политического характера, а через стену докторов – хадисы, которые не давали погаснуть надежде в наших сердцах. Мы привыкли видеть только головы людей через крошечное отверстие на двери. Если лицо бывало крупным, мы видели только часть его от глаз до губ. А когда дверь открывалась полностью и мы видели людей

в полный рост, мы вспоминали рассказ о великании и стране чудес. Теперь мы имели представление о своем местонахождении. Мы поняли, что нас содержат в одном из зданий Службы безопасности и разведки Ирака. Мы также знали, что большое количество пленных, которые преимущественно являются стражами (харас аль-Хомейни), военными различных чинов, летчиками или ключевыми фигурами властной элиты, тоже находятся здесь. Мы не знали лишь одного – продолжается ли война или она закончилась. Мы также не знали, действительно ли наши соседи по обе стороны не владеют информацией или же не считают целесообразным что-либо говорить нам. Они ничего не сообщали нам о том, в каком положении находятся такие пограничные города, как Хоррамшахр и Абадан. Мы стали одной большой семьей и даже сны свои рассказывали друг другу в подробностях. Мы развили такую скорость в использовании азбуки Морзе, что от новостей перешли к комментариям. За камерой инженеров Нефтяной компании следовала камера, в которой находились заместители министра нефти – господа Яхйави и Бушехри. В ту ночь, когда привезли министра нефти, мы находились еще в камере номер 11. Мы предполагали, что инженер Тондгуйан, если его не перевели в другое место, должен находиться в одной из камер напротив одиннадцатой камеры.

До 1981 года мы слышали голоса, декламировавшие Коран и провозглашавшие лозунги.

Получение информации увеличивало нашу ответственность и задачи. Абсолютное невежество

и неведение не создает вопросы. Нас незаконно украли на нашей же земле, незаконно держали в заточении и, вопреки международным законам, нас упрятали за решетку, и мы считались «пропавшими без вести». Десятки раз я повторяла это словосочетание про себя и задавалась вопросом: как так получилось, что я оказалась пропавшей без вести? Если так, то надо полагать, мы погребены. Кто вообще придумал это понятие? На каком основании оно придумано? Неужели больше никакого следа от меня не осталось? Неужели мой паспорт более не действителен в то время, как я все еще жива? Как могли меня похоронить? Кто вместо меня погребен в земле? Кто был свидетелем моей смерти, кто совершил омовение моего тела, как я потерялась?! Может быть, я стала другим человеком? Человеком, о котором никто ничего не знает? Продолжение этой жизни безо всякого протеста и движения означает принятие гнета, несправедливости, медленной смерти и капитуляции перед тем, чтобы быть пропавшим без вести и заживо похороненным.

Наступил месяц рамадан. Еды, которую мы получали, было достаточно, чтобы делить ее и потрещать во время ифтара и после утреннего намаза и таким образом соблюдать пост. Обычно еду, которую нам приносили в обед, мы съедали после утреннего намаза, а ужин оставляли на ифтар. По устоявшейся между нами традиции, за час до ифтара мы садились за тарелкой томатного сока и молились. Наши молитвы иногда длились час. В тот день была очередь Халимы читать молитву. Каждая

из нас погрузилась в собственные мысли и чаяния, и в то время, как наши головы и руки были обращены к небесам, мы, невзирая на урчавшие желудки, искренне и усердно зывали ко Всевышнему. Я на мгновение опустила голову и увидела, как какое-то животное размером с две фаланги пальца вышло из тарелки с едой, которая должна была стать нашим ифтаром. Мне не хотелось портить ту духовную атмосферу, в которой пребывали сестры. Они ничего не видели. Во время ифтара я не притрагивалась к еде и на все их призывы совершить разговение отвечала, что пока не хочу есть, просила их оставить мне две ложки, которые пообещала съесть спустя пару часов. Я подумала: а что если еда закончится, и сестры каким-нибудь образом заметят следы грызуна на тарелке, и на дне обнаружатся мышинные испражнения? В любом случае я отказалась от приема ифтара, довольствуясь куском хлеба, который у меня был. После ифтара я сказала сестрам:

– Мы больше не одиноки, у нас прибавилось несколько гостей.

– Ты о чем? Ты что-то видела во сне?

– Иракцы или иранцы?

– Скорее, иракцы.

– Мужчины или женщины?

– И мужчины, и женщины.

Одним словом, сюжет развился до двадцати вопросов. Когда я рассказала сестрам, в чем дело, каждая из них что-то сказала:

– Ты собственными глазами видела?

– Вообще-то мыши обитают в темных и безлюдных местах, а не в таких, как наша камера.

Ночью мы притаились и стали ждать появления мышей. И мы действительно увидели, но не одну, и не двух, и даже не десяток мышей! Там было целое мышинное логово. И мыши не обращали на нас никакого внимания. Они все были одной величины, маленькие. Некоторые из них жевали края одежды, другие были заняты кусками хлеба, оставленными в ведре, а третьи вгрызлись зубами в нашу обувь. Бессовестные мыши даже попробовали на зуб нашу скакалку! Но тот факт, что одна из этих мышей попала в посуду с едой, был для нас сигналом серьезной тревоги.

На следующий день мы постучали в дверь и сказали охраннику, что в нашей камере завелись мыши. Охранник с недоверием и удивлением сказал: «Здесь постоянно дезинфицируют». После чего он закрыл дверь и ушел. Мы снова постучали в дверь. Он недовольно сказал: «Только вы утверждаете, что здесь мыши! Если это так, почему другие не говорят?» На третий раз мы с еще большей силой постучали в дверь и сказали: «Мы хотим видеть начальника тюрьмы». Нам ответили: «Начальника не беспокоят из-за таких пустяков, как мыши». Через некоторое время тюремщик сам открыл окошко на нашей двери и сказал: «Начальник тюрьмы сказал, если в камере есть мыши, поймайте их и покажите нам!» По коду Морзе мы отправили в камеру докторов сообщение о том, что у нас мыши, и спросили, есть ли у них тоже. Они ответили: «Нет». Мы задали тот же вопрос соседям слева, и они тоже ответили: «Нет». Мы рассказали им историю с мышами. Они сказали: «Мыши обычно роют ходы.

Найдите их нору и закупорьте ее чем-нибудь. Таким образом у них перекроется доступ в вашу камеру, и они вынуждены будут рыть выход в нашу камеру. И тогда мы с ними разберемся! А тех, которые останутся снаружи норы, подвергните экономической блокаде».

– Как?

– Уберите из зоны их доступа всё, чем они могут питаться. Даже мыло и свою обувь возьмите в руки.

Мы нашли их норку и закрыли ее хлебным мякишем, но это ничего не дало. Они сгрызли хлеб и не пошли к инженерам. За короткий промежуток времени они молниеносно размножились. Их омерзительный вид и присутствие рядом с нами вызывали отвращение и лишали нас покоя. Несколько дней мы боролись с ними. Ночью они выходили из своей норы и маршировали по нашим одеялам и головам. Тогда мы задумали отправить начальнику тюрьмы подарок. Мы решили засунуть в качестве приманки кусочек хлеба внутрь туфли и положить ее на одеяло. Каждая из нас должна была держать один его край. Как только какая-нибудь мышь приблизилась бы к приманке, мы должны были одним движением оновремененно соединить воедино все края одеяла, и таким образом мышка оказалась бы в ловушке. Как по заказу из норы вышла жирная мышь. Прогулявшись по камере, она направилась к приманке и принялась ее грызть. Как только она увлеклась этим делом, мы осуществили свой замысел. Мы с такой злостью ударили одеялом с ботинком внутри него о стену, за которой

находились доктора, что они встревожились и немедленно спросили по Морзе: «Что случилось?» Мы ответили: «Идет операция по ликвидации мышей». Били мы по стене одеялом и ботинком так долго, что совсем выбились из сил, но были уверены, что раздавили мышь.

Жители всех камер в нашем крыле поняли, что мы уже несколько дней ругаемся с охранниками из-за этих мышей. Каждый раз, когда мы стучали в дверь, все бежали к дверям своих камер и, опустившись на четвереньки и прильнув ушами к двери, слушали наши разговоры, чтобы понять, чем закончится история с мышами. Когда на этот раз мы постучали в дверь, дежурил Никбат. Он открыл окошко, после чего Фатима незамедлительно выкинула через окошко дохлую мышь, которую она держала за хвост, и громко сказала: «Вы же хотели мышь? Вот вам, пожалуйста!» При виде мыши Никбат, обладавший крупным и объемистым телом, подпрыгнул и закричал от испуга. Раздался взрыв искреннего смеха из всех камер¹. В коридоре на-

¹ В 1991 г. мы в сопровождении ныне покойного Сейеда Али Акбара Абу-Тораби вместе с группой освобожденных из плена братьев и сестер, докторов, инженеров, летчиков и заместителей мученика Тондгуйана ехали в Мекку. Я стояла рядом со своим супругом неподалеку от мечети Аль-Баки. Один из освобожденных братьев спросил моего мужа: «Сейед, если позволите, я хотел бы попросить нашу сестру об одолжении». Муж ответил: «Конечно!» Тот сказал: «Сестра, закройте, пожалуйста, свою руку чадрой». Я подумала, что, вероятно, нехорошо, что моя рука не покрыта и видна, поэтому сделала, как он просил: убрала ее под свою чадру. Тогда он нагнулся, поцеловал мои руки через чадру и поднес их к своим глазам. Плача, он произнес: «Сестра,

чалась суматоха. Баасовцы подумали, что это была спланированная и согласованная нами акция с целью их осмеяния. В тот день нас лишили как обеда, так и ужина. А вечером пришел доктор и сообщил нам, что нам больше не будут выдавать нашу долю гигиенических средств, сказав: «Запрещено».

Мы совершали послеполуденный и вечерний намазы, когда снова услышали режущий слух звук поворота ключа в замке, и дверь открылась. В наших камерах было настолько темно, что охранникам приходилось несколько секунд ждать и присматриваться, чтобы разглядеть нас. Они стояли и смотрели, как мы совершаем намаз. После совершения намаза мы поняли, что над нами стоят начальник тюрьмы, его заместитель Давуд, несколько солдат и надзирателей. Начальник спросил: «Зачем вы убили мышшь?»

Заместитель начальника тюрьмы Давуд тоже спросил: «Зачем вы бросили ее в лицо охраннику?» Мы ответили: «Но вы же сами просили показать

я – военный. Во время своего пребывания в плену и разных тюрьмах я испытал множество пыток, но ни разу иракцы не видели моих слез. Я плакал лишь однажды – в тот день, когда вы убили и выкинули наружу мышшь. Через год начальник тюрьмы в очередной раз вызвал меня к себе для допроса, и все вопросы, которые он задавал мне, были о вас. Он тогда спросил меня: “Почему в этих девушках нет женских качеств? Почему они поймали мышшь и швырнули ею в охранника, тем самым сделав его объектом насмешек со стороны других заключенных? Почему они совершают запрещенные действия и ничего не боятся?”. В конце он спросил: “Все ваши женщины такие?”. Я заплакал, затем вытянулся во весь рост, испытывая гордость, и произнес: “Клянусь Всевышним, что все наши женщины, все наши девушки – такие. Лучше нам не жить, чем видеть, что наши женщины и девушки здесь проявляют слабость!”» (прим. авт.).

вам мышей». Выругавшись, они покинули нашу камеру. Никаких приказов и действий вслед за этим не последовало. С того дня мы решили начать вынужденную дружбу с мышами. Мы съедали часть хлеба, а мякиш оставляли им. Я говорила себе: представь, что мыши – тоже пленные, твои сокамерники. Борьба с мышами превратилась в некую игру. Вред и страдания, которые мы терпели от мышей, несомненно, были меньше, чем вред и страдания от тюремщиков. Результатом визита начальника тюрьмы стало то, что через неделю охранники, надев на лица маски, дали каждой камере обеззараживающее средство. Проходя мимо камер, они открывали окошки или двери и, изображая на лицах гримасы, ругались и били ногами по дверям, обзывая узников именами животных. Они хотели таким образом выместить на нас все скопившееся за всю их жизнь зло и освободиться от сидевших в них психологических комплексов. Мне было жаль их: наблюдать потерю гуманности и нравственности, пусть даже во враге, очень прискорбно.

Самые элементарные наши потребности становились для иракских надзирателей сюжетом для глумления и издевок. Они не гнушались никакими оскорблениями и унижениями в наш адрес. Терпеть боль нахождения на чужбине, холод, жару, побои, голод и жажду было само по себе невыносимо трудно. Но, помимо всего этого, баасовцы унижали нас и глумились над нами до такой степени, что это заставляло нас переносить невыносимые душевные муки. С каждым днем моя ненависть к баасовцам становилась все глубже. Я была свидетелем того,

что заставляло все мое существо гореть в пламени злости и негодования. Я видела, как достоинство моих пленных братьев попирается военным сапогом насилия и гнета. Братья, каждый из которых поистине мог бы управлять целой страной, не причастные ни к малейшим грехам и преступлениям, попали в плен к грязным и гнусным людям. Боль пребывания в плену ослабила их тела. От боли они лезли на стену, а два никчемных и низких человека, которые под видом врачей надевали на себя белые халаты, равнодушно закрывали глаза на все мучения, переносимые братьями, и только говорили «выпей воды», «отдохни», «у тебя истерия». Если после множества упрасиваний они давали кому-нибудь из пленных таблетку, они заставляли его сразу проглотить ее, после чего сто раз осматривали его рот, чтобы убедиться, что таблетка проглочена. Наблюдать подобное поведение в отношении инженеров, врачей и военных нашей страны было невыносимо. Иногда мне становилось смешно от глупости и невежества этой кучки людей. Что, интересно, по их мнению, мы могли сделать одной несчастной таблеткой? Может быть, мы должны были испытать всю эту боль и страдания для того, чтобы постичь смысл слов одного из великих мира сего, который изрек: «Жизнь – не что иное, как борьба за свои убеждения»?

Как-то утром мы приготовились отправить по Морзе сообщение в камеру докторов, когда неожиданно послышались звуки открывающейся двери их камеры и голоса охранников, которые повторили слова: «Шамс, шамс», «быстро, быстро».

Я испугалась, что они установили личность Марьям и теперь ищут девушку по имени Шамси. Всех докторов вывели наружу. Стена, через которую постоянно происходила трансляция проповедей, передача информации и медицинских рекомендаций, внезапно погрузилась в абсолютное молчание. Мы стали ждать прихода новых соседей. Предположив, что тюремщики слышали звуки постукивания по стене, мы в течение часа воздерживались от переговоров по Морзе через стену. Через час мы снова слышали, как открылась дверь той же камеры. Мы подумали, что привели новых заключенных, поэтому продолжали бездействовать.

Спустя какое-то время открылась дверь камеры инженеров, которых тоже вывели наружу. И снова мы слышали те же слова – «шамс, шамс», «быстро, быстро». Мои тревоги усилились. Мы впали в уныние от того, что снова одни. Стены смолкли. Единственный мост, связывавший нас с внешним миром, разрушился. Мы боялись нежелательного развития военных событий, но вместе с тем верили, что в любом случае в жилах нашего народа течет исламская кровь, и он будет стоять до конца. Мы также допускали возможность того, что иракцы, возможно, производят обмен пленными. Возмущенные неведением о том, что происходит, мы вели оживленную беседу между собой, как вдруг стена докторов заговорила! И нам пришло послание: «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар! Нас отвели на свидание с солнцем¹». Эта фраза звучала для нас

¹ «Солнце» по арабски – «шамс» (прим. ред.).

очень красиво и приятно. Мы переспросили: «Что? Солнце? Где это находится?». Мы напрочь забыли, где находится солнце и его тепло.

Мы предположили, что инженеров тоже ответили на свидание с солнцем. И наше предположение подтвердилось – их действительно вывели на улицу, и они, кстати, раздобыли больше информации, чем доктора. В те дни все говорили о солнце, небо-своде и маршруте, по которому их провели; о тех голосах, которые они услышали по дороге, о здоровье инженера Тондгуйана и его спутников. Было интересно, что инженеры оценили даже пространство и сказали, что на верхнем этаже здания находится солнечная комната. По их наблюдениям, это была комната площадью сорок метров, высотой три метра, с бетонными стенами и решетчатым потолком, сквозь который проникал солнечный свет. Они заметили также, что расстояние между дверьми камер было значительным, поэтому сделали вывод, что камеры верхнего этажа больше, чем камеры, располагавшиеся на нижнем этаже.

Мы уже давно не видели солнца. Мы как будто забыли, что такое солнце, его лучезарный свет, и мечтали хоть раз почувствовать его тепло. Мы думали, что, должно быть, нас занесли в некий «черный список» – список тех, кто ведет себя плохо, поэтому в наказание нас лишили возможности увидеть солнце. И все же мы были рады тому, что хотя бы наши друзья не были обделены этим удовольствием.

Как-то утром, после долгих дней ожидания, когда все мы сидели за тарелкой томатного сока

и наблюдали за игрой мышей, один из иракских тюремщиков по имени Халаф открыл ногой дверь нашей камеры, затем пару раз для устрашения ударил кабелем по стене и громким отрывистым голосом, больше похожим на собачий лай, прокричал: «Наденьте на глаза очки и быстро выходите!»

Мы поспешно обулись, надели очки и пошли за охранником. Во мне по-прежнему оставался страх упасть с какой-нибудь лестницы. На протяжении всего пути я думала о своей булавке, которая была для меня как высокотехнологичная швейная машинка и которую я спрятала рядом с окошком. У меня не было возможности закрепить ее на себе в присутствии тюремщика. Мы медленно дошли до какой-то большой двери.

Дверь открылась, и мы почувствовали прилив огромной волны тепла и света. Нам разрешили снять очки. Я видела солнце на протяжении восемнадцати прожитых мною лет, однако в то мгновение мне показалось, будто я никогда не ощущала на себе его тепло, даже в 50-градусную жару в Абадане. Несмотря на то, что долгие годы солнце прикасалось к моему телу и обжигало мое лицо, я никогда не задумывалась о его ценности. В тот день впервые в жизни я ощутила тепло и свет солнечных лучей каждой своей клеточкой и насладилась этим чувством. Светило распростерло свои золотые объятия и придало каждой вещи вокруг лучезарное сияние. Ощущать тепло искрящихся золотом лучей на своей коже, которая вследствие долгого пребывания в сырой и темной камере стала холодной и безжизненной, было неописуемым удовольствием.

До чего приятно было это тепло! Солнечные лучи вместе с живительным весенним ветерком гуляли по моему телу и будили мои глаза ото сна. В моих ушах зазвенела музыка, а отяжелевшие от неподвижности конечности снова ощутили прилив крови.

Я посмотрела в лицо Фатиме. Ее карие глаза были в тот момент красивее, чем когда-либо. Тоненькие капилляры под ее кожей, разогревшись от солнечного тепла, окрасили ее щеки в нежно-розовый цвет. На протяжении многих лет я воспринимала красоту поверхностно. После посещения лекций имама я поняла, что понятие красоты имеет более глубокий смысл и что красота – не просто внешнее проявление. Мои сестры, несмотря на бледно-желтый цвет лица, худобу и болезненность, стали казаться мне красивыми. Их глаза, хотя и были печальными, вместе с тем источали удивительный блеск.

Халима, которая старалась вобрать в свои легкие как можно больше воздуха, говорила: «Если бы можно было наполнить этим воздухом карманы и припасти его для тех дней, которые у нас впереди!» Когда я смотрела на ее длинные изящные пальцы, я начинала слышать голоса сотен новорожденных малышей, которых она с любовью заботливо передавала в объятия их матерей. Ее руки были связующим звеном между Творцом и Его творениями. Это были руки, миссией которых являлось совершение одного из прекраснейших дел на земле – оказание помощи младенцу, который должен прийти в этот мир и жить вместе с нами. Халима погладила меня

по щеке и сказала: «Какой мягкой и нежной стала кожа на наших лицах!»

Глаза Марьям сверкали на ее лучезарном лице, подобно двум сапфирам, а ее наливные губы, когда она разговаривала, становились такими прозрачными, что, мне казалось, в любой момент на них могла выступить кровь. Мои сестры стали одна краше другой. Находясь за беспросветными стенами проклятой камеры, я забыла их прекрасный облик. В тот день я осознала величие солнца и красоту моих сестер. Несколько птиц кружились в воздухе, щеголяя перед нами свободой, которую они смаковали. Мне хотелось бегать под солнцем. Бегать и прыгать так, чтобы оживить в себе все воспоминания о моем детстве. Я скучала по тем дням, когда мы с Ахмадом и Али бежали всю дорогу от школы до дома, желая поскорее увидеть отца. Мне хотелось увековечить мгновения встречи с солнцем в памяти и сердце, записать переполнявшие меня мысли и ощущения. Ах, если бы у меня были клочок бумаги и ручка! Желание писать говорило во мне всегда. Я была похожа на птицу, которая, пока жива, неизменно стремится к полету, даже если ей обрубить крылья. У меня не было с собой моей булавки, которая теперь казалась сродни перьевой ручке с золотым наконечником. Я взяла в руки небольшой бетонный камень. Им невозможно было записать всё то, что было у меня в голове. Я должна была довольствоваться одним предложением, которое бы смогло вобрать в себя и отобразить все мои чувства, идеалы и стремления. Приняв на вооружение все свои способности и мастерство,

я написала на стене красивым почерком: «Ни Восток, ни Запад – Исламская республика»¹.

Фатима, Халима и Марьям окружили меня, чтобы надзиратель не увидел, что я делаю, и повторяли: «Быстрее, быстрее!»

– Сестра, поторопись, ты же не энциклопедию пишешь!

– Ты что, пальцем пишешь?

Наконец я смогла закончить надпись. Я прыгала и смеялась от счастья. Между тем я увидела пух одуванчиков, кружившийся неподалеку от нас, и подумала: «Значит, у нас будут гости! Не один гость, а целых несколько! Может, этот пух одуванчиков прилетел из Абадана?» Когда я была маленькой, я думала, что одуванчики есть только в нашем городе. Я снова подумала: «Одуванчики обычно прилетают из тех мест, где что-то случается. Что делают здесь эти?» Я осторожно поймала этот пух и старалась держать его очень аккуратно, чтобы не повредить, потому что знала, что если он рассыплется в моих руках, он больше не сможет донести мою весточку до Абадана. Мне показалось, что сам одуванчик тоже испугался. Я хотела отправить его к его попутчикам, но мне было жаль расставаться с ним. И тут я увидела другой, еще большего размера, кружившийся над моей головой. Медленно, с улыбкой на лице, я посадила его на руку, а другой ладонью прикрыла его и сказала: «Ты – единственный,

¹ Первый основополагающий лозунг имама Хомейни. В этом тезисе имам Хомейни уподобляет Иран кораническому образу оливкового дерева, дающего то масло, над которым поднимается Свет Аллаха (*прим. авт.*).

кто может полететь к маме и сказать ей, что со мной все в порядке. Ты сможешь долететь, разве нет? Я знаю, что путь очень долгий, но ты ведь знаешь его, раз добрался сюда. А вообще-то, откуда вы прилетели? Может быть, вы прилетели от моей матери?»

Одуванчики летели мимо, оставляя нас одних. Мне казалось, они что-то шепчут мне на ухо, но, увы, я не знала их языка. Я обратилась к одуванчику: «Я не знаю, где наш дом. Если путь очень долгий, садись верхом на ветер и отправляйся к нашему дому. Если честно, я потеряла свою семью, не знаю ничей адрес. У меня есть только адрес Ирана. Как только долетишь до Ирана, начни кружиться и танцевать, чтобы у всех в ушах зазвенело. Помню, бабушка говорила мне: “Если у тебя звенит в ушах, знай, что кто-то говорит о тебе”».

Фатима с улыбкой сказала: «Масуме-джан, вставай, побегаем еще немного по этой комнате, сейчас за нами придут охранники, и мы должны будем возвращаться». В этот момент появился наш Халаф и сказал: «Быстро надевайте очки и выходите!»

Как обычно, мы шли, разговаривая:

- Ну и сильно же давит эта резина на очках!
- Как здесь светло и просторно!
- Почему вы нас никогда не приводите сюда?
- Мы – четыре иранки, а вы кто?

Халаф с силой ударял кабелем по дверям камер, не позволяя, чтобы нас кто-то услышал. Мы находились в солнечной комнате не более часа, но так радовались времени, проведенному в ней, что совсем не заметили, что обратный путь стал длиннее.

Да, нас перевели в другую камеру. Черно-белые узоры на кафеле, надписи, оставленные другими пленниками, и даже мыши стали нашим достоянием, и нам было жаль с ними расставаться. Мы огляделись вокруг. В камере ничего не было, даже ни одного одеяла. Мы долго не могли успокоиться, но в конце концов смирились с тем, что нас снова разлучили с нашими братьями. Нам бросили старые, полные блох одеяла, две тарелки для еды и четыре стакана. Свидание с солнцем обошлось мне потерей моей драгоценной булавки – булавки, которая была предметом, связывавшим меня с последними минутами, проведенными с отцом.

Привычка – плохое свойство. Мы привыкли к нашей камере, к мышам, к противным голосам охранников. Как упорно мы старались одолеть привычку и убежать от обыденности! Мы не хотели, чтобы мы стали цвета тюремных стен; не хотели привыкать к грубым голосам надзирателей и к присутствию мышей. Мы знали, что капитулировать и привыкнуть – означает погрязнуть в истину.

После свидания с солнцем мы чувствовали себя такими уставшими и рассеянными, что уснули и спали до трех часов дня. Проснувшись, мы спросили друг у друга: «Девочки, вы тоже сегодня видели солнце? Ощутили его тепло?» Я подумала, что видела солнце, одуванчики, отправку послания матери и красивые, светящиеся под солнцем лица сестер во сне. Однако оказалось, что нет: мы были все вместе и видели это все наяву, и свидание с солнцем стало для нас отправной точкой пробуждения наших сердец, трепещущих в ожидании свободы.

Марьям нагнулась, Халима взобралась ей на спину и осмотрела окошко, через которое проник свет. Затем нагнулась Фатима, и я проделала то же самое, что Халима. Там ничего не было. На коричневых плитах стен мы увидели высеченные имена содержащихся здесь до нас пленных летчиков и офицеров. Вот эти имена: Мохаммад Кийани, Ибрахим Бабаджани, Абд-уль-Маджид Фануди, Хусейн Месри, Хабиб Калантари, Карамат Шафии, Нусрат Деххаркани, Акбар Фарахани, Хаджи Сефидпей, Ахмад Вазири, Хейдари, Хушанг Изхари, Али Басират, Йадолла Абус, Абульфазл Мехрасби, Джавад Пуйанфар, Хасан Локманинежад¹. Мы запомнили их имена и периодически повторяли их, чтобы не забыть. Обнаруживая имена новых братьев, мы начинали чувствовать себя увереннее и с чувством большей безопасности опускали головы на холодный пол камеры в попытке уснуть.

С тех пор мы каждый день часами разговаривали о том свидании с солнцем, о том светлом и теплом дне, о том, что написано было на стенах камеры, о здании и многих других деталях, которые можно было соединить вместе, подобно мозаике, и получить ясную картину. Мы теперь знали, что в этом месте содержатся люди разных социальных слоев и статусов. Мы знали, что часть из них – политзаключенные иракцы, а другую часть составляют

¹ Некоторые из братьев – летчики и военнослужащие сухопутных войск, такие как Мохаммад Кийани, Ибрахим Бабаджани, Абд-уль-Маджид Фануди, Хусейн Месри, Хабиб Калантари и Карамат Шафии, до окончания плена считались пропавшими без вести (*прим. авт.*).

иранские военнопленные. Некоторых ежедневно выводили на свидание с солнцем, а иных – раз в два года. Однажды после того, как мы совершили полуденный и послеполуденный намазы, мы вновь услышали голос министра нефти, который читал Коран и хвалил нас за то, что мы читаем молитвы. Нам показалось, что его голос стал ближе к нам. Азан – призыв к молитве, наоборот, до нас доходил более слабо и приглушенно, как будто из более отдаленной камеры. И это говорило о том, что мы все еще находимся в зоне военнопленных. По количеству остановок во время раздачи пищи и закрыванию окошек на дверях камер мы догадались, что по обе стороны от нас находятся одиночные камеры; что в одной из них, слева, находится иранец, а в той, что справа – иракец.

Поскольку мы опасались, что вновь столкнемся с адским холодом в новой камере, мы сплели подобие спортивной веревки из своих волос, которых становилось все меньше и меньше у нас на головах, и старались при помощи нее двигаться больше и вернуть к жизни наши ослабленные тела.

Как-то раз летом мы решили заговорить с жителем камеры слева, который был иранцем. Мы отправили ему через стену традиционный, характерный для лозунга «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар» ритм, с которым были знакомы все пленники. Вопреки нашим ожиданиям, в ответ заключенный на протяжении десяти минут исполнял на стене быструю мелодию, которая обычно играла в кофейнях. На все наши приветствия он отвечал другими ритмами. Наконец, после «музыкальных»

приветствий и большой радости, проявленных им, мы отправили ему зашифрованное слово «привет» и получили «привет». Затем мы отправили ему фразу, которую всегда писали на стенах и кричали: «Мы – четыре иранки, захваченные в плен в октябре 1980 года, наши имена: Фатима Нахиди, Халима Азмуде, Шамси Бахрами и Масуме Абад». Он тоже представился нам и сказал, где и когда был взят в плен. Мы обрадовались тому, что напряжение и враждебность нашей новой камеры отступили и мы нашли нового друга. Однако этот сосед отличался от прежних наших соседей – докторов и инженеров. На каждый наш посыл «Аллах – Акбар, Хомейни – рахбар» он отвечал каким-нибудь расхожим уличным мотивом. Однажды, услышав постукивание, мы метнулись к стене и после того, как сосед поприветствовал нас и справился о нашем самочувствии, он сказал непристойную вещь. После этого мы никогда больше не отвечали даже на его приветствие, а стену ту называли «больной». Мы впали в глубокое уныние от послания, которое нам отправил тот пленный, и сами себе запретили даже опираться о ту стену. Мы исключили всякое общение с той стеной, но надо отметить, что за все время нашего пребывания в плену это был единственный случай, когда иранец демонстрировал подобное поведение.

Жителей одиночных камер подвергали особо жесткому психологическому, моральному и физическому прессингу, однако приятная манера чтения Корана инженера Тондгуйана и азан в исполнении инженера Яхйави придавали спокойствие и

умиротворение каждому. Иногда баасовцы лишали некоторых пленных пищи, прокатывая тележку с едой мимо их камер, однако в ответ пленные громко кричали: «Жизнь моя да будет принесена в жертву Ирану! Да будет непоколебима моя родина!»

Большинство заключенных тюрьмы «Ар-Рашид» были взяты в плен в первые два месяца после начала войны, поэтому у них не было никаких новых известий о текущей ситуации на фронте. Иногда мы слышали звуки разрывов противовоздушных снарядов, и это было для нас как бальзам, пролитый на рану. Хотя мы знали, что это – звуки войны, они, вместе с тем, означали, что мы все еще живы, все еще стоим, обороняемся и воюем. Иногда удары кабеля, наносимые баасовцами по нашим телам, давали нам понять, что наши братья одержали победу на каких-либо фронтовых участках. Мы, все четыре, могли стерпеть любую боль и давление, только звуки поворота проклятых ключей в замочной скважине тюремных дверей были для нас невыносимы и так и не стали привычными. Каждый раз, слыша эти звуки, мы испытывали чувство убийственной тревоги и говорили себе, что это – тот самый момент, когда мы должны, согласно тайному уговору, заключенному нами ранее, задушить друг друга.

Довольно продолжительное время мое тело пронизывали ужасные боли. Неистовый кашель гнал из моих легких смесь гноя и крови. Во рту всегда присутствовало ощущение горечи и кровавый привкус. Этот туберкулезный кашель лишил

моих безропотных сестер сна и покоя. В минуты, когда мои легкие протестовали, моля о лишнем глотке воздуха, я судорожно начинала хвататься за холодные и безжизненные стены, двери и пол. Временами кашель становился таким сильным, что вся кровь, которая была в моем теле, прилиwała к лицу. Оно становилось то красного цвета, то черного, то желтого и молило о помощи. Воспаление легких настолько ослабило меня, что порой я не в силах была пошевелиться. От безысходности я стучала в дверь и просила доктора, хотя и знала, какие рецепты дадут их псевдоврачи. Мне стало невозможно дышать. При каждом вздохе у меня было ощущение, будто я тащу огромный груз на грудной клетке. От этого у меня болела даже поясница. При дыхании мой рот наполнялся сгустками крови, а если я не дышала, то изрыгала кровь. Дыхательные пути стали отечными и болезненными, и эта боль усиливалась при вдохе и выдохе, однако для того, чтобы остаться в живых, у меня не было другого выхода, кроме как дышать.

В конце концов после долгого и упорного стука в дверь я стала активным потребителем антибиотиков разных цветов и дозировок. При этом никакого улучшения моего состояния не прослеживалось. А рассчитывать на другой рецепт мне не приходилось. Однажды у меня случился такой сильный приступ, что сестры от страшного испуга и волнения стали отчаянно кричать и стучать в дверь, чтобы позвать врача. В тот день из надзирателей дежурил Старый Сержант. Открыв дверь и столкнувшись с негодованием сестер, он опять

захлопнул дверь и ушел. Чем более явственный синий цвет приобретало мое лицо, тем громче становились крики сестер, пока, наконец, он не открыл дверь снова и, как обычно, не вышвырнул нас из камеры, заставив надеть слепящие очки. Волнение, распиравшее меня, еще больше затрудняло мое дыхание. Я была так слаба, что не могла передвигаться. Я еле волокла ноги по земле. Кашель, похожий на ржание пьяной лошади, бился о стены тюремных коридоров и возвращался в мою грудь. В конце концов кашель так одолел меня, что я сорвала с глаз очки и присела на землю, однако мощные удары ног, врезавшиеся в мои незащищенные кости, заставили меня подняться снова. Я была рада тому, что со мной в тот момент не было матери; тому, что она не видит мои предсмертные мучения. Мерзкие крики, непонятные слова и пинки Старого Сержанта не давали мне остаться на земле. Впервые за все время я отчетливо видела коридор, разделявший две шеренги камер. Несмотря на то, что в моем распоряжении было всего несколько секунд, я смогла рассмотреть, что мы находимся в длинном коридоре, по обе стороны которого находятся двери одинакового вида и размера, которые расположены не друг против друга, а со сдвигом на один-два метра. С двух сторон коридора были открыты две двери. Два надзирателя с кабелем в руках стояли рядом с группой людей, которые, по моему предположению, были заключенными. Надзиратели отдавали им приказы. Я всего лишь на мгновение остановила свой взгляд на тех узниках. Седина в их волосах делала их сравнительно

молодые лица старыми и изможденными. Они подметали пол, не сводя глаз со своих веников, и казались полностью поглощенными этим занятием. Все это происходило в преддверии очередной зимы, накануне ночи Ялда, второй за время нашего здесь пребывания. Мы хотели знать, являются ли те люди военнопленными или иракскими политзаключенными. Проходя мимо них, я сквозь кашель обрывками произнесла измученным голосом: «Цыплят по осени считают». На что один из них, не отрывая взгляда от веника, чтобы солдат-иракец не понял, сказал смело: «Солнце не останется за тучей». Другой сообщил: «Мы – ваши соседи». Я подумала про себя: «О Создатель! Да это же доктора!»

Охранник немедленно сказал: «Надевай очки и быстро проходи!»

Очки больше закрывали мой лоб, чем глаза. Мы сели в лифт и вышли этажом ниже. Мы вошли в помещение, которое было похоже на медпункт. Я стояла на одном месте. Временами я запрокидывала голову назад, чтобы что-нибудь рассмотреть и понять, где я нахожусь. О том, что я все-таки еще жива, громко возвещал мой свирепый кашель. Смесь крови и гноя, которая из легких подступала к моей гортани, я с муками отправляла в желудок. Я слышала свистящее дыхание и хрипы других пациентов, оказавшихся здесь вместе со мной. Запрокинув голову как можно сильнее, я попыталась рассмотреть из-под очков помещение и людей, находившихся в нем, но смогла увидеть только ноги нескольких пленников, стоявших

на некотором расстоянии друг от друга в изношенной обуви и тонких тюремных пижамах. Каждые несколько секунд мой кашель нарушал молчание. Я по-прежнему старалась рассмотреть что-нибудь из-под проклятых очков и периодически отклоняла голову назад. Во время одной из таких попыток я получила сзади сильный удар по голове, от которого мой подбородок приклеился к груди. В ушах раздавался скрежет моих сомкнувшихся челюстей. Тут я вспомнила, что я – «иранская генеральша» и мусульманка, следовательно, должна вести себя соответственно своему званию. Кашляя, я сняла очки с глаз и увидела двух узников в тюремной одежде, стоявших поодаль. Они были примерно такого же возраста и вида, как и те, что подметали в коридоре. Их исхудалые костлявые тела, облаченные в полосатые пижамы, придавали еще более испуганное выражение их лицам. В другом углу комнаты стояла кушетка и маленький столик, на котором были разложены вата, марля, бетадин и несколько пустых склянок из-под лекарств. У этих узников на глазах были слепящие очки, я же стояла без очков и рассматривала их. Мы молчали. Иногда они слегка покашливали, как это делают люди перед тем, как начать говорить или с целью обратить на себя внимание, и каждый раз я отвечала им «душевным» кашлем. Я оценивала ситуацию и контролировала происходящее вокруг, выжидая момент, чтобы представиться им, но не успела это сделать, потому что в комнату вошел охранник, который отвел узников в другое место, а я осталась наедине со столом, на котором лежали медицинские принадлеж-

ности. Вата и бинт «подмигивали» мне, подстрекая к тому, чтобы взять и спрятать некоторое их количество в карманы. Все мое внимание было приковано к этому столу. Я напряглась в ожидании возможности осуществить задуманное и ни о чем другом, кроме этого, не думала. Мы с сестрами уже давно были лишены средств гигиены. Я подумала: чем может закончиться это воровство? Я не решалась. Я вынула руки из карманов и выпрямилась. Я непрерывно вертела головой в разные стороны, осматриваясь. Я убедилась, что в комнате в этот момент никого не было. Я стала спорить сама с собой:

– Нет, это не называется «украсть» – это называется «насильно взять крупицу того, что нам принадлежит по праву»!

– Что будет, если меня поймают во время совершения этого действия?

– Зато если мне удастся это сделать и я останусь незамеченной, мы станем обладателями нескольких рулонов ваты и бинта, с помощью которых сможем сделать многое.

Мысль о возможности иметь немного ваты и бинта заставила меня забыть о недуге. В конце концов я все же решила сыграть с огнем и ринулась к столу. Я набила один карман ватой и вернулась на прежнее место. Никого не было видно, и у меня оставалась возможность взять еще что-нибудь. Недолго думая, я схватила несколько рулонов бинта, засунула их в другой карман и отскочила от стола. И в этот момент я заметила зеркало, стоявшее передо мной, которое, вероятно, было установлено с целью следить за заключенными в минуты,

когда их оставляли одних в помещении. Однако в тот момент мое приобретение было для меня столь ценно, что я не могла думать о чем-либо другом. Я благодарила Всевышнего за то, что все прошло благополучно и никто не поймал меня за кражей.

Вошедший работник медпункта даже не показал меня врачу, просто вручил мне капсулу – одну из тех, что всегда давали мне, заставив проглотить без воды. Такие же капсулы я раньше пила на протяжении двух месяцев, и никакой пользы от них не было. С этим я отправилась обратно в камеру.

Мой кашель оповестил сестер и всех соседей о моем приближении. Прошло примерно два часа с того момента, как я покинула камеру, поэтому все были встревожены. Войдя в камеру, я почувствовала себя слепой мышью. Внутри было так темно, что потребовалось несколько минут, чтобы зрение адаптировалось к мраку и мы нашли глазами друг друга. Увидев меня, сестры окружили меня и атаковали вопросами:

- Больница находится за пределами нашего здания? Она далеко отсюда?
- Тебе сделали флюорографию?
- Какой диагноз поставил врач?
- Какие лекарства тебе дали?
- Ты кого-нибудь еще видела?

Когда они узнали, что все мое лечение свелось к одной капсуле, которую мне дали несколькими этажами ниже без осмотра и рецепта врача, им стало смешно, но еще больше они стали смеяться, когда я вывернула карманы и показала их содержимое.

Сестры вытаращили глаза от удивления. Мы не знали, как и для какой цели использовать мою добычу. Каждая из нас вносила свое предложение:

– Давайте соорудим из одного бинта и выпавших у нас волос скакалку.

– Лучше всего использовать их в санитарно-гигиенических целях.

– Если бы была булавка, мы бы использовали их для ремонта нашей одежды.

– Это пригодится нам в тот день, когда мы должны будем задушить друг друга.

В тот вечер все-таки пришел один из псевдодокторов и дал мне, помимо обычной капсулы, две другие капсулы и спрей, сказав: «Побрызгай пару раз!» Затем он быстро забрал его из моих рук. Я болела острой формой бронхита. Одышка, ощущение недостатка воздуха, сухой изнуряющий кашель не отставали от меня и совершенно выбивали из колеи. Иногда во время очередного приступа кашля я от безысходности начинала бить по стенам и двери в надежде на то, что хотя бы один глоток свежего воздуха проникнет внутрь через щели или окошко. Однако ответом мои на удары было молчание угрюмого узника из соседней камеры справа, который лишний раз не хотел даже постучать по стене. Он как будто и сам превратился в стену. Вероятно, он был одним из тех заключенных, которые находились в заточении уже очень давно; он привык к тюремным правилам и смирился. Когда меня вывели из камеры без очков, чтобы отвести в лечебницу, я увидела профиль нашего соседа-иракца, который оказался мужчиной

средних лет. Он сложил ладони вместе и вытянул вперед, чтобы их связали, и наклонил голову, чтобы ему надели на глаза спецочки. Я подумала: если ты надел тюремную форму, если ты сам протягиваешь руки, чтобы тебе их связали, значит, ты принимаешь тюрьму и капитуляцию; следовательно, эти тюремные стены навсегда станут частью твоей жизни, и ты не пропустишь больше внутрь ни одно событие из-за пределов этих камер. Ты больше не имеешь отношения к тому, что происходит снаружи, и наоборот. И тогда удары по стене из соседней камеры раздражают тебя; ты становишься молчаливым и безгласным, как сама стена, и такие понятия, как «завтра» и «свобода», становятся для тебя бессмысленными. Такой образ жизни не соответствовал нашим взглядам и понятиям. Мы не хотели быть похожими на этого соседа. Находясь в неволе, мы были свободными, мы были детьми высоких убеждений. Мы пришли в мир, чтобы совершить революцию, бороться и оказаться в плену ради обретения свободы. Нашей участью не являлись тюремные застенки. Мы продолжали утверждать, что «завтра мы будем свободными». Даже когда я с трудом могла сделать вдох, я надеялась на завтра.

По утрам, когда мы еще не открыли глаза, Марьям спрашивала меня: «Сестра, разве ты не поклялась душой отца, что завтра мы освободимся из плена, так почему же мы не свободны?»

И тогда я, кладя голову ей на плечо, отвечала: «Я же сказала, что мы освободимся завтра. Сейчас ведь – сегодня, а не завтра!»

Любой звук, любой взгляд, любое слово могли поселить в сердцах надежду. Более того, мы были убеждены, что неверие и отсутствие надежды – это непростительный грех. Мы знали, что если у человека есть Бог, у него есть и надежда. Мы считали мгновения в надежде на наступление «завтра» и пытались радоваться этому «завтра». Иногда наш злой молчаливый сосед, недовольный бурным проявлением наших эмоций, с силой бил ногой в стену, от чего мы в испуге отскакивали назад и ударялись о противоположную стену – стену «больного» соседа, с которым мы не разговаривали.

И снова на нас набросилась зима со всей своей суровостью и беспощадностью. Наши обессиленные тела не могли терпеть лютые холода, пронизывающий до костей ветер, который дул из того самого адского окошка на двери. Меня с новой силой начали мучить одышка и кашель. Как-то сестры, увидев, что я почти задохнулась, начали непрерывно стучать по стенам и двери. Через какое-то время в камеру вошел доктор и, посмотрев на меня, приказал немедленно отправить меня в лечебницу. Если в прошлый раз, придя туда, я стояла в углу, то на этот раз я села около стола, на котором были разложены вата и бинты. Слабость совсем одолела меня. Нервы были на пределе. Мне хотелось вскочить, разбить стекла в окнах, закричать, выругаться и сделать в эти последние минуты моей жизни все, что только смогу. Однако охранник, стоявший рядом, постоянно угрожал мне и предупреждал, чтобы я не двигалась и сидела на месте.

Пришел новый доктор, которого я раньше не видела. Он дал мне тот же самый спрей от астмы, я брызнула в горло три раза, и он ушел. Я осмотрелась по сторонам в надежде найти и забрать что-нибудь полезное и ценное. На этот раз я бы действовала более уверенно и смело, чем в предыдущий. Но, как я ни старалась найти что-нибудь, что пригодилось бы, ничего подобного не замечала. Вдруг мои глаза наткнулись на лежащий на полу кусок мятой газеты, в которую, вероятно, раньше было что-то завернуто и которая по превратности судьбы попала в тюрьму. Неведение и отсутствие представления о том, что происходит за стенами тюрьмы, заставили меня вожделеть клочка ненужной, брошенной на пол газеты. И я начала операцию по краже. Я несколько раз посмотрела по сторонам и приготовила руки. В зеркале напротив я не увидела ничего, кроме собственного отражения. Не обращая внимание на ускоренный стук своего сердца, я приблизилась к газете, чтобы в мгновение ока поднять и засунуть ее в карман. Меня радовало и одновременно огорчало мастерство, которое я выполняла. Снова меня стали терзать сомнения, совершать задуманное или нет. Я сказала себе: «Масуме, ты вынуждена это сделать, это же – просто кусок мусора». Но отец всегда говорил: «Вор яиц впоследствии становится вором верблюдов».

Борясь со своими тревогами, волнениями и опасениями за последствия, я все же весьма ловко прикарманила этот клочок газеты и вернулась с ним в камеру. По лицам сестер было видно, что они в ожидании свежих новостей. Сестры знали,

что от баасовцев не приходится ждать чего-либо хорошего, и излечение может даровать только Все-вышний. Я медленно вытащила газету из кармана, и мы стали ее изучать. Написанное в этой газете для нас было равносильно рисунку. Сколько слов, сколько новостей! Поначалу, как мы ни всматривались в слова, чтобы разобрать и понять хоть что-то, наши усилия были безуспешны. Из всех нас только Халима немного владела арабским. Мы с надеждой смотрели на нее и ждали, что она скажет. Общими усилиями мы разобрали слова на имена существительные, глаголы, определили корни многих слов и, таким образом, кое-что поняли из того, что содержалось на этом маленьком клочке газеты, но не были уверены в правильности и достоверности информации. Надежды на то, что перевести арабские слова нам поможет наш арабоязычный сосед, который лишь изредка бил по стене ногой, не было.

После долгих споров и раздумий, длившихся несколько дней, мы решили обратиться за помощью к Кейсу. Но как? Мы не знали, можно ли ему доверять до конца, действительно ли он такой, каким представляется. Каждая из нас высказала свое мнение:

– Он не доказал свою доброжелательность. Он обещал дать нам лезвие, но не дал. Мы согласились на ножницы, но он и их не дал. Он не дал нам даже щипчики для ногтей!

– Когда мы попросили у него зубную щетку, и он спустя месяц наконец-то понял, что такое зубная щетка, он принес нам свою старую грязную щетку, которую откопал где-то в мусорном ведре, чтобы мы коллективно пользовались ею.

– При всем этом он вежлив, и мы никогда не были свидетелями непристойного поведения с его стороны.

Я, у которой в последнее время постоянно крутились в голове мысли о воровстве и о том, что это – грех, сказала: «Мы же в конце концов не хотим совершить вооруженное ограбление! Мы лишь хотим спросить у него значение нескольких арабских слов».

В газетных текстах были упомянуты два имени: генерал-майор Хаттаб и бригадный генерал Абдуррахман Давуд, которых мы совсем не знали. Слова «революция», «казнь» и «переворот» повторялись часто. Если бы мы знали этих двух человек и группировку под названием «Наеф», это помогло бы нам понять смысл новостей. В таком случае мы получили бы доступ к важной информации. В тот день, когда раздачу пищи осуществлял Кейс, Халима спросила у него: «Кейс, ты знаешь, кто такие эти люди?» Глаза Кейса расширились от удивления, он ответил отрицательно и громко хлопнул дверью. Спустя два часа он сам открыл дверцу и спросил:

- Кто эти люди, о которых вы спрашиваете?
- Мы сами не знаем.
- Где вы слышали их имена?
- Они связаны с Ираком.

Давая нам понять, что за ним следят и он не может ответить, он закрыл дверь. Однако через три дня, когда снова настала его смена, он сказал: «Один из этих людей бежал из Ирака, а другой погиб». А группировку «Наеф» он назвал революционной. Всю эту информацию он выдал нам в течение одной минуты, после чего закрыл дверь.

Кейс, однако, очень интересовался тем, откуда у нас имена этих людей и для чего нам нужна информация о них. Мы аккуратно спрятали отрывок газеты над дверным окошком, поскольку предполагали, что камеру будут обыскивать. Мы периодически повторяли то, что было написано в газете, чтобы в случае изъятия ее у нас знать наизусть ее содержание. Весь смысл газетной новости сводился к следующему/

Группа военных устроила беспорядки на улицах Багдада. Они выдвинулись к президентскому дворцу и зданию гостелерадио. Для наведения порядка в городе были задействованы более ста полицейских нарядов. Генерал-майору Хаттабу и бригадно-му генералу Абдуррахману Давуду было поручено охранять министерство социальных дел. Саддам намеревался привести группировку «Наеф» к присяге на Коране, но те отказались. Тем не менее, большая часть народа поддержала мятежников.

Кейс изменился, он больше не был тем обходительным юношей-шиитом из Наджафа. Иногда он угрожал нам, заставляя сказать, откуда мы взяли информацию. Единственным, кого заподозрили в предоставлении нам этой информации, был сосед-иракец. Поэтому его быстро перевели в другую камеру. Кейс говорил: «Я больше беспокоюсь за вас самих». Он заклинал нас Богом и имамом Али (да будет мир с ним!), чтобы мы сказали ему правду. Исходя из газетной статьи, мы пришли к выводу, что в Ираке произошла революция или переворот, о котором мы ничего не знаем. Поэтому мы снова прильнули ушами к той стене, которая выходила

на улицу, и не отходили от нее. Звуки завывания ветра и шелест листвы слились в непонятные и глухие лозунги, которые как бы вселяли в нас надежду в иракский переворот и иракскую революцию. После долгих тревог и обсуждений мы решили вместо того, чтобы умствовать и строить предположения и прогнозы, отдать Кейсу этот клочок газеты, чтобы избавиться от волнений по поводу того, чем вся эта история закончится.

Через пару дней утром, когда Кейс раздавал еду, мы сказали ему: «Мы нашли этот клочок газеты в этом окошке и хотели знать, что в ней написано». Он выхватил газету из наших рук, когда протянул нам тарелку с едой. Придя через несколько дней, он сказал: «Вы правильно поняли информацию о событиях, которые описываются в газете, но всё это произошло двадцать лет назад».

Услышанное вызвало у нас как смех, так и слезы. Смех – потому что мы столько воображали об иракской революции и столько надежд возлагали на нее! Мы думали, что произошла революция и вскоре двери тюрем будут открыты, а заключенные – освобождены. В своих мечтах мы видели, как совершаем паломничество к гробнице имама Хусейна, вдыхаем запах Кербелы, устремляемся к мавзолею его светлости Абольфазла Аббаса, и тысячи других желаний лелеяли в сердцах...

Все они в одночасье развеялись, подобно сну. Все должно было остаться, как прежде. Ледяной чулан, безмолвные стены, ужасные звуки поворота ключа в замочной скважине железной двери, душераздирающие вопли наказываемых пленников

и удары сапог надзирателей, врезающиеся в исхудалые тела детей-узников, которых разлучили с родителями.

Прошло несколько дней. В камеру, где жил наш бывший арабоязычный сосед-иракец, заселили нового заключенного. По временному промежутку в минуты раздачи еды мы поняли, что он в камере один. Как ни кричал он: «Врача! Врача!» – надзиратель не обращал на него никакого внимания. Мы поняли, что узник – раненый военнопленный иранец. Мы начали стучать по стене. Сразу же после первых стуков, в которых содержалось приветствие, он ответил: «Привет». Было ясно, что он в совершенстве владеет этим приемом, и не было необходимости что-либо ему объяснять. Он немедленно спросил: «Кто вы?» Мы, проявив осторожность, в свою очередь спросили: «А вы кто?».

– Я пилот Мохаммад-Реза Лабиби, летал на самолете «Фантом».

– Когда вас взяли в плен?

– Несколько дней назад. Вы кто? – снова спросил он.

– Мы – иранки, нас четверо.

Раздались звуки сильных ударов по стене, по силе они были даже мощнее тех ударов кулаками и ногами, которые совершал наш бывший сосед-иракец. Мы быстро отскочили от стены, подумав, что надзиратель услышал наше перестукивание и открыл дверь. Но, убедившись, что это не так, мы снова подошли к стене и спросили нового соседа:

– Что это были за звуки?

- Звуки удара о стену моей собственной головы.
- Не волнуйтесь, мы в безопасности – Всевышний присматривает за нами.
- Тот факт, что вы в плену, говорит о том, что наш враг низок и бесчестен.
- Война продолжается?
- Когда вас взяли в плен?
- В октябре 1980 года.
- Война продолжается. Я был взят в плен во время военно-воздушной операции.
- В чем состояла цель операции?
- Бомбардировка нефтеперерабатывающего завода Ханкин, которая успешно была осуществлена. Лозунг всего иранского народа: «Война, война до победы!».
- Как Имам? Были ли эффективны действия Банисадра?

Мохаммад-Реза Лабиби передал нам последние политические, военные и социальные новости о войне, начиная от бегства Банисадра, взрыва в штаб-квартире Республиканской партии и мученической смерти доктора Бехешти и с ним – еще семидесяти двух человек и заканчивая падением Хоррамшахра, блокадой Абадана и так далее. Мы так мучились неведением и изоляцией, что с жадностью непрерывно стучали по стене и слушали ответный стук. В самый разгар получения информации окошко на двери, которое всегда открывалось в сопровождении рева, криков и ударов кабеля по двери, открылось тихо и бесшумно как раз в тот момент, когда мы вчетвером прильнули ушами к стене. Я отпрянула в сторону так быстро, что на

мгновение мне показалось, будто я забыла свое ухо на стене. Охранник спросил:

– Чем вы заняты?!

– Мы делаем гимнастику.

– Вы делаете гимнастику, и в соседней камере тоже делают гимнастику?!!!

Вероятно, он некоторое время стоял у двери нашей камеры, подслушивая, и понял, что мы ведем разговор посредством перестукивания. Каждый раз, когда мы хотели начать стучать, появлялся охранник. Вскоре мы услышали, как дверь камеры летчика Мохаммада-Резы Лабиби открылась, и его перевели в другую камеру. Мы удивлялись провидению. За несколько часов мы узнали главные новости войны! Несмотря на то, что это были тяжелые и удручающие новости, все же они давали нам понять, что мы живы; что мы находимся в состоянии сопротивления и обороны и мужественно воюем. Это недолгое появление по соседству с нами летчика Мохаммада-Резы Лабиби¹ в корне изменило

¹ Мохаммад-Реза Лабиби уже после освобождения, рассказывал: «Когда мы вместе с летчиком Кухпайе осуществили операцию по бомбардировке нефтеперерабатывающего завода Ханкин, в самолет попал зенитный снаряд, и мы вынуждены были катапультироваться. Когда мы приземлились, нас окружили иностранные журналисты и сотрудники министерства обороны Ирака. Журналисты наперебой снимали и готовили репортажи, которые были отправлены в разные страны. Несмотря на это, нас привели для допроса в Аль-Истихбарат – службу разведки Ирака, после чего нас спрятали. Но поскольку наши фотографии и новости о нас распространились по всему миру, иракцы не могли долго прятать нас. После того, как меня из соседней с сестрами камеры перевели в другое место, меня представили Красному Кресту. Во время первой моей встречи с пред-

наше положение. Пребывание на чужбине было столь тяжелым, что мы больше не могли выносить тяжести бед и лишений, связанных с ним. Вести, полученные от летчика Лабиби, подобно соли, легли на давние нагноившиеся раны наших сердец. Означало ли это, что нам больше не увидеть рай?! Неужели и вправду Хоррамшахр осажден, а Абадан в тисках блокады держит оборону из последних сил? Мой бедный Абадан! Я вспомнила те минуты,

ставителями Красного Креста я известил их о положении сестер. После этого на встречу со мной пришла комиссия от Международного Красного Креста во главе со швейцарцем по фамилии Химан, которого мы называли Хьюмен. Во время встречи Хьюмен сказал мне: “Мы должны были приехать на встречу с вами сразу после того, как вы попали в плен, и передать в Иран и вашей семье весть о том, что вы живы. Мы приносим свои извинения”. Я сказал ему: “Вы извинитесь перед четырьмя иранскими девушками, которые около года томятся в темных и тесных иракских застенках; девушками, которых иракцы прячут у себя”. Господин Хьюмен сказал: “Вам повезло, что иностранные корреспонденты опубликовали ваши фотографии и новости о вас, в противном случае мы бы не могли доказать то, что вы живы и находитесь в плену”. Я ответил ему: “Но я знаю их имена и номер их камеры. Я прошу вас предоставить мне бумагу, чтобы я написал имена этих девушек и отправил в Иран. Я прошу вас доставить это письмо в Иран, минуя Цензурный комитет Ирака”. На что он ответил: “Некто по имени Карим Абад в Иране постоянно пишет жалобы в Красный Крест и международные правозащитные организации, заявляя, что у него есть доказательства того, что его сестра находится в плену в Ираке. Однако иракцы опровергают это. Вы можете написать письмо ему, а я передам его через швейцарскую контору прямо в Красный Полумесяц Ирана”». Это была первая весть обо мне, дошедшая в Иран и до моей семьи – через летчика Мохаммада-Резу Лабиби. Он стал для нас тем самым одуванчиком, приносящим вести (прим. авт.).

когда дыхание давалось мне с болью и кровью. Так же дышал и мой город. Эти подонки в первые же дни войны вспахали его артобстрелами и бомбардировками. Уцелело ли от Абадана что-нибудь? Как горел мой израненный город, и как он оказывал сопротивление? Наверняка от нашего дома не осталось ничего, кроме груды земли. Эта грудa земли когда-то была нашим домом, который теперь стал одним лишь воспоминанием. Интересно, где теперь моя семья? Где мой отец? Моя мать, которая вечно была занята приготовлением обеда на завтра? Где моя сестра Фатима, которая только недавно стала матерью и которая всегда была озабочена воспитанием и будущим своих детей. Мои братья! Что стало с ними? А сестра Дашти, которая заботилась о фронтовом провианте? Господин Дашти и Шариати¹, которые воевали и боялись того, что,

¹ Али-Асгар Салех Шариати, сын Мирзы-Хусейна, родился в 1960 г. в Мешхеде. Воспитывался в очень набожной и религиозной семье. Его отец некоторое время являлся председателем пятничного намаза города Мешхед. Али-Асгар Салех Шариати был очень умным, способным и в то же время – набожным и верующим юношей. Следуя примеру своих родителей, он стал приверженцем Исламской революции. Получив среднее образование, он поступил в Институт нефтяной промышленности и учился по специальности «нефтяной инжиниринг». В студенческие годы являлся активным членом Исламского общества института и осуществлял революционную деятельность вместе с такими личностями, как Рокнаддин Джавади, Мохаммад Бахши, Фаривар Батманкелич. После победы Исламской революции он стал заместителем губернатора Абадана. Поскольку он нес воинскую службу на военной базе «Деж», он являлся одновременно и представителем губернатора (Батманкелича) в штабе армии. Согласно иерархии, он считался также представителем премьер-министра. В самом начале

не дай Бог, кто-нибудь из своих же окажется предателем, и говорили: «Тот, кто не затемнит стекла на своей машине или не замажет фары грязью с целью конспирации, предал ислам и свою страну», – и постоянно кричали: «Если вы окажете помощь врагу-баасовцу пусть даже светом одной зажженной сигареты, вы – предатель! Идите и ищите предателей!». Как смогли предатели обречь на мученическую смерть главу судебной власти и вместе с ним еще семьдесят два человека?!¹

Никто не был согласен оставить город на произвол судьбы, чтобы чужеземцы беспрепятственно вошли в Абадан. Когда новость о вторжении Ирака дошла до Хоррамшахра, ополченцы Абадана и активисты мечети ринулись в сторону Хоррамшахра. Ополчение Хоррамшахра было недостаточно оснащено. Абаданские ополченцы располагали одной полевой батареей пушкой 106 мм и отправили ее в Хоррамшахр. Первым погибшим в Хоррамшахре стал один из активистов мечети по имени Казем Шариати. Иракцы проехали по телам ребят их Хоррамшахра и Абадана, сравнивали с землей

навязанной войны именно Салех Шариати собрал вокруг себя солдат и офицеров, которые вместе противостояли врагу. С небольшой группой солдат он проник в лагерь неприятеля и больше оттуда не вернулся. О дальнейшей судьбе этого смелого офицера ничего не известно. Его семья до сих пор надеется получить какие-нибудь известия о нем (прим. авт.).

¹ Председатель судебной системы Ирана аятолла Бехешти погиб вместе с 72 соратниками в результате теракта, устроенного сотрудничавшими с Ираком боевиками МОИН 28 июня 1981 г. в штаб-квартире Исламской республиканской партии в Тегеране (прим. перев.).

мечеть имени Обетованного Махди, которая являлась первым штабом оперативной помощи фронту Хоррамшахра. Сколько ребят бесследно пропало в первые же дни войны! Сколько мы искали Али Неджати¹, Али Ислами-Насаба² и Абдур-Резу Искандери³, но так и не смогли их найти.

Наша темная и тесная камера превратилась в пристанище скорби. Значит, гуманные жесты и подаяния врага были небезосновательны. Дополнительные яйца на обед, прогулка – свидание с солнцем, помощь психолога – специалиста по стрессам и т. д. – все это имело под собой определенную подоплеку. Все это было проявлениями радости и ликования врага от его побед. Лучше бы нас заморили голодом насмерть! Лучше бы меня не отправляли в госпиталь для лечения! Лучше бы мы навсегда остались в камере и никогда больше не почувствовали свежий воздух, задохнувшись здесь! О, если бы в этом великом горе кто-нибудь проявил к нам сочувствие! Если бы кто-нибудь считал себя причастным к нашему бедствию и скорбел вместе с нами! Если бы мы могли разделить с кем-нибудь свое злосчастье, чтобы нам стало немного легче!

Несмотря на всю тяжесть нашего горя и печали, мы не хотели, чтобы баасовцы видели нашу скорбь.

¹ Али Неджати вместе со своей сестрой Фатимой Неджати занимался оформлением выставок Исламского общества при школе Месдак. Он до сих пор считается пропавшим без вести (*прим. авт.*).

² Али Ислами-Насаб до сих пор считается пропавшим без вести (*прим. авт.*).

³ Абдур-Реза Искандари был освобожден после десяти лет плена (*прим. авт.*).

Мы круглосуточно совершали намаз и читали Коран за упокоевание душ Мохаммада Бехешти и семи-десяти двух его соратников. С обеих сторон камеры было тихо и спокойно, ниоткуда не доносилось ни единого звука. Сколько мы ни стучали по стене «привет», в ответ была абсолютная тишина. Обе соседние камеры были пусты.

Осень прошла. С приходом второй зимы за стеной, выходявшей на улицу, с новой силой завывали необузданные ветра, похожие на крики протестующих. Однажды ночью началась суматоха. Баасовцы привели большое количество пленников. Мы слышали плач детей, которых насильно разлучали с их матерями. Голоса и крики были такими громкими, что их слышно было даже через двери с шумоизоляцией. Как ни старались мы рассмотреть происходящее через крошечное отверстие под дверью, мы ничего не увидели, кроме темноты. Как раз в этот момент дверь внезапно открылась, и нас из камеры номер 34 отвели в другую. Наши глаза были завязаны, поэтому мы не знали, в какую камеру нас привели. Единственное, что было нам знакомо в ней, – это надписи и рисунки, оставленные прежними жильцами на стенах, темные и светлые пятна на них. Каждый раз, когда нас переводили в новую камеру, мы досконально изучали эти надписи. И вот нам повезло! Какая удача! Как же мы обрадовались! Не знаю, кто из нас быстрее обнаружил этот факт – Фатима, я, Халима или Марьям. Мы все разом воскликнули: «Девочки, это ведь та самая камера номер 13, в которой мы были изначально! Рядом с докторами и инженерами!»

– Смотрите, одна из надписей на стене – имена четырех иранских девушек: наши собственные имена, которые мы сами написали!

– Это та самая камера с мышами!

Я сказала: «Это та самая камера, в которой я спрятала свою булавку – последнее звено, связывающее меня с моим отцом, с Ираном».

Эта наша радость свидетельствовала о том, что мы привыкали к камерам и стенам, именуемым тюрьмой, и считали камеру номер 13 своей собственной. Какое странное чувство! Что за удивительное существо – человек! Как быстро он привязывается к окружающему его! Даже к пятнам на стене и мышам можно привыкнуть! Мы увидели на полу наши одеяла, края которых были зашиты нашими собственными руками. Затем мы обнаружили стаканы и миски, принадлежавшие нам. Я вспомнила дни учебы; дни, когда я лежала в могиле, чтобы избавиться от всех привязанностей, которые были у меня в голове. Интересно, какую отметку получила бы я теперь, когда оказалась на практическом уроке расставания с бранным миром? Теперь мы на самом деле оказались отрезанными от всего мира. Однако мы не роптали и хранили в сердцах надежду.

Сразу же после первичного обследования камеры мы захотели узнать, кто наши соседи, надеясь, что ими окажутся те самые прежние заключенные. Мы начали стучать по стене: 15, 27, 1, 28 – то есть «салам» («привет»). Ответ не заставил себя ждать. Они тут же отстучались: «Привет, сестры! Добро пожаловать!» И далее они продолжили:

«Женщина одной рукой качает колыбель, другой – весь мир». Эта фраза была знакома. Да, конечно, это были наши прежние соседи – доктора! А в камере с другой стороны жили инженеры. Перевели только нас.

Через несколько дней мы решили незаметно сообщить соседям неприятные новости, дошедшие до нас. Сочувствие в тех суровых условиях могло немного смягчить тяжесть переносимых горестей и бед. Сначала мы завели разговор с инженерами. Мы осторожно передали им информацию, а они в свою очередь поделились с нами другими печальными вестями. Кроме падения Хоррамшахра, блокады Абадана и гибели аятоллы Бехешти с его соратниками, они знали также о взрыве здания канцелярии премьер-министра, где в тот момент проходило заседание Совета национальной безопасности, о мученической смерти президента Раджаи и премьер-министра Бахонара и рассказали нам об этом. Каждая последующая новость делала стены толще, а камеры – теснее. Психологическое давление, которое мы испытывали от осознания жестоких новостей, выбило нас из колеи. Мы страдали от того, что не могли находиться в Иране. Мне хотелось быть рядом с моим народом в те тягостные и сокрушительные дни. После этого каждый раз, когда надзиратели начинали смеяться во все горло, а по утрам давали нам вареные яйца и полные стаканы чая, мы боялись, что это может быть знамение очередных побед баасовцев. Мы томились в неволе, томились в тревогах и ожидании новых вестей.

Мы думали, что братья наверняка знают намного больше, но не говорят нам, щадя наши чувства и психологическое состояние. Мы стали похожи на птиц в клетках, которые, пытаясь вырваться на волю, непрерывно бьются о стены, получая вместо свободы окровавленные крылья.

Утром пятничного дня в память о днях, когда несколько месяцев назад в этой же камере я читала вслух Коран, молясь за души мучеников, я прочла аяты из Священного Писания. Мы чувствовали подавленность от полученных новостей и хотели отомстить баасовцам за кровь каждого иранского мученика. Надзиратель все кричал: «Эй, Соловей! Замолчи!» Но я не обращала на него внимания. Мы не находили себе места. Непрекращающееся ползание по камере мышей, которые чувствовали себя здесь хозяевами в большей степени, чем мы, а также увеличенные порции вареных яиц в тот день еще сильнее разожгли нашу злость и раздражение. Приближалась декада Фаджр¹ и годовщина победы Исламской революции. В память об этих событиях, о мучениках революции и войны после чтения Корана мы дружно спели все революционные песни, которые знали наизусть. Никто не мог остановить нас. Мы не обращали внимание на удары по стене, призывавшие нас, вероятно, к спокойствию. Казалось, что этими криками и пением мы высвобождали накипевшие за долгие месяцы чувства и боль. Наши утомленные души страстно желали слова Имама, сердца изнывали от разлуки

¹ Декада Фаджр проводится в Иране в первой декаде февраля в честь победы Исламской революции (*прим. ред.*).

с Ираном. Находясь на протяжении нескончаемых месяцев в заточении и претерпев моральные унижения и телесные страдания, мы искали возможность выкричатся. Наши голоса звучали громче любых других голосов и звуков в коридоре. Никакой предварительной договоренности между нами не было. После прочтения вслух Корана глотки всех нас как будто разом открылись, и из груди начали рваться крики истерзанных сердец. Мы не могли предвидеть реакцию баасовцев и продолжали петь: «Хомейни, о Имам! Хомейни, о Имам! О боец за родину! О символ чести!..»

Внезапно открылась дверь. Мы пели так громко, что не услышали жутких звуков поворота ключа в замочной скважине. И тут мы увидели стоящих над нами трех надзирателей, одним из которых был Кейс, другими – Адлан и Ален-Чолен. Они вошли в камеру, держа в руках кабели, из которых торчали электрические провода, и начали бить нас ими что было силы. Избиение сопровождалось матерной руганью и сквернословием. Всех нас загнали в разные углы, где на каждую обрушили лавину ударов плетью. Халима и Марьям пытались убежать от ударов, забившись в угол возле туалета, подобно обессилевшему боксеру, упавшему на канаты ринга, а мы с Фатимой спрятались в противоположный угол. Палачи иногда менялись местами, было ощущение, что они вымещают на нас многолетнее зло, скопившееся в их сердцах. От града сильных ударов на наших телах выступила кровь. Большинство ударов, нанесенных мне, были сделаны руками Алена-Чолена. Неистовство и агрессия,

которые он проявлял, обличали его лицемерную натуру. Я обхватила голову руками, чтобы хоть как-то защитить лицо и голову. Но в какой-то момент я схватилась за кабель, резко вырвала его из рук Алена-Чолена и что было сил начала бить его по ногам и туловищу! Я поразились силам, которые вдруг проснулись во мне. Он был последним, кто покинул камеру. Когда тюремщики закрыли дверь и наши крики стихли, из-за стен до нас донеслись голоса братьев. Мы слышали голос министра нефти, который произносил лозунг «Аллах велик! Нет Бога, кроме Аллаха!» и говорил: «Помощь от Аллаха и близкая победа», «Каждый, кто слышит меня, пусть ответит!» И другие в ответ кричали: «Обрадуйте правоверных обещанием».

В нашей камере стало тихо. Мы валялись в разных углах, сжавшись в комок, с вырванными ногтями, разбитыми головами и черными от синяков телами. Тяжелый ком подступил к моему горлу. Хотя я знала, что должна сопротивляться так, как подобает дочерям Хомейни, я все же позволила себе заплакать, ибо иногда даже мужчины утешаются слезами. Ком в горле прорвался, и я расплакалась. Халима и Марьям вышли из душа и туалета и подошли ко мне. Кабель все еще был в моих руках. Фатима сказала: «Как я обрадовалась, увидев, что у тебя в руке кабель, и ты бьешь Чолена! Каким образом кабель очутился в твоей руке?» Я объяснила, что инстинктивно прикрывала голову руками и во время очередного удара резко схватила конец кабеля, вырвала его и начала бить им своего мучителя, после чего он убежал.

Фатима сказала: «Если кабель останется в нашей камере, они могут представить происшествие в ином свете, заявив, что мы избили их солдат, и это плохо кончится для нас». Она тут же встала и постучала в окошко на двери, чтобы без слов выбросить кабель наружу. Окошко открыл Кейс с полными слез глазами. Фатима быстро выбросила кабель, но Кейс сказал: «Простите меня! Я – шиит, и если я вас бью, это значит, что я бью свою религию. Я только исполняю приказы. Я достоин смерти. Меня надо повесить, разорвать на части!» Это был последний раз, когда мы видели Кейса. Слезы ручьем текли из моих глаз. Фатима спросила: «Тебе больно, да? Ты ведь и сама побила обидчика, почему ты плачешь?» – «Нет, – ответила я – я плачу не потому, что мне больно. Я плачу потому, что с того дня, как нас взяли в плен, я наблюдала уродливые и сатанинские проявления моей сущности: гнев, агрессию, ругательства, а сегодня – и рукоприкладство. Мы можем любить только друг друга, проявлять по отношению друг к другу доброту и смеяться тайно, вдали от их глаз. Я ненавижу всю эту злость, ненависть и вражду! Однако я была его ради защиты нас самих и довольства Всевышнего. Они же били нас, чтобы убить, и тоже делали это ради довольства Всевышнего, они сами довольны своими действиями». Хотя удивляться этому не приходилось, ибо все стоны и вопли, которые я слышала всё это время, говорили об одном господствовавшем в том месте законе: о том, что пленник – единственный человек, чья смерть не требует причин и объяснений, и никто не должен даже извиняться за его

убийство. Разве мы, люди, не созданы по одному образу? И разве наш подлинный образ – не образ человека и гуманности? Так почему же между нами существуют такие колоссальные различия?!

У меня было ощущение, что после того, как мне нанесли побои и я сама побила человека, мое человеческое достоинство оказалось помятым. Как может один человек избить другого, разорвать его на части и предать смерти? Откуда берется это дикое свойство? Почему война может иметь до такой степени омерзительное и свирепое лицо?

Каждая из нас собственной кровью написала на бежевого цвета двери камеры лозунги «Аллах акбар!» и «Нет бога, кроме Аллаха!» Эти капли крови, которыми мы запечатлели на стенах имя Всевышнего, были нашим маленьким подношением Ему. Мое лицо было запачкано слезами и кровью, и я говорила про себя: «Всевышний, прими эту ничтожную жертву!» Рядом с этими лозунгами мы написали еще один, в котором соединили всю нашу ненависть и злобу: «Смерть Саддаму!»

Все пленные были так разгневаны варварскими действиями баасовцев, что в знак протеста отказались от ужина и продолжали скандировать революционные лозунги. По традиции мы после совершения намаза провозгласили лозунг о единстве и прочли молитвы. Братья ни разу не постучали в стену. Разумеется, наши руки были избиты до такой степени, что мы не могли стучать по стене, и братья, вероятно, это понимали. Поздно вечером мы слышали, как по очереди открываются двери всех камер, даже камеры докторов, которые

возрастом были старше остальных, и факт того, что они являются гражданскими лицами, был доказан. Всех вывели из камер наружу. Мы подумали: на небе и солнца нет, куда же их отвели? В конце концов открылась дверь нашей камеры. Начальник тюрьмы вошел внутрь и после некоторой паузы, во время которой он протер глаза, чтобы различить нас в темноте, спросил:

– Зачем вы подняли шум? Вы что, не знаете, где вы находитесь?

– Мы не знаем, но вы сказали, что здесь – отель для военнопленных.

– Вы знаете, зачем вы здесь?

– Вы нам сказали, что мы – ваши гости.

– Зачем вы написали лозунги на двери? Сотрите их!

– Мы хотели, чтобы вы увидели, как обращаются с вашими гостями.

– Быстро сотрите писанину с двери!

После этого он хлопнул дверью и ушел. Мы остались одни. Всех братьев, которые придавали нам сил и уверенности, забрали. Но куда? Мы не знали. Везде было тихо. Единственным, что нарушало это гробовое молчание, было зывывание ветра, а иногда – разрывы снарядов, что свидетельствовало о продолжении войны и сопротивлении наших войск. В полночь наше внимание привлекли стоны и шаги людей, еле волочивших ноги по земле. Мы прижались ушами в двери. Мы слышали удары кабеля по телам наших братьев, которых надзиратели даже к их камерам провожали побоями. Стоны докторов, которые были немолоды, терзали нам

душу. Баасовцы не пощадили никого. Чем больше давления и пыток они применяли, тем большую ненависть мы испытывали к ним и тем больше решимости и воли в нас рождалось. Иракцы, сами того не желая, возвращали в нас дух сопротивления. Проходя через столько телесных страданий, наши души закалялись и развивали способность терпеть все больше боли.

На следующий день мы попросили о встрече с начальником тюрьмы. Каждый день они придумывали разные отговорки, чтобы эта встреча не состоялась. Каждый день у начальника тюрьмы случалась какая-нибудь неприятность, из-за которой встречу приходилось перенести на другое время. Последний месяц уходящего года – эсфанд мы провели, слушая их обещания о встрече с начальником и массаже, который должен был достаться нашим побитым и израненным телам.

Незаметно наступила весна 1983 года. Мы тихо поздравляли друг друга с наступлением Нового года. Зима 1982-го оказалась очень тяжелой и удручающей. После получения стольких печальных новостей, после стольких пыток и боли на адской чужбине, в неволе, ком, стоявший в нашем горле, прорвался. Плач и траур хоть немного облегчали наше горе. Вместе с тем мы продолжали пытаться высвободиться из этого положения и постоянно требовали встречи с начальником тюрьмы Давудом.

Не успела пройти первая неделя нового года, как однажды Хасан открыл дверь нашей камеры и сказал: «Фатима Ибрахим, Масуме Талиб!»
Сначала я подумала, что нас хотят разлучить.

Взволнованно переглянувшись, мы попрощались друг с другом.

Пройдя через несколько длинных коридоров, мы вошли в помещение, которое было кабинетом начальника тюрьмы. Он находился недалеко от того места, куда нас привели в первую ночь для допросов.

При нашем появлении женщина средних лет встала в знак уважения и снова села. У нее была простая внешность, голова покрыта платком бирюзового цвета с мелкими фиолетовыми цветами. Она была одета в поношенные пиджак и юбку, которые сильно диссонировали с ее туфлями. Она должна была выполнять функции переводчика в разговоре с начальником тюрьмы, но, к сожалению, сама говорила больше, чем он, после чего объясняла нам свои же собственные речи. Интересно было, что она не позволяла вставить слово ни нам, ни начальнику тюрьмы. Она произносила что-то вроде наставлений на ломаном персидском с явным арабским акцентом. Когда она, наконец, закончила говорить, мы сказали, что попросили о встрече, потому что хотели поговорить с начальником тюрьмы. «Так вам есть еще, что сказать?» – удивленно спросила она. «Мы же еще ничего не сказали, – возразили мы, – говорили только вы!»

– Хорошо, – сказала она, – излагайте свои пожелания!

Для того чтобы она правильно поняла и перевела наши слова, мы старались использовать ту лексику, которую употребляла она сама.

– Мы – пленные, мы с этим не спорим. Признаете ли и вы, что мы пленные – некомбатанты?

– Да, признаем.

– Признает ли господин начальник, что здесь спецтюрьма, которая не является местом, где должны содержаться некомбатанты? Мы хотим, чтобы нас перевели в лагерь некомбатантов.

Давуд тут же спросил:

– И где находится лагерь для некомбатантов?

– Мы не знаем, мы только знаем, что он находится не здесь.

– А какая разница между лагерем и тюрьмой?

– Мы должны быть зарегистрированы Международным Красным Крестом. Мы должны быть осведомлены о положении дел на фронте. Мы должны быть обеспечены нормальными санитарно-гигиеническими условиями и питанием и дышать на свежем воздухе.

– Вы – некомбатанты, однако вы никак не влияете на ход военных событий. Вы должны привыкнуть к жизни в тюрьме. Мы принимаем вас так же, как Иран принимает у себя наших некомбатантов. Мы не можем перевести вас в лагерь.

– Если вы не удовлетворите нашу просьбу, в знак протеста мы объявим голодовку и с завтрашнего дня не будем прикасаться к еде.

– Я прикажу, чтобы вас перевели в более просторную и светлую камеру; прикажу, чтобы раз в неделю вам приносили газету «Ас-Сура» или «Аль-Джумхурия». Также я скажу, чтобы вам предоставляли средства гигиены и медицинскую помощь, но перевести вас в лагерь я не могу.

– Мы хотим встречи с представителями Красного Креста, чтобы они зарегистрировали нас в списке некомбатантов.

– Какой ценой? До сих пор о вас заботилось правительство Ирака. Если же мы переведем вас в лагерь, нет никакой гарантии того, что вы останетесь целы и невредимы, и ваша честь не будет поправа теми, кто около двух лет находится в разлуке со своими спутниками жизни и семьями. Они погубят вас.

Его слова показались нам такими смешными, что мы, с одной стороны, хотели испытать эту цену, а с другой – боялись какого-нибудь заговора.

– В любом месте и при любых обстоятельствах ответственность за сохранение наших жизней и чести лежит на вас.

– Мы несем за вас ответственность только здесь. Ответственность за пребывание в лагере несет Красный Крест, сотрудники которого появляются в лагере всего раз в несколько месяцев.

Видя нашу настойчивость и категоричность, он снова повторил:

– Ваше пребывание в этой тюрьме никак не связано с продолжением или окончанием войны.

Мы не понимали значения этих его слов. Эта фраза была для нас новой.

В продолжение своих слов он добавил: «Какой ценой вы хотите получить статус некомбатантов в Красном Кресте?»

Видя нашу непреклонность, переводчица снова приступила к своим «конструктивным и сочувственным» рекомендациям. Иной раз она по-мате-

рински гладила кого-нибудь из нас по голове, говоря: «Те узники, которые в лагере, одичали и не смогут адекватно реагировать на ваше присутствие. Не настаивайте на том, чтобы вас перевели и вы оказались лишены заботы. Здесь будут опекать вас и не позволят, чтобы даже заноза вошла кому-нибудь из вас в палец».

Еще до конца не выросли новые ногти на месте выпавших на пальцах наших рук. Мы молча смотрели на свои руки, чтобы она поняла, от какой «занозы» мы все недавно пострадали. После долгих и безрезультатных споров и обсуждений мы вернулись в камеру. Но один вопрос мучил меня больше всего. Что означали слова «ваше пребывание здесь никоим образом не влияет на ход событий войны»? Я задавалась вопросом: «Неужели мы вечные пленники? В каком суде нас осудили? За какое преступление? Какой судья вынес такой приговор?»

Мой лоб покрылся холодной испариной. Будучи заточенными в четырех стенах, именуемых тюрьмой, за преступление, которого мы не совершали, за неизвестный грех, мы оказались лишеными всех благ, которыми Всевышний наградил нас. Однако же нет! Всевышний сильнее стен, построенных для нас этими нечестивцами. Эти стены и потолки не могут удержать нас взаперти. Это только тела наши находятся в заточении, души же наши свободны, следовательно, никто и ничто не может заставить нас сдаться. Всевышний с нами, и мы верим, что Он властен над всеми и ничто не происходит без Его воли и желания. Мы проходим через большое испытание и не должны отчаиваться.

Бомбы, сбрасываемые на головы наших женщин и детей, призваны искоренить в наших сердцах надежду. Поэтому у нас нет права терять надежду и отчаиваться.

Мы обсудили между собой предложения начальника тюрьмы. Никто не пожелал принять их. Мы понимали, что предложенные им привилегии – все равно что кукла, которой пытаются отвлечь внимание ребенка от других, более существенных желаний. Для того чтобы убедить начальника тюрьмы в серьезности наших намерений, мы на протяжении трех дней отказывались от пищи. На четвертый день начальник тюрьмы пришел поговорить с нами. Заглянув внутрь камеры через окошко на двери, он сказал: «Кроме газет, больших порций еды, лучшей камеры и доктора я обещаю вам еще и прогулки».

Но предложения и обещания его были бесполезны. Мы не собирались менять свое решение. Мы начали голодовку. Брали только по пятнадцать пригоршен воды – мы пили только по пять пригоршен воды три раза в день.

Мы посоветовались с братьями. Доктора выразили большую озабоченность нашим физическим состоянием, хотя сама жизнь в этих камерах тоже являлась, по сути, медленной и тихой смертью. Инженеры в ответ на наше решение голодать ответили: «Ни один охотник не будет искать жемчуг в жалкой канаве, которая впадает в овраг». Наши соседи с обеих сторон были против нашей голодовки. Однако оставаться в этой ненавистной тюрьме и слышать мучительные новости было труднее, чем расстаться с жизнью.

Вечером мы все взяли за руки, и каждая из нас дала обет остаться верной принятому нами великому решению до конца. Конечно, любая из нас могла принять свое независимое решение, поскольку каждый человек сам несет ответственность за свою душу, тело и жизнь. Мы оценили последствия обоих раскладов: или мы одержим победу и покинем это место, или же останемся и умрем. Для нас началась еще одна война. Голодовка, начатая нами, была своего рода войной. Мы были без оружия, были беззащитны. Наша решительная и негибаемая воля была единственным нашим оружием. Мы решили использовать собственную жизнь в качестве оружия.

Мы крепко обняли друг друга. Слезы не позволяли нам говорить. Мы радовались тому, что единодушны в своем решении, и уповали на Создателя, чтобы коллективная борьба, которую мы начали, несмотря на все сопряженные с нею трудности, увенчалась успехом. Утром, когда Хасан хотел дать нам завтрак, мы отдали ему пустые стаканы и миски и сказали, что с этого дня мы больше не нуждаемся в еде – мы будем голодать.

Фатима из щели под дверью громко объявила: «Мы – четыре иранки, и мы начинаем бессрочную голодовку, чтобы удовлетворили наше требование и перевели нас в лагерь некомбатантов».

На второй и на третий день она повторила то же самое. В голосе Фатимы, раздававшемся по всему тюремному коридору, звучала удивительная непоколебимость. Во время раздачи еды окошко на нашей двери открывалось, но когда мы говорили:

«Мы отказываемся от еды, мы голодаем», – надзиратели с силой захлопывали окошко и говорили: «К дьяволу, что вы голодаете!»

Прошло семь дней с того дня, когда мы объявили бессрочную голодовку и перестали принимать пищу. Мы совсем обессилели, но все еще продолжали совершать намаз стоя. На седьмой день иракцы пришли проверить, не спрятали ли мы заранее у себя в камере кусочек хлеба. Они забыли о том, что в этой камере водилось столько мышей, что они отнимали у человека всякую возможность оставить что-нибудь из съестных припасов. Иракцы обыскали камеру, но ничего не нашли и удалились.

Наступил десятый день голодовки. Силы покинули нас до такой степени, что мы с трудом могли даже постучать по стене, чтобы таким образом сообщить нашим соседям о том, что мы живы.

Состояние наше усугублялось, и мы больше не могли совершать намаз стоя, мы совершали его сидя. Когда я, совершая во время намаза земной поклон, поднимала после него голову, она кружилась так, что камера троилась в моих глазах. В целях экономии энергии мы решили меньше разговаривать друг с другом и меньше общаться с соседями посредством стука, тем более что друг с другом мы обсудили всё, что можно было, и решение приняли совместно. Но мы испытывали дискомфорт от того, что наше состояние с каждым днем становилось все более и более критическим, а иракцы не проявляли на это никакой реакции, хотя мы и понимали, что от них другого ждать и не приходится.

На одиннадцатый день мы решили разыграть небольшую трагическую сценку, чтобы представить наше положение более тяжелым, чем оно было на самом деле, и посмотреть, как поведут себя баасовцы.

Марьям, якобы потерявшая сознание от истощения и слабости, упала на пол, а мы окружили ее и, собрав остаток сил, начали кричать и причитать: «О Хусейн! О Абольфазл! Марьям умерла, Марьям умерла!» Халима била себя по груди и голове. Фатима кричала так, что я совершенно забыла, что мы играем роли. Мне показалось, что Марьям действительно мертва, и я кричала и плакала из последних сил. Надзиратели открыли дверь и увидели, что Марьям лежит без сознания и мы суетимся вокруг нее, крича, что она умерла, а Халима не перестает бить себя по груди и лицу. Первое, что сделали иракцы, – взяли Марьям за ноги и потащили ее наружу. Когда Марьям поняла, что сейчас окажется в руках у намахрамов¹, она внезапно вскочила и села. Она не хотела, даже умерев, оказаться в руках у иракцев. С «приходом Марьям в сознание» представление было окончено, и всё испортилось. Солдат-иракец злобно пнул ногой Марьям в бок, выругался и ушел. Пинок этот имел окраску низости, бессердечия и глупости. Они ушли, оставив нас наедине с нашей голодовкой.

Силы совершенно покидали нас, и мы могли теперь отправить соседям справа и слева одно

¹ Намахрам – лица противоположного пола, с которыми по закону шариата допускается брак и которые не должны прикасаться к женщине и видеть ее без хиджаба (*прим. перев.*).

лишь слово «привет», чтобы они не беспокоились и знали, что мы живы. Запах пищи, которую мы раньше с трудом глотали, теперь заставлял течь наши слюны и сводил кишки. Не знаю, чем питались мыши в условиях абсолютного отсутствия еды в нашей камере. Их тоже стало видно реже. Подобно догорающей свече, мы таяли на глазах, медленно, но верно приближаясь к смерти, и вскоре должны были стать свидетелями гибели друг друга. Мы хранили молчание, лишь изредка даря друг другу для приободрения довольную улыбку. Мы больше не обращали внимания на переставшие урчать желудки, на сердца, бившиеся в груди, как молот по наковальне, и вдохи, которые быстро следовали один за другим как будто из боязни остановиться на мгновение, отстать и пропустить свою очередь в круговороте дыхания.

Как-то мы, изнуренные и обессиленные, безмолвно и неподвижно сидели, опершись плечами друг о друга, и лишь изредка брались за руки в знак солидарности, не находя в себе сил даже сжать друг другу руки. И вдруг снова раздался устрашающий скрежет ключа в замке, заставивший нас повернуть головы в сторону железной двери. Вопреки всегдашней традиции, когда мы вставали и отходили от двери, мы не могли сделать ни единого движения. В камеру вошел Никбат и произнес сердитым и недовольным голосом: «Масуме, Марьям Талиб!»

На этот раз вызвали нас двоих. Мы с трудом поднялись и, бросив немой взгляд на Фатиму и Халиму, вышли из камеры. Наши взгляды говорили, что мы не хотим расставаться, но, с другой стороны,

в них была надежда на то, что наша голодовка принесла результат и начальник тюрьмы хочет провести с нами переговоры. Вслед за нами привели и Халиму с другим охранником. Мы были настолько ослаблены, что стоило просто подуть на нас, и мы упали бы на землю. Мы шли по тому же маршруту, по которому нас с Фатимой вели в прошлый раз к начальнику тюрьмы. Тот самый маршрут, по которому так же нас когда-то вывели для свидания с солнцем. Медленно и молча передвигаясь по коридору, изредка покашливая, останавливаясь через каждые два шага и опираясь о стены, чтобы не упасть, я поняла, что мои глаза и руки вышли из строя. Все двери были похожи друг на друга, а в коридоре было много света. Меня и Марьям оставили за дверью. Я обернулась и увидела Халиму, которую тоже заставили стоять за дверью одной из камер позади нас. Это был первый раз, когда нас хотели разлучить. Мы ждали, что нам откроют дверь нового чулана, похожего на тот, в котором нас прятали целых два года; темного и тесного чулана с темно-коричневыми стенами и драными солдатскими одеялами.

Дверь открылась, и я увидела группу женщин и детей, которые сделали несколько шагов вперед, к выходу. Волосы у каждой из них были длинные, причесанные. На ногах у них были аккуратные тапочки, а сами они были одеты в пижамы, на некоторых были лечебные очки. По сравнению с нами они здесь жили в роскоши и достатке. В камере находились представители всех конфессий и групп. Мы тихо сели в один из углов. Доверять им мы не могли. Они стали задавать нам вопросы:

- Откуда вы?
- Вы иранки?
- Как вас зовут?
- Масуме и Марьям.
- Почему вы здесь?
- Не знаю.

Они отошли от нас и начали разговаривать между собой. Мы ничего не понимали из того, что они говорят. К тому же с нами не было Халимы – нашей мобильной энциклопедии, которая могла бы перевести их слова. Поведение этих людей не было похоже на поведение заключенных, которые боятся разговаривать из-за того, что кто-то их услышит. Они разговаривали совершенно расслабленно и громко без каких-либо опасений, не проявляя никакой осторожности и бдительности. Мне было трудно разговаривать, но очень хотелось поговорить с ними. Спустя год с лишним я снова видела перед собой людей. Я хотела рассказать им о нас. Хотела услышать их историю, но не могла. Я лишь украдкой поглядывала на них.

Каждый раз, когда нас переводили из одной камеры в другую, через час-другой нам закидывали внутрь и наши драные одеяла, однако на этот раз этого не произошло. Я увидела наручные часы на одной из девочек и обрадовалась тому, что нашла себя во времени. На часах было ровно девять часов утра. Я следила за стрелками на ее часах. Сколько кругов они должны были сделать? Который вообще час я жду? И что должно произойти в это время? Я ждала какое-то время, но не знала, какое именно. Я хотела какое-то место, но не знала, какое именно.

По сути я не хотела ни времени, ни места – я хотела только свободы!

Я начала считать пленных женщин. Одна, две, три, четыре, пять, шесть.... тринадцать, четырнадцать... семнадцать. Они постоянно передвигались и ходили в разные стороны, поэтому я не смогла их пересчитать. Их одежды были цветастыми и похожими друг на друга. Я спросила Марьям: «Марьям, по-твоему, кто они?» – «Я для начала считаю их количество», – ответила Марьям. «Интересно, – подумала я – мы обе были заняты одним и тем же делом; как мы стали похожи друг на друга!» Затем Марьям произнесла с приятным абаданским акцентом: «Они вообще не стоят на одном месте, не могу их пересчитать».

Похоже, никто из них не имел права разговаривать с нами, но между собой они разговаривали. Мы уже выучили по-арабски несколько простых вопросов: «Как тебя зовут?», «Откуда ты?», «Сколько времени ты находишься здесь?», «Война закончилась или продолжается?» и два-три других простых предложения. Одна девушка лет двадцати пяти подошла к нам и села рядом. Она ничего не говорила, но не спускала с нас глаз. Я поняла, что она ищет возможность что-то спросить. Все ее существо говорило об этом. Немного помявшись, она сказала:

- Как тебя зовут?
- Масуме.
- Откуда ты?
- Из Ирана.

Я не знала, насколько могу доверять ей. Я вообще не понимала, для чего нас привели сюда.

И я очень беспокоилась о Халиме и Фатиме. Куда их отвели? Какое теперь расстояние между нами? Каким образом я смогу общаться с ними? Увидим ли мы снова друг друга? Как хорошо было, когда мы были вместе! Как досадно, что нас разлучили! Сколько я ни смотрела на этих женщин, я не могла понять, кто они такие. Политзаключенные? – Нет, не похоже. Может быть, иракские моджахеды? – Нет. Неужели это наркоманы и правонарушители? Среди этих женщин были две, которые сидели в одном из углов камеры и постоянно молились. Одна из них, средних лет, одетая в арабскую абу, не обращая внимания на происходящее вокруг, читала Коран приятным проникновенным голосом. Она только физически присутствовала в этой среде, в камере с другими женщинами. Она оторвалась от Корана, чтобы совершить ритуальное омовение, и по дороге кинула на нас беглый взгляд, затем подняла глаза к небесам и что-то тихо произнесла. Мне показалось, что в ее взгляде присутствовали жалость и страх – страх подойти к нам поближе и жалость от того, что мы, болезненные и изможденные, сидели на холодной и сырой земле.

Не прошло и часа нашего пребывания в этой камере, как одна из девушек – черноглазая, с полными губами и похожими на плавную дугу бровями, направилась к двери и постучала в нее. Другие тоже пошли вслед за ней. Они хотели что-то попросить. Не знаю, что именно они хотели, но поведение их охранника отличалось от поведения наших. Охранник закрыл дверь и ушел, а через десять минут вернулся и передал им через окошко кастрюлю,

крикнув: «Самира!» Я подумала, что они готовят еду прямо в камере, поэтому попросили посуду с продуктами, чтобы поставить вариться обед. Они подзывали друг друга по очереди: «Салима, Хафиза...» Самира позвала всех. Я подумала, что они хотят сварить суп, однако они начали осматривать кастрюлю со всех сторон и подбросили пару раз вверх. Затем Сабрийя, которая была полной женщиной высокого роста, воспроизвела пальцами ритм какой-то мелодии, как будто стуча друг о друга двумя костями. Все собрались вокруг Сабрийи, и она начала петь. Было ясно, что Сабрийя – руководитель их оркестра. Кастрюлю они использовали в качестве музыкального инструмента. Они пели и танцевали, и это было настолько привычным и само собой разумеющимся, что никто из надзирателей даже замечания им не сделал. Не знаю, для чего нас пригласили на это веселье. И вообще, мы не знали, кто такие наши сокамерницы. Я смотрела на Марьям, улыбаясь во весь рот. Она тоже смотрела на меня удивленно. Женщины время от времени меняли солиста и музыканта по кругу и не обращали внимания на меня, Марьям и тех двух, которые были заняты чтением молитв и Корана. Находясь в состоянии нарастающего исступления, они подняли такой шум, что можно было подумать, что они сошли с ума. Однако этот шум абсолютно не мешал тем двоим, которые самозабвенно предавались богопоклонению. Вероятно, это было для них привычным делом.

Мне хотелось громко рассмеяться, однако мышцы живота ослабли и сжались, а смеяться с живо-

том, прилипшим к пояснице, мне было довольно тяжело и больно. Я сказала Марьям: «Не шпионы ли они и “пятая колонна”? Разве тюрьма – это место для танцев и веселья?»

От этого галдежа и суеты у меня стала кружиться голова. Но мне все же хотелось посмотреть, чем закончится их вечеринка. Я посмотрела на Марьям и увидела, что она, прислонившись головой к стене, погрузилась в глубокий сон, поскольку испытывала сильнейшую физическую слабость.

Опершись о стену, я попыталась встать. Я переступила с одной ноги на другую и медленно сделала несколько шагов, однако у меня сильно закружилась голова, я упала и потеряла сознание. Через несколько минут я открыла глаза. Веселье все еще продолжалось, его участницы как будто находились в другом измерении и не замечали вокруг никого, кроме себя. В глазах было темно. Я поднялась, чтобы пойти и выпить воды. Я могла выпить лишь пять пригоршней воды и совершить омовение. Когда я вернулась, глаза Марьям были все еще закрыты. Я потрясла ее и сказала: «Скоро азан, ты можешь выпить воды. Как ты смогла уснуть при всем этом галдеже?» – «Ты не знаешь, где я была, – ответила она. – Я чувствую себя очень хорошо и даже не хочу воды. Я была в гостях у Сухейлы Реза-заде. Ее мать – мастер по приготовлению калие-махи¹. Мы собирались в школу. Все мои одноклассники, соседи и родственники сидели за одним столом.

¹ Калие-махи – блюдо, в состав которого входят рыба, тамаринд и большое количество острого перца (*прим. перев.*).

Мы беседовали, ели и смеялись. Я так наелась, что совершенно не чувствую голода». Она так смачно рассказывала, что мне показалось, будто все пространство вокруг наполнилось ароматом зелени, чеснока и рыбы. Я сказала: «Марьям-джан, раз уж ты сыта, смотри, чтобы у тебя голова не закружилась и в глазах не потемнело. Непонятно, что положили иракцы в утреннюю шурбу¹, которой накормили этих людей, что они так опьянели и не хотят угомониться».

Марьям, опираясь о стену, медленно пошла в сторону туалета, чтобы принять омовение и подготовиться совершить намаз. В это время «руководительница оркестра» перестала играть на своем «инструменте» и собрала всех в одну кучу. Все перевели дыхание и поднялись с места. Я испугалась, что они сейчас бросятся в туалет. Слабость одолела нас так, что при малейшем неловком движении мы падали на землю. Я хотела крикнуть, чтобы они подождали, пока выйдет моя сестра, но не могла издать даже подобие крика. Однако на моем лице и в поведении чувствовалось такое сильное волнение и беспокойство, что, глядя на меня, все остановились и стали смотреть, как мы с Марьям еле волочим ноги, падаем, но все же при виде еды отворачиваем лица. Интереснее всего было, что после того, как их увеселительная программа закончилась, они вытащили из разных углов свои головные платки и принялись совершать намаз. Когда охранник принес подносы с едой, те, кто

¹ Шурба – род супа из пшена и нута (прим. перев.).

к тому времени уже совершил намаз, и те, кто вовсе не собирался его совершать, набросились на еду, забыв позвать или подождать своих подруг, которые все еще находились в состоянии совершения намаза. Они с таким аппетитом и алчностью поглощали пищу, что мне стало их жалко.

После того как они хорошо наелись, они спросили нас: «А вы почему не едите?» Запахи плова и рагу распространились по всему помещению, однако никакая еда больше не могла разжечь наш аппетит. Одна из них спросила: «Хотите, мы возьмем охранника вашу порцию еды?» Они разговаривали о чем-то между собой, и мы не понимали их. Но, кажется, они поняли, что мы не собираемся брать у них еду. Мы добивались того, чтобы наша голодовка дала результаты, и наша участь стала ясна.

После обеда, когда раздался храп плотно пообедавших, каждая из которых лежала где-то на полу, Салима вместе со своим Кораном тихо подошла к нам, села рядом с Марьям и без предисловия спросила на ломаном персидском с арабским акцентом:

– Вы – иранки?

Мы, с одной стороны, были рады, что она говорит по-персидски, а с другой – огорчены. Она снова сказала:

– Я и все присутствующие здесь – иранки.

Мы очень удивились. Они совсем не были похожи на иранок и даже не говорили на фарси. Она увидела наше удивление и, указав на девочку пятнадцати лет, которая лежала рядом со своей матерью, сказала: «Рожин родилась в тюрьме, она –

иранская курдянка». Увидев, что Сахира начала шевелиться и повернулась на другой бок, Салима молнией отскочила от нас и снова уткнулась в Коран.

У нас появилась новая головоломка для разгадки. Однако мы условились, что будем думать только о нашей цели – голодовке – и не станем тратить лишнюю энергию на что-то другое, чтобы протянуть дольше: не разговаривать, не двигаться, не размышлять, не плакать. Я подумала, как же так получилось, что здесь столько иранских женщин и детей, а мы ничего о них не знали? Что значит, что пятнадцатилетняя Рожин родилась в тюрьме? С каких пор они здесь и откуда их привезли? Где же тогда их мужья, отцы, братья? Нет, мне надо с ними поговорить.

Я сказала: «Марьям, все спят. Они так натащивались, что сейчас спят как убитые. Я хочу знать продолжение истории». Марьям ответила:

– Не нарушай обет! Мы дали слово, что будем думать только о голодовке и не будем разговаривать, чтобы выбраться, наконец, из этой могилы.

– Но мы должны узнать, кто они такие.

– Ты снова спешишь, ты снова осмелела. А что, если это ловушка?! Для чего вообще нас привели сюда? Разве ты знаешь Салиму? Я – твоя старшая сестра, и я не считаю целесообразным, чтобы ты пошла и расспросила Салиму. Не трать больше энергию и не торгуйся со мной!

Однако любопытство вынуждало все мое существо искать ответы. Обычно после намаза я долго спала, но в тот день любопытство совершенно лишило меня сна. Я стала выжидать и прислушиваться-

ся к храпу женщин. Некоторые из них разговаривали во сне. Я напрягала слух в надежде услышать хоть одно персидское слово. Я подумала: «А что, если Салима сказала мне неправду? А вдруг – нет? Вдруг они действительно иранские курды и арабы? Знать бы мне курдский!»

Через пару часов все начали просыпаться и болтать друг с другом. Разговаривали они очень громко, но все – на арабском, даже не на курдском. Я хотела уговорить Марьям пойти со мной: «Марьям, если все эти женщины – иранки, мы можем подговорить их тоже начать голодовку – чем больше будет нас, тем скорее мы добьемся результата. Мы можем сказать им, что мы – иранки, рассказать им, в каких условиях нас содержат, что мы живем вместе с грызунами, что нас бьют. В конце концов, они тоже женщины и тоже иранки!»

– Оставь, пожалуйста, идею об их голодовке! Если им не дать сегодня ужин, они нас съедят!

– Но они же – мусульмане, они в обед намаз читали!

– Это не был намаз, это была показуха, лишь бы отвязаться от религиозного долга. В любом случае не предпринимай пока никаких действий!

До вечера я провела время в раздумьях. День для наших сокамерников закончился легким ужином и еще более легким намазом. Завершился и наш первый проведенный с ними в одной камере день, а мы не получили никакой информации. Невольно мои глаза сомкнулись, но для того, чтобы дать понять Салиме, что я не сплю, я через каждые несколько минут вздыхала и стонала. Наконец

я привлекла ее внимание. Где-то в полночь приятный голос Салимы раздался в моих ушах и успокоил мое сердце. Я попросила ее поговорить со мной, но не спрашивать у меня ничего. Однако она, невзирая на эту мою просьбу, сразу же спросила:

- Сколько вы уже голодаете?
- Сегодня – пятнадцатый день.
- Знаете, где вы находитесь?
- Не совсем.

– Мы находимся в худшей спецтюрьме Ирака. Сестра аятоллы Садра¹, Бент-аль-Хода, была предана мученической смерти именно здесь. Много женщин и мужчин погибли здесь под пытками. На той стороне улицы есть место, куда ночами ведут узников для казни. Здесь – место пожизненного заключения.

– Пожизненное заключение? То есть заключенных держат здесь без суда и следствия? То есть у них нет даты освобождения? То есть никто из здешних узников даже и не думает об освобождении и внешнем мире?

– Именно так. Здесь младенцы появляются на свет, молодые люди не выдерживают и умирают от тоски. Многие здесь объявляли голодовку, но не добились никакого результата. Многих переводят на этаж выше или ниже. В предыдущие годы мы тоже находились в темных, холодных и сырых камерах нижнего этажа. Поэтому я знаю, где вы были.

¹ Аятолла Сейед Муса Садр (1928–1978) – иранский и ливанский шиитский политический и духовный деятель, богослов и философ. 31 августа 1978 г. пропал без вести в Ливии (прим. ред.).

Подобно человеку, который на протяжении долгих лет был лишен родственной души, она продолжила:

– По прошествии времени вы почувствуете родственную и дружескую связь с этим надзирателем. Вы забудете своих близких, а ваши желания станут совершенно ничтожными. Самым большим вашим желанием будет увидеть солнце и чувствовать его несколько мгновений, или получить лишний половник супа, или же – более возвышенное желание – получить Коран или газету.

Она повествовала о великом горе, хоть и невнятным языком.

Я снова спросила:

– Так кто же эти женщины? Почему они не знают персидского?

– У них предки были иранцами, а сами они – курды и арабы. Они не имеют отношения к политике, и единственным их преступлением является то, что они – иранцы. Единственной надеждой для нас является то, что они бросят нас на границе, тогда мы сможем как-нибудь добраться до Ирана. Но это – тоже маловероятно, потому что наших мужчин казнили.

Я спросила:

– Так почему же эти женщины так радуются, поют и танцуют?

Она ответила:

– Для того, чтобы забыть и убежать от действительности. Реальность, с которой человек имеет дело внутри тюрьмы, очень горька, а томиться в застенках всю жизнь – еще горше. Поведение,

которое ты видишь, – это попытка предаться забвению.

Когда я узнала эти ранящие душу новости, проведя два года за решеткой, к моим томлениям добавилась еще одна большая скорбь. Я погрузилась в раздумья. Я подумала: «Эти люди наполовину иранцы и наполовину иракцы, и они расплачиваются сейчас лишь за то, что имеют иранские корни! Они – безвинные люди, совершенно непричастные к политике, некоторые даже не знают ни единого слова по-персидски. Какого же заклятого врага сделали из их иранских предков! Быть иранцем – это не шляпа и не обувь, которые можно поменять или снять; они сами не знают, благодаря кому и когда они стали иранцами. Соседство с Ираком не принесло нам ничего, кроме боли, страданий и бед. Соседство не имеет смысла, если между соседями нет ничего общего и сходного». Подобно разбитому колокольчику, звенели у меня в ушах наставления моего отца относительно почета и величия соседа.

Через несколько дней нас с Марьям вывели из шумного женского общества. Некоторые из женщин, когда мы их покидали, произнесли благословение, другие подшучивали над нами, а третьи провожали нас насмешливыми взглядами. Несмотря на то, что мы находились в их обществе всего несколько дней, наше физическое состояние резко ухудшилось. Тюремный коридор был похож на бесконечный тоннель, который брал меня за руки и снова возвращал к его началу. Я предпочитала лечь на пол вместо того, чтобы ползти на коленях. Я радовалась тому, что жизнь понемногу оставляет мое

тело. Наши с Марьям руки переплелись так, что я была уверена: последним членом моего тела, который расстанется с жизнью, будут мои руки, переплетенные с руками Марьям. Я была готова уйти, но мне было жаль расставаться с Марьям. Смерть не была моим выбором. Это жажда жизни и свободы привела меня на стезю смерти. Я хотела умереть не для того, чтобы освободиться от гнетущей боли, ибо, если бы это было так, наши действия можно было бы расценивать как самоубийство и они не представляли бы никакой ценности.

Запах пищи распространился по всему коридору, однако этот запах вместо того, чтобы возбудить наш аппетит, вызывал чувство тошноты. Чтобы избавиться от этого ощущения, мне хотелось побежать. Марьям чувствовала примерно то же самое. Она тоже иногда садилась, вытягивала ноги и прислонялась к стене. Я клала голову ей на плечо, и на какое-то время мы застывали в этой позе, но пинки Никбата заставляли нас встать и идти дальше.

Куда нас вели на этот раз? Мне очень захотелось увидеть Фатиму и Халиму. Временами я смотрела по сторонам в надежде, что они окажутся где-нибудь поблизости. Выдержали ли они и остались ли живы? Вынесло ли хрупкое тело Халимы голод и жажду? Если бы я могла, как всегда, разговаривать громко и повторить несколько раз одну фразу! Быть может, мне ответили бы Фатима, Халима или кто-нибудь из знакомых за дверями этих камер. Наконец мы с большим трудом преодолели путь по нескольким этажам и оказались перед очередным чуланом. Дверь открылась.

Едва я переступила порог камеры, меня обступили темнота и мрак. Я ничего не видела. Только тогда я поняла, почему нас считали при свете. Прошло какое-то время, пока мои глаза адаптировались к темноте. Боже мой! Я увидела Фатиму, которая лежала в одном из углов, свернувшись, как улитка. Ее мученический и изможденный вид говорил о приближении ангела смерти. Она даже не смогла подняться и поприветствовать нас. Я наклонилась к ней, и мы обняли друг друга так, будто не виделись пятьдесят лет. Мы долго улыбались друг другу. Мы вместе встали на путь, трудности которого увеличивались с каждым днем. Но мы чувствовали и всё большее и большее облегчение. У нас было ощущение того, что смерть – самый упоительный глоток, которым только можно оросить наши иссохшие тела. С каждым новым мгновением мы ощущали всё большую близость к финальной точке. Мы хотели пожать друг другу руки, но у нас не осталось сил даже для этого. Мы спрашивали и отвечали взглядами, и этого было достаточно.

Но почему Фатима одна? – подумала я. – Где Халима? Неужели Халима...

Неужели она достигла места назначения раньше нас? Я боялась даже спросить, где Халима. За время, проведенное вместе, мы действительно стали подобны четырем ножкам одного стола, которые должны были подпирать четыре угла столешницы, чтобы на ней можно было разместить хрустальную вазу с розами и маками, расцветшими во всей красе. Я спросила Фатиму:

– Ты здесь была одна?

– После того, как вас двоих забрали, пришли и за Халимой и отвели ее куда-то. Эти несколько дней я была одна. Они думали, что если разлучат нас, то мы откажемся от своей идеи, и наш путь останется незавершенным. Нам же было отрадно от сознания того, что мы с твердой волей шли по выбранному пути, ведущему к смерти. Как мила была нам жизнь, и какая почетная смерть ждала нас! Жизнь была для нас бесценным даром, который мы по крупице вручали ангелу смерти, чтобы он вознес его в чертоги Творца.

В этот момент дверь снова открылась. В камеру вошла Халима, похожая на куклу, на которую накинута просторное манто. В темноте белело ее лицо с выпуклыми скулами и безжизненными блеклыми глазами, веки которых она с трудом держала открытыми. Не знаю, на кого стала похожа я сама, но вид моих сестер побуждал меня к чтению суры «Аль-Фатиха». Мы очень обрадовались, что снова вместе и встретим смерть друг рядом с другом. Несмотря на то, что за короткое время, пока мы были порознь, у нас скопилось много слов для разговора, мы большей частью хранили молчание. Халима нарушила его первой: «Какая странная здесь тюрьма! Меня отвели в камеру площадью в двадцать четыре квадратных метра, в которой находятся иностранные женщины-заключенные из Палестины, Иордании, Йемена и Кувейта. Они никакого отношения не имеют к политике. Они перепутали спецтюрьму с кабаре. С самого раннего утра они были заняты макияжем и модной

одеждой. И все, что они хотели, им приносили. У них специальный охранник. Они как будто жили в другом мире. Такие понятия, как “протест” и “голодовка”, вообще не имели для них никакого смысла...»

Дверь нашей камеры больше не открывалась во время раздачи еды. Никто не вспоминал о нас, кроме докторов и инженеров, которые каждый день по несколько раз с обеих сторон громко стучали по стене, обеспокоенные и встревоженные нашим состоянием и судьбой. И мы отвечали на их приветствия и расспросы о самочувствии слабым, едва слышным стуком. Казалось, и мы, и тюремные надзиратели одинаково ждали прихода Азраила.

У нас оставались силы только для того, чтобы сидеть, поэтому мы совершали намаз и изливали душу Всевышнему сидя или лежа. Во время этих богослужений наши сердца успокаивались. При звуках какой-либо суеты в коридоре или даже зловещих поворотов ключа в замочной скважине железной двери и при открывания окошка мы не в состоянии были сделать над собой хоть какие-то усилия, чтобы подняться.

Мы с Фатимой лежали пластом на земле. Запах кедра и камфоры доносился до меня. Мой взгляд упал на Фатиму, и у меня сердце кровью облилось. Я подумала, не сплю ли я? Я присмотрелась к ней еще пристальнее. Я стала гладить ее лицо, на котором в тот момент отразились вся боль и все страдания, перенесенные за два года пребывания в иракских застенках. Мои руки увлажнились от слез, которые текли из ее глаз, и капель пота.

Я сунула руку под ее головной платок. Волосы ее были заплетены в две косы, которые намокли от капель пота, проступавшего по ее телу в тот весенний день месяца фарвардин. Она была похожа на ангела. Я хотела послушать биение ее сердца, чтобы убедиться, что из четырех пленных иранских девушек она – не первая, кто дошел до последнего рубежа. Я не хотела быть свидетелем этого тернистого пути. Взволнованное биение ее сердца напоминало ребенка, убегающего от темноты, а дыхание потерялось где-то в груди. Я положила голову на ее плечо и тихо заплакала.

Я сказала: «Фатима, я – Масуме, твоя младшая сестра, которую ты очень любила и которой ты расчесывала волосы. Ты сватала меня за своего брата Алирезу, и я согласилась и дала обещание стать твоей невесткой. Ты сказала, что мы всегда будем вместе, где бы мы ни были, и ты всегда будешь заботиться о нас. Ты сказала, что мы будем делить радости и печали. Ты всегда брала для себя меньшее и худшее, но сейчас ты взяла лучшую долю, коей является смерть. А как же я?» Мне было отчаянно ждать своей очереди, чтобы испытать объятия смерти, но я не хотела быть в этой очереди последней.

Я слышала непрерывный стук по стене камеры наших соседей – докторов и инженеров, которые обеспокоенно спрашивали: «Почему не отвечаете?» Мне хотелось сказать им: «Нам некогда – мы заняты умиранием и смертью». Я погрузилась в состояние депрессивного ступора. Куда бы я ни посмотрела, я не чувствовала ни запаха смерти,

ни запаха жизни. Я повернулась и увидела Халиму, которая барахталась в состоянии между сознанием и обмороком, и на ее устах все еще была улыбка. Сквозь ее приоткрытые губы видны были кончики ее зубов. Она слышала, но не отвечала, и лишь произнесла: «Мне холодно, почему, как я ни кричу, никто не слышит меня?» Она хотела пить, но я не могла найти в себе силы подняться или сделать хоть какое-то движение. К тому же мы пообещали не помогать друг другу остаться в живых. Она погладила меня по голове своими тоненькими руками и сказала: «Я думала, что смерть – тяжела и страшна, однако это не так – мы обретаем свободу». Мои руки не доставали до Марьям, которая уставилась на нас своими невинными глазами. Я вспомнила слова бабушки, которая говорила: «Ждущие глаза остаются открытыми и умирают». Она как будто попала в круговорот смерти и пока сама не понимала этого.

Инженеры непрерывно стучали по стене, отправляя нам приветствие – приветствие озабоченности и тревоги; приветствие отеческой заботы и искреннего пожелания здоровья. Общими усилиями мы отправили им в ответ одно-единственное слово: «Прощайте».

Начиная с шестнадцатого дня голодовки, каждую минуту мы думали, что сейчас все закончится, нас настигнет смерть, и мы избавимся от страданий. Однако наступал следующий час, а мы все еще дышали и были живы. Временами состояние одной из нас улучшалось или, наоборот, ухудшалось. Мы удивительным образом полюбили друг друга.

Это чувство было сильнее и выше, чем обычная сестринская любовь. Мы были друг для друга отцами, матерями, сестрами и братьями. И теперь мы все вместе стали попутчиками на тропе, ведущей к смерти.

С семнадцатого и восемнадцатого дня большую часть времени мы проводили в состоянии полудремы и оцепенения, мы словно находились в другом измерении. Мне казалось, будто моя голова раздулась так, что стала больше тела, и я не могла нести ее. Чаша моей головы опустела, и голоса, подобно мелким камушкам, перекатывались в ней. В моей голове перешептывались какие-то голоса, принадлежавшие не этому миру. Владельцы этих голосов все знали друг друга; они делали один другому какие-то знаки, тепло приветствовали и говорили друг другу «добро пожаловать!» Кости моего тела уже не болели от длительного и близкого контакта с сырой и холодной землей. Мои глаза видели все вокруг в более красивых цветах и очертаниях. Горизонт моего взгляда становился все шире и охватывал все более дальние предметы. При ходьбе я больше не чувствовала твердость земли под ногами. Все окружающее имело особые краски, – не те, к которым я привыкла и которые помнила. Дрожь в теле прошла, а дыхание нашло стезю Создателя. Сидя в карете, я проехала по чудесному саду, цветы в котором были очень знакомы мне, но сам сад был размерами больше, чем сад, красовавшийся во дворе нашего дома. Меня катали на карете по тому саду. Виноград, росший в саду нашего двора, дал урожай, который собрали, и мой отец готовился

расфасовать его по мешкам, чтобы воробьи не лакомились им, а моя мать снова надевала мои вещи на чучела, которые стояли в саду. Как я ни крутила головой, чтобы увидеть, кто управляет каретой, я не могла его разглядеть. А для меня так важно было видеть кучера, ведь я хотела его спросить: «Откуда ты знаешь дорогу к нашему дому? Остановись, я хочу прогуляться по саду!»

Я настаивала на том, чтобы он остановился, однако он возражал: «Времени очень мало, я не могу ждать, надо ехать». Я выпрыгнула из кареты. Расстояние от сиденья кареты до земли было очень большим, и, чтобы не ушибиться, я размахивала руками и ногами. Глаза от испуга расширились...

Я открыла глаза. Сколько людей стояло вокруг меня! Они смотрели на меня, не отрываясь. Как сильно их лица отличаются от лиц тех людей, с которыми я была! А где же кучер? Где же сад нашего дома, виноград, разложенный по мешкам, чучела? Их нет. Но где же тогда мои сестры, где наша камера? Я все еще жива? Разве я не умерла? Где я? Я лежу на койке, значит, та карета, на которой я каталась, и есть эта кушетка, на которой я лежу? Я только и делала, что крутила головой в разные стороны. Среди окруживших меня людей я узнала только Фатиму, которая, как и я, лежала на соседней кушетке. Капли жидких препаратов, которые вливались в мои вены через капельницу, понемногу приводили меня в сознание и оживляли меня. Однако я не хотела оставаться в живых, ибо сознательно и смело сделала шаги навстречу смерти. В мгновение ока я резко вырвала иглу капельницы

из своей руки. Я почти избавилась от всех страданий и боли, а меня теперь хотят вернуть к прежним дням, влив в меня пузырек какой-то жидкости! Ну уж нет! Фатима, Халима и Марьям тоже отказывались от милости иракцев. Как же мы стали похожи друг на друга! Видя наше сопротивление, иракцы веревками привязали наши руки и ноги к металлическим решеткам кровати и таким образом насильно влили в нас по одному флакону лекарственных препаратов через капельницу.

Во время всей этой суматохи кто-то постоянно тряс меня и спрашивал по-персидски с явным арабским акцентом: «Сестра, ты в порядке?» Я открыла глаза и увидела старика лет семидесяти с черным тюрбаном на голове, накинутой на плечи абой из верблюжьей шерсти и белой бородой, по поводу натуральности или искусственности которой у меня были сомнения. Он стоял у изголовья моей кровати и мягко говорил:

«Я – имам Хомейни Ирака. Я издал много книг и фетв. Ты – моя сестра по вере. Известно ли тебе, что то, что ты хочешь сделать, – это самоубийство, а самоубийство в исламе запрещено?»

Несмотря на то, что в мои вены вливался уже второй флакон витаминов, у меня все еще не было сил разговаривать и спорить с кем-то.

«Ты же не хочешь совершить запрещенное шариадом дело?» – продолжил старик. Глазами я дала ему понять, что не воспринимаю его всерьез. Липовый имам поменял свою одежду, однако он не смог изменить свой блудливый и беззастенчивый взгляд. Имам с золотыми кольцами и зубами!

Такого имама мне еще не приходилось видеть. После назидательного монолога, обращенного ко мне, он подошел к Фатиме. Однако, как настойчиво он ни звал ее, она не открыла глаза. Он говорил, обращаясь к Фатиме: «Я сам отвезу вас в Кербелу и Наджаф и лично получу разрешение на ваше освобождение. Вы должны вернуться в Иран живыми и здоровыми, поэтому вы должны нормально питаться и не противиться тому, чтобы врачи лечили вас». Фатима как будто не слышала ничего – она не проявляла никакой реакции. Тогда липовый имам отправился в соседнюю комнату, где прочитал такую же проповедь для Халимы и Марьям, дал те же самые обещания, что и нам, и попрощался с ними.

Одну за другой нам ставили капельницы с питательными веществами, витаминами В, В12 и т.д., в то же время ту же завязывая веревки на наших руках и ногах. Я не понимала, какие они строят планы для нас. Позже пришел врач и сказал: «Питаться начните с простых супов и жидкостей, иначе вас заберут в вашу прежнюю тюрьму». Нашим ответом было только молчание. На следующее утро – утро девятнадцатого дня объявленной нами голодовки – к нам пришли несколько репортеров с камерами и микрофонами и сказали: «Вы хотели быть на связи со своими семьями и держать их в курсе дел. Мы хотим провести с вами беседу, чтобы успокоить ваших близких. Но в интервью вы должны обозначить дату вашего попадания в плен сегодняшним днем, а все, что было до сих пор, – забыть. Важен этот момент и то, что вы сейчас здесь». – «Нет! –

ответили мы. – Мы будем разговаривать только с представителями Красного Креста, мы хотим, чтобы они нас зарегистрировали. Только они смогут уведомить наши семьи о положении вещей». После этого заявления журналисты собрали свои вещи и ушли.

После того, как капельницы отсоединили от наших рук, нам снова поменяли простыни, хотя они были чистыми. Затем нас стали уговаривать снять наши одежды, которые стали похожи на облачение попрошаек Самарры¹, и надеть больничные пижамы. На всех предметах – кроватях, тумбочках и прочих вещах – были эмблемы госпиталя «Ар-Рашид». Натянутые улыбки и чрезмерная доброта иракцев говорили о том, что произошло нечто неординарное. Они сказали, чтобы мы все четверо оставались в одной палате. Меня и Фатиму отвели в палату, где находились Халима и Марьям. Нам ввели через капельницу столько препаратов, что у нас под кожей собралась жидкость. Мы смотрели друг на друга. Было ощущение, что мы только что родились и нашли друг друга. Через несколько минут в палату вошли два врача и четыре высокопоставленных иракских офицера, пришедших из «Аль-Истихбарат». Они сказали: «Вы встретитесь с представителями Красного Креста в присутствии наших людей. Вы должны разговаривать с ними в рамках правил. Забудьте, где вы находились. Сегодня вы должны пообедать».

¹ Самарра – город в Ираке, на восточном берегу реки Тигр, в 125 км. к северу от Багдада (*прим. перев.*).

В палату вошли шесть сотрудников Красного Креста. Они смотрели на нас с удивлением и в то же время с неким азартом и воодушевлением, затем сказали: “We are very happy to visit you. This is the first time we all come to register the number of prisoners such eagerly”¹.

Женщина, сопровождавшая их, была в полной мере осведомлена о том, где мы находились и откуда мы вышли. Она нежно гладила наши руки и говорила: “Oh! Such soft and pale hands!”²

Глава делегации Красного Креста, мужчина высокого роста и худощавого телосложения с типичным лицом европейского типа, сказал:

– These are your potions:

1. You can seek asylum in this country and stay here.

2. You can seek asylum in another country. Then we will transfer you there.

3. Or you can choose to stay in Iraq until the war ends»³.

Фатима спросила: «А разве война все еще продолжается?» Мы знали, что война продолжается, но своими вопросами хотели дать им понять, в какой

¹ Мы очень рады посетить вас. Это – первый раз, когда мы все вместе идем зарегистрировать пленных с таким нетерпением (англ.).

² Какие мягкие и бледные руки! (англ.).

³ У вас есть три варианта действий:

1. Вы можете попросить убежище в этой стране и остаться здесь.

2. Вы можете попросить убежище в третьей стране. В таком случае мы доставим вас туда.

3. Вы можете остаться в Ираке, пока не закончится война (англ.).

информационной блокаде мы находились. Они сказали: «Этот голубой листок – экстренное письмо, которое в течение двадцати четырех часов дойдет до ваших семей. Над ним отсутствует какой-либо контроль со стороны спецслужб. Но вы можете написать всего лишь два слова». Они несколько раз подчеркнули, что написать на бумаге можно только два слова:

– Just two words. (Только два слова.)

Баасовцы боялись, что мы напишем в экспресс-письме больше двух слов, поэтому они без конца повторяли: «Напишите только два слова».

Женщина из делегации Красного Креста сказала: «Сфотографируйтесь и отправьте фото вместе с письмом». Они сфотографировали Фатиму и Халиму отдельно, а мне и Марьям сказали сделать совместное фото, поскольку мы сестры. Я обрадовалась, что Красный Крест поверил, что мы сестры. Спустя 19 месяцев плена мне довелось смотреть в объектив фотоаппарата, который запечатлел мое изможденное бледное лицо, истощенное тело и листок в моих руках, на котором пока отсутствовали те два слова, которые я имела право написать. В тот момент объектив фотоаппарата был для меня, по сути, глазами моей родины, соотечественников и семьи. Я думала о том, с каким выражением лица мне смотреть в объектив, чтобы успокоить их. Я уставилась в объектив, сделав над собой усилие, чтобы изобразить взгляд, лишенный боли и страдания, и подарить его моим отцу, матери и всем тем, кого я любила. Мои уста приоткрыла едва заметная улыбка – улыбка, убеждавшая в том, что я здорова и не подвергаюсь никаким мучениям.

После того как фото было сделано, наступила очередь писать письмо. Какие переживания, какой опыт и какие эмоции я должна была уместить в двух словах после почти двухлетнего пребывания в неведении и затворничестве? Кому мне писать, на какой адрес? Где теперь мой дом? Уцелел ли хоть один какой-нибудь дом за эти два года войны? Кто-нибудь остался ли жив? Я вспомнила, что привезла с собой в Ирак третью записку, адресатом которой являлся Салман и которая стала паролем «генеральской операции». Я сдержала слово, данное мной Салману, и в третий раз, хоть и с двухгодичной задержкой, написала два слова:

***Я жива.** Больница «Ар-Рашид», Багдад.
Масуме Абад, 15.05.1982 г.*

Фотография, высланная сотрудниками Международного Красного Креста из лагеря Аль-Анбар. Сидят справа налево – Масуме и Фатима. Справа стоит Марьям, слева – Халима.

28 بهمن‌ماه ۱۳۶۲
۱۳۶۲
۱۳۶۲

اخبار کشور

از زبان چهار خواهر امدادگر آزادشده از بند بگشون عراق

ماجرای «هزارویکشب» اسارت

ایمان زینمان رسانده که به بندها و برطرف حسین حسینی

چهار تن از بندهای بگشون عراق که آزاد شده‌اند، در این شماره از مجله «اخبار کشور» به زبان خود روایت کرده‌اند. این چهار خواهر امدادگر بودند که در جریان جنگ عراق و ایران در بند بگشون عراق گرفتار آمدند. این چهار خواهر در این شماره از مجله به زبان خود روایت کرده‌اند که چگونه در جریان جنگ گرفتار آمدند و چگونه در بند بگشون عراق زندگی می‌کردند. این چهار خواهر در این شماره از مجله به زبان خود روایت کرده‌اند که چگونه در جریان جنگ گرفتار آمدند و چگونه در بند بگشون عراق زندگی می‌کردند.

1 февраля 1984 г. на страницах всех иранских изданий была опубликована новость о нашем освобождении. На фотографии справа налево: Фатима Нахиди, Масуме Абад, Шамси Бахрами и Халима Азмуде.

Первая встреча с отцом и матерью, во время которой примерно час мы все трое проплакали в объятиях друг друга.

Справа налево: отец, я, Рахим и мать. Все время, что мы сидели вместе, мать либо запрокидывала голову, смотря вверх и благодаря Всевышнего, либо падала ниц в земном поклоне.

Глава шестая

ОЖИДАНИЕ

Салман впоследствии описывал мне дни ожидания после того, как я пропала без вести, – то есть первые дни войны и военный период – так:

– Через каждые три-четыре дня, в промежутках между боями и наступлением или отступлением иракцев, я под разными предлогами забегал домой. Дом стоял полуразрушенный. Первым делом я заглядывал туда, где ты два раза оставила мне послание с надписью «**Я жива**». После этого я больше не получал от тебя весточки. Однажды я в очередной раз пришел в наш дом с надеждой найти записку от тебя. Я искал ее в комнатах, как вдруг отец тоже случайно зашел домой. Он спросил меня: «Ты что-то потерял? Заботься о самом себе, война становится продолжительной. Ночами делается холодно, возьми теплые вещи. И заботься о своей сестре тоже! Я построил ей здесь землянку, чтобы она ночами могла приходить домой. У этого ребенка горячая голова. Непонятно, что она носит, чем питается, где ночует. Я вяжу ей жакет, передай ей, чтобы пришла и померила его». Я сказал: «Не беспокойся, отец, все сестры находятся в мечети имени Обетованного Махди, или в резиденции

Красного Полумесяца, или же в штабе помощи фронту (в школе детей-инвалидов)». Я попрощался с ним.

Не успел я сделать нескольких шагов, как отец окликнул меня, протянул мне два кусочка хлеба и халвы и сказал: «Это приготовлено сегодня вечером в столовой больницы за упокой душ двух раненых, которые скончались. Один съешь сам и прочти “Аль-Фатиху”, а второй отдай своей сестре. Салман, найди ее непременно и убедись, что она это съест. Я знаю, что в нынешних условиях для нее важно всё, кроме нее самой».

Я отправился в мечеть имени Обетованного Махди. Я попросил сестру Дашти позвать тебя, чтобы сказать, что вот уже десять дней, как от тебя нет никаких вестей.

Сестра Дашти сказала: «Масуме здесь нет. Возможно, она в Комитете Красного Полумесяца».

Я отправился в Комитет Красного Полумесяца. Я спросил о тебе Марьям Фарханиан, но и у нее не было сведений о твоём местонахождении. Я вернулся в мечеть и сказал сестре Дашти: «Сестра Дашти, Масуме нет в Комитете Красного Полумесяца. Позови ее, пожалуйста. Мне надо кое-что срочно отдать ей». Кусочек хлеба с халвой стал хорошим поводом для твоих поисков по всему городу. Сестра Дашти ответила: «Клянусь своим сестринским отношением к тебе, что ее здесь нет. Иди в больницу О.Р.Д, быть может, ты найдешь ее там».

Так я колесил по всему городу с куском хлеба и халвы в руке, и в голове у меня не было ни единой догадки о твоём местонахождении. Сначала

я волновался только за то, чтобы как можно скорее отдать тебе хлеб с халвой, поскольку дал отцу обещание сделать это.

Я отправился в больницу O.P.D, но тщетно, потому что отец дежурил там круглыми сутками. Если бы ты была там, отец не стал бы передавать тебе хлеб и халву через меня.

В момент моего прибытия в больницу привезли столько раненых, что яблоку негде было упасть. Крики и стоны детей и женщин, звуки сирен скорой помощи слились воедино. Увидев эту картину, мне стало стыдно сказать, что я принес хлеб и халву для своей сестры. Мы до утра распределяли раненых по больницам.

Я спросил о тебе у одной из сестер-спасателей, которая села в машину, сопровождая раненого. Она ответила, что знает тебя, но не видела уже несколько дней и не имеет вестей от тебя.

Я подумал, что сейчас ночь и, возможно, ты спишь. Я допускал, что не нахожу тебя, потому что сейчас темно. Я также предположил, что ты устала и пошла с какой-нибудь из своих подруг к ней домой, хотя такого раньше не случалось. Возможно, думал я, ты укрылась к каком-то убежище. Эти и десятки других версий крутились у меня в голове. Я был зол на тебя. А возможно, я просто скучал по тебе. Я соскучился по моей младшей сестре – сестре, которую революция и война заставили быстро повзрослеть, чтобы она стала спасателем.

На следующее утро после намаза я снова отправился на поиски тебя, заглянув во все те места, где ты могла бы находиться. В некоторые места

я заходил по несколько раз. Я забывал, что уже заходил туда и спрашивал о тебе. Никто не знал, где ты. Как будто ты была пришельцем с другой планеты! Как будто я искал красную розу в пустыне Бархут. Я был растерян и не знал, как мне быть.

Я вернулся домой. Я подумал: «А вдруг ты спряталась где-нибудь в углу и уснула там, а я тебя не заметил?» Зловещая тишина заполнила всю улицу и дом. Подоконник окна в гостиной был весь в пыли. Велосипед Хамида, который никогда не бездействовал и кочевал из одних рук в другие, теперь пылился невостребованный. Мое лицо пылало. Я открыл кран, чтобы освежиться холодной водой в надежде, что мой мозг тоже лучше заработает. Воды не было. Кран был совершенно сухой, без единой капельки. Я вышел во двор, сел на скамейку и по пальцам начал считать дни с того момента, как ты в последний раз написала «я жива». Свободных пальцев на моих руках не осталось. Последняя записка была оставлена тобой двадцать пятого мехра¹, и я уже десять дней находился в полном неведении о тебе. У меня перехватывало дыхание. Я начал быстро ходить взад и вперед из одного конца двора в другой. В это время появился и Мохаммад, который суетно начал рассказывать о положении в Хоррамшахре, военном оснащении, подготовке к боевым действиям, мученической смерти нескольких ребят, ситуации в доме, самочувствии отца и т.д. Когда он спросил меня о тебе, я рассказал ему о положении дел. Я беспокоился

за тебя. Какие только мысли не приходили мне в голову! Но Мохаммад успокоил меня. Он с предельной уверенностью и оптимизмом сказал: «Она, несомненно, в сиротском приюте. Там точно будут знать, где она».

В моем сердце что-то защемило, подобно искре, которая зажглась в ночи. Я представил, что ты сейчас в приюте, рядом с детьми. Я подумал, что, когда увижу Масуме, то сперва отвешу ей хорошую оплеуху, чтобы она больше не исчезала, не сказав никому ни слова, но потом подумал: «Нет, понятное дело – сейчас война, везде беспорядки, она, наверное, не смогла прийти домой и оставить записку».

Мы с Мохаммадом пошли в приют. Там было пусто и безлюдно, как будто там никто не жил многие годы. На двери комнаты отдыха висели два больших замка. Не было на месте даже сторожа, которого мы, по крайней мере, могли бы расспросить. Мохаммад повторял: «Святой Создатель! Разве может потеряться человек в городе, в котором его все знают? Нажми на газ! Прибавь скорости!»

– Куда мне ехать?

– Поезжай в администрацию, там наверняка о ней что-нибудь знают.

Хотя мы пребывали в крайнем отчаянии, в нас все же теплилась надежда. В администрации мы встретили брата Карима Салахшура. Увидев нашу встревоженность, он успокоил нас, сказав: «Сестра Абад и брат Сейед Сафар Салехи на прошлой неделе вместе с группой сотрудников Красного Полумесяца вывезли детей из приюта в Шираз, подальше от зоны боевых действий». Мы вздохнули. Мы обрадовались

и в то же время огорчились. Огорчились, что ты уехала, не предупредив и не поставив нас в известность. Но потом решили, что, наверное, обстоятельства не позволили тебе этого сделать. Я сообщил полученное о тебе известие отцу и Рахману и попросил передать его другим членам семьи, и мы со спокойной душой выехали в сторону Хоррамшахра.

Столкновения становились все более ожесточенными, иракцы превосходили нас своим техническим оснащением. Рахман все время оставался в Хоррамшахре. Он постоянно повторял: «Пусть иракцы подойдут близко, тогда мы перейдем к контрдействиям; мы схватим их по одному за грудки и нокаутируем, чтобы отбить у них охоту к такой дерзости!» Однако иракцы благодаря своему превосходному оснащению и численности сумели пробраться в город и оккупировали администрацию. Иракские снайперы притаились в засаде в разных местах.

Мы въехали в Хоррамшахр. С нами в машине были две твои подруги: Захра Алмасиан и Фатима Сахиби, которые вместе с доктором Садики ходили в мечеть и на фронт и привозили оттуда раненых. Кто-то из ребят сказал: «Будьте бдительны, иракцы где-то здесь в засаде». Не успел он закончить свою фразу, как мы увидели, что в сестру Алмасиан¹ попала пуля. Я быстро сел в машину, чтобы доставить

¹ Захра Алмасиан – одна из сестер-спасателей, которая с первых дней войны вместе с другими спасателями и доктором Садики работала в Штабе помощи и поддержки фронта в Хоррамшахре и Соборной мечети. В настоящее время работает в Комитете спасения имени имама Хомейни в городе Кум (*прим. авт.*).

ее в больницу Талегани. Несмотря на то, что она была ранена и потеряла много крови, она стойко держала себя в руках, не показывая, как ей плохо. Чтобы отвлечься, она спросила меня о тебе. Я ответил, что ты в Ширазе. Она сказала: «Но ребята, которые ездили в Шираз, уже вернулись».

На мгновение у меня едва не остановилось сердце. Но затем я подумал: «Ну и хорошо, что вернулись. Слава Богу! Огорчаться нечему». Я высадил сестер в больнице Талегани.

Мы с Рахманом вернулись домой. Отец каждый день все больше и больше оснащал землянку, которую построил для тебя. Он взял несколько пустых белых мешков из-под риса, наполнил их гравием и разложил вокруг убежища. Он натянул на него белую москитную сетку в качестве крыши. Каждый день он приносил туда по одному колокольчику. Отец никому не разрешал пользоваться землянкой. Он говорил: «Когда Масуме приедет из Шираза, она ночами будет спать в этой землянке».

Поиски тебя оказались напрасными – мы не смогли найти в Абадане ни единого следа, который привел бы нас к тебе. Рахман, хорошо знавший Шираз, отправился туда вместе с Мохаммадом. Рахман и Сейед были одноклассниками и давними друзьями, поэтому они начали диалог без всяких предисловий. Рахман спросил: «Сейед, сестры из Красного Полумесяца, представители губернатора и дети из приюта – все они находятся сейчас здесь?»

«Да, – ответил Сейед – несколько человек остались с детьми в качестве воспитателей, а другие вернулись в Абадан два дня назад».

Рахман спросил снова: «В которой из этих групп была моя сестра?»

Сейед растерянно, запинаясь, ответил: «Даже не знаю, что сказать... С той минуты, как мы привезли детей в Шираз, мы были заняты административными делами и размещением детей на новом месте, поэтому я Масуме больше не видел. Если бы дети не утверждали, что она была с нами, я бы вообще сомневался в том, что она приехала в Шираз. Будьте уверены, что в Ширазе ее нет, она, я уверен на сто процентов, вернулась в Абадан».

– Мы как раз приехали из Абадана и Хоррамшахра. Последние известия о ней относятся к двадцатому мехра¹, когда она была командирована в Шираз.

Сейед тоже забеспокоился. Никто не мог ничего сделать, но ему просто хотелось быть с нами в эту минуту. Он сказал: «В любом случае я сделаю все, что от меня зависит, и готов сопровождать вас везде, куда бы вы ни собрались поехать».

Мы пошли к детям и расспросили каждого из них. Все они говорили только о том, что она была с ними в автобусе на протяжении всего пути. Одна только Насиба сказала: «Сестра утром пошла для паломничества в мавзолей Шах-Чераг. Она сказала, что останется там до утра».

С той минуты мавзолей Шах-Чераг стал для нас путеводной звездой. Мы спрашивали о тебе каждого паломника, проходившего мимо. Но ты исчезла бесследно, подобно фигурке, вылепленной из

льда, которая растаяла и просочилась сквозь землю, и никакого намека на твое местонахождение не было.

На обратном пути в Абадан мы, словно заблудившиеся, принимали любое беспутье за главную дорогу. Несколько раз мы сбивались с пути. Ни я не мог вести машину, ни Рахман. Каждые несколько минут мы менялись местами. На наших лицах будто нарисовались большие вопросительные знаки, и никто из нас не осмеливался ответить на этот вопрос. Мы внимательно наблюдали за трассой Шираз – Абадан в надежде наткнуться на какой-нибудь след или знак, ведущий к тебе, но все было тщетно. Мы разместили мать вместе с нашей младшей четырехмесячной сестрой Марьям в одном из административных зданий Нефтехимической компании города Махшахр. Возвращаясь в Абадан, мы проезжали мимо этих зданий, но, принимая во внимание текущее положение дел, мы не хотели идти к ней, щадя ее душевное состояние. К тому же Марьям была грудным ребенком. Всякий раз, когда мать видела нас, она призывала к тому, чтобы мы заботились друг о друге, ибо брат и сестра для человека – это сокровище.

Мы свернули в сторону Ахваза и поехали за Рахимом. В Ахвазе был организован Штаб поддержки Нефтяной компании фронту, в том самом месте, где ты находилась с Рахимом в первые дни войны. А после мы вместе вернулись в Абадан на автобусе, в котором перевозили пленных иракцев. Мы хотели сказать Рахиму о том, что ты пропала. В конце концов, одна голова – хорошо, а две – лучше.

Как только мы приехали в то место, где были размещены ребята из Нефтяной компании, Рахим вместе со своими друзьями вышел нам навстречу. Ты ведь знаешь, что когда Рахман злился или расстраивался, он начинал нервно моргать, и все понимали, что что-то не так. С другой стороны, у нас был тревожный и озабоченный вид. Увидев наши лица, Рахим спросил: «Какие новости?» Рахман, непрерывно моргая, ответил в своей привычной манере какой-то шуткой.

Все рассмеялись, кроме меня, Рахмана и Рахима. Рахим быстро вышел вперед и снова спросил: «Какие новости?» Я и Рахман, как ни тяжело это было, рассказали ему историю о твоём исчезновении. Рахим, который всегда молчал, а когда говорил – говорил мало и обдуманно, стоял с открытым ртом, пылливо смотря на нас и повторяя: «Дальше, что же дальше?»

– Дальше – то, что мы приехали сюда. Знаем об этом только я, Мохаммад, Салман и ты. Мы не знаем, где ее искать – среди убитых или среди живых; искать ее в Абадане или в Ширазе. Не знаем, что делать.

Рахим по-прежнему стоял с открытым ртом, затем сказал: «Поедем вместе в Абадан!»

С каждым днем тяжесть неведения и отсутствия информации о тебе, а также горькие события, происходившие одно за другим, погружали нас во все большее отчаяние и скорбь. Как это было возможно, чтобы наша сестра, знавшая город и его жителей как свои пять пальцев, заблудилась в нем?

432 А вдруг ее где-то настиг осколок безжалостного

снаряда, и ее тело пропало? Когда у меня возникали такие мысли, я начинал проклинать себя и говорил: «Парень, да чтоб ты онемел! Что за дурные мысли у тебя в голове!»

Никто из нас не проронил ни слова за всю двухчасовую езду. Мы все безмолвствовали, как это обычно делал Рахим. Когда мы доехали до дома и увидели белую землянку, которую отец приготовил для тебя, у меня ком застрял в горле. Отец изо всех сил старался сделать ее более уютной. Мохаммад тоже пришел домой. Вернулся и отец после четырехдневного дежурства в больнице. С одной стороны, он был рад тому, что все его дети участвуют в войне с баасовским режимом и возвращаются к нему здоровые и невредимые, с другой же – был огорчен тем, что люди страдают, теряют дома и близких, держат траур. Мы все стыдились посмотреть в глаза отцу. Мы боялись встретиться с ним взглядами, ожидая, что он спросит нас: «Где Масуме? Вы сказали ей, чтобы вечером пришла домой?»

Отец говорил о Второй мировой войне, о лицемерной колонизаторской политике иноземных государств. Мы были довольны тем, что он рассказывает об истории, о войнах и других странах и ничего не спрашивает о тебе. В промежутках он задавал нам какие-то вопросы, но они оставались без ответа, поэтому он понял, что мыслями мы находимся в совершенно другом месте. Нам было не по себе. Дыхание застревало в груди. Мы чувствовали себя, как перед взрывом, который вот-вот должен произойти. Мы молились Богу, чтобы ты вошла в дверь и отец не спросил нас о тебе.

Поскольку мы не хотели отвечать отцу на вопросы о тебе, мы решили попроситься с ним как можно скорее и уйти, однако, как назло, был вечер четверга, и отец принес из больницы два кусочка хлеба с халвой. Один он поделил и раздал каждому из нас, второй отдал Салману и сказал:

– Салман, не знаю, почему у меня, как у женщин, на сердце неспокойно. Побеспокойтесь о вашей сестре, обязательно передайте ей этот кусок и прочтите «Аль-Фатиху» за души усопших.

Мы вздохнули. Отец не спросил нас: «Вы Масуме видели? Как Масуме?» Он не сказал, чтобы мы передали тебе, чтобы ты обязательно заглянула домой.

Война была проблемой номер один для нашей семьи, но твое исчезновение для нас стало таким большим горем, что, с кем бы мы ни делились им, оно не становилось меньше или слабее. Мы по очереди несколько раз проверили все списки погибших, похороненных на кладбищах в Абадане и Хоррамшахре, начиная с двадцатого мехра. Затем мы взялись за раненых в больницах. Мы объехали все мечети и штабы народной поддержки. Но ты была словно капля дождя, просочившаяся сквозь рыхлую почву.

В отсутствии отца мы спрашивали о тебе сестер. Не было ни одного дома, куда бы мы ни постучали в поисках тебя. Но Абадан как будто стал другим городом, который не знал ни тебя, ни твоего адреса. Все жители уже знали, что ты пропала, и каждый день спрашивали о тебе. Вопросы людей только увеличивали нашу тоску и тревогу. Я взывал

к Создателю, заклиная Его землей Абадана, окрашившейся в красный цвет кровью мучеников, чтобы Он вернул тебя. Мы строили разные догадки и домыслы, но в результате имели только неясность и уйму вопросов.

Как ни странно, отец знал о том, что сестры отвезли детей из приюта в Шираз и вернулись, но лишь повторял: «Позаботьтесь о своей сестре!» Мы советовались между собой относительно того, сказать ли в конце концов отцу правду или нет. Мы не знали, что отвечать ему, если он спросит о тебе. Что бы мы ему ни сказали, он бы расстроился. Каждый из нас имел определенное мнение на этот счет:

– Он не сможет пережить такое большое горе.

– Великие беды следует делить с великими людьми.

– Мы должны придумать какую-нибудь нейтральную историю, услышав которую, он не расстроится и не обнадежится.

– После он разозлится на нас, и мы только усугубим ситуацию.

Худшее, что может быть, – это неопределенность, подвешенное состояние. Твой уход повлек за собой вакуум, а твое исчезновение – боль. Если с нами кто-то здоровался, мы вместо расспросов о делах и самочувствии ожидали услышать новости о тебе.

Отношения нашего старшего брата Карима с отцом были отношениями отца и сына и в то же время – братскими отношениями. Они разговаривали друг с другом доверительно и в то же время – с почтением и церемонностью. Кандидатура

Карима была оптимальной для разговора с отцом о твоём исчезновении. Карим спешно приехал в Абадан, и мы организовали встречу в администрации губернатора вместе с инженером Батманкеличем, Каримом Салахшуром и двумя друзьями, которые имели опыт в области правовых и административных вопросов. Они говорили:

– Выкиньте из головы все, что связано с войной и смертью. Подумайте, может быть, у вас есть враги? Вы ни с кем не вели словесной перепалки? Может быть, имел место какой-нибудь эпизод, связанный с делами амурными или семейными?

– Да нет же! Ничего подобного не было! Ей было 13–14 лет, когда она влилась в революционное движение. С того времени она постоянно находилась в мечети, либо в исламском обществе, либо в Красном Полумесяце.

Однако никакие из выдвинутых на нашем экстренном совещании предположений не ответили на наши вопросы. Совещание завершилось безрезультатно. Я думал: «Масуме, где же ты?! Где бы ты ни была на этом свете, я приду за тобой, ты только дай мне какой-нибудь знак».

У меня не было настроения ехать за рулем. У меня было ощущение, будто все мое тело облили ледяной водой и посекали плетью. К вечеру никто из нас не хотел уже даже разговаривать. Мы сели в машину. Водитель высадил нас на краю улицы. Следом за Каримом мы двинулись к дому. Издалека мы увидели отца, который облокотился на свою белую землянку и громко плакал. Он закрыл лицо жакетом, который связал для тебя, брал землю и сыпал

ее себе на голову. Он со стоном вопрошал: «Где моя сестра? Где моя мать? Где моя карманная девочка? Почему ты ушла, не попрощавшись? Почему ты ушла без меня?»

Услышав голос отца, я почувствовал, как струны моего сердца лопнули. У меня не хватало смелости подойти и взглянуть в его заплаканные глаза. Это был первый раз, когда я слышал плач отца. Мы ничего не могли сделать. Мы уже не знали, куда отправиться и где тебя искать. Единственное, что мы еще могли, – это лить слезы в унисон нашим скорбящим сердцам. Мы обняли друг друга и прислонились головами к белой землянке. Стоны и плач Карима, который был призван проявлять наибольшее терпение и стойкость, были громче всех. Наш плач нарушал скорбную тишину, стоявшую вокруг, но поблизости не было ни одного соседа, ни одного прохожего, который соболезновал бы нам, который поддержал бы нас. Дело шло к ночи. Мы положили головы друг другу на плечи и плакали. Никто не осмеливался ни о чем спросить. Я все-таки заговорил, предварительно хорошо подумав, чтобы не задать неуместный вопрос, который бы ухудшил ситуацию. Я спросил:

– Отец, почему ты плачешь?

– Сынок, камень из моего кольца «Шараф-аш-Шамс» потерялся.

– Ты куда-то ходил? Кто-то что-то сказал тебе?

– Я понимаю вас, братья. Печаль велика, и вы не можете передать ее словами. Я видел, что становится холодно, поэтому отнес ее жакет в мечеть имени Обетованного Махди, чтобы его передали

вашей сестре. Я позвал одну из сестер. Когда я сказал ей, что я – отец Масуме, она расплакалась и сказала: «Хаджи¹, пусть Всевышний дарует Вам терпение! Организуйте роузе ее светлости Захры для нее в качестве обета. Ее светлость Захра тоже была без могилы и без адреса». Она все еще говорила, но я развернулся и молнией примчался к землянке. Я забыл дорогу от мечети до дома, хотя по этому маршруту ходил на протяжении пятидесяти лет моей жизни. Несколько раз я падал на землю, у меня не было сил подняться...

Мы взяли отца под мышки. Он ничего не говорил, только повторял: «Я погиб... я погиб».

Мы ничего не могли сказать, могли лишь лить слезы из-за постигшего нас тяжелого несчастья. Мы встали за отцом и приготовились совершить коллективный намаз. Карим просил у отца прощения:

– Отец, это моя вина, я допустил халатность. Когда война началась, Масуме была в Тегеране. Она плакала и умоляла отпустить ее, говорила, что все мы должны бороться с врагом и защищать родину. Она выпорхнула у меня из рук, словно воробей. Я сам не понял, как я согласился отпустить ее...

Рахим продолжил с комом в горле: «Она хотела приехать в Абадан. Она беспокоилась о детях из приюта. Я должен был проявить благоразумие, отвлечь ее какими-нибудь делами в Штабе поддержки, а не бросать ее в пекло».

¹ Хаджи – уважительное обращение к мужчине (прим. ред.).

Салман сказал: «Главный виновный – я. Она сама доехала до Ахваза. Я поехал в Ахваз и привез ее с собой сюда. Каждый из нас по-своему был занят войной и обороной, мы сами не поняли, как нас настигла эта беда».

Однако отец сказал: «Нет! Никто не виноват. В тот день, когда в наш дом угодил снаряд, ее рука была в моей руке. Мы вместе бежали по этим улочкам. Рука судьбы разъединила наши руки. Молитесь только, чтобы рука Всевышнего продолжала оставаться с ней».

Твое исчезновение было удивительным происшествием. Мы не знали, с чем его связать – с твоей смертью или похищением; и вообще, имеет ли оно отношение к войне или нет. Это происшествие сделало нас равнодушными к сигналам воздушной тревоги и непрерывному свисту разрывавшихся здесь и там снарядов.

В ту ночь мы просидели рядом с отцом до утра, прислонившись спинами к землянке. Мы в подробностях рассказали ему историю с твоим исчезновением. После этого мы спросили отца: «Отец, как ты думаешь, где сейчас Масуме? Что с ней случилось?»

Отец ответил: «Если человек не остался в Тегеране и Ахвазе, он, безусловно, не останется и в Ширазе. Можете не искать ее в Ширазе. Ищите ее здесь, в этом городе. Человек устроен так, что пока он своими глазами не увидит, как на тело его близкого сыплют землю и кладут камень, он не поверит в его смерть. Глаза не верят, пока сами не увидят; они всегда открыты и ждут».

В некоторых словах отца звучало отчаяние, а в некоторых – надежда. Ситуация в Абадане и Хоррамшахре менялась каждый день. Кто-то из ребят Корпуса принес новости о том, что обстановка в Хоррамшахре становится все тяжелее. Мы попрощались с отцом, и он остался один.

К сожалению, несмотря на все наши усилия и сопротивление, мы потеряли Хоррамшахр из-за нехватки вооружения и техники. Иракцы приблизились на расстояние двух километров от остановок «Семь» и «Двенадцать» на пути к Абадану и блокировали трассу Кафас – единственный наземный путь, ведущий на остров Абадан. Позиции артиллерийских подразделений, дислоцированных в районе остановки «Семь» и прикрывавших фронт Хоррамшахра, оказались под угрозой. Артиллерийские орудия пришлось переместить на двадцатый километр трассы Махшахр, но фронт Хоррамшахра оказался лишен артиллерийской поддержки.

С падением Хоррамшахра Абадан оказался полностью осажден. Чтобы предотвратить вступление иракцев в Абадан, мы вместе с группой братьев с большим трудом заминировали участок дороги между остановками «Семь» и «Двенадцать» и расположились на юге Бахманшира.

Масуме, твое лицо, манеры и привычки ни на секунду не выходили у нас из головы. Потерять тебя в первые же дни войны было одной бедой, а сообщить остальным членам семьи о том, что ты пропала, – другой. Друзья, знакомые и даже чужие – все сочувствовали нам, но никто не мог ничем помочь. Труднее и больше всего было рассказать

о твоём исчезновении матери. Никто не осмеливался сообщить ей о том, что ты пропала. Но в конце концов она узнала об этом. Известие о твоём исчезновении едва не довело ее до сумасшествия.

В зимнюю стужу, когда город был полностью блокирован баасовскими силами, она скиталась по улицам и базарам с грудным ребенком на руках и говорила: «Дайте мне самой обыскать улицы и постучаться в каждый дом. Возможно, Масуме в одном из этих домов». Нашим словам она не верила. Иногда она поднималась на крыши домов и, был ли то день или ночь, часами сидела, уставившись на двери домов и наблюдая за перемещениями людей – тех немногочисленных, которые оставались в городе и которых изредка можно было еще видеть. Она всех спрашивала о тебе. Она забывала, у кого уже спросила и не получила ответ, и у одного и того же человека могла спросить о тебе десятки раз.

Отец был единственным человеком, который иногда сопровождал ее и которому она изливала душу. Он полностью понимал ее. Отец говорил: «Мы ведь потеряли не воробышка, мы потеряли своего ребенка, не препятствуйте ей, пусть она хорошо ее ищет. Мать находит свое дитя по запаху молока». Иногда она искала до тех пор, пока сама не терялась. Город был маленький, и новости быстро разлетались. Я говорил ей: «Мать, ты так можешь потеряться. Нам стыдно перед нашими друзьями. Мы потеряли свою сестру, а теперь должны потерять еще и мать?»

Фатиме, состояние которой было не лучше, которая стала для всех нас и сестрой, и матерью, было поручено идти за матерью по пятам и искать ее в случае потери. Каждый день мать под каким-нибудь предлогом выходила из дома. Она требовала, чтобы мы отвезли ее на берег реки Карун. Она говорила: «Я хочу поговорить с Карун. Ее воды текут к Евфрату. Я буду умолять ее, чтобы она принесла мне вести от Масуме». Она заклинала воду и землю Абадана и разговаривала с ними так, будто они тоже с ней говорили. Все для нее пахло тобой. Когда она видела матерей мучеников, она стеснялась их. Она опускала голову вниз и говорила: «Мне стыдно перед вами плакать и рыдать».

Каждый день она отправлялась на твои поиски под предлогом увидеть сестер-спасателей из Красного Полумесяца. Сестра Джуши¹ собирала остальных сестер и отправляла их к матери, чтобы они поддержали ее. Когда она начинала читать скорбные роузе и причитать, никто не мог выдержать этого.

Наступил месяц мохаррам. С того дня, как ты ушла, мы были в поисках такого места, в котором бы смогли немного отвести душу и облегчить боль нашей утраты. Мы ждали дня, который оказался бы мучительнее того момента, когда мы поняли, что ты потерялась. Ашура как раз была таким местом и таким временем. Самыми трудными были те дни,

¹ Сестра Джуши была руководителем ополчения сестер Абадана. На всех критических этапах войны она играла эффективную роль в организации и обучении сестер. В настоящее время живет в Абадане (*прим. авт.*).

когда приходили бабушки и тети, и все начинали плакать и причитать. В такие дни роузе и страдания казались бесконечными. Женщины читали молитвы и проповеди так заунывно и тоскливо, что могли растопить любое каменное сердце. Чем чаще мы повторяли имя Хусейна, тем больше затягивалась рана на сердце и тем больше сочувствия к Хусейну появлялось в нас...

Ты ушла, не попрощавшись. Ты даже не дала нам возможности сказать тебе «прощай». Вся наша жизнь наполнилась словами «Если бы!», «Как жаль!» и «Ах!»

Абадан был полностью осажден. В городе не осталось никого, кроме военнослужащих, спасателей и сил поддержки. Однако даже в дни блокады и в таких условиях бабушка, хоть и с трудом, все же умудрялась наполнить водой свои большие кувшины. Иногда она добавляла в них склянку розовой воды и сахар и раздавала людям получившийся шербет. Иногда она приносила с собой полные кувшины и стаканы в мечеть имени Сейеда Аббаса и, часами стоя на ногах, угощала всех шербетом. Она верила, что если человек помогает рабам Божьим в трудную минуту и тяжелые времена, Всевышний поможет ему и успокоит его сердце.

Наступил мохаррам, а вместе с ним должны были начаться роузе и проповеди в бабушкином доме. Мотивируя тем, что город пуст и никого в нем не осталось, мы попытались вывезти из Абадана бабушку, мать, ее сестер и детей, однако наши уговоры ни к чему не привели. Они остались, и мы провели декаду траура по Предводителю мучеников

еще более торжественно, чем обычно, слив воедино свою сердечную боль с душевной скорбью ее светлости Зейнаб. Мы сказали матери: «Есть свидетели, которые утверждают, что Масуме осталась в Ширазе, не вернулась в Абадан. Будет лучше, если и вы вместе с бабушкой и тетями поедете в Шираз после Шам-е Гарибан¹».

Хейдар – муж тети Сеноубар, который владел баркасом и регулярно ездил в Кувейт, возя товары на кувейский базар, купил дом в северной части Шираза сразу же после того, как началась война, и переправил туда свою семью, которая начала новую жизнь. Тети и бабушка окружили мать и начали уговаривать ее покинуть Абадан и переехать в Шираз. Она согласилась, но при трех условиях. Первое условие – чтобы она взяла с собой все твои вещи: одежду, книги, фотографии, то есть абсолютно всё, вплоть до тапочек. Она отказывалась уступать хоть в чем-то в этом вопросе. Когда отец взял твой дневник и сказал: «А это я оставлю себе, ты все равно не умеешь читать, он тебе не пригодится», – она выхватила дневник с рассерженным видом, крепко прижала к груди и сказала: «Нет, это моё! Я буду листать его и просто смотреть на него. И вообще, я, может, пойду и научусь читать, чтобы могла прочесть записи в нем!»

¹ Шам-е Гарибан – траурная церемония прощания с имамом Хусейном, посвященная памяти о мученической смерти Предводителя мучеников, героев Кербелы, а также женщин и детей, которые остались без защиты, в частности, памяти о многострадальности ее светлости Зейнаб (прим. авт.).

Она открывала дневник и всматривалась в каждую строчку. Она хотела разобрать и понять что-нибудь из записей. Она гладила страницы, обнимала и целовала их.

Твои записи были для нее изображением райского сада, в котором самые красивые цветы, самые ароматные розы, самая нежная и трепетная листва.

Отец смирился и распрощался с желанием иметь при себе твой дневник воспоминаний. Мать обхватила свой чемодан двумя руками так, что никто не осмеливался дотронуться до него и вытащить оттуда что-нибудь. Под предлогом того, что я хочу в последний раз посмотреть альбом с фотографиями Масуме, я незаметно взял одну твою фотографию 6x4 и отдал ее отцу, но мать увидела это и воскликнула: «Нет! Я не позволю, это – моё!»

Вторым условием было, чтобы мы проделали путь от Абадана до Шираза пешком, чтобы у нее была возможность самой обыскать каждый сантиметр этого маршрута.

Третье условие заключалось в том, чтобы по приезде в Шираз ей позволили привязать себя цепями к зариху¹ мавзолея Шах-Чераг.

После долгих упрашиваний и уговоров мы, наконец, упаковали чемодан и повесили на него два больших замка. Мать взяла на руки Марьям, которой было шесть месяцев, и мы двинулись в сторону стоящей на реке деревни Чубаде. Там множество

¹ Зарих – кенотаф (пустая, символическая могила, памятник), место поминовения в погребальной камере мусульманского мавзолея (*прим. перев.*).

женщин, детей и стариков, держа в руках чемодан или куль с вещами – достояние всей их жизни, стояли в очереди, чтобы сесть на баркас или судно на воздушной подушке. Люди были настолько взволнованы и охвачены суетой и тревогой, что никто ни с кем даже не здоровался. Мать настаивала на том, чтобы самой нести чемодан с твоими вещами, который нес я. Всякий раз, когда я опускал его на землю, она сразу брала его и начинала обнимать. Город был весь в огне от непрерывных иракских артобстрелов. В тот день неприятель развернул свои орудия в сторону Чубаде, поэтому лодки передвигались медленно, с задержками. Голодные, с тяжелым багажом, мы простояли двадцать четыре часа на холоде, пока, наконец, очередь дошла до нас.

Мохаммад тоже был с матерью и бабушкой. Он потом рассказывал: «Через два часа мы приехали в Махшахр. Люди были растеряны и возбуждены, поэтому образовалась толкучка. Я взял бабушку за руку, чтобы ее не раздавили. В этой давке и неразберихе я потерял чемодан и не мог его найти, как ни старался. Я начал метаться в разные стороны в поисках своей пропажи, всматриваясь в чемоданы прохожих, но безуспешно. Чемодан как будто растаял. Мать то и дело напоминала мне: “Не забудь про чемодан!” Чтобы успокоить ее, я сказал ей: “Мне сказали идти и идти, они сами пришлют чемоданы”.

Я оставил своих в одном наспех построенном сыром и холодном здании, а сам вернулся. Мне хотелось кричать и плакать. Я не знал, что это за

злой рок, который не оставляет нас в покое! Кто пришел за нами и за чемоданом Масуме? Это стало для меня загадкой. Пять дней я приходил к лодкам в надежде найти свою потерю среди путешественников и их чемоданов. Я надеялся на то, что кто-то по ошибке взял чемодан Масуме и принесет его обратно. А может быть, думал я, те два замка, которые мы повесили на чемодан, разожгли в ком-то желание нажать? Но даже в таком случае я надеялся, что этот «кто-то» устыдится, передумает и вернет мне чемодан. Мне сочувствовали даже моряки. Пропажа чемодана с новой силой разбередила рану в сердце матери. Мы и сами не понимали, как эти события следуют одно за другим. Никогда не забуду слова, которые мне сказала бабушка, которая не хотела упрекать меня в том, что я не усмотрел и потерял чемодан Масуме, в момент, когда я хотел вернуться в Абадан: «Мальчик мой, будь осторожен, чтобы тебя самого не похитили». Дойдя до баркаса, я увидел, что мне навстречу бежит радостный моряк. В его руке был чемодан, приметы которого я ранее ему описал. Но в каком состоянии было это сокровище! Чемодан был разорван в клочья, а внутри него оставалась лишь пара предметов одежды и несколько учебников. Вероятно, вор, увидев чемодан с двумя огромными замками, подумал, что он набит купюрами, но когда разворотил замки, понял, что украл не клад, а чей-то хлам, оставил всё на берегу реки и ушел. А нам в итоге от твоего чемодана досталась пара твоих вещей и три учебника для третьего класса старшей школы».

Молитвенный коврик матери всегда был разостлан. Она постоянно читала Коран от начала до конца. Ахмад тоже читал для нее Коран, а Али и Хамид успокаивали ее, рисуя ей новые надежды и мечты. Бабушка, мать и три наши тети десятки раз прочесали трассу Шираз – Махшахр. Они обили пороги всех мест паломничества, постоянно молились и прислуживали в мавзолеях. Бабушка, мать, тетя Нусрат и тетя Исмат подметали подворье мавзолеев святых, а тетя Сеноубар занималась покупками, восстановительными и ремонтными работами. Они дали обет, согласно которому, если бы ты нашлась, они каждый день приводили бы тебя в мавзолей, чтобы ты подметала там.

При всей их искренней вере и преданности имамам и их потомкам иногда они, в особенности тетя Сеноубар, попадали в ловушки мошенников и шарлатанов, и дело доходило до гадания по руке, по зеркалу и прочим предметам, в результате чего они отправляли нас за какими-то немислимыми вещами до границ с Афганистаном и Пакистаном. Потом мы понимали, что это – бесполезная игра и пустая трата времени.

Каждого из нас, кто забегал проведать мать и детей, они по очереди отправляли в какой-нибудь другой город или того хуже – в забытое Богом селение. Чтобы лишний раз не расстраивать их, мы ходили в любое место, куда бы они нас ни отправили. У Абдуллы был автомобиль марки «Тойота», на котором мы вместе с ним и Рахманом отправлялись в самые отдаленные и неприступные места. Твой адрес и приметы я передал во все отделы полиции

региона. Они оповещали нас каждый раз, когда находился какой-нибудь неопознанный труп, и мы сразу бежали туда.

Никогда мы не радовались так, как обрадовались в тот день, когда, спустя шесть месяцев после твоего исчезновения, с нами связался один из наших друзей из администрации губернатора Хорасана и сказал, что в городе Турбате-Хейдарийи найдено тело неизвестной восемнадцатилетней девушки, которая «подходит под описание вашей сестры». Эта новость согрела всех нас в студеную и морозную погоду месяца бахман¹. Я не знаю, почему мы все так обрадовались. Означало ли это, что мы уже были согласны хотя бы получить твое тело? Но одна из гадалок сказала матери, что ты жива, и мать сшила для тебя новую одежду, а отец, вопреки всегдашней традиции, когда он распускал прошлогодние жакеты и снова вязал из этих ниток вещи другого фасона, на этот раз купил новый клубок и начал вязать жакет. Фатима купила много зелени для супа аше реште, который она собиралась приготовить вместе с соседями. Мать, которая до того момента не соглашалась покинуть Махшахр и жила в одном из заброшенных зданий нефтяной компании, привела в порядок пару обветшалых помещений, в которых некогда жили сотрудники компании «Иран-Япония», затем, как картины, повесила на стену два комплекта только что сшитой одежды и сказала: «Ну что же! Теперь весь

¹ Бахман – 11-й месяц иранского солнечного календаря, соответствует 21 января – 19 февраля по григорианскому стилю (прим. ред.).

дом и все члены семьи готовы. Идите, Всевышний да пребудет с вами!»

Надо сказать, что сначала сама она тоже собиралась отправиться с нами в путь. Но мы с трудом уговорили ее остаться, сославшись на то, что дорога дальняя, в машине места мало, а у нее маленький ребенок. Она проводила меня, Абдуллу и Рахмана, держа над нашими головами Коран, и пролила воду вслед нам, чтобы мы скорее вернулись домой. Каждый пожелал нам вернуться с добрыми вестями.

В дороге я думал о том, какое все-таки воздействие оказывают слова разного рода гадалок на человека! Как они обнадежили мою мать, и насколько мы привыкли к этим сказкам!

Зимняя стужа, заснеженная дорога и отсутствие у нас соответствующих приспособлений, чтобы передвигаться по заваленной снегом и покрытой льдом дороге, утомили и вымотали нас. Каждый из нас думал о своем и прокручивал в голове те самые обнадеживающие слова, которые были сказаны гадалкой, и мы мало думали о том, где мы и куда должны прибыть. Доехав до Турбате-Хейдарийи, мы направились в сторону кладбища и морга, и наши глаза наполнились слезами, как будто мы только что вспомнили о том, для чего мы приехали в этот город и с чем мы можем там столкнуться.

Мы прибыли на место назначения на закате, когда уже стало темнеть, а дорогу к кладбищу мы не знали. Из-за сильного снега и пурги, которая мела весь день, сбивая человека с ног и валя его в сугробы, мы не смогли найти кладбище и днем. В конце концов после долгих расспросов и уточнений

мы добрались до кладбища. Какая тяжелая тишина стояла над ним! Никого не было в этом грустном месте, за исключением нескольких человек, которые только что похоронили своих близких. Но и они один за другим вскоре начали расходиться. Тусклое зимнее солнце скрылось, и быстро темнело. Мы спросили: «Где здесь морг?» Нам показали в сторону двух смежных зданий вдалеке. На машине мы поехали к ним. Мы все хранили молчание, каждый уставился в одну точку, и лишь изредка кто-нибудь из нас выпускал глубокий вздох и тихо говорил «прошу милости у Всевышнего и возвращаюсь к Нему» или «преславен Аллах».

С наступлением темноты я вспомнил об одном из тех дней, когда ты и твои подруги, моя дорогая сестренка, ложились в могилы, чтобы перестать бояться смерти. В тот день мы с Сейедом, подражая лаю собак, напугали вас, и вы бросились бежать врассыпную. Ты подшучивала над смертью, а мы – над тобой. Ты упражнялась в смерти, а мы перечеркивали твои упражнения. Те эпизоды – сродни фрагментам мозаики; при правильном расположении этих фрагментов могла бы получиться ясная картина о твоей сегодняшней судьбе. Как же просто и безразлично мы смотрим порой на какие-нибудь жизненные эпизоды и события! В тот вечер, когда ты упала, я остановился и смотрел на тебя. Все мои мысли были о том, не ушиблась ли ты. В ту ночь ты убежала от мертвых, а теперь ты на кладбище! Внезапно я разрыдался. Я рассказал эту историю Рахману и Абдулле, и они почувствовали то же, что и я.

В ту ночь на том холодном кладбище нашими собеседниками стали мертвецы, лежавшие под землей. Но слышно было только нас. Мысль о том, что ты лежишь одна в одной из ячеек морга и боишься, не давала мне покоя. Всю ночь мы крутились вокруг этого небольшого помещения. Иногда мне хотелось сломать проклятый замок, висевший на двери, и скорее зайти внутрь, но я вовремя оставливал себя, понимая, что это неразумно.

Наступило утро. На кладбище пришли несколько человек с чьими-то телами на плечах, за ними шли люди, которые хотели проводить своих близких в последний путь. А мы сами не знали, пришли ли мы встречать тебя или провожать. Около двух часов они, плача и причитая, простояли в ожидании тела своего отца и били себя по голове и груди, вспоминая радостные и печальные дни, связанные с ним. Когда принесли тело усопшего, коим являлся мужчина средних лет с широкой грудью и темно-русыми волосами, все устремились к двери морга. Как только она открылась, я, Рахман и Абдулла скользнули внутрь, опередив даже тех людей в трауре, и принялись опасно озираться по сторонам.

Санитар морга, сердитый мужчина, вышвырнул нас за дверь. И это еще больше разозлило нас. Когда он закончил омовение умершего, мы отвели его в сторону и сказали: «Мы приехали издалека. Двое суток мы были в дороге. За минувшую ночь мы исходили это кладбище вдоль и поперек. Мы пришли за своей сестрой. Нам дали адрес этого морга». Мы с Рахманом и Абдуллой говорили наперебой. Тогда

он оборвал нас на полуслове и сказал: «Я не имею права открыть дверь морга без соответствующего разрешения».

– Кто должен дать разрешение?

– Даже если разрешение будет получено, вы должны иметь при себе удостоверение личности.

Абдулла показал ему карточку Нефтяной компании, а я – карту Корпуса.

– Почему у вас разные фамилии? – спросил он. Я обнял его, поцеловал и взмолился:

– Помогите нам!

– Эти карточки ни о чем не говорят.

– Адрес, по которому мы приехали, дал нам один большой человек, чтобы мы приехали и опознали тело молодой девушки, которая, по описанию, может быть нашей сестрой. Вот уже пять месяцев, как мы потеряли свою сестру.

– Идите и вернитесь с тем большим человеком, о котором вы говорите.

– Заклинаю тебя душой твоей матери! Заклинаю тебя жизнями твоих близких! Заклинаю тебя твоим благородством! Открой нам дверь!

В ответ на все мои мольбы он сказал: «Послушайте, сегодня – пятница. Сегодня выходной, даже для мертвых». Не успел он еще закончить эту фразу, как Рахман, потерявший всякое терпение, набросился на него, повалил на землю и отвесил ему пару ударов в живот и грудь. Мы попытались разнять их, но Рахман снова схватил его и надавал ему тумаков и пинков. Бедный санитар вырвался и стал бегать от Рахмана по всему кладбищу. Но Рахман поймал его и приволок обратно, как труп. Брат был

вне себя от гнева и кричал: «Он перемыл столько трупов, что уже во всех видит не людей, а мертвых! Этот подлец не имеет ни грамма благородства и сочувствия! Скажи-ка теперь, сколько нас, двое или четверо? Скажи-ка теперь, мы большие или маленькие? Тебе доверили лишь пару трупов, а ты мнишь себя таким важным! А что бы было, если бы тебе поручили живых?!»

Надо сказать, что санитар морга был куда более бесстыжим и дерзким, чем мы предполагали. Несмотря на полученную трепку, он отказывался открыть нам дверь. Однако в конце концов он с швырнул нам ключ, и мы вошли в помещение.

Запах камфоры и формалина, царящий внутри холод, запах смерти и разлагающихся тел, обернутых в белые простыни и лежавших в отдельных ячейках, унесли нас в другой мир. Мы как будто сами сделались похожи на мертвецов – наши лица стали бледными и безжизненными. Друг на друга мы тоже смотрели, как неживые. И только у санитаря был взгляд и вид живого человека, он на все смотрел, как на нечто обыденное.

Не знаю, чего мы боялись – вида мертвецов, столкновения с горькой и мучительной действительностью, несбыточности обещаний гадалок или краха надежд матери.

Мы не знали, с чего нам начать – с лица, волос, рук? Мы не осмеливались начать опознание. Санитар раздраженно сказал: «Вы же знаете, какое лицо было у вашей сестры? Посмотрите на ее лицо!»

Рахман ответил: «Ты, как я посмотрю, пришел в чувство, и тебе снова захотелось тумачков. Человеку надо быть санитаром морга, чтобы он осмелился посмотреть в лицо своей мертвой сестре».

– В любом случае вы должны опознать ее, начав с головы или ног.

– Неужели ты сказал хоть одну правильную вещь?

Единственное, что было общего во внешности всех нас, двенадцати братьев и сестер, – это пальцы ног, о которых отец всегда говорил: «Пальцы рук и ног у вас похожи на лапки коротконогих кур».

Санитар немного откинул простыню, так что открылись стопы. Пальцы ног у этого тела были длинные и вытянутые, а нижняя часть стопы была как земля пустыни – вся в трещинах и белого цвета. В трещины набились грязь и гной. Я и Рахман одновременно сняли носки. Мы взглянули сначала на свои стопы и пальцы, затем – на безжизненные ноги умершей. Нет! Никакого сходства между этими и нашими ногами не было. После этого мы осмелились попросить санитаря, чтобы он открыл лицо умершей. Мы отошли на несколько шагов назад для смягчения шока от того, что должны были увидеть. Когда простыня была откинута, мы увидели девушку-шатенку с высоким лбом, черными, длинными, сросшимися на переносице бровями. Между ее зубов, которые было видно сквозь слегка приоткрытые губы, виднелись щели. На скуле имела глубокая рана с большим кровоподтеком, от вида которой у человека сердце обливалось кровью.

Эта девушка с ее невинным лицом лежала одиноко на кушетке кладбищенского морга. Мы испытывали чувство острой душевной боли и сострадания к этой девушке, ее родителям и близким.

– Нет, это не наша сестра, это – не Масуме.

Мы не знали, радоваться нам или огорчаться. Нас одолевали противоречивые чувства. Мы снова обняли друг друга и заплакали навзрыд. Рахман взял на руки тело девушки и сказал: «Сестра, прости нас! Да не пошлет Всевышний ни одному мусульманину или неверному участь потерять свою сестру и не найти даже ее бездыханное тело! Пусть даже враг не испытает этого!»

Абдулла положил санитару в карман сто туманов и поцеловал его в лицо. Мы попрощались и двинулись в путь. Санитар буркнул напоследок: «Так бы и сразу – позолотили бы руку, и не было бы никаких проблем!»

Каждый раз, когда случались похожие истории и мы возвращались домой с пустыми руками, все члены семьи с новой силой начинали переживать постигшее нас горе, и все начиналось сначала.

С приходом весны 1981 года, когда природа вновь пробудилась, зацвели деревья и распустились цветы, мать охватило острое чувство ностальгии. Она с умилением смотрела на деревья, которые зимой стояли сухими и голыми, а теперь, благодаря животворным весенним ветрам, снова пустили побеги, радуя глаз красивой листвой, пышным цветением и необычными формами. Глядя на это, она говорила: «Всевышний, благодарю Тебя за Твою силу и величие! Благодарю Тебя за Твое

могущество и славу! Ты послал ветра к этим увядшим растениям, чтобы они вновь одухотворили их, и они обрели новую жизнь, новые краски и ароматы. Но как же я? Оживи и меня тоже! Верни мне радость и вкус жизни!» Она что-то шептала и изливала душу ветрам, луне и звездам и всех спрашивала о своем потерянном цветке. Она называла себя Хейран¹. Если кто-то звал ее по имени – Эззат, она не оборачивалась и не отвечала, лишь все время повторяла: «Я – Хейран».

Летом мать вместе с бабушкой и тётями отправилась в паломничество к храму Ее светлости Масуме. Бабушка рассказывала: «Переступив порог храма, ваша мать сразу же начала взывать к Ее светлости и представилась так: “Госпожа, ты знаешь меня? Я – Хейран. Я пришла просить милостыню. Мне не стыдно попрошайничать у твоей обители. Я протягиваю к тебе руку и жду, что ты не отвертишь от меня свой лик и ответишь на мою мольбу. Я назвала свою дочь в честь тебя, ты и должна вернуть ее мне...”»

Однажды в храме было очень многолюдно, и она потерялась. Служители храма, чтобы найти ее, начали звать ее по имени Хейран. Несчастье и отчаяние стали для нашей семьи своего рода хронической болезнью, которая особенно сильно проявлялась в определенные периоды времени. Мы регулярно брали в Гостелерадио Ирана видеозаписи и фотографии, связанные с работой спасателей, и внимательно просматривали их, надеясь найти

¹ Хейран (*перс.*) – недоумевающий, растерянный, обескураженный, изумленный (*прим. перев.*).

какую-нибудь нить, ведущую к тебе. С наступлением осени воспоминания о первых днях войны проходили перед нашими глазами, подобно киноплёнке. Как будто это было вчера.

Город стал похож на один большой фронт. В нем находились только военные и спасатели. Мы должны были избавиться от этого чувства потерянности. Единственным местом, где всегда было много посетителей не только по пятницам, но и каждый день, было кладбище Бехеште Шохада (Рай мучеников). Видеть этих людей, которые не имели возможность даже проститься со своими близкими перед тем, как тех, не опознав, предали земле, было мучительно. Они считали родными всех мучеников. Посещение розария мучеников в определенной степени вывело мать из состояния потерянности и отчаяния. Она садилась рядом с матерями, которые склонялись над могилами своих детей, и роптала: «Вы всё же благодарите Всевышнего за то, что знаете, где покоятся ваши чада. У них есть могильная плита, и вы каждый вечер приходите к ним. Вы знаете, где его дом и где его искать». Эти слова говорили о том, что мать не устала от поисков, но она была уже согласна на то, чтобы найти твое тело. Когда человек видит собственными глазами, как его близкого кладут в могилу и засыпают землей, смерть становится для него правдоподобной, и он может смириться с ней. Разумеется, тот промежуток времени, который требуется для того, чтобы человек принял смерть своего близкого и смирился с ней, для каждого индивидуален. Некоторые соглашаются со смертью

сразу же, другие – с течением времени, а третьи отказываются верить в смерть до конца. Мать иногда часами сидела у неизвестных могил и говорила: «Я посижу здесь. Быть может, где-то на другом краю земли какая-нибудь другая мать тоже посидит у могилы моей дочери и скрасит ее одиночество».

Мы говорили: «Возможно, одна из этих неизвестных могил – могила, где покоится Масуме». Она отвечала: «Нет, мой мальчик! Мать знает запах даже бездыханного тела своего ребенка. Вы еще дети и не понимаете этих вещей. Чем больше времени проходит, тем более благоуханной становится могила, земля вбирает в себя Божественный аромат. Мать никогда не перепутает землю, в которой покоится ее дитя».

В дождливые дни она часами бродила между мокрых могил и принималась к их запаху. Когда она говорила, мне казалось, что она – святая, которая имеет связь с другим миром. Мы не могли разобрать ее слов. Рядом с могилами она была спокойна только ради того, чтобы успокоить других матерей, но сама не обретала успокоения.

Прошло больше года с того дня, как ты пропала. Я и другие братья почти потеряли надежду на то, что ты жива. Хотя прошло несколько месяцев со дня годовщины твоего исчезновения, мы хотели любой ценой уговорить мать устроить церемонию годовщины твоей смерти и поставить для тебя надгробную плиту, чтобы у нас имелось вещественное свидетельство твоей кончины. Мы спросили отца: «Ты не против, если мы поставим для Масуме надгробную плиту?»

«Мое сердце противится. Я не уверен в правильности этого дела. В душе я еще не распрощался с ней, – ответил он. – Если написать на плите дату смерти 23.7.59¹, это будет означать, что ты смирился с ее смертью, и ожидание станет бессмысленным».

Все это время бабушка слонялась вместе с матерью по улицам и кладбищам, никогда не жалуясь на усталость, но внезапно заболела и слегла. Несколько недель мать ухаживала за ней и поддерживала ее морально: «Вставай! Вставай, разве ты не говорила, что праздник принесет с собой добрые вести и нашему ожиданию придет конец?!»

Однако бабушка, держа глаза открытыми и лежа на руках у матери, покинула этот мир, в котором она прожила шестьдесят лет. Уходя, она сказала: «Масуме жива, почему вы ищете ее среди мертвых? В один прекрасный день она вернется». Подобно ребенку, уснувшему в объятиях своей матери, она отошла в мир иной. Мы не верили своим глазам. Бабуля, которая всегда была на ногах и ездила из одного города в другой, внезапно тяжело заболела, передала все надежды и мечты матери и ушла. Ее святое дыхание и благословенные шаги были с нами с самого рождения, и вдруг она оставила нас одних и ушла.

Мать настояла на том, чтобы мы провели траурную церемонию по бабушке в ее собственном хусейние в Абадане. Перед началом траурной церемонии поступила новость о том, что на трассе

¹ 23 мехра1359 года солнечной хиджры – 15 октября 1980 года (прим.перев.)

Махшахр – Абадан пассажирский автобус был обстрелян с воздуха иракскими «МиГами» и сгорел вместе со всеми находящимися в нем людьми. Вместе с Ахмадом и Мохаммадом мы сразу же поехали на место происшествия. Прибыв туда, мы увидели, как сотрудники скорой помощи и спасатели вытаскивают тела из автобуса. Эта сцена оживила в нашей памяти воспоминание о кинотеатре «Рекс» и трагедии со сгоревшими заживо людьми. Мы стали помогать спасателям вытаскивать тела наружу. Автобус сгорел дотла. О людях говорить уже не приходилось. Их тела обуглились до такой степени, что невозможно было разобрать, где мужчина, а где женщина. Только по нескольким жетонам мы поняли, что это были военнослужащие, отправлявшиеся на фронт, которые, вероятно, посадили по дороге женщину с ребенком. Уставшие, мы вновь с пустыми руками вернулись в хусейние бабушки.

На церемонию прощания с бабушкой пришло столько людей, что мы не верили своим глазам. Мы представления не имели, кто оповестил их всех о бабушкиной смерти. Многих мы даже не знали. Казалось, в тот день в хусейние бабушки явился всякий путник, кто испил однажды воды из ее колодца; молитвами они почтили память о ней и, вспоминая беды и мучения, выпавшие на долю Повелителя мучеников, били себя в грудь. Я подумал: если вдруг сейчас в хусейние попадет снаряд, как виноваты мы будем перед людьми! Надо было скорей заканчивать церемонию, но с каждой минутой людей становилось все больше и больше. Я удивлялся тому, что в городе, где тихо и

незаметно предается земле столько молодых людей, женщин и детей, с таким размахом и так шумно прощаются с бабушкой. Во многом это объяснялось тем, что прощание проходило в благословенном месте, где много лет с участием бабушки читались трепетные проповеди в память о Повелителе мучеников.

Когда я, Мохаммад и Ахмад пришли в хусейние бабушки, мы не нашли воды для того, чтобы помыть руки. Уставшие и вымотанные, с грязными руками, мы сели где-то в углу. Рядом со мной сидел Мохаммад Кабоши – один из моих арабоязычных друзей. Спросив меня о доме и делах, он вдруг сказал: «Ты пахнешь горелым кебабом». Со слезами на глазах я рассказал ему историю со сгоревшим автобусом, поведал об отчаянии, которое владело всеми членами нашей семьи, о скорби матери и открытых в ожидании чуда бабушкиных глазах. Мохаммад Кабоши сказал: «Уже долгое время я сомневаюсь в том, рассказать ли вам одну историю или нет. Я не хочу добавить вам еще больше тревог и опасений, однако горькая правда лучше сладкой лжи». Он начал рассказывать, и мы с Ахмадом и Мохаммадом жадно внимали каждому его слову.

– Как раз в то время, когда пропала ваша сестра, иракцы приехали из Марда и блокировали дороги. Всех военнослужащих, въезжавших в город, они брали в плен. Тех мужчин, которые, наоборот, покидали город, они тоже брали в плен, забирали их имущество, а их женщин и детей бросали в пустыне. Меня самого схватили там же, но поскольку я араб, меня использовали как переводчика. В одной

огромной яме находилось большое количество военных и гражданских. Среди них были две сестры, которых иракцы причисляли к народному ополчению. Одну из них я знал, вторую – нет.

– Как она выглядела?

– Это была твоя сестра, я узнал ее.

– Зачем ты лжешь? Откуда ты знаешь мою сестру?

– Если ты говоришь правду, скажи-ка, во что она была одета?

Масуме, у всех нас была твоя фотография 6×4, которую ты сделала в фотоателье «Анжелика» для регистрации в школе. Я, Мохаммад и Ахмад одновременно достали из карманов фотокарточки и сказали: «Это была она? Мохаммад, заклинаю тебя жизнью твоего отца, подумай хорошо!»

– Зачем мне лгать?! Я спросил у иракцев ее имя.

– И что они ответили?

– Масуме Талиб.

Мохаммад не знал, что отца зовут Талиб, следовательно, это не могло быть неправдой. Мы незаметно вышли вместе с ним из хусейние. Мы позвали Карима, Рахима и Абдуллу и сказали: «Мохаммад, расскажи все от начала до конца! Положи руку на Коран и поклянись, что все, что ты говоришь, – правда!»

Он положил руку на Коран и сказал: «Да покарает меня Аллах и не даст мне встать больше с места, если я скажу хоть одно лживое слово!»

На этот раз он рассказал историю с большим волнением. Рахман, Сейед, Али и Хамид тоже вышли на улицу и окружили его.

Мохаммад сказал: «Другая ваша сестра тоже была с ней. Ее звали Марьям».

– Что?! – воскликнули мы. – Какая еще сестра? Подлец, ты хотел обвести вокруг пальца столько людей?!

– Наша сестра Марьям – еще грудной ребенок и лежит в колыбели!

Мы очень разозлились. Рахман вышел из себя, но сказал: «Подождите, не устраивайте драку! В конце концов, он наш друг».

Мохаммад в третий раз рассказал историю в больших подробностях. То, как он сам сбежал из плена, историю Ледяного Исмаила, который защищал свою честь, и историю с тем самым письмом о командировке, в курсе которого был Сейед. После этого нам стала понятна история твоего попадания в плен.

В это время из хусейние вышел отец и сказал: «Вы учредили здесь отдельную церемонию? Люди сидят в хусейние и бьют себя в грудь, а вы вообще-то – хозяйева церемонии трура».

Все готовы были разрыдаться. Отец еще не успел договорить, как Рахман разрыдался и сказал: «Отец, ты прав, мы – хозяйева траура. Скажи, чтобы прочли роузе об ее светлости Зейнаб, чтобы и мы били себя по груди и голове!»

Когда Рахман сказал это, мы больше не могли владеть собой и тоже разрыдались. Отец, побледнев, растерянно смотрел на нас. Абдулла отвел отца в сторону и сказал ему: «Отец, Масуме жива, она в плену у иракцев».

Отцом овладело состояние оцепенения. Он стал сам не свой после того, как услышал эту

ошеломляющую новость. Он весь был в поту. Казалось, вся кровь, что есть в его теле, прихлынула к его лицу. Он взял в руки знамя Повелителя мучеников, понес его впереди траурного шествия и иногда из самых глубин своего сердца кричал: «О имам Хусейн!»

Церемония прощания с бабушкой завершилась, и мы начали первый день жизни без нее. Казалось, что бабуля оставила нас, чтобы принести нам из другого мира вести о тебе.

Мы пребывали в состоянии потерянности, в голове стоял туман. Не было ни смерти, ни жизни; мы находились не на земле и не на небе – в каком-то пограничном состоянии. Мы как будто дышали в вакууме, застряли где-то в чистилище, вращались вокруг собственной оси. Когда мы думали о том, что ты жива, мы радовались, но когда мы вспоминали, что ты в плену, мы начинали плакать. Это были не слезы слабости или, не дай Бог, унижения – нет, нам было жалко тебя! Мы плакали, потому что тебя, восемнадцатилетнюю девушку, взяли в плен, в то время как нигде в мире такая дикость не совершалась. Но мы гордились тем, что твоя судьба переплелась с судьбой внучки Пророка. Каждый раз, когда мы слышали, что режим Баас Ирака содержит иранских пленных в самых жутких и жестоких условиях, отец говорил с уверенностью: «Я убежден, что Масуме проявит терпение и никто не сможет сломить ее стойкость и сопротивление!»

Муж тети Сеноубар, который имел торговые отношения с арабскими странами, говорил: «Не волнуйтесь, если она в Ираке, мы найдем ее при

помощи денег. Даже камень трескается, когда на него кладут деньги». Одному своему другу из Иордании он дал крупную сумму с условием, что тот принесет ему хорошие вести. Оппонент сделки ответил, что он добудет информацию, но будет ли она утешительной или горькой, он поручиться от- казался.

Через неделю после бабушкиной смерти мы узнали о том, что тетя Сеноубар и тетя Нусрат попали в автокатастрофу. Потеря двух сестер, которые были утешением для матери, окончательно отравила атмосферу в доме.

Какое-то время все вокруг старались помочь нам, сообщить что-то новое, пересказать новости, репортажи и интервью с иранскими пленными, которые транслировали по радио и телевидению.

Поскольку я был ответственным оперативно-информационного отдела Корпуса, я отправился в лагерь «Паранд», который был лагерем иракских пленных в Иране. При виде того, в каких приличных условиях они живут, и зная, в какой тяжелой атмосфере приходится выживать тебе, у меня сердце обливалось кровью. Яйца, которые нам выдавались по купонам и за которыми люди стояли в очередях, были частью завтрака иракских пленных. Их лица и тела были свежи и бодры. Было очевидно, что со здоровьем у них все в порядке, так что не было даже надобности спрашивать об этом. Их рацион был очень разнообразным и включал в себя даже десерты. Кроме того, для них были организованы различные секции культурного, научного и образовательного характера. Каждый из них

имел два комплекта одежды – для лагеря и выхода на улицу. Но интереснее всего было то, что их лагерь находился в одной из самых благоприятных климатических зон Ирана. Мы не скрыли ни одного пленного и для каждого из них организовали встречу с родными. Я поговорил со всеми военнослужащими, имевшими воинские звания, и офицерами, расспросил их на интересующие меня темы. Однако они отмалчивались и старались утаить даже те вещи, о которых нам самим было известно. И только повторяли: «Нас разлучили с родиной, но мы понимаем значение таких понятий, как “честь” и “защита семьи и близких”».

При Красном Полумесяце был создан Комитет военнопленных, куда приходили члены семей пленных иранцев, оставляли и получали письма. Комитет военнопленных стал для отца местом постоянных дежурств. График работы у него был такой, что он пятнадцать дней работал, а пятнадцать отдыхал. В течение этих пятнадцати дней отдыха он ездил по Комитетам пленных в Тегеране, Ширазе, Исфахане, Ахвазе и других городах и объяснял это так: «Почтальон иногда ошибается и относит письмо другому адресату. А вдруг письмо от Масуме тоже по ошибке доставлено по неверному адресу?»

Комитет военнопленных объединял многих людей в их общем горе. Все те, кто приходил сюда, имели одну общую боль – разлуку с близкими. Молодые невесты, на руках которых все еще оставались следы от хны, нанесенной во время помолвки, а глаза были полны надежд на скорую встречу

с их женихами; матери, которые несли на руках не успевших увидеть своих отцов младенцев; немощные отцы, единственный опекун, опора и надежда всей жизни каждого из которых ушел на фронт; старушки, отдавшие всю свою молодость и силы воспитанию своих чад, – все они, удрученные и растерянные, были в ожидании получения весточки от своих исчезнувших близких.

Нам, не имевшим опыта войны и не понимавшим значения слова «военнопленный», никогда не приходилось иметь дело с письмами. Письма военнопленных не имели ни конверта, ни марок. На одной стороне письма в верхнем углу имелся знак Международного Красного Креста вместе с адресом и именем отправителя, а под ними – адрес и имя получателя. На обратной стороне несколько строк писал военнопленный. Письма приходили открытыми, адресаты внимательно читали каждую строчку письма, плакали, смеялись. И после, на протяжении долгих часов и дней, они перечитывали эти строки и по-разному толковали их. Мы же не имели даже таких писем. Мы перечитывали все рукописные записи в комитетах в надежде на то, что найдем хоть какой-нибудь знак, ведущий к нашему пленному.

Мать думала, что нам необходимо дать почтальонам денег, чтобы они принесли нам письмо от тебя. Часто она заводила почтальонов в дом и угощала их обедом или ужином. Поэтому они больше не осмеливались проходить мимо нашего дома, потому что знали, что им снова придется зайти и их дела опять останутся незавершенными. Самим

почтальонам очень хотелось однажды принести для матери письмо или весть о тебе, но те письма не выдавались на руки работникам обычных почтовых служб. Мать всегда возмущенно вопрошала: «Почему письма не дают почтальону? Масуме ведь не знает, где мы и на какой адрес писать!»

Ввиду большого количества семей, обращавшихся в Комитет Красного Полумесяца по поводу пропажи близкого или родственника, при Комитете было открыто новое отделение для рассмотрения дел людей, члены семьи которых пропали без вести. Значение понятия «без вести пропавший» было для матери совершенно непонятно. Она все время спрашивала:

– «Без вести пропавший» – это живой или, да отсохнет мой язык... Это означает, что нам стоит ждать или нет?

Чтобы объяснить матери, мы говорили: «“Пропавший без вести” – это мать, вся надежда которой обращена к милости Всевышнего и которая целиком и полностью уповает на Него. Саддам воюет с нами, он хочет сломить наш дух, иначе пленный обязательно должен быть зарегистрирован и писать письма своей семье».

Мы даже в фильмах и сказках никогда не видели и не слышали, чтобы пленных прятали. Выражение «пропавший без вести» было для нас противно. Всякая вещь подчиняется какому-либо закону, а это явление выходило за рамки всякого закона.

Когда мать поняла, что своим терпением может одолеть Саддама, она стала терпеть. Она делала вид, что больше не тревожится и не терзается,

а на самом деле все эти чувства и переживания снесли ее душу изнутри. Иногда она даже ходила в мечеть и произносила там речь. Там люди с утра до вечера, зимой и летом были заняты вязанием теплых вещей для фронта.

Карим, в совершенстве владевший английским, был уполномочен вести корреспонденцию, связанную с ООН, прочими правозащитными, а также любыми другими государственными и негосударственными организациями. Поэтому он знал всех сотрудников Международного Красного Креста и постоянно вел переписку со Швейцарией – Женевой и всеми правозащитными организациями. Во всех письмах туда он приводил доказательства того, что наша сестра находится в плену в Ираке. Но, к сожалению, все они отвечали, что пленной по имени Масуме Абад на территории Ирака нет. Матери мы никогда не говорили о такого рода ответах.

Карим говорил: «Когда Красный Крест привозил для Красного Полумесяца Ирана письма, у сотрудников последнего появлялось очень много работы. Для раздачи писем они отправлялись в Комитет военнопленных. В надежде, что нам тоже придет письмо, я заглядывал туда каждый день рано утром, днем или вечером, но для нас никогда не было письма. Там я встречался с престарелыми отцами и матерями, которые не умели читать и писать. Я или читал для них письма, или писал. Иногда места на бумаге не оставалось, а у них все еще было, что сказать. Тогда они начинали умолять меня: “Заклинаю тебя Всевышним, пиши дальше!”»

Со слезами на глазах они упрашивали дать им еще один лист бумаги. Несмотря на все имевшиеся ограничения, Красный Полумесяц старался удовлетворить их просьбы. На втором листе бумаги они все так же говорили о своих печалях и боли расставания с близкими – о той боли, которая не имела конца и края.

Бывали периоды, когда я каждое утро, прежде чем начать работу, заезжал в Комитет Красного Полумесяца. Несколько дней подряд я видел там преклонного возраста мужчину и женщину, сидевших у входа в здание с вещевым мешком и несколькими фотографиями в руках. На глазах у них все время были слезы. Они были из города Ардебиль и не говорили по-персидски. Я привел своего тюркоязычного друга и спросил их, почему они плачут. Они показали на фотографию и сказали: “Это – Мохаммад-Али, наш единственный сын. Посмотри, какой он был красивый и стройный! У него было такое крепкое тело, он был так силен, что рвал цепи. А теперь посмотри, какие фотографии он прислал нам год спустя. По нему видно, как ему плохо и как он болен!”

Затем они открыли свой мешок, сказав: “Мы принесли сосуд с деревенским маслом, чтобы отправить ему. Три дня мы умоляем здешних сотрудников принять его, но бесполезно. Сынок, да будет благословенна твоя молодость! Уговори их принять это!” После долгих разговоров и просьб мы уговорили их вернуться в Ардебиль вместе с сосудом масла, который все равно не попал бы в руки их плененного сына.

Поскольку мы были из семей, члены которых считались без вести пропавшими, мы большей частью имели дело с представительствами международных организаций, а там всегда было тихо и спокойно. Иногда я шел прямо в офис ООН и там разговаривал и спорил с ними по-английски. Я хорошо знал всех сотрудников по имени, а они – меня.

Самыми лучшими днями для отца и матери были те дни, когда я рассказывал им о письмах пленных и тех письмах, которые я писал по просьбе родителей пленных. Всякий пленный стал для всей нашей семьи другом и братом. Иногда я переписывал некоторые фрагменты из тех писем, которые находил интересными и трогательными, приносил их матери и читал ей. Мать обретала удивительный покой и умиротворение в минуты, когда мы навещали семьи пленных. Она брала в руки их письма и так нежно проводила рукой по их строчкам, будто гладила головы самих пленных. Отец и мать умоляли семьи пленных написать в своих письмах две строчки и о тебе или спросить о тебе у своих находящихся в плену близких.

Иногда они садились рядом и вспоминали о твоих детских проделках и шалостях. Они спрашивали друг друга, что они сделают, если когда-нибудь получат от тебя какие-нибудь записи, быть может, в виде дневника. И отвечали сами себе:

- Мы вставим их в раму.
- Мы напечатаем их в газете.
- Мы сделаем из них книгу, чтобы все прочли ее.

Затем они снова спрашивали друг у друга: “Что ты сделаешь, если она придет сама?” Они совсем не думали о том, что ты – уже взрослая девушка, что ты больше не «карманная девочка» отца. Отец отвечал: “Если она вернется, я буду носить ее на руках – не опущу больше на землю и не позволю, чтобы даже заноза вошла ей в ногу”. А мать, как всегда с комом в горле, говорила: “Я спрячу ее, чтобы больше никто не видел и не украл ее”».

Однажды утром, придя в контору ООН, один из их персоязычных сотрудников сказал: «Почему же ты пришел с пустыми руками? Дай скорее вознаграждение за радостную весть!» У меня в кармане лежала недавно полученная зарплата. Я сказал с нетерпением: «Клянусь душой матери, я отдам тебе все, что есть у меня в кармане, ты только скажи мне вести!» Он ответил: «Сначала подсласти нам уста». Не помню, как я побежал, как, откуда и сколько сладостей купил и принес. Он сказал: «В этой партии писем есть одно для тебя!»

– От кого, от моей сестры?!

– Нет, от пилота истребителя «Фантом» Мохаммада-Резы Лабиби. Он утверждает, что видел твою сестру вместе с тремя другими сестрами.

– Дайте мне письмо!

– Письмо ты должен взять в Комитете Красного Полумесяца. Все письма отправлены туда.

Я помчался в контору Красного Полумесяца. Я не шел, а летел туда. Забрав внутрь, я с торжественным видом заявил: «Для меня сегодня есть письмо!»

Мне ответили: «Господин Абад, Вы же знаете, что сюда приходят только письма для тех, чьи пленные родственники имеют порядковый номер».

Я повторил еще более уверенным и напряженным голосом: «Для меня есть письмо, и именно сегодня!»

– От кого письмо?

– От одного военнослужащего – пилота, от одного большого человека.

Я говорил так уверенно и четко, будто открыл какую-то великую истину. Чем серьезнее я становился, тем с большим спокойствием и улыбкой на лице они мне отвечали. Вопреки предыдущим дням, когда я в разговоре умолял их, склонив голову, в тот день я разговаривал с ними с претензиями в голосе, выпячивая грудь. Несчастные сотрудники работали с раннего утра и теперь, после двенадцатичасового рабочего дня, столкнулись с проблемой моего письма. Мной овладело сильное, похожее на сумасшествие чувство. Я повторил: «Почему вы не отдаете мне мое письмо?!»

– Знаете, тот пленный пилот, о котором вы говорите, еще не написал письмо даже для своей семьи, его семья представления не имеет, где он находится, как же он мог в таком случае написать вам?

– Я знаю даже текст письма!

– Господин инженер! Вам, вероятно, что-то приснилось. Вы же, слава Богу, образованный человек. Как может написать вам письмо пленный, у которого нет номера и которого вы не знаете?

Только тогда мне стало ясно, почему те старики из Ардебилля не могли понять, что нельзя отправить для Мохаммада-Али, который в плену, деревенское масло. Боль пребывания в неведении лишает человека разума и понимания.

Я сказал: «Госпожа, предположим, что я – не инженер, я – необразованный человек, лишенный рассудка и понимания. На мое имя пришло письмо, и я хочу получить его».

Я стал разговаривать на повышенных тонах, после чего господин Сейед Садреддин Садр¹ – начальник Отдела пленных и пропавших без вести при Комитете Красного Полумесяца – вышел и пригласил меня к себе в кабинет. Я рассказал ему свою историю, после чего он сказал: «Все понятно. Вы приехали раньше посредника между Красным Крестом и Красным Полумесяцем. Подождите, пока он прибудет. Помогите нам разобраться с письмами, найдите свое и заберите его с собой. Мы ведь не собираемся присвоить ваше письмо. Мы отдадим вам ваше письмо так же, как отдаем письма других пленных их семьям».

В ту ночь мы допоздна разбирали письма и, наконец, госпожа Кафи – одна из сотрудниц Отдела пленных и пропавших без вести – нашла мое письмо. Взяв его в руки, я полетел, как птица. Я даже

¹ Доктор Сейед Садреддин Садр является сыном имама Мусы Садра, видного иранского и ливанского шиитского политического деятеля, философа и богослова, который 31 августа 1978 г., находясь в Ливии по приглашению Мухаммара Каддафи, был похищен и, по всей видимости, убит (прим. авт.).

забыл извиниться и попрощаться. Я хотел поскорее обрамить письмо золотом.

Я десятки раз внимательно прочел письмо, так что выучил его наизусть. В письме фигурировало также имя Фатимы Нахиди, которая жила по соседству с нами. Я известил о письме ее семью и, конечно, всех членов нашей семьи, отца и мать. Теперь и у меня был кто-то, кому я мог написать ответ. Я написал отважному летчику Мохаммаду-Резе Лабиби письмо, в котором, поблагодарив его сердечно, попросил предоставить больше информации.

Мать круглыми сутками молилась за господина Лабиби и каждый раз, когда видела в небе самолет, говорила: «О Всевышний! Верни Мохаммада-Резу Лабиби домой здоровым и невредимым!»

Шел 1982 год. В то время некто, кому Красным Крестом был выдан порядковый номер пленного, подтвердил присутствие тебя и трех других сестер в Ираке. Более очевидное доказательство сложно было представить. Письмо летчика Лабиби было твердым основанием для законного расследования дела.

Несколько дней я был занят спорами с сотрудниками Международного Красного Креста и разбором документации. В это время мне позвонил доктор Садр и назначил встречу на следующий день, ничего не сказав относительно предмета предстоящего разговора.

На следующий день я приехал в контору Красного Полумесяца раньше, чем сами сотрудники. Еще не было даже шести утра, а я уже ходил взад

и вперед перед закрытой дверью конторы и размышлял вслух: «Интересно, какое дело ко мне у доктора Садра. Что он хочет сказать мне?» Уже после меня приехали еще две семьи из провинции. Вскоре появился охранник и секретарь. Я смог зайти в кабинет к начальнику раньше всех. Доктор Садр зашел в офис одновременно с другими сотрудниками. Чтобы удовлетворить мое любопытство, он сказал: «К счастью, мы одну за другой получаем новости о пропавших без вести. Слава Всевышнему, ваша сестра тоже получила порядковый номер пленного».

Я не знал, что он имеет в виду, или, скорее всего, не мог понять смысла его слов – я был очень взволнован и одержим разными мыслями. Я спросил: «Это означает, что ее освободили?»

– Нет, – ответил он – это означает, что она нашла, и Красный Крест подтверждает факт нахождения ее в плену. Вы знакомы с почерком Вашей сестры?

– Да, конечно!

– Вот, посмотрите, пожалуйста. Эта голубая бумажка – первое ее письмо, к ней еще прилагается фотография, которую сделали сотрудники Красного Креста.

Я взглянул на письмо. В нем было написано: «**Я жива.** Больница «Ар-Рашид», Багдад. Масуме Абад».

По моему лицу потекли слезы. Я принялся целовать руки доктора Садра. Я выбежал на улицу в поисках магазина сладостей и фруктов. Магазины еще не открылись. Открыты были только

лавки, где продавали калле-паче¹ и халим², но они уже сворачивались. С мольбами продать мне халим я показал письмо и фотографию продавцу и сказал: «Посмотри, это моя сестра, которая потерялась, а теперь нашлась». Продавец понял мое состояние, дал мне халим, назвал адрес и попросил вернуть ему посуду. В одной руке я нес казанок с халимом и несколько горячих лепешек, а в другой – твое письмо и фотографию. Мне не хотелось сворачивать письмо и класть его в карман. Я был так взволнован и полон радости, что здоровался с каждым прохожим и улыбался ему. Я то быстро бежал, то плакал, то останавливался, смотрел на фотографию и перечитывал письмо. Прохожие, глядя на меня, улыбались мне и спрашивали: «Брат, тебе не нужна помощь?» Я показывал им письмо и фотографию и говорил: «Моя сестра – сестра всех иранцев. Она нашлась, она жива, радуйтесь и вы тоже! Пусть все радуются! Пусть Иран радуется!» Мне хотелось сообщить всем тем, кому я рассказал историю твоего исчезновения, что ты жива. Казалось, все люди поняли, насколько я был счастлив в тот день. Тот день был днем моего сумасшествия. Видя спустя почти два года после того, как ты пропала, твой почерк и пару знакомых слов – ту самую фразу, которую ты пообещала регулярно писать Салману, я не помнил себя от радости.

Однако я был очень обеспокоен тем, что письмо было написано в больнице «Ар-Рашид». После того,

¹ Жидкое горячее блюдо из бараньих ног и головы (прим. перев.).

² Плов из пшеницы с мясом (прим. перев.).

как сотрудники отведали халима с хлебом, я снова пристал к бедному доктору Садру с расспросами. Я сказал: «В тот день я допоздна разбираю письма, и все они пришли из лагеря военнопленных. Почему же моя сестра написала письмо из больницы? Она больна или ранена?» Он снова взял фотографию и сказал: «Слава Богу, на этой фотографии, где она с сестрой Шамси Бахрами, она выглядит относительно неплохо. Однако мы не знаем, в чем дело, почему ваша сестра в больнице и почему она представила сестру Бахрами как Марьям Абад, то есть в качестве своей сестры».

Посмотрев на фотографию снова, я расплакался. Было видно, что за горькой улыбкой ты пытаешься скрыть все страдания и боль пребывания в плену. Я закрывал рукой твой нос и губы и вглядывался в глаза. В них кричали тоска и печаль. Затем я закрывал пальцами глаза и смотрел на губы. Я видел безотрадную улыбку, которая хотела утаить от наших глаз страдания и муки плена. Я подумал: «Масуме, как сильно ты постаралась уместить все свои эмоции, чувства и воспоминания в двух словах! В двух словах, написав которые, ты хотела остаться верной данному тобой обещанию: **«Я жива...»**

Глава седьмая

ЛАГЕРЯ «МОСУЛ» И «АНБАР»

Фотография и голубое письмо, в котором со-держалась единственная фраза – «Я жива», были отправлены из больницы «Ар-Рашид» в Комитет Красного Полумесяца Ирана посредством Красного Креста. Я, Марьям и Халима не имели сведений о местонахождении своих семей, поэтому мы сказали господину Хьюмену: «У нас нет адресов наших домов. Мы не знаем, на какие адреса писать письма». Он ответил: «Ваши дома были в зоне боевых действий, поэтому вам надо писать письма на адрес Красного Полумесяца Ирана».

Один из членов комиссии Красного Креста ска-зал:

– You have suffered immensely to visit us and register to the Red Crocc, please promise us to eat the first and softest meal under medical supervision. Your health is important for us. Your families in Iran are surely waiting for your return¹.

¹ Вы много страдали, прежде чем встретились с нами и были зарегистрированы под эгидой Красного Креста. Обещайте нам, что будете есть первые и самые мягкие блю-да под наблюдением врача. Ваше здоровье важно для нас. Ваши семьи в Иране ждут вашего возвращения (англ.).

Затем они забрали фото и письмо и сказали, что из Ирана для пленных прислали подарок, которым все мы сможем пользоваться. Священный Коран с переводом на фарси ныне покойного Элахи-Комшеи был для нас самым ценным подарком, который на чужбине и в плену мог поддерживать в нас жизнь и надежду, подарить нам новое дыхание. Мы, все четыре, сели в круг, глядя на Коран и с любовью проводя по нему рукой. Когда мы смотрели на этот Коран, к горлу подступил копившийся в течение двух лет ком, и мы все невольно разрыдались. Слезы медленно и бесшумно текли по Корану. Представители Красного Креста с удивлением спросили: «What is this book about?»¹

Плач не давал нам возможности сказать что-нибудь. Они сами ответили на свой вопрос:

–That’s God’s book, like Bible².

Я хотела сказать, что это – книга наставления, но подумала: «Не только! Это еще и книга благовествования». Хотела сказать, что это – книга счастья, но подумала: «Не только! Это еще и книга повествования». Хотела сказать, что это – книга о Судном дне, но подумала: «Не только! Это еще и книга о жизни». Хотела сказать, что это – книга о загробной жизни, но подумала: «Не только! Это еще и книга о мирской жизни». Поэтому я сказала: «Это – книга обо всем». Даже оставшись здесь на долгие годы, наедине с Кораном мы не будем одиноки. Свет и тепло, которое мы вбираем в себя от Корана, всегда будет поддерживать в нас жизнь.

¹ Что это за книга? (англ.).

² Это Священное писание, как Библия (англ.).

Надеясь на Создателя и уповая на Него, мы смогли выбраться из той адской трясины, в которой, по словам Давуда – начальника тюрьмы, мы должны были остаться до конца жизни. Да, поистине, воля Всевышнего правит всем!

Сотрудники Красного Креста попросились с нами, выразив надежду на новую встречу и сказав: «Мы потребовали от правительства Ирака оставить вас в больнице до полного выздоровления. Вы, в свою очередь, следуйте предписаниям врача».

Состояние каждой из нас было плачевнее состояния другой. У нас обнаружили внутреннее кровотечение желудка и кишечника. Сразу после принятия пищи, даже самой легкой, у нас начинались рвота с кровью или понос с кровью. Это усугубляло наше состояние и усиливало слабость. Еда возвращалась обратно нетронутой. Только после капельниц мы чувствовали облегчение.

В больнице у меня открылось новое восприятие мира. Из окна был виден больничный сад. Чем больше и глубже я вглядывалась в картину за окном, тем прекраснее мне казалось все, что там было. Закат и восход были для меня особенно захватывающими. Казалось, я впервые вижу красную розу, впервые слышу пение зарянки, сидящей на ветке. Стук капель дождя по стеклу был для меня настолько сладок, что я не хотела уснуть и лишиться наслаждения внимать этой упоительной мелодии. Единственное, что меня угнетало, были тревога и боль, которые испытывали за нас братья. Они все еще находились в тюрьме, и я не знала, владеют

ли они информацией о нашем положении или нет. Я постоянно думала о том, каким способом вытащить их оттуда.

Во время нашего пребывания в больнице к нам в палату обычно заходили врач и медсестра, чтобы поменять капельницу, и кто-нибудь из техперсонала – убраться в палате.

Стоял конец мая 1982 года. К нам в палату зашел уборщик, который с большой опаской и осторожностью вынул из внутреннего кармана своего халата маленькую книгу «Мафатих аль-джанан»¹ и незаметно подарил ее нам. Вытирая тряпкой пыль с наших кроватей, он потихоньку сделал нам знак, означающий победу. Этот знак свидетельствовал о нашей победе, но на все наши вопросы о том, что он имеет в виду, он только безмолвно смотрел на нас. Поскольку мы не хотели проблем для него, мы не стали настаивать на пояснениях, довольствуясь подарком и знаком.

В больнице прибавилось суеты и работы. Стали привозить и отвозить большое количество раненых, а мы по-прежнему оставались заключенными в палате, за дверью которой дежурил охранник. Иногда к нам в палату без предупреждения заходили командиры высокого ранга, получившие ранения или пришедшие навестить других раненых и желавшие посмотреть на нас вблизи. В те дни мы были в роли выставочных кукол.

¹ «Мафатих аль-джанан» («Ключи от рая») – сборник молитв, составителем которого является известный шиитский ученый-богослов, автор нескольких книг шейх Аббас ибн Мохаммад Реза ибн Абиль-Касим Куми (1877–1940) (прим. авт.).

Во время второй встречи с представителями Красного Креста мы предоставили им список имен всех братьев, которые выучили наизусть, и рассказали, в каких тяжелых условиях держат заключенных в тюрьме. Мы боялись, что после выздоровления баасовцы поместят нас обратно в тюрьму, а не в лагерь для военнопленных, хотя именно перемещение из тюрьмы в лагерь и было целью объявленной нами ранее голодовки. Представители Красного Креста ответили: «Номер, выдаваемый пленному, очень ценен. Ради получения этого номера вы прошли через множество трудностей и страданий. Будьте уверены, что вы не вернетесь в тюрьму. Однако в лагере, куда вы отправитесь, сложная ситуация с точки зрения питания и санитарных условий, и вы пока не в состоянии находиться там». Мы попросили их запретить посторонним входить в нашу палату с целью посмотреть на нас или расспросить о чем-то. Спустя два месяца, когда наше физическое состояние улучшилось и мы смогли есть обычную еду, нас посадили в специальную машину, и мы покинули багдадскую больницу «Ар-Рашид» с целым мешком лекарств.

Через шесть часов мы подъехали к строению с высокими стенами, четырехугольные смотровые вышки которого напомнили нам о страшных тюрьмах из сказки об Али-Бабе и сорока разбойниках Багдада. Входная дверь была очень большой. Коридор при входе, двор и внутренние стены были выстроены из камня крепких горных пород. Лагерь представлял собой комплекс громадных двухэтажных сооружений. На каждом этаже были

расположены четырнадцать лагерных отсеков, в каждом из которых жили сто семьдесят человек пленных. Перед каждым корпусом имелся земельный участок с высокими стройными кипарисами, при виде которых человек забывал о том, что находится в лагере для пленных. Охранник, который сопровождал нас, знал о нашем стремлении попасть в лагерь для пленных. Открыв дверь, он сказал: «Здесь – клетка для пленных». Огромное сооружение с колючей проволокой и высокими смотровыми башнями. Я вспомнила одну из бабушкиных сказок, в которой говорилось о красивой девушке, которая была заточена в замке с высокими и неприступными стенами.

Сразу после того, как мы вышли из машины, нас отвели в кабинет начальника лагеря. Он представился как Накиб Ахмад и сказал: «Здесь – клетка для пленных – Мосул, и она имеет свои законы. Вам не следует выходить наружу в то время, как в прогулочном дворе находятся пленные мужчины. Разговаривать с другими пленными запрещено. Если вам что-то понадобится, скажите об этом охраннику-иракцу. Он вам как брат».

У меня было смутное представление о лагере как таковом – оно сложилось лишь по военным фильмам, которые я смотрела. Я только знала, что в лагере содержат всех военнопленных. Нам не терпелось увидеть других пленников, но куда бы я ни посмотрела, я видела повсюду лишь ходивших взад и вперед разжиревших баасовцев в красно-черных беретах. Вместе с тремя солдатами и Накибом Ахмадом мы вошли во двор. Там никого

не было видно и слышно. Всех пленных отвели в бараки. Накиб Ахмад пожелал показать нам лагерь. Когда мы приблизились к баракам, мы увидели стоявших за окнами людей – их осунувшиеся, с выдающимися скулами и провалившимися глазами, выбритые лица были все похожи друг на друга. Пленные изо всех сил старались рассмотреть нас, для чего даже отталкивали друг друга от окон. Я невольно приблизилась к баракам. Глаза смотревших на нас узников даже не моргали. Они как будто стыдились рассматривать нас, но в то же время не могли оторваться от этого зрелища. Я приблизилась к ним еще на несколько шагов. Каждый раз, приближаясь, я будто ступала на минное поле. Накиб Ахмад закричал: «Не приближайтесь!»

Это было сильное и незабываемое ощущение. Я хотела убедиться, что это не фотографии и не рисунки, не сон и не плод моего воображения. Слово ребенок, который тянет руку к пламени, чтобы почувствовать жар и убедиться, что огонь действительно обжигает, я сделала еще два шага вперед. Чем ближе я подходила к ним, тем более явственно я видела в их глазах свое отражение. Я быстро поднесла указательный палец к окну, дотронулась до стекла, после чего последовал эффект брошенного в реку камешка, который заставил задрожать отражение, до этого неподвижное и отчетливо видимое в воде. Все эти смотрящие на меня лица, которые, казалось, не имели ни шеи, ни туловища, зашевелились. Я поняла – они застыли безмолвно и неподвижно от волнения. Затем как радио, включившееся после нажатия кнопки, они дружно хором

произнесли благодарение Пророку и спели очень красивый мотив, который разучили заранее. Голоса стихали в одном окне и продолжались в другом. Мне никогда не приходилось слышать хор, обладающий таким мастерством и динамичностью. Они так впечатлились нашей встречей, что одновременно с пением плакали, вытирая слезы рукавами. Мы тоже плакали вместе с ними и иногда дарили им улыбки и махали руками в знак признательности.

Не ожидавший ничего подобного Накиб Ахмад сам был впечатлен этой сценой. Ситуация вышла из-под его контроля. Мы прошли мимо лагерного госпиталя, в котором также имелись помещения для пленных, но Накиб Ахмад не разрешил нам войти внутрь.

Находясь в этой клетке, мы с нетерпением ждали выхода других привязанных за лапки птиц, однако постоянное присутствие баасовского надзирателя портило вид из окна, и мы невольно отходили от него. Одно из окон нашей камеры выходило на отсек, где жили братья. Из окна также был виден зеленый сад, в котором росли овощи и разная зелень. Сад оживлял в моей памяти игры, в которые мы играли в детстве.

Накиб Ахмад снова вошел в нашу комнату вместе с охранником и переводчиком и предупредил нас о некоторых запретах:

– Вы никогда и ни при каких обстоятельствах не должны заводить беседу с другими пленными, даже на уровне простого приветствия. Эднан, который является честным охранником и братом для вас, будет приносить вам обед и ужин и открывать

вам дверь в случае необходимости, чтобы вы могли воспользоваться туалетом. Вы также не должны смотреть из окна наружу. Сегодня все пленные останутся в своих клетках в наказание за сегодняшний акт приветствия – пение и салават во время вашего прибытия.

Эти указания для нас, которые в свое время без предварительной подготовки заставили заговорить стены спецтюрьмы азбукой Морзе и получить столько информации через отверстие под дверью величиной с чечевичное зерно, были смешны и нереальны. Я ответила: «Если мы не можем смотреть из окна наружу, Эднан тоже не должен смотреть на нас через это окно».

Мы условились, что они закроют наши окна двумя простынями, чтобы Эднан не мог заглядывать в нашу камеру снаружи.

После этого Накиб Ахмад кивнул в знак того, что мы договорились, и покинул нашу комнату. Однако братья в тот же первый день своим теплым приветствием разозлили Накиба Ахмада, Эднана и других надзирателей и, вероятно, приготовились ко взбучке.

Первый день прошел при соблюдении тех правил, о которых нам сказал Накиб Ахмад. На следующее утро, как только открылась дверь отсека братьев, мы с воодушевлением побежали к окну. Сегодня, в противоположность вчерашнему дню, когда мы видели только прижавшиеся к стеклу лица, мы, наконец, увидели фигуры братьев, их многострадальный облик целиком. Картина была жуткая! Мы смотрели на них и плакали. Сердце

сжималось от жалости и сострадания: осунувшиеся лица с торчащими скулами, запавшими глазами, ввалившимися животами и костями, которые, казалось, готовы были прорвать бледную, желтоватого оттенка, кожу. Все они были в одинаковой одежде. Баасовцы гладко выбрили братьям лица, чтобы, по их же собственному мнению, искоренить в них суть того, чтобы быть «стражем Хомейни» – единственное преступление, которое вменялось им в вину. Некоторых из них, одетых в рабочую одежду синего цвета, баасовцы заставляли выполнять принудительные работы. Чем больше мы присматривались к братьям, тем меньше различий между ними находили. Неволья была адской болью, которую они все испытывали. И эта боль сделала их всех одинаковыми, похожими друг на друга.

Где-то в полдень в нашу комнату вошел Эднан и сказал:

– Накиб Ахмад разрешил одному пленному поговорить с вами пару минут.

Через час к нам в комнату вошел мужчина средних лет и среднего роста, с вызывавшим жалость костлявым телом, но со светлым и лучезарным лицом. На плече он держал какой-то небольшой мешок. Мужчина, улыбаясь, произнес:

– Я – Али Акбар Абу-Тораби. Братья настаивали на том, чтобы Накиб Ахмад разрешил кому-нибудь из братьев-иранцев поговорить несколько минут с вами, и возложили это на меня.

Положив перед нами свой мешочек, он сказал: «В этом мешочке – зелень из сада, который находится здесь же. Братья собрали ее для вас».

При виде господина Абу-Тораби в наших сердцах зажглись лучи надежды. Нами овладели безграничное волнение и радость. Мы не знали, как его благодарить. Честью и благородством, которые были в нем и в других братьях, он хотел защитить нас от свирепых палачей. Он спросил: «Почему ваша одежда такая изношенная и вся в сплошных заплатках?» Мы ответили: «Это – наша собственная одежда, которая на нас со дня взятия нас в плен. Мы до сих пор не надели на себя иракскую одежду для пленников». Услышав это, Абу-Тораби не смог сдержаться и заплакал. Увидев слезы на его лице, Эднан сказал: «Время вышло!» Брат Сейед Али Акбар Абу-Тораби вежливо попросил Эднана дать еще несколько минут и продолжил: «Я немного знаю о вашей истории из источников в Красном Кресте. Ваша смелость и непорочность достойны восхваления. Узнав, через какие муки и страдания вам пришлось пройти в тюрьме, мы, мужчины, устыдились и перестали стонать от боли. Однако же, сестры, я послан к вам, чтобы задать один вопрос, ответ на который я должен передать братьям. Мы здесь для того, чтобы защищать свою родину и честь, ради этого мы терпим пытки, терпим и получаем вознаграждение от Всевышнего. Если в течение двух минувших лет вас подвергли насилию, мы должны разобраться с иракцами прямо сейчас».

Мы ответили: «Слава Создателю, что до этого момента мы были под Его защитой!»

Брат Абу-Тораби повторил: «Доверьтесь мне! Я – ваш брат, и мне стыдно за все притеснения, которым вас подвергли».

Мы сказали: «Клянемся чистотой и непорочностью матери вашей Захры, что Всевышний милостивал нас и сберег. Мы трепыхались, подобно добыче в зубах волках, но тот боялся выпустить добычу из пасти, чтобы она не досталась другому волку».

Абу-Тораби снова заплакал. Его слезы словно были для Эднана сигналом к тому, чтобы объявить: «Время вышло!» Абу-Тораби снова сказал вежливо: «Еще одна минута, и всё!» Эднан запротестовал: «Ты сказал, что только хочешь отдать им зелень, а сам вот уже десять минут, как сидишь здесь и читаешь проповедь!»

Абу-Тораби не стал настаивать. Произнеся: «Хвала Всевышнему! Преславлен Всевышний! Лишь Аллах дает силу и мощь», – он попрощался с нами и вышел из нашей камеры.

Когда я думала о вопросе, который мне задал Абу-Тораби, и о том, как братья волнуются за нас, я вспомнила блеск, который был в их глазах в момент, когда мы переступили порог лагеря. За этими измученными и утомленными лицами скрывались величие и мощь, которые низвергли Саддама, бывшего, по его же собственному выражению, непобедимым воином, с высот власти в бездну низости и унижения.

Мы открыли мешочек с зеленью. Братья собрали для нас в саду всю имевшуюся там зелень. Мы не хотели отправлять им обратно то ценное подношение, в которое было вложено столько труда и нежности. Халима высыпала всю зелень на свой головной платок. Она сказала: «Девушки, это – первый подарок, который мы получаем от наших

братьев». Мы рассматривали каждый лист зелени, которые братья с такой любовью сорвали и почистили для нас. Нас трогала забота и самоотверженность, которую они проявляли по отношению к нам. И тут неожиданно мы увидели среди листков зелени смятый клочок бумаги. Мы развернули его и прочли: «Хоррамшахр освобожден».

Мы не помнили себя от счастья! Мы не знали, как проявить свои эмоции так, чтобы Эднан ничего не понял. Мы обняли друг друга и совершили намаз благодарения. Мы тихо смеялись и лили слезы радости. Никакая другая новость не могла обрадовать нас до такой степени, потому что весь мир вложил всю свою мощь и силу в руки Саддама, и всем им в этой неравной схватке противостояла одна лишь страна. Несмотря на то, что нашей целью не было лишь взятие Хоррамшахра, однако его освобождение стало хорошим примером позора Саддама, милитаристов и поджигателей войны против Ирана и Исламской революции. Мы знали, что Хоррамшахр и Арвандруд были всего лишь поводом для начала войны и кровопролития; поводом, который мог ввести в заблуждение только наивного ребенка. Победа Хоррамшахра в корне поколебала силу Саддама и партии Баас. Во всех своих речах Саддам называл Хоррамшахр жемчужиной Шатт-эль-Араб¹ и уподоблял его подушке, на которой покоится Басра. Мы в душе восхваляли наших солдат, которые вырвали «подушку» из-под головы Басры, за то,

¹ Шаттл-эль-Араб – арабское название реки Арвандруд, по которой проходит граница между Ираном и Ираком (прим. ред.).

что баасовские вояки уже не смогут свободно разгуливать по улицам Хоррамшахра, а по иракскому радио больше не будут объявлять прогноз погоды в Хоррамшахре как одном из иракских городов.

В тот день вместо обеда мы с гордостью съели только зелень, принесшую нам такую радостную весть, и с того дня с нетерпением ждали прибытия других мешочков с зеленью и новостями. Мы считали минуты до того момента, как Накиб Ахмад разрешит свидание с ранеными братьями, и были в поисках способа организовать его.

Однажды мы увидели в окно мальчика, который был ростом по пояс Эднану и ходил следом за ним. Маленькие руки мальчика боролись с большими и широкими ладонями Эднана за какую-то баночку. Мальчик вцепился в баночку руками, умоляя Эднана отдать ее, но тот отвечал ему пинками и криками, доставая что-то из баночки и кладя себе в рот. Мне хотелось побежать на помощь мальчику, но дверь и окно были заперты. Сцена с мальчиком была для нас очень странной и вызвала массу вопросов. Мальчик был одет в тюремную форму братьев-пленников.

Марьям сказала: «Смотрите, смотрите! Они идут к нам».

Чем ближе они подходили к нам, тем радостней и довольней становился мальчик, и когда они оказались перед дверью нашей камеры, мальчик выхватил баночку из рук Эднана. Мы смотрели из окна и следили за происходящим. Дверь нашей камеры открылась. Мальчик сказал: «Меня зовут Канбар. Я принес вам компот от раненых братьев,

которые лежат в больнице. Они узнали, что вы два месяца пролежали в госпитале, хотели навестить вас. Одним словом, извините, эта баночка была полная, но опустела по дороге, пока я шел к вам¹.

Присутствие дорогого Сейеда хаджи-ага Абу-Тораби сделало атмосферу в лагере теплой и мягкой. Даже сами иракцы замечали величие в его взгляде и поведении. Полами своей абы он укрывал всех, а сам принимал на себя удары всяческих тягостей и страданий. Он был великим человеком, который испытывал боль, но поддерживал других и придавал заключенным уверенности. Он как будто был осколком Бога, случайно оставшимся на земле.

Братья клали в наш плов любые гарниры, предназначавшиеся для всего лагеря, и ни за что не соглашались давать нам меньше еды. Всю любовь и тепло, которые они не могли проявить по отношению к своим семьям, они адресовали нам. Иракцы с завистью и удивлением смотрели на наши тарелки с едой и показывали их друг другу.

Как-то утром в лагере поднялись шум и суэта. Двери бараков не открывали и говорили, что из Багдада едет группа религиозных проповедников, чтобы наставить нас на путь истинный, и завтрак, прогулки, вода, еда и душ будут предоставляться при условии, что мы будем внимательно слушать их проповеди.

Через час двери всех бараков открыли, всех нас посадили в несколько рядов и, как школьникам,

¹ Братья в тайне от баасовских солдат приготовили на кухне компот из картошки и сахара для раненых, а раненые прислали его нам (*прим. авт.*).

велели положить руки на колени, смотреть только вперед, сидеть спокойно и слушать, не моргая. Культурно-идеологическая группа вошла в лагерь. Нам без устали повторяли, что мы должны «вытащить вату из ушей и внимательно слушать» приехавших наставников. Говорили, что каждый, кто не будет слушать проповеди и наставления, будет наказан фалакой¹. Кто-то из ребят спросил: «А можно спрашивать, если мы не поймем урок?» Кто-то из баасовцев ответил на ломаном персидском: «Каждый, кто задаст вопрос, тоже будет наказан фалакой! Вы только слушаете, без вопросов, иначе – фалака!» Мы не знали, кто учитель. Однако было понятно, что братьям и раньше приходилось «обучаться» на подобных «воспитательно-наставнических занятиях». Нам было интересно, что же нам предстоит услышать, братья же с трудом сдерживали смех. Я подумала, что, возможно, учитель – тот самый шейх с золотыми зубами, который пытался прочесть нам проповедь, когда мы лежали в госпитале. Наконец шейх вышел к слушателям. Он был рад тому, что его охраняют два человека справа и слева и перед его кафедрой сидит столько мятежных и непокорных пленников.

¹ Фалака – орудие для наказания ударами по босым ступням, традиционное для мусульманского Ближнего Востока и Северной Африки. Наказание фалакой широко применялось в Иране и Османской империи по отношению к преступникам, должникам, провинившимся детям, женщинам и подмастерьям. В XX веке фалака как инструмент наказания почти утратила традиционное использование и сохранилась в качестве незаконного метода допроса – битья по стопам ног (*прим. авт.*).

Когда я увидела проповедника, я не поверила своим глазам. Я смотрела на него, застыв в изумлении. Я снова и снова задавалась вопросом: «Явь ли это? Неужели я вижу перед собой шейха Али Техрани?!» Слова, которые произносил шейх, были интересны, но непонятны.

Он говорил: «Несомненно, Всевышний любит вас, раз Он пригласил вас на прием к Предводителю вождей, чтобы вы не считали врагами иракцев, которые являются мусульманами. Они совершают намаз, соблюдают пост, они – ваши братья, которые принимают вас у себя. Вы пришли в исламскую страну. Кербела и ключи от рая находятся здесь. Вас ввели в заблуждение те, кто не ведает значения слов “ислам” и “религия”. Масуд Раджави¹ раскрыл для вас свои объятия. С режимом Республики Иран покончено, и он доживает свои последние дни. Подумайте о себе и о своих семьях и крепко держитесь за вервь Аллаха все вместе».

Я подумала: «Похоже, что шейх сошел с ума! Что же такое они ему сказали, если он несет такой вздор и абсурд?! Какой странный мир! Какие нелепые вещи происходят в нем! Все становятся предателями! Неужели и шейхи со всем их благочестием, благонравием и воздержанностью попадают в мирские ловушки? Значит, ловушки

¹ Масуд Раджави – с 1972 по 1989 г. генеральный секретарь антиклерикальной Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), которая после Исламской революции стала активно бороться с идеей Исламской Республики в Иране, а с 1981 г. стала вести вооруженную борьбу против властей ИРИ, совершив ряд террористических актов и открыто пользуясь поддержкой Ирака (*прим. перев.*).

нафса¹ и шайтана до последнего преследуют любого человека?» Я вспомнила слова отца, который говорил, что лучшая молитва – это прошение о счастье и благом исходе жизни.

«Они что, заколдовали шейха? – думала я. – Разве он не знает, что здесь людей привязывают к дереву, обливают им ноги газойлем и поджигают? Разве он не знает, как приходится унижаться пленным, чтобы получить кусок хлеба, именуемый иракцами ужином? Разве он не знает, что на этом “приеме”, где каждому отведено всего лишь семьдесят сантиметров, на десерт дают удары кабелем и пинки ногами? Разве он не знает, что для четырехсот человек в течение часа предоставляется всего лишь шесть туалетов? Разве он не знает, в каких страшных условиях находятся узники, в каких тесных и темных клетках они томятся? Разве он не знает, что иракские “братья-мусульмане” развлекаются, ломая конечности пленным? Разве он не знает, что смерть является болезнью, которая поражает всех в лагере пленных? Разве он не знает, что их врачи в качестве рецепта на лекарство от всех болезней прописывают ежедневные удары плетью и карцер? Разве он не знает, что совершение намаза – это тяжкое преступление? Разве он не знает, что смерть в этих барачных стенах не требует установления причин? Если он узнает и

¹ Нафс – в исламе: сущность человека, его «я», «эго». Нафсом также называют страсти, все отрицательные черты души, которые присущи людям и джиннам. Нафс является источником всех желаний человека, противоречащих положениям шариата (*прим. перев.*).

не умрет, значит, он безбожник! Разве он не видит высокочтимого Сейеда Абу-Тораби и других набожных и благочестивых шейхов? Или Всевышний лишил его зрения и слуха?!»

Братья, которые были наслышаны такой чуши, не обращали внимания на «проповедь» шейха, непрерывно ерзали, как будто по их туловищам ползали муравьи, кашляли и каждый раз, когда слышали благословенное имя имама Хомейни, возносили благословение. Чаша их терпения переполнилась, они устали от всех этих советов и наставлений. Внезапно один из братьев поднялся с места, решив высказаться и пристыдить шейха, и обратился к нему со словами: «Шейх, оглянись вокруг! Твоих соотечественников взяли в плен! Подумай, сколько тебе лет! В таком возрасте ты стал безбожником, ты потерял свою веру, свою родину! Как ты можешь говорить так о своей стране?! Если бы ты был хорошим человеком, ты бы остался у себя на родине и служил бы своему народу. Шейх! Тебя используют, тобой играют! Мы абсолютно тебя не признаём!»

Эти слова как будто стали искрой, которая спровоцировала большой взрыв. Все в один голос закричали: «Смерть шейху Али Техрани! Смерть шейху Али Техрани!»

«Проповедь» была прервана, а шейх и слушатели разбежались. Никто не был наставлен на «путь истины», и мусульмане-баасовцы в очередной раз принялись демонстрировать свое «гостеприимство» побоями и изощренными пытками. Они приготовили свои кабели и фалаки; они подвергли культурно-идеологической фалаке всех братьев,

чтобы заставить их таким образом внять наставлениям их шейха и «встать на правильный путь».

С того дня братья, несмотря на все опасности, во время каждого приема пищи или с каждой порцией отправляемой нам зелени отправляли нам новости политического, идеологического или культурного характера, которых мы с нетерпением ждали.

Мы все еще не получили никаких вестей от своих семей. Мы знали на вид некоторых из братьев, особенно шейха Сейеда Абу-Тораби, подростка Канбара, который выполнял функции связного между нами и кухней, и нескольких других.

Канбар до совершенства отточил искусство передачи информации. Мы стали называть его вестником, приносящим хорошие новости. Братья каким-то образом смастерили радио, и этот успех украсил нашу трапезу маленьким полиэтиленовым пакетом с новостями, который был спрятан под тарелкой плова.

Канбар хорошо понимал нетерпение, волнение и радость, которые мы испытывали в ожидании новых вестей от братьев. Поэтому он иногда изошрялся и находил возможность передать нам новости устно по собственной инициативе, без предварительных установок и заданий со стороны братьев. Иногда передача информации даже в присутствии Эднана происходила так стремительно и точно, что все оказывались в курсе последних новостей, кроме Эднана.

Солнце садилось. Для совершения ритуального омовения мы пошли в туалет, который находился за пределами корпуса братьев. Каждый раз,

когда мы хотели воспользоваться туалетом, две из нас заходили внутрь, а две другие сторожили снаружи, чтобы надзиратель-иракеец не вошел к нам без предупреждения. Однако на этот раз Эднан, не обращая внимания на слова и протесты Халимы и Марьям, вошел в санузел. Вслед за ним вошли и Марьям с Халимой. На все наши претензии и недовольные высказывания Эднан отвечал только смехом, как будто он был пьян.

Мы выгнали его из туалета, подняв шум и крик, и дошли за ним до конторы начальника лагеря Накиба Ахмада. Услышав наши возмущенные крики, Накиб Ахмад и другие надзиратели вышли наружу. Накиб Ахмад на ломаном персидском закричал: «Зайдите в кабинет начальника и объясните, что случилось!». Он не понимал, что происходит, и растерянно смотрел по сторонам.

Несмотря на то, что было время послеполуденного намаза, окна в здании стали такими же, как в первый день нашего приезда в лагерь: в них замерли головы братьев. Мы потребовали привести хаджи-агу Абу-Тораби в качестве переводчика. Он был взволнован, но в то же время спокойным тоном переводил и даже давал советы. Накиб Ахмад несколько раз сказал ему: «Ничего ведь страшного не случилось, Эднан попросит у них прощения за то, что вошел в их туалет без предупреждения».

– Он не просто вошел, он смеялся, когда мы стали возмущаться и протестовать!

– Мы подвергнем его суровому наказанию, так что он будет плакать.

– Вы вообще не понимаете различия между мужчиной и женщиной, если не можете как следует обращаться с пленными женщинами, зачем вы берете их в плен?

– То, что среди пленных находятся женщины и дети, – это нехорошо для нас, но вы для нас – как наши собственные сестры.

– Мы здесь потому, что мы – не ваши сестры.

– Мы всего лишь хотим забрать у Ирана то, что нам принадлежит по праву.

– И что же вам принадлежит по праву?

– Река, на которую претендует Иран.

Прошло несколько дней после того, как Арвандруд и Хоррамшахр вернулись в объятия своей родины, однако иракцы по-прежнему не отказывались от идеи завладеть ими. Вместе с хаджи-агой мы вышли из кабинета полковника и направились в сторону своего барака. Братья по-прежнему стояли за окнами, и кровь в их жилах бурлила от безудержного и ревностного стремления защищать свою честь, честь родины, честь близких и соотечественников. Они только и ждали приказа и знака от хаджи-аги, чтобы поднять в лагере бунт. Не знаю, какой знак дал им хаджи-ага в тот момент, однако тут же в окнах не осталось ни единой фигуры.

На следующее утро пришел какой-то военный, который, не дав нам нормально обуться, сказал: «Быстро выходите наружу!»

Мы подумали, что будет продолжение вчерашнего разговора с Накибом Ахмадом, однако нас посадили в спецмашину и куда-то повезли.

Агрессивный тон солдата и водителя, а также сама машина сулили новые неприятные приключения.

Чем дальше мы удалялись от Мосула, тем сильнее и невыносимее становилась жара, и спертый воздух внутри машины все яростнее перехватывал дыхание. Солнце изо всех сил раскаляло железную крышу и корпус машины, и мы плавилась и томились в ней, подобно тесту внутри пылающей печи. От жары нас совсем разморило. По нашим лицам стекали капли пота, а глаза слипались в тревожной дремоте. Примерно через семь часов мы въехали на какую-то военную базу за таким плотным ограждением из колючей проволоки, что даже маленькая птичка не могла бы проскользнуть через нее. Над входной дверью была небольшая вывеска с надписью: «Тюрьма иранских пленных». В окрестностях лагеря виднелось несколько сторожевых вышек. Лагерь располагался в безводной высохшей пустыне с красноватым песком, где не было и следа каких-либо растений, а вечными гостями здесь были обжигающие ветра, иногда сопровождавшиеся песчаными бурями. На всей территории лагеря было полно военных, которые окидывали нас враждебными, полными неприязни взглядами. На этой военной базе имелось три двухэтажных здания, около которых можно было видеть военнотружущих разных чинов. Их униформа цвета хаки напомнила мне о первых днях в плену. Разница с теми днями была в том, что с тех пор прошло два года. На дворе сентябрь 1982 года, мне уже двадцать лет, и меня привезли в военный лагерь Анбар в провинции Аль-Анбар в качестве пленного «генерала».

Начальник лагеря майор Наджи объяснил нам дисциплинарные правила и ограничения, действующие в лагере, и подчеркнул: «Здесь – военный лагерь, и вы обязаны соблюдать все его правила».

– Ваш пол не имеет для нас никакого значения. Важно то, что вы все –военные. Вы должны находиться в одном месте вместе с другими военнопленными.

– Ни за что! – ответили мы, – если вы не предоставите нам отдельную камеру, мы будем жаловаться в Международный Красный Крест.

Неожиданно в помещение, где мы находились, вошел мужчина высокого роста и крупного телосложения с лысиной на голове, широким лицом и большим ртом. В его руке была белая трость с золотым наконечником. А рядом с ним – огромная собака. Я никогда в жизни не видела собак таких размеров и с такими дикими глазами. Она была больше похожа на волка, чем на собаку. Животное подошло к нам, стало нас обнюхивать и тереться о наши ноги. Я не знала, что мне делать – кричать, бежать или стоять, не двигаясь. Хозяин собаки нагло смеялся, держа сигарету в зубах и опрокидывая один стакан спиртного за другим – его не смущала даже невыносимая жара. Он представился поперсидски с легким курдским акцентом майором Махмуди¹ и далее сказал с ядовитой усмешкой: «Даже если ваши братья попросят?»

¹ Майор Махмуди являлся офицером службы разведки Ирака – Истихбарат и членом партии Баас, во времена правления шаха Мохаммада-Резы Пехлеви прошел в Иране курсы военного обучения (*прим. авт.*).

Мы удивились тому, как хорошо он говорит по-персидски, но ответили ему гневно: «Наши братья попали в плен, когда были окружены, ранены, причем ранены в грудь или в лоб. Ни один из них не был ранен в спину! Они – достойные люди, поэтому они никогда не обратятся к вам с подобной просьбой!»

– Вы должны надеть униформу пленных – рубашки и штаны. Таким образом вас официально признают в качестве пленных. А пока вы отправитесь в казарму для раненых.

– Ни в какую казарму для раненых мы не пойдем и останемся в этой самой одежде! Всегда будем в ней!

Наши слова не оказывали на него никакого воздействия. Около часа мы просидели в кабинете начальника лагеря. Нас тяготили разные мысли, пребывание в этом месте и все эти разговоры. Поэтому мы старались хранить молчание и не разговаривали даже друг с другом. Я подумала: «Куда же подевался Красный Крест? Для чего еще нужен тогда этот номер 3358, который висит у меня на шее? Неужели мы снова потерялись, не успев найтись?»

Нет, все-таки блеск, который мы увидели в потухших глазах пленных братьев за барачными окнами лагеря Мосул, придал нам завидные силы и смелость.

Я упорно трясла головой, чтобы избавиться от страшного чудовища, которое нагоняло на меня жуткие мысли. Нам выдали четыре зеленых военных вещмешка, в каждом из которых было два одеяла, пара кроссовок и одна лагерная униформа –

рубашка и штаны. Рубашки и штаны мы сразу вытащили из мешков и оставили на месте, после чего с рюкзаками на плечах последовали за двумя солдатами.

Лагерь состоял из двух частей: двора, в котором находились ополченцы и стражи¹, и другого, который был отведен офицерскому составу и летчикам.

Нам представили молодого высокого солдата по имени Хамза в качестве нашего надзирателя. Все время, пока мы шли, наши взгляды были устремлены на окна. Однако, в противоположность лагерю Мосул, окна были совершенно пусты, и в них отсутствовали всякие силуэты и головы. Я подумала: «Неужели братья здесь не ждут нас?» Рядом с каждым окном стоял баасовец-иракец с кабелем в руках, что свидетельствовало о жестких законах и условиях содержания, которые царили в лагере. В конце второго этажа находилось помещение, в которое нас и заключили.

Первым, на что мы обратили внимание, был полный и абсолютный визуальный доступ со сторожевой вышки в нашу камеру. Когда солдат хотел выйти из помещения, он спросил: «Вам ничего не надо?»

«Только кусок какой-нибудь материи, чтобы мы могли занавесить окно», – ответили мы.

Он запер нашу дверь, и в тот день не было слышно никаких голосов и каких-либо признаков присутствия других пленных. К голоду и жажде мы привыкли, но о других вещах боялись думать, вспоминая наглые намеки Махмуди.

¹ Члены Корпуса стражей Исламской революции (КСИР) (прим. авт.).

На следующее утро, когда дверь казармы братьев открылась, сразу послышался гул их голосов. Нам не терпелось узнать новости. Мы попросили охранника открыть нашу дверь, чтобы воспользоваться туалетом и подышать воздухом, однако он ответил, что начальник Наджи еще не дал такой команды. Через какое-то время в лагерь приехали Наджи, Махмуди и его всегдашний друг – огромный, похожий на волка пес. По их приказу всех пленных, которые находились на территории стражей и ополчения, построили в шеренгу безжалостными ударами кабеля. Затем открыли дверь нашего корпуса. Мы стоя наблюдали за происходящим. Отдельные надзиратели, которые обладали особенными склонностями к совершению пыток и практиковали все более изощренные их виды, окунали концы своих кабелей в битум, чтобы придать им еще большую жесткость и распаривать кожу и мясо пленного до кости. Если кто-нибудь из братьев шевелился и делал хотя бы малейшее движение, его избивали кабелем с битумным концом под предлогом того, что он не стоял ровно. Братья были настолько ослаблены и истерзаны, что с одного взгляда можно было понять всю их историю и всё, что с ними произошло. После того, как их заставили целый час простоять под палящим солнцем, подняв голову к небу, и смотреть на солнце, не моргая, начальник вошел в лагерь и стал наблюдать за происходящим. Посмотрев на второй этаж, на то место, где находилась наша камера, он в очередной раз напомнил о дисциплинарных правилах военного лагеря и сказал: «Слушайте меня

внимательно! С сегодняшнего дня законы и правила в лагере должны соблюдаться с большей точностью и дисциплиной. Нарушители будут подвергаться суровым наказаниям. К числу порядков и правил лагеря относится следующее: совершать коллективный намаз запрещено! Собираться группами, превышающими два человека, внутри казармы и за ее пределами запрещено! Разговаривать с охранниками лагеря запрещено! Читать молитвы и плакать запрещено! Шутить и смеяться запрещено! Смотреть друг на друга запрещено! Навещать больных и раненых запрещено! Здраваться запрещено! Отвечать на приветствие запрещено! Громко читать Коран запрещено! Оставаться в туалете больше одной минуты запрещено! Устанавливать контакт с девушками запрещено! Нарушение любого из перечисленных правил и запретов влечет за собой суровое наказание. А нарушение последнего правила – запрета на установление контакта в девушками – карается смертью. Каждый раз, когда мимо вас проходят лагерные охранники, где бы вы ни находились и чем бы вы ни были заняты, вы обязаны встать и пройти в свой корпус. За пределами казармы вы обязательно должны быть в военной одежде! Все, сказанное мной, – это приказ!»

Таким образом, запрещенным оказалось абсолютно всё! Дозволено было только дышать. Чтобы убедиться в том, что мы всё слышали, Наджи поднялся и к нам в камеру и сказал:

– Надеюсь, вы тоже всё слышали и поняли, какие порядки действуют в лагере?!

– Да, мы поняли то, что вы говорили, однако мы не военные, мы – сотрудники Красного Полу-месяца.

В любом случае нарушение запретов, установленных майором Наджи, расценивалось как игра с огнем и каралось смертью.

Наша одежда пришла в негодность. Мы старались выходить наружу только по необходимости, чтобы своим видом не расстраивать еще больше братьев, которые и так непомерно страдали.

Мы направились в сторону туалета. В отличие от лагеря Мосул, где нашим охранником был не-радивый Эднан, в новом лагере нас сопровождали двое солдат, которые пристально следили за любыми нашими движениями и взглядами. Когда мы вошли в туалет, мы обнаружили там сюрприз – кем-то спрятанные для нас и завернутые в рубашку четыре баночки сухого молока, две пачки сыра и четыре баночки консервированной фасоли. Мы не верили своим глазам!

Мы стали думать, как же нам вынести с собой столько, учитывая все запреты, о которых нас предупредили. Кто, когда и как смог принести это сюда?! Вероятно, в тот момент, когда Наджи про-износил свою речь, некий отважный и бесстраш-ный пленник осуществлял сию запретную опера-цию. Несомненно, узнай баасовцы об этом, у них появился бы лишний повод для новых попыток над братьями. Нам надо было во что бы то ни стало пе-реправить «груз» к себе в камеру. Мы отдали долж-ное смелости и смекалке братьев и поняли, что любые запреты только пробуждают в человеке еще

большую бдительность и зоркость. Одним словом, мы в течение часа, подобно человеку, проглотившему мыло, по очереди бегали в туалет, который находился метрах в ста от нашей казармы, и каждый раз Хамза неотступно следовал за нами. Когда в туалете осталась последняя банка, Хамза что-то заподозрил. Когда я вышла из туалета, спрятав последнюю баночку сухого молока под мышкой, Хамза остановил меня в коридоре и сказал: «Подожди! Обыск!»

Я подумала, что он хочет обшарить мои карманы, поэтому сказала ему, что обыскать меня может только женщина. Однако потом я поняла, что он намеревается обыскать само помещение туалета. Он зашел внутрь, однако вскоре вышел, ничего не обнаружив.

После обеда к нам в камеру пришел Хамза вместе с каким-то стариком по имени Эйди, который был арабоязычным жителем Хузестана и в настоящий момент заведовал магазином. Баасовцы вели себя по отношению к нему по-разному. Эйди дал нам некоторые разъяснения по поводу своего магазина:

– Ежемесячно вы будете получать полтора динара¹ в качестве зарплаты. Один динар равен тысяче филсов, на которые вы можете покупать в магазине «Ханут»² продукты питания, такие как

¹ В то время полтора динара были эквивалентны тридцати туманам (*прим. авт.*).

² «Ханут» был небольшой лавкой, в которую один из иракских начальников по имени Ханут раз в неделю привозил товар, и именно к нему обращался представитель пленных Эйди во вопросу приобретения необходимых

молоко, сыр, консервированную фасоль, а также нитки с иголками и мыло.

Только тогда мы поняли, откуда в туалете взялись сухое молоко, сыр и баночки фасоли и на какой большой риск пошли братья, желая сделать нашу жизнь в этом лагере более приятной.

В начале осени 1982 года состоялась наша вторая встреча с представителями Международного Красного Креста. С их приездом начался ажиотаж, и лагерь переполнился «бумажными птицами». Пленные благодаря этим письмам мысленно на несколько часов переносились на свою родную землю, к своим близким. Все они в эти минуты пребывали в каком-то особом трепетном состоянии.

Глава делегации Красного Креста господин Хьюмен вошел в нашу камеру вместе с двумя дамами, одну из которых – блондинку с куклоподобным лицом – звали Люсина, и братом-летчиком Мохаммадом-Резой Лабиби, выполнявшим функции переводчика. При виде брата-летчика нами овладело такое щемящее чувство радости и волнения, что мы не в силах были сдерживать свои эмоции. Мы вспомнили дни, проведенные в тюрьме «Ар-Рашид». Встреча, которая должна была состояться без баасовцев, к сожалению, прошла в присутствии Хамзы и другого охранника по имени Ясин, которому не было равных по низости и порочности.

товаров. Пленники давали Эйди деньги и заказывали нужные им продукты и предметы первой необходимости (средства гигиены, иголки, нитки и т.д.), на которые они были вынуждены тратить выдаваемую им зарплату (*прим. авт.*).

Представители Красного Креста в своих чемоданах серебряного цвета привезли для каждой из нас письма от близких. К некоторым письмам прилагались также семейные фотографии. Сопоставив полученные письма, новости и фотографии, мы смогли нарисовать ясную и четкую картину того, что происходит в семье и в Иране.

Мадам Люсина находилась в состоянии сильного эмоционального возбуждения и не позволяла нам вставить хоть слово. Мы растерянно смотрели на нее. Господин Хьюмен сказал: «Мы привезли для вас письма от ваших близких. Вы можете написать ответы на них. Каждой из вас я дам два листа бумаги, чтобы вы написали письма тем, кому пожелаете. Но поскольку эти письма будут проходить через цензурный комитет Ирака, вы должны учесть это и не затрагивать какие-либо политико-социальные вопросы. Одно письмо может содержать не более двадцати двух слов. Спрашивайте только о самочувствии и здоровье близких».

Господин Хьюмен разговаривал размеренно, а господин Лабиби, держа наши письма в руках, переводил их ему. Все мое внимание было приковано к рукам господина Лабиби и письмам, и вдруг мой взор вспыхнул, когда я услышала отрывок письма, в котором отец обращался ко мне, назвав меня «свет очей». После этого я больше не слышала и не понимала ни перевода, ни объяснения. Я невольно подалась всем корпусом вперед, чтобы убедиться в том, что я не ошибаюсь, что мне не показалось. Когда господин Лабиби увидел мой застывший взгляд и млеющее выражение лица, он понял, что

держит мое письмо, и протянул его мне. Я взяла письмо и поцеловала его. Я ощутила тепло дорогих рук на бумаге! Я проводила пальцами по следам слез, которые падали из глаз моего отца в то время, как он писал письмо. Письмо пахло отцом. Оно пахло легендой всей моей жизни. Оно пахло добротой и любовью. Я поглотила все слова, которые писал мне отец своей дрожащей рукой, будто чашу с прохладным и целительным напитком. Я прочла письмо внимательно:

«Свет очей моих, где же ты? Я искал тебя везде. Я спрашивал о тебе у мертвых и живых, у реки Карун и земли; у зеленой листвы деревьев, у роз и маков. Все цветы помнят тебя и хранят воспоминания о тебе. Все зовут тебя. Даже чучело, которое стояло в нашем саду, одетое в твою одежду, не выдержало разлуку с тобой и умерло. Я веряю тебя Всевышнему в надежде на то, что ты всегда будешь жива».

О Всевышний! Это – письмо, которое мне написал отец своими ласковыми руками! Это было невероятно, что отец наконец-то нашел меня за тридевять земель. Каждое его слово было пронизано радостью и печалью одновременно. Его письмо прорвало ком, стоявший у меня в горле. Я вспомнила лицо отца. Сквозь строки письма я могла видеть его добрый и ласковый образ. Я только не понимала, почему его красивый почерк стал таким корявым. Я не знала, в чем причина неразборчивости его почерка – в печали разлуки со мной или какой-нибудь проблеме, возникшей с его руками.

Прочитав письмо несколько раз, я подумала, что отец, вероятно, был застигнут врасплох, раз не написал ни слова о себе и самочувствии других членов семьи. В другом письме Рахим сообщил, что мать посещает курсы ликвидации безграмотности, поскольку хочет сама читать мои письма и отвечать на них.

Мы, все четыре, были заочно знакомы с семьями друг друга. Поэтому письма мы прочитали вместе. После этого у нас возникло чувство, будто мы побывали в Иране. Это было острое и щемящее чувство ностальгии.

Люсина, которая с воодушевлением открывала свой чемодан, сказала: «Мне очень больно видеть вас в этой одежде. Я подобрала вам вещи разных фасонов, цветов и размеров. Возьмите их и надевайте тогда, когда хотите. Если есть что-то, чего вам хотелось бы, скажите, и я привезу для вас».

Чемодан был полон современных вещей – пиджам, курток, джинсов, костюмов с пиджаком и юбкой, спортивной одежды, блузок и рубашек очень высокого качества.

При виде содержимого этого чемодана в моей памяти оживилось воспоминание о базаре кувейтцев и чемоданах тети Сеноубар, которые всегда были полны подобных вещей. Мы поблагодарили мадам Люсину за проявленные по отношению к нам чуткость, доброту и чувство долга и сказали: «Хотя все эти вещи очень красивые и хорошие, нам они не подходят, мы не сможем их носить. Мы возьмем только пару из них, которые нам пригодятся».

Она настоятельно просила сказать ей, какая одежда нам нужна и какую помощь она может оказать нам в этом. «Мы пробудем в Багдаде неделю и купим любую одежду, которая вам необходима, – сказала она. – Если мы возьмем для вас головные платки, вы сможете носить их вместе с этими джинсами. Вы только скажите мне, что вы хотите. Если я куплю для вас ткань, вы сможете сшить из нее одежду, подобную той, которая сейчас на вас, в местном ателье пошива одежды?»

Мы обрадовались этому предложению и сказали: «И если вы собираетесь купить для нас ткань, возьмите, пожалуйста, каждой из нас еще и по чадре». Она не могла понять, какой вид ткани и какое количество ее необходимо для пошива одной чадры. Мы сказали ей, что чадра похожа на арабскую абу, и иракцы могут помочь ей в деле покупки нужной материи.

На следующее утро к нам в камеру все с тем же воодушевлением вошла Люсина с четырьмя кусками материи бежевого, зеленого, коричневого и серого цветов. Каждая из нас выбрала определенный цвет ткани: Фатима – коричневый, Марьям – зеленый, Халима – бежевый, а я – серый. Люсина была очень довольна тем, что доставила нам радость. Вместе с тем она все же пыталась понять, что представляет собой ткань, из которой шьют чадру. Она поручила иракцам решить этот вопрос. Мы договорились, что до следующего визита вопрос, связанный с пошивом одежды и чадры, будет решен. Люсина сказала: «Наша обязанность – вызывать улыбки на лицах пленных. Война несет с собой

достаточно насилия и тревог. Если чадра придаст вам спокойствия и уверенности, мне очень хочется обеспечить вас ею. Любой человек в этом мире имеет свою собственную идеологию и взгляды относительно сохранения своего спокойствия, и мы должны уважать эту идеологию».

Она с уважением относилась ко всем конфессиям и идеологиям. Она никогда не спорила с нами из-за чадры. Это мировоззрение отчасти объяснялось ее профессией и гуманной миссией, которую она осуществляла, а также – благонравием, которым она обладала.

Так или иначе, мы стали бывать во дворе. После пошива новой одежды мы поцеловали и убрали в рюкзаки манто, брюки и макнаэ, которые на протяжении двух лет покрывали наши тела и хранили нашу честь. Несмотря на то, что прошло два года тех пор, когда мы попали в плен, мы совершенно не хотели надевать на себя униформу пленников. А новую, только что сшитую одежду мы восприняли как знак новизны и перемен, которые означают окончание войны и принесут с собой благоухание свободы.

Через два дня после того, как комиссия Красного Креста покинула лагерь, к нам пришла Люсина с радостным, улыбающимся лицом и большим чемоданом. Он был настолько велик, что еле-еле могла его нести, но, несмотря на это, не разрешала никому другому дотронуться до него. Охваченная еще большим энтузиазмом и воодушевлением, чем в предыдущий раз, она сказала: «С помощью одной иракской женщины я купила для вас черные

чадры. Однако же я не представляю, как вы будете ими пользоваться».

Когда мы посмотрели на черную ткань, которую она принесла, мы рассмеялись. Увидев нашу реакцию, Люсина обрадовалась и спросила: «Это – то самое, что вы хотели?» Наш смех больше был вызван подлостью иракцев. Та иракская женщина, с которой советовалась Люсина, безусловно, знала, что имеется в виду под тканью для чадры. Однако она показала Люсине какой-то очень плотный брезентовый материал черного цвета – из тех, которые используют для покрытия автомобилей. Люсина спросила удивленно: «Но как же вы собираетесь накидывать это на себя и ходить в этой тяжелой и плотной ткани в пятидесятиградусную жару, которая стоит в городе Аль-Анбар?» Она снова повторила свой вопрос: «Я все правильно сделала? Это – то самое, что вы просили?»

Хотя купленное ею не имело ничего общего с тканью для чадры, мы не стали ее огорчать и сказали: «Да, это – именно то, что мы хотели!» Мы поблагодарили ее, и она попрощалась с нами до следующего свидания.

Во время завтрака и прогулки братьев мы находились у себя в камере. Поэтому новости о событиях на войне и происшествиях в лагере до нас не доходили. Благодаря комиссии Красного Креста мы смогли получить разрешение гулять на территории корпуса, находившегося на противоположной стороне от нашей. Окна той казармы были замазаны краской. В некоторых местах мы подтерли краску на стеклах, сделав просветы, через которые было

видно двор и казарму братьев. В те моменты, когда Хамзы не было поблизости, мы по очереди наблюдали за баасовцами и видели, как страдают братья, после чего убеждались в том, как сильно иракцы ненавидят нас. Они не выпускали кабели из рук. Баасовцы-охранники разминались, развлекались и играли, истязая побоями пленных братьев. Иногда они преследовали их, подобно раненому волку, рыская по всем углам. И такой же прием устраивали вновь прибывшим пленникам.

Мы часами следили за пленными братьями через самодельные смотровые окошки корпуса напротив. Всё, что Хамис, Абдуррахман и Хамза приказывали делать братьям, делали и мы, чтобы чувствовать себя сопричастными к их страданиям; чтобы они не были одиноки в испытаниях, выпавших на их долю.

Во время ненавистного подсчета пленных братьев строили во дворе в пятидесятиградусную жару, когда солнце стояло в зените. Их заставляли опуститься на колени, и горстка неграмотных, тупых солдат, которые не умели даже считать до ста и не способны были умножить семь на восемь, «считали» их ударами кабеля, наносимыми с предельной силой по исхудалым телам братьев. Хруст переломанных костей сливался со стонами и криками, и это резало наш слух, заставляя сердце обливаться кровью. Злость и ненависть иракских солдат были столь сильны, что они даже не допускали, чтобы во время пыток на братьях оставалась хоть какая-нибудь, пусть даже самая тонкая одежда. Баасовцы срывали с них рубашки и били их кабелем так, что

с каждым новым ударом кровь начинала литься сильнее, но, несмотря на это, братья должны были оставаться в той же позе – стоять на коленях и смотреть на пляшущее солнце. Капли слез и крови стекали по их лицам. Возможно, если бы солнце знало, что сотворяли с пленными его обжигающие, испепеляющие лучи в те беспощадные полдни, оно бы со стыдом скатилось с неба, чтобы укрыться в тенях заката. Пленных заставляли совершать земные поклоны, и если кто-нибудь самовольно поднимал голову с земли, он обрекал себя на верную гибель.

В то время, как Хамис и Абдуррахман с яростью били плетью пленных, те стояли в ряд в очереди за супом.

Каждый удар кабелем по телам братьев как будто отрывал кусок мяса от наших собственных тел. Те, которые были помоложе и физически сильнее, бросались вперед, подставляя под плеть свои тела, чтобы раненым и старикам досталось меньше ударов. Мы не в силах были как наблюдать эти сцены, так и покинуть место наблюдения. Кошмарные картины смерти и изможденного состояния наших братьев до самых глубин испепеляли мою душу, убивая во мне надежду на обретение свободы.

Наблюдения за этими зверствами и душераздирающими сценами не могли стать привычны глазу и приемлемы разуму. Я знала, что до самого конца жизни эти кошмарные и невыносимые картины не сотрутся с моей памяти. Сцены пыток и истязания пленных напомнили мне высказывание Льва

Толстого, который, став свидетелем публичной казни на гильотине, впоследствии написал: «Когда я увидел, как отрубленная голова приговоренного скатилась в корзину, я всем своим существом осознал, что никакая теория и никакие доводы не могут оправдать подобное действие». Вот и мы не могли закрыть глаза на существующую действительность!

Наша боль усиливалась тем, что мы видели, как трое в форме пленных, подлизываясь к Хамису, Абдуррахману и Хамзе, пресмыкаясь перед баасовцами и совершая доносы, предавали своих братьев за пару сигарет. Их злые взгляды можно было сравнить с волчьими клыками, которые вонзались в мясо невинных ягнят. Можно выдержать все: голод, жажду, холод, зной, унижения, оскорбления и пытки, но предательство и подлость убивали. По свистку солдата-баасовца все пленные братья с израненными телами выстраивались в ряд и в рваных тапочках шли в столовую с тарелками для супа и стаканами для чая. Если кто-то шел медленно и устало, согнувшись, его возвращали в начало очереди. Дрожащими руками они брали свою порцию супа, которая состояла из нескольких ложек для каждого пленного, и возвращались в свои тесные темницы. И, несмотря на это, братья поздно ночью тайно совершали намаз. Другие – израненные и больные – переворачивались с одного бока на другой до тех пор, пока их кости не примирялись с твердой землей, и они закрывали глаза в надежде погрузиться в сон и хотя бы пару часов побыть вне ужасной действительности.

После того, как мы впервые стали свидетелями боли и страданий братьев, мы крепко обняли друг друга дрожащими руками. Мы поклонились неопишуемому величию духа братьев и на целых два часа застыли в земном поклоне, произнося слова: *«Вы вспомните то, о чем я вам говорю. Я вверяю свое дело Аллаху. Воистину, Аллах видит рабов»*¹.

На следующий день вместе с Ясином, Шакиром, Хамзой и Эйди к нам в камеру пришел майор Махмуди с гладко выбритым лицом и в тщательно выглаженной одежде, от которой так несло одеколоном, будто он вылил на себя целый флакон. В руке Махмуди держал трость, которая напоминала собачий хвост и которой он все время тряс при ходьбе. Махмуди спросил: «Вам здесь удобно? Вы ни в чем не нуждаетесь?»

Накануне мы проплакали столько, что наши опухшие глаза с трудом открывались. Мы не хотели, чтобы он понял, что в наших сердцах – великая скорбь, однако не могли вести себя как обычно, ибо многострадальные образы и изможденные лица братьев не выходили у нас из головы. Стоны братьев, которые все еще звучали в наших ушах, не позволяли нам услышать слова Махмуди. Он продолжил: «Мы не позволим, чтобы из вашего носа упала хотя бы одна капля крови. Забудьте прошлое. Почему вы не идете в “Ханут” и не тратите свои деньги?»

Он повернулся к Ясину и сказал: «Если они захотят больше денег, не отказывай им!» Затем

¹ Коран. Сура «Прощающий», аят 44 (пер. Э. Кулиева) (прим. перев.).

обратился к нам: «Если вы перейдете в офицерский корпус, вы будете получать больше денег; там вам будут платить столько же, сколько летчикам и офицерам, не то что здесь – здесь вы получаете наравне со всякими муллами».

Нам хотелось поскорее избавиться от его присутствия. В душе мы испытывали тревогу из-за спрятанных в рюкзаках консервов, сухого молока и сыра, ибо опасались, что, если их найдут, у братьев возникнут большие проблемы. Мы молились, чтобы этого не произошло. Махмуди внимательно осматривал камеру. Чтобы поскорее избавиться от незваных гостей, мы обратились к Эйди с вопросом: «Вы можете сами вместо нас пойти, купить то, что нам надо, и принести сюда?» Но Махмуди опередил Эйди и приказал охранникам: «Нет, прямо сейчас заведите всех пленных в бараки, а вы, – сказал он нам, – пойдете со мной в магазин».

Нам не хотелось идти в магазин в новой одежде вместе с Махмуди и его приспешниками, но это был единственный способ избавиться от него. Мы думали, что никто не смотрит на нас, однако, проходя мимо казармы братьев, мы заметили, как они один за другим выглядывают из окна, и это придавало нам уверенности в себе.

В магазине «Ханут» мы сделали покупки на меньшую, чем у нас была, сумму и быстро вернулись в камеру. Хамза с нами не пошел. Мы боялись того, что он остался в нашей камере для того, чтобы обыскать наши рюкзаки, однако, возвращаясь, мы увидели его вместе с другим охранником во дворе.

Они были увлечены испытанием своих сил на теле одного из братьев, которого они вывели из камеры номер 20, предъявив ему обвинение в том, что он тянул шею, чтобы увидеть происходящее снаружи.

Майор Махмуди был из той категории зависимых от алкоголя людей, которые вместо воды пьют вино. Под его действием он начинал шуметь и драть глотку и гордился этим. Каждое утро из акустических колонок Махмуди на предельной громкости начинали звучать примитивные базарные песни, которые сверлили мозг и заставляли человека внезапно пробудиться ото сна. Количество колонок постоянно увеличивалось, в конце концов их установили и внутри казарменных помещений. Громкая музыка трепала нервы и не давала никому житья.

Периодически Махмуди приходил к нам в камеру в новой одежде, надушенный до такой степени, что от резкого запаха его одеколona перехватывало дыхание, и расспрашивал нас о разных вещах. Когда его монологи и грязные, остававшиеся без ответов вопросы заканчивались, он уходил. Даже Эйди, которого братья не считали за человека и говорили, что «он продажное существо и спокойно сносит страшно неприличные, матерные ругательства ради получения нескольких кусков хлеба», иногда, услышав мерзкие слова Махмуди, мялся и кусал губы – даже ему становилось неловко.

Для мужчины понятие чести и гордости является одним из самых ценных, смысл его понимают

даже изменники родины и предатели. А если бы такие слова из уст Махмуди слышали другие наши братья, они бы повесили его за язык. Как-то раз он стал настаивать на том, чтобы мы о чем-нибудь попросили его. Он сказал: «Кто из певцов вам нравится? Какую музыку вы предпочитаете: иранскую, арабскую или иностранную? Закажите какую-нибудь музыку». Мы ответили: «Наши братья здесь страдают от пыток и болезней; их мучают голод, жажда, грязь, а вы хотите, чтобы мы музыку слушали? Ваша музыка извела и вымотала душу всем нам. Выключите ее, пожалуйста!» Он спросил: «А что вы знаете об их состоянии? Эта музыка – заказ ваших братьев, они иногда даже танцуют под нее».

Много раз мы просили разрешения сходить и заказать себе чадры, но каждый раз Махмуди запрещал нам это под разными предлогами. Однажды он сказал: «Для того, чтобы сшить и носить чадру, необходимо разрешение из Багдада – сотрудники Красного Креста купили вам ткань, не согласовав вопрос с нами».

В ответ на наши протесты он увеличил количество и мощностъ колонок с целью подвергнуть нас еще большему морально-психологическому пресингу.

Пленные братья собирали часть своих денег в отдельный ящик для благотворительных расходов. Расходы эти включали в себя приобретение предметов первой необходимости для раненых и больных и, к сожалению, сигарет для изменников и предателей, чтобы баасовцы не могли соблазнить

их ими и подкупить. Братья настолько задобрили Эйди сигаретами, что через него узнали о просьбах, с которыми мы обращались к Махмуди. Братья решились на революционный акт и демонтировали все колонки одновременно. После этого Махмуди, желая отомстить, обрушил на пленных всю свою злобу, силы и плети, создав крайне устрашающую атмосферу. Прошло немного времени. Кто-то из братьев засунул в одну из новых колонок иголку, после чего все колонки перестали работать. Как ни старались иракцы понять, в чем проблема, они не смогли этого сделать. Они настраивали колонки, но через несколько минут те снова ломались. Предатели, которые не могли терпеть трудностей и боли, своими доносами вызвали в лагере смуту.

Утром, желая изолировать нас, чтобы мы не стали свидетелями того, что должно было произойти, Хамза – вероятно, по приказу Махмуди – запер нас внутри той самой казармы, которая пустовала и куда мы иногда ходили под видом прогулки; иракцы не подозревали о том, что мы свободно могли видеть казарму братьев через ранее сделанные просветы в окнах.

Ненавистный свисток к началу подсчета пленных, который был сродни сигналу смерти, напомнил нам звуки поворота ключа в замочной скважине железной двери в тюрьме «Ар-Рашид», выворачивая и терзая наши души. То смертоносное представление, которое устраивалось раньше три раза в неделю и длилось час, теперь стало проводиться пять раз в неделю.

На этот раз палачи вытащили наружу даже раненых и калек. Махмуди, стоя в окружении нескольких вооруженных кабелями надзирателей, показывал братьям бумажку, на которой было написано «Да будет проклят Саддам!» и, непристойно ругаясь, что было для него обычным делом, сказал: «Значит, кормясь за столом Предводителя вождей, вы посылаете проклятия на его голову?! Вы не заслуживали смерти, поэтому попали к нам в руки живыми! Я сделаю так, чтобы вы каждое мгновение мечтали о смерти! Повезло тем, кто был убит на войне и не попал сюда!»

Было очевидно, что эта поддельная бумажка – всего лишь повод для порки ребят. Некоторые из раненых и стариков приготовились к тому, что их будут бить, и надели на себя шапки и теплые вещи, однако баасовцы бессовестным образом сорвали с них всю одежду. Количество надзирателей увеличивалось постоянно. Махмуди подносил свой ботинок ко ртам братьев, чтобы те держались за него зубами и не могли даже стонать. Если кто-то во время порки отпускал ботинок и кричал, его били с еще большим ожесточением. Не знаю, что билось в груди Махмуди вместо сердца. Братья, истерзанные физически, но крепкие духом, терпеливо сносили удары. Всякий раз, когда Хамис замахивался плетью над головами братьев, наши сердца сжимались от боли и душевных мук. Надзиратели били плетью со всей силой, их волосы растрепались и закрывали им лица, рубашки выбились из штанов, а по лицам стекали капли пота.

Мы заклинали Всевышнего всеми святынями мира, чтобы Он нейтрализовал силу ударов и оградил братьев от боли подобно тому, как Он спас Авраама от огня.

Крики израненных братьев, хохот Махмуди, ругательства надзирателей и лай той чудовищной собаки, которая всегда сопровождала Махмуди и вертелась в толпе, слились воедино в наших ушах, окончательно вымотав нам нервы и вогнав в состояние ужасного стресса. Мной овладело состояние аффекта. Внезапно я метнулась к двери, чтобы убежать, закричать, броситься к братьям и закрыть собой их еле живые, измученные тела, полные достоинства лица стариков, похожих на моего отца, и стать преградой между болью и телами пленных. Может быть, надзиратели постесняются меня, думала я. Однако Фатима остановила меня и потрясла за плечи, подобно человеку, который пытается привести в чувство другого. Она, всегда отличавшаяся особой терпеливостью и умением сохранять самообладание, на этот раз сказала сердито: «Что ты делаешь?! Или имей силы видеть всё это, или не смотри совсем! Для чего вообще вы бежите сюда каждый раз, когда раздается свисток к построению для подсчета пленных? Какая польза вам от того, что вы наблюдаете эти зверства?»

– А зачем ты сама смотришь?

– Я не хочу оставлять вас одних!

– Чем больше мы будем видеть, тем лучше узнаем и пойдем, к каким людям мы попали в плен.

– Мы сможем пожаловаться на них в Международный Красный Крест.

– Жалуйтесь лучше Всевышнему!

Она взяла со всех нас обещание, что мы больше не станем приходить в это место и не будем столь любопытны.

Я любила Фатиму, как свою родную сестру, тоже Фатиму. Точно так же и она меня любила, как свою сестру Масуме. Я питала к ней особое уважение, потому что она была старше меня. Она обняла нас трех, подобно матери, которая горит в огне, но переживает лишь за то, чтобы ее дети не сгорели. Ее лицо было мокрым от слез. Она погладила меня по лицу и, желая сменить атмосферу и рассмешить меня, сказала: «Помни, что, если не будешь слушаться свою золовку и станешь пререкаться со мной, тебе придется забыть об Али-резе!»

Я пообещала слушаться ее, однако не могла совладать с собой, и каждый раз, когда раздавался свисток или крик к подсчету пленных, я бросалась к окну.

Был канун Ашуры. В моей памяти ожили воспоминания о хусейние бабушки, декаде мохаррама, проповедях, посвященных Предводителю мучеников, колыбели Али-Асгара... С другой стороны, те вещи, свидетелями которых мы были, заставляли меня чувствовать ответственность.

Мы находились в городе Эр-Рамади. Как близко это было к Кербеле! Мы пили воду из Евфрата – из того самого Евфрата, который является для нас не просто рекой, а извечным и непрестанным бурлением крови, дарующим новую жизнь и создавшим нашу историю.

Была ночь Шаме Гарибан. Та самая ночь, когда отрубленную голову имама Хусейна и караван пленников отправили в сторону Шама¹. Без какой-либо предварительной договоренности между собой мы после совершения намаза прочитали несколько молитв, в том числе молитву о единстве. Однако ком по-прежнему стоял у нас в горле, и мы не хотели завершать богослужение. Каждая из нас читала трепетные марсии (траурные песнопения) соответственно внутреннему состоянию своей души и била себя по голове и груди. Мы начали с Кербелы и Шаме Гарибан и дошли до Эль-Рамади, лагеря Аль-Анбар и пыток, которым подвергали братьев. Мы хотели взять в свидетели Всевышнего, пожаловаться Ему, излить Ему душу. Мы неотступно взывали к Нему и вопрошали:

– О Всевышний! Ты тоже видел, как расширились пределы Кербелы, и то, что мы сейчас находимся в Кербеле!

– О Всевышний! Ты тоже видел, как дети пришли на место казни без рук, подобно Абольфазлу!

– О Всевышний! Ты тоже видел, как меч невесты и дремучести врага рассекал их шеи!

– О Всевышний, Ты тоже видел, что Твой Хусейн больше не один, а его соратников – не семьдесят два человека, а намного больше!

¹ Шам (или Левант) – общее название стран восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Иордания, Палестина, Египет, Турция и др), в более узком смысле – земля Сирии, Палестины и Ливана. Голову имама Хусейна как свидетельство победы Язида в битве при Кербеле в 680 г. н. э. отправили в Дамаск (*прим. перев.*).

– О Всевышний! Ты тоже видел, что путь Хусейна – путь борьбы со злом и притеснением – был пройден до конца, и Хусейн обрел вечность!

– О Всевышний, Ты тоже видел, как пленные на вопрос Хусейна: «Есть ли кто-нибудь, кто пришел бы на помощь мне?» – отвечали: «Лаббайк»¹!

– О Всевышний! Ты тоже видел, как приверженцы Хусейна на глазах у тех, кто считал Твоего Хусейна чужестранцем, совершали намаз в сторону киблы!

– О Всевышний! Ты тоже видел, как последователи Хусейна, желая отомстить за пролитую им кровь, не однажды, но каждый день предаются мученической смерти сотни раз и вновь встают, чтобы снова быть преданными мученической смерти!

– О Всевышний! Ты тоже видел, как те, что стали презренными рабами мирских благ и боятся смерти, присвоили Хусейна!

– Как хорошо, что у нас есть Зейнаб, и наши крики могут звучать эхом в продолжение ее криков! Как хорошо, что у нас есть Хусейн, и мы отдаем свою кровь в знак подтверждения его бессмертия. Как хорошо, что у нас есть Абольфазл, и как хорошо, что у нас есть Создатель, который отомстит им за нас и опозорит их! О Всевышний, Ты знаешь, что все они (братья) оказались здесь, оглашая Твои послания, в знак любви и верности Тебе, Хусейну и непорочным членам семейства Пророка!

Крики и стоны, которые мы все это время подавляли, невольно переросли в молитву: «Махди,

¹ «Лаббайк» в переводе с арабского буквально означает «подчиняться чьей-либо воле» (прим. перев.).

Махди, заклиная тебя твоей матерью Захрой, подпиши этой ночью нашу победу!», – и понемногу эта молитва стала звучать все громче и громче. Насколько позволяло нам наше дыхание и глотки, настолько громко мы взывали к его светлости, имаму Махди. Мы больше ни о чем другом не думали: ни о свободе, ни о Красном Кресте, ни о своих семьях. Прожекторы, установленные на смотровых вышках, осветили нашу комнату, и в ней стало светло, как днем. Оборвав нашу молитву, в комнату ворвался Хамза вместе с несколькими другими надзирателями, которые начали бить кабелем не по нам, а по стенам, чтобы привести нас в ужас. Они кричали: «Заткнитесь, маджусы! Сегодня ночью мы расстреляем всех вас!»

Весь лагерь, особенно отсек номер 20, который находился под нами, думая, что надзиратели бьют нас, в один голос запели: «Махди, Махди, заклиная тебя твоей матерью Захрой, подпиши этой ночью нашу победу!»

Братья разбили стекла в окнах, после чего в лагерь прибыл полицейский наряд по нейтрализации восстаний. Звуки выстрелов и лозунг «Аллах Акбар!», который дружно скандировали братья, заставляли лагерь дрожать. Охранники заперли нас и ушли. Мы, волнуясь за братьев, при каждом выстреле с силой ударяли по стене и кричали «Аллах Акбар!» Внезапно к нам в камеру вошел начальник лагеря Наджи, который за всё время ни разу не продемонстрировал враждебности в отношении нас, и несколько охранников во главе с Джасемом Тамими, о котором мы всегда

думали, что ему отрезали язык и зашили губы. Наджи сказал: «Зачем вы кричали? Зачем вы нарушили порядок лагеря? Что означают эти крики и вопли?! Завтра же я передам вас в “Аль-Истихбарат”, и будьте уверены, сюда вы больше не вернетесь!»

Было видно, что Джасем, переводивший наш разговор, очень напуган, его только что открывшиеся губы дрожали, он заикался. Хамис, который не мог стоять на одном месте, подобно одержимым, метался из стороны в сторону, бил своим кабелем по стенам и двери и ждал приказа. Наджи прикрикнул на него и приказал всем им покинуть помещение. В тот вечер нам повезло, что Махмуди не было в лагере, и в отсутствие его дьявольской тени лагерь дышал спокойно.

Мы были уверены, что нас отвезут в «Аль-Истихбарат», но не знали, что с нами будет дальше. Единственное, что нас огорчало, было то, что мы так и не смогли пошить чадры из черной брезентовой материи, чтобы сейчас взять их с собой. Мы попытались разорвать материю на четыре части с помощью зубов или края стены, но ткань была настолько грубой и плотной, что никакие зубы тут помочь не могли.

На следующее утро в лагерь приехали Махмуди, Ясин, Шакир, Абдуррахман и Хамис. Они были в предвкушении расправы. Сразу же по всему лагерю стали слышны стоны и вопли братьев. Махмуди пришел к нам в камеру вместе с группой полицейских по контролю восстаний в лагере. По виду Махмуди и охранников было видно, что они как

следует задали жару и учинили расправу над братьями, поскольку их лица все еще пылали, по ним стекали капли пота, и заправить рубашки в брюки они еще не успели. Махмуди сказал, ухмыляясь: «Я слышал, вчера вечером вы распелись так, что всему лагерю было слышно. Вы вспоминали Хомейни. Если у вас такие красивые голоса, спойте и для нас!» Он ждал ответа. Мы сказали: «Вчера вечером мы всего лишь были в трауре по его светлости имаму Хусейну, а ваши солдаты переполошили весь лагерь».

Махмуди сказал: «Хусейн был арабом и принадлежит нам. Их война была войной между арабами, какое отношение она имеет к вам?»

Не дожидаясь ответа, он приказал обыскать наши вещмешки. Мы никогда не расставались с книгой молитв «Мафатих аль-джинан» и прятали ее по очереди под одеждой. Однако сыр, молоко и консервы, которые нам достались от братьев, все еще лежали в вещмешках нетронутыми. К счастью, Эйди с ними не было, иначе он бы сказал, что эти продукты мы не покупали в магазине «Ханут». Но тут Махмуди и надзиратели увидели кусок материи, когда-то бывший мужской рубашкой, в которую братья тогда завернули продукты и положили их в туалете. Махмуди закричал:

- Что это? И что вообще здесь происходит?!
- Мы не знаем, мы этим моем пол.
- Где вы это взяли?
- Здесь же, в бараке номер двадцать четыре, эта тряпка валялась там на полу.
- Немедленно бросьте их в тюрьму!

Махмуди ударил Хамзу в грудь и выругался, затем сказал Ясину, который являлся начальником охраны: «Поменяй надзирателя! И чтобы он ни на минуту не отходил от их двери!»

Ткань для чадры была отправлена в Багдад, а мы вышли из комнаты и зашагали вслед за охранниками. Когда мы проходили мимо окон барака братьев, охранники обступили нас так, чтобы нас не было видно. Махмуди громко ругался, говорил непристойные вещи и хохотал.

Нас перевели в корпус, который принадлежал офицерам и летчикам. По обе стороны двора имелись две небольшие комнаты, одну из которых, ту, что находилась слева, использовали в качестве карцера для сурового наказания пленных. Нас бросили в другую комнату, которая была справа. Комната располагалась вблизи входной двери лагеря, напротив кухни и в неприятном соседстве с канализационной ямой. Одна из стен комнаты была смежной с общественной баней, которой пользовались братья. Другая стена выходила в лагерьный двор, а третья – в коридор, в котором были индивидуальные ваннные комнаты. Четвертая стена имела дверь и окно. Слово «клетка» как нельзя выразительнее и адекватнее характеризовало эту комнатку. Темная и сырая клетка, в которой не было ничего, что можно было бы постелить на пол и чем укрыться. Эта комната, в которую нас поместили в наказание за устроенную нами траурную церемонию по случаю Шаме Гарибан, не была лишена сходства с тюрьмой «Аль-Истихбарат». В тот день никому из нас не дали еды и не разрешили выйти из барака.

На следующее утро нашим охранником оказался Хамис, а мы стали называть его Хабис (грязный). Он не спускал глаз с двери и окна нашей комнаты. Чтобы усилить эффект прессинга, они закрыли наше окно куском стального листа, так что не осталось никакого просвета, через который мы могли бы смотреть наружу и видеть происходящее. Становясь ногами на подоконник, мы видели несколько точек снаружи, однако подоконник был узкий, и на нем нельзя было стоять длительное время. Из окна с одной стороны было видно кухню, а с другой – офицерскую казарму. С переходом в новый корпус иракцы быстро вырыли в центре двора выгребную яму в качестве туалета и соорудили вокруг нее стены из блоков. Все наши перемещения и время для выхода наружу жестко контролировались охранниками.

Инцидент, произошедший в ночь Шаме Гарибан, стал хорошим поводом для Махмуди, чтобы чинить зверства. Он раздул из него целую историю. Всевышнему, вероятно, было угодно, чтобы груз его грехов увеличился. Каждое утро он собирал праведных и набожных братьев перед нашей камерой, пытал фалакой и смеялся, как сумасшедший, отправляя в наш адрес бранные ругательства. Чтобы убедиться, что мы все слышим, он открывал дверь нашей комнаты и пускал свою собаку внутрь. Я была уверена, что все войны когда-то начинаются и заканчиваются; я верила, что эти дни – не вечны, и вскоре мы победим. Махмуди заставлял ребят произносить в наш адрес бранные ругательства. Они хранили молчание, как будто им зашили

губы. Видя попорченную гордость братьев, мы не могли сдержать слез, которые текли по нашим щекам, как капли горячего свинца. Братьев швыряли из стороны в сторону, подобно мешкам с картошкой. Махмуди издевательски произносил фразы из молитвы в честь имама Хусейна, использовал свежие силы из состава полицейского наряда по контролю восстаний для совершения пыток над братьями и без конца повторял: «Пророк дозволил проливать кровь персов и не-арабов! Подходите, кто желает, и станьте соучастником в этом благом деле!»

Я переживала самые трудные дни и ночи в моей жизни. В душе я спрашивала: «Всевышний! Где же предел человеческому терпению боли и страданий? Неужели когда-нибудь настанет время, когда я забуду сегодняшний день? Каким благом является забытие и беспмятство! Как хорошо, что я могу спать и на камне! Как хорошо, что я утешаюсь слезами! Как хорошо, что человек пресыщается, иначе ненасытный аппетит Махмуди поглощал бы всё и всех! Как хорошо, что человек устает, иначе у братьев не было бы возможности перевести дыхание! Как хорошо, что кроме этого мира существует еще и другой! Как хорошо, что Ты, Создатель, бросаешь притеснителей в ад и заставляешь их гореть там! Как хорошо, что мы верим в истинность Твоих обещаний! Как хорошо, что мы в ожидании утешения и спасения! Как хорошо, что нам воздастся за наши страдания, и этим вознаграждением является честь и почет! Как хорошо, что, когда мы являем терпение, Ты посылаешь нам мир и благословение! Как хорошо, что человек не один! Как хорошо, что

пророки и верные Твои друзья тоже много страдали! Как хорошо, что Хусейна предали мученической смерти и нас предадут мученической смерти! Как хорошо, что Зейнаб тоже попала в плен! Значит, я тоже могу быть, как она! Как хорошо, что жизнь на земле не вечна, и все мы рано или поздно умрем! И как хорошо, что первый вопрос, который нам зададут в Судный День, будет: сколько ты прожил на земле? И мы ответим: одно мгновение!»

Голод, жажда и ужас не давали нам покоя и сна. На четвертый день я залезла на плечи Марьям, чтобы посмотреть, что происходит на улице. Я увидела группу людей, которые стояли в очереди за едой и чаем. Тех, кто стоял впереди и брал суп и чай, били, а Махмуди приговаривал, неистово смеясь: «Ешьте и пейте! Пейте райского вина, чтобы не опьянеть!»

Джасем Тамими, как всегда, тихо принес суп и чай, но при этом делал нам глазами знаки, чтобы мы не ели, хотя у нас и так не было аппетита. Последние, кто стоял в очереди, нехотя взяли еду и незаметно делали друг другу знаки. Впоследствии мы узнали, что повар смог предупредить братьев, которые последними стояли в очереди, что Махмуди положил в суп мыло и помочился в чай.

Дверь нашей клетки открывалась только один раз в день для того, чтобы вынести из нее ведра с продуктами нашей жизнедеятельности. Затем ее стали открывать дважды в день. Теперь мы были хозяевами четырех одеял, четырех стаканов, одной тарелки, нескольких динаров, нескольких вещмешков и одного охранника по имени Хамис. Разумеется, по поводу последнего нельзя было

однозначно сказать, были ли мы его хозяевами или он – нашим. В любом случае он не спускал своих коварных и злых глаз с нашей камеры и всюду преследовал нас, словно тень. Иногда он шел не за нами, а плечом к плечу с нами, чтобы еще больше разозлить братьев. Как только он начинал идти с нами в ногу, мы меняли маршрут и возвращались в камеру.

Надеясь раздобыть хоть какие-нибудь новости, мы попросили отвести нас в магазин «Ханут» для покупок. Нам сказали, что только одна из нас может пойти за покупками. Мы единогласно выбрали для этой миссии Фатиму. Мы немного пошутили над ней, и каждая из нас дала ей массу поручений. Фатиму сопровождали Хамис и Ясин. Вернувшись, она сказала: «Всех братьев загнали в бараки. Когда я проходила мимо их окон, везде было очень тихо, и ни из одного барака не было слышно ни звука. Я подумала, что баасовцы при помощи кнута и пыток в конце концов смогли заставить братьев замолчать. В магазине, ассортимент которого сводился к десяти наименованиям товаров, я сделала кое-какие покупки. Возвращаясь и проходя мимо барачных окон братьев, я никого не видела в окнах, однако слышала несколько слов, которые были произнесены отдельно разными людьми: “бумага от сигарет”, “в восемь часов”, “коридор”, “вышивание”».

Мы попытались собрать из слов предложение, но не смогли. У нас получилось только: в восемь часов выйти в коридор для того, чтобы найти бумагу от сигарет и вышивку. С того дня мы каждый день в восемь часов выходили в коридор и бродили

там в надежде обнаружить заветные предметы. Мы искали тщательно и везде. И, в конце концов, однажды в восемь часов утра в коридоре, на участке между ванными комнатами братьев и нашей камерой, мы обнаружили несколько клочков сигаретной фольги, на которых были написаны новости о наступательной операции «Аль-Фаджр», призывы к стойкости, терпению и совершению намаза, а также некоторые из призывов Имама. До того, как была установлена эта связь, мы редко выходили из камеры, однако после получения новостей о войне у нас появился мощный стимул для появления в коридоре.

Фатима была уверена, что наше частое появление в коридоре вызовет подозрение охранников-баасовцев, и они разоблачат нашу только что установленную связь с братьями. Чтобы вынудить меня сидеть в камере и не выходить в коридор, она в шутку манипулировала мной и говорила: «Сиди на своем месте или забудь о свадьбе!»

И я, как послушный ребенок, садилась, сложив руки на коленях. Иногда они все втроем подшучивали надо мной и говорили: «Ты, похоже, совсем не хочешь, чтобы эта свадьба состоялась!»

После визита комиссии Международного Красного Креста мы настроились на то, чтобы поговорить с ними о положении пленных, томящихся в застенках тюрьмы «Ар-Рашид». Мы также хотели увидеть Люсину и спросить ее насчет отправленной в Багдад ткани для чадры. Хотя иракцы обращались одинаково и с теми пленными, кто был под защитой Международного Красного Креста,

и с теми, кого они спрятали в своих жутких темницах, преимущество зарегистрированных пленников были письма, которые, прежде чем попасть в руки своего адресата, долгое время лежали в Цензурном комитете Ирака, где они мялись и рвались. Наличие порядкового номера означало для пленного, что он может рассчитывать на смерть не на чужбине и не в безвестности.

На этот раз господин Хьюмен вошел в нашу сырую и темную камеру вместе с женщиной, которая вела себя с нами ласково, как мать, и одним из братьев, который должен был переводить нам с английского. После них пришел охранник Хабис, и его присутствие смутило и насторожило нас. Однако брат не обращал особого внимания на охранника. Четыре пары глаз были устремлены на него в ожидании, чтобы он заговорил. Он сказал:

– Я – Мохаммад Али Зардбани.

Мы восторженно от неожиданной радости и даже забыли о Хабисе.

С радостными улыбками мы спросили:

– Это правда? Это вы? Мохаммад Али Зардбани, камера номер 15, вас тоже освободили? Что слышно о других братьях?

Зардбани тоже пошел ва-банк. Он как будто приготовился к тому, что все равно будет наказан кнутом, поэтому, не боясь, быстро рассказывал:

– После того, как вы ушли, мы тоже объявили голодовку. Мы приехали в лагерь все вместе. Сейчас доктор Бигдели, Халеки и Пакнежад находятся здесь, в госпитале. А я, Асгар Эсмаили и Джафари – в корпусе номер два.

– Ради Бога скажите, вы говорите это для нашего успокоения или это действительно правда, и вы все приехали сюда? А где Тондгуйан, Яхйави и Бушехри?

Хабис, который в знак уважения к Красному Кресту спрятал свой кабель и не показывал его целый час, из всего сказанного нами понял только одно имя – Тондгуйан – и сразу же запротестовал: «Нельзя! Нельзя!»

Инженер Зардбани был очень умным и проныцательным человеком. Разговаривая с нами, он время от времени указывал пальцем на окна и пол, зставляя тем самым надзирателей думать, что он рассказывает нам что-то об условиях лагеря и камеры, но на деле он говорил совершенно другие вещи. В конце нашей встречи господин Хьюмен сказал: «Я очень рад тому, что Вы детально переводите им мои слова».

Наша встреча длилась так долго, что в следующий раз инженеру больше не разрешили прийти к нам в качестве переводчика. Несмотря на то, что Фатима владела английским, мы все же просили переводчика с целью узнать новости внутри лагеря и в Иране.

Мы читали письма друг друга и долгими часами всматривались в фотографии, присланные вместе с ними, в надежде увидеть нечто такое, что пытаются от нас утаить. Вместе с письмом я получила фотографию отца. Я смотрела на него и в его взгляде узнавала саму себя.

Всем своим существом мы поглощали строки, написанные на этих бумагах: всем своим вниманием, разумом, биением сердца, пульсацией крови

в жилах. С этими словами мы ходили и разговаривали, засыпали и жили. Слова обладали такой силой, что одновременно придавали нам сил и забирали их. Слова имели и голос, и взгляд – они могли как успокоить нас, так и взволновать. Только тогда я осознала чудесное свойство слов и поняла, почему чудом, которым обладал Пророк, были именно слова и книга. Я поняла, что именно слово может открывать перед человеком дороги и строить его жизнь. Я поняла, что квинтэссенцией человека является слово. Жаль только, что я не могла написать в ответном письме больше шести строк, то есть двадцати слов. Но, невзирая на это, я строчила и списывала бумагу, ибо знала, что слова, которые я пишу, западут в душу матери, отца, братьев и сестер, и они будут жить с этими словами. Значит, чем больше их будет, тем лучше. Мы с головой уходили в эти письма. Каждой из нас давали два маленьких листа чистой бумаги, и на них мы должны были уместить все слова, обращенные к стольким людям!..

На этот раз братья завернули клочок сигаретной фольги в два куска материи, привязали его нитками к небольшому камню и бросили в тот же самый коридор, в котором мы обнаружили записки в прошлый раз. На двух клочках материи, которые они оторвали от своей одежды, красивым почерком было написано «Нет бога, кроме Аллаха», а вокруг надписи было вышито несколько цветов. До того момента мы не знали, что нитки и иголки тоже входят в число товаров, которые продаются в магазине «Ханут». С их помощью мы начали вышивать на кусочках ткани разные слова и узоры, хотя эти

вышивки, как правило, во время их отправки по тому или иному адресу перехватывались баасовцами.

Марьям вышивала очень красиво. Она могла нарисовать всё что угодно: цветок, птицу, клетку, лицо, руку и многое другое. Она делала это с присущей ей утонченностью. Иногда я часами сидела возле нее и в надежде немного научиться рисованию следила за ее руками, которые водили по бумаге карандашом, выкраденном мною у сотрудников Красного Креста. Однако несмотря на то, что я обладала некоторым мастерством в искусстве каллиграфии, к рисованию у меня не оказалось никаких способностей. Марьям могла нарисовать любое лицо. Однажды я спросила ее с любопытством:

– Как человек становится художником?

– Рисование – это тот же танец, танец линий и теней.

– Но слово – тоже игра линий, ты можешь нарисовать мою мысль?

– Нет, не могу. Но я могу нарисовать рисунок одного цвета с твоей мыслью.

Разговаривая со мной, она теми самыми линиями и тенями нарисовала на куске белой материи красивую птицу. С крыльями она возилась так долго, что утомила меня. Я босиком пробежалась по ее чувству и сказала:

– Оставь ее крылья в покое!

– У нее должны быть хорошие и красивые крылья, чтобы она не попала в клетку.

В тот момент я подумала, что совсем не знала Марьям до того момента, когда впервые увидела ее рисующей. Как сильно она скучала по этим

линиям и теням, но никогда не жаловалась! Мне стало так жаль, что она в неволе! Я думала, как же такие тонкие чувства попали в столь жестокие руки, и как она терпит все это насилие?!

Я не смогла удержаться и спросила:

– Марьям, что ты чувствовала, когда баасовцы били тебя?

– Плен не различает поэтов и художников. Возможно, среди всех этих пленных есть творческие люди. Но пока что чувства каждого из нас избиты и изранены. Ты разве не помнишь, что в самом начале нашего пребывания в плену, в городе Тануме, среди нас был один поэт. Поначалу после каждой порки кнутом он начинал читать стихи, однако в последние дни его избивали до такой степени, что он напрочь забыл обо всяких стихах. Иракцы добиваются того, чтобы мы забыли всё то, что умеем, и научились тому, чему они сами хотят. Однако мы должны сопротивляться и ни в коем случае не забывать то, что знаем и умеем.

Внезапно звуки пинков ногой и ударов кабеля, перемешанные с дикими воплями Махмуди и его прихвостней, которые дали нам передышку в несколько дней до и после прихода комиссии Красного Креста, вернули нас из прекрасного мира танца линий и контуров в беспросветный и черный мир реальности. Подобно кровожадному чудовищу, они вонзили свои когти в наши сердца, которые все еще парили в мыслях об искусстве. Надзиратели вошли так внезапно, что мы не успели сделать ни одного движения. Махмуди зарычал: «Обыск! Обыск! Вытаскивайте наружу всё, что в ваших рюкзаках!»

Мы хотели подойти к своим вещмешкам, однако они не дали нам такой возможности и в мгновение ока вывалили на землю их содержимое. Всё наше имущество представляло собой пару изношенных вещей, несколько банок консервов и сухого молока. Не найдя того, что искали, они посмотрели на наши руки. Марьям продолжала держать в руке карандаш и рисунок птицы. Они отняли их у нее, сказав: «Это запрещено!» Они также конфисковали несколько вышивок Халимы, опять же сказав: «Запрещено!» Мы поняли, что откуда-то они пронюхали о книге «Мафатих» и пришли за ней. Книга «Мафатих аль-джинан» была единственным нашим сокровищем, с которым мы никогда не расставались. Я украдкой посмотрела на Марьям. Она искала свою птицу, которую Хабис смял в руке и в этот момент клал в карман. Баасовцы не терпели даже фотографий и изображений птицы, поскольку подсознательно она ассоциировалась у них с нашей свободой, а этого они ужасно боялись.

Во время обыска наши письма оказались разбросаны по полу, и это вызвало гнев и недовольство Халимы. В минуты гнева ее доброе и симпатичное лицо исказилось так (одна бровь поднималась вверх, а вторая оставалась внизу), что я сама ее пугалась. Халима быстро собрала все письма, которые теперь были для нас равнозначны семьям и близким, прижала их к груди и закричала сердито: «Что вообще вы ищете?!»

Не обратив внимания на этот вопрос, они хлопнули дверью и ушли. Такие обыски они устраивали часто.

В письмах, которые приходили от наших близких, чувствовалось беспокойство, потому что первое письмо мы писали им из госпиталя. Они спрашивали нас обо всем и обо всех и о каждой минуте, чтобы представить ясную картину нашего пребывания в плену. Мы же, чтобы не огорчать и не расстраивать их еще больше, придумывали разные радужные небылицы. Мне всегда приходило больше писем, чем Фатиме, Халиме и Марьям. Тогда я поняла, какое это счастье – иметь много близких. Мне приходили письма из разных городов. Было ясно, что война разбросала членов моей семьи по всем уголкам страны. Из того, что они писали мне в письмах, вырисовывалась довольно ясная картина – картина бездомности и скитаний. В Тегеране остался только Карим, его дом находился по соседству с домом Фатимы, и он иногда писал мне и о ней.

Из всех писем, что приходили мне, многословными были только письма матери, которая, несмотря на ограничения в бумаге и количестве слов, писала мне все то, что хотела. Она писала о воспоминаниях детства, о стремлениях и мечтах молодости и надеждах будущего. Я удивлялась тому, каким образом письма матери доходили до меня без протестов и вмешательства со стороны иракской цензуры. Она при письме выходила даже за поля, используя всё пространство бумаги целиком. Одно из ее писем, которое очень взволновало меня и вызвало бурю эмоций, было ответом на мое первое письмо. В том письме мать умоляла Всевышнего вернуть ей меня живой и писала:

«Ко мне пришла одна из тех женщин, которые всегда живут сплетнями и все время проявляют любопытство к жизни других, чтобы сыпать соль на их раны. Она спросила меня о тебе, и я рассказала ей о печали разлуки, о тяготах плена, об ожидании и моих бесконечных надеждах. Я столько проплакала, что начала икать. Марьям была у меня на руках, я кормила ее из бутылочки. Та женщина, как будто желая причинить мне еще большую боль, сказала: “Предоставь это Всевышнему, пусть Он решит, как быть, довольствуйся довольством Всевышнего! Ей, может быть, лучше вообще уже не возвращаться. В том, что она не вернется, больше целесообразности, чем в ее возвращении. Возможно, Всевышний ждет, чтобы ты дала на это свое согласие”.

Мне было стыдно перед матерями павших героев жаловаться, но я переспросила: “Что? Я никогда на это не соглашусь!” У меня душа стала болеть так, что я воззвала к Создателю. Я заклала Его каплями того чистого молока, которые я отправляла в рот младенца у себя на руках, и сказала: “Всевышний! У меня восемь сыновей, и все они воюют на передовых линиях фронта. Если неизбежно возвращение мной Тебе кого-то из тех, которых Ты мне вверил на хранение, я отдаю Тебе одного из моих сыновей, но ее мне верни живую!”»

Комиссия Красного Креста каждый раз приводила с собой нового пленного в качестве переводчика, и через него мы узнавали последние новости. Братья говорили: «Все ребята хотят встретиться с вами, потому что все мы действительно воодушевляемся вашим терпением и стойкостью».

Во время встречи с представителями Красного Креста, которая прошла зимой 1983 года, в качестве переводчика их сопровождал брат летчик Седик Кадери. Мы очень обрадовались, увидев брата Кадери, поскольку он тоже являлся частью воспоминаний о времени, которое нам пришлось провести в тюрьме «Ар-Рашид». Его имя мы видели на стенах этой тюрьмы в числе пропавших без вести. И, встретив его живым, как и других упомянутых там пленных, мы понимали, что неимоверные усилия иракцев тщетны, и это укрепляло в нас надежду на уничтожение саддамовского режима Баас. Брат Кадери с волнением переводил господину Хьюмену наши слова относительно условий содержания и атмосферы, царящей в лагере. Периодически, хотя и с трудом, ему удавалось справиться со своими эмоциями – он выдерживал паузу и делал над собой усилие, чтобы не расплакаться. Хьюмен выразил недовольство тем, что стена, отделявшая нашу клетку от общей душевой, была совершенно мокрой. Однако к сырости нам было не привыкать. То, что мучило нас, и то, к чему мы не могли привыкнуть, были непрекращающиеся крики, стоны и стенания престарелых и молодых, раненых и здоровых пленников, которых пытали в душевой. Мы сказали ему: «Вот уже два месяца, как их, голых, непрерывно подвергают пыткам фалакой на мыльной земле из-за того, что они сообщили о моральных и физических пытках, через которые они проходят, в комитет Международного Красного Креста. Когда пленные, совершенно выбившись из сил, падают на землю, их поднимают и начинают

бить кнутом. Не щадят даже раненых». Психологически мы были совершенно раздавлены душе-раздирающими стонами братьев, которые иногда так судорожно звали своих близких и молили Все-вышнего о смерти. К тому же, несмотря на то, что мы были зарегистрированы в официальном списке пленных Международного Красного Креста, мы по-прежнему были лишены элементарных средств гигиены, поэтому Марьям сильно заболела и нуждалась в помощи гинеколога. Мы попытались объяснить ситуацию Наджи, но он ответил: «Иншалла, война закончится, вы вернетесь в Иран и там вы-лечитесь».

Брат Седик Кадери пригрозил представителям Красного Креста, что, если не будет доставлен врач-гинеколог для осмотра Марьям, весь их корпус объявит бессрочную голодовку. Угрозы голодовки всегда были действенны. Перед тем как уйти, Ка-дери сказал: «Сегодня, когда сотрудники Красного Креста все еще в лагере, мы объявим Наджи, что до тех пор, пока не приедет врач-гинеколог, мы не бу-дем брать еду».

Через пару дней пришел врач, который дал Марьям какое-то снадобье, после чего ей стало только хуже. Врач настоятельно рекомендовал вегетарианскую диету, фрукты, овощи и спорт – то, что в той безводной и лишенной всякой раститель-ности пустыне выполнить было нереально. Однако в лагере находились братья, доброта и сочувствие которых поистине являлись для нас бесценным сокровищем и творили чудеса. Для них не суще-ствовало ничего невозможного. Весь лагерь был

пропитан ароматом их доброты, любви и самоотверженности, и ради проявления этих качеств они рисковали собственными жизнями. Если у нас возникали вопросы, дела или трудности, братья все как один начинали хлопотать, чтобы решить наши проблемы. Не знаю, каким образом и через кого происходил обмен информацией между тремя корпусами, однако в самые короткие сроки каждый из них, где бы он ни находился, делал все, чтобы облегчить наше положение. Мы хорошо знали, что порция еды каждого из них – нескольких ложек супа шурбы, но если вдруг они обнаруживали на своем подносе кусочек мяса размером с фалангу пальца, они все равно делили его между собой. Мы знали, что братья от голода ели растения, которые росли в саду, и высушивали мякоть хлеба, чтобы поддержать себя в минуты голодных обмороков. Мы знали, что Мохаммад Фаррохи был предан мученической смерти из-за того, что у него обнаружили карандаш размером с мизинец. Мы знали, насколько ценен был каждый филс, десять которых стоила одна лепешка хлеба. Однако братья копили эти филсы, чтобы они превратились в динар, и эти динары они затем отправляли в нашу клетку, в клетки раненых и немощных престарелых пленников. Несмотря на все беды, несмотря на то, что они дошли до крайней точки, все же смыслом жизни для них являлось не что иное, как благородство и борьба за веру.

Новость о болезни Марьям и необходимости врача и лекарств распространилась по всему лагерю. И после этого мы ни разу не вернулись

с пустыми руками из того коридора, который был для нас оплотом надежды. Братья отправляли в этот коридор все, что имели, не обращая внимания на опасности, которые их подстерегали на каждом углу.

Однажды, выйдя на улицу, мы увидели брата Маджида Джалалванда. Он напомнил мне первый день и час моего пленения. В любое время года он ходил между офицерским корпусом и корпусом ополченцев в длинном пальто. Когда мы видели его в этом длинном шерстяном пальто, нам невольно становилось холодно. Он делал нам знаки рукой и кивком головы показывал в сторону коридора, однако мы, придя туда, как ни смотрели, ничего не могли там увидеть. Затем мы поняли, что он прячет что-то под пальто и выжидает подходящего момента. И тут – мы не поняли как – через стену коридора был брошен небольшой мешок, который оказался рядом с нами. Мы быстро подобрали его и стали думать, как занести его внутрь камеры так, чтобы охранник ничего не заметил. Мы открыли мешок. Он был набит ватой и марлей. Мы разделили содержимое мешка на четыре части, спрятали их под одеждой и таким образом занесли в свою клетку.

Мы знали, что раны и язвы на телах раненых гноятся и в них заводятся черви из-за отсутствия средств гигиены; знали, что раненые постоянно ругаются с баасовцами из-за того, что им не делают перевязки, и в санчасти не хватает медикаментов и перевязочных средств, однако раненые очень хотели проявить заботу и доброту по отношению к нам. Мы не успевали даже озвучить наши потребности,

а братья уже присылали нам все, что мы хотели, по мере своих возможностей.

Весна 1983 года стала моей третьей весной в неволе. Между корпусами офицеров, ополченцев и дивизиончиков усилилось движение. Стало больше шума и суеты – все поздравляли друг друга с Новым годом и обнимались. А вечно занавешенная тем железным листом дверь нашей темницы не позволяла весне войти к нам.

Майор Махмуди приехал в лагерь. Первым делом он пришел в нашу клетку и сказал новому надзирателю по имени Хаджи, чтобы отныне он был нашим охранником. Хаджи был пожилым, выдавшим виды надзирателем и вел себя со всеми сдержанно и степенно. Поэтому мы подумали, что Махмуди, убрав Хамиса, как будто желает сделать нам новогодний подарок.

Махмуди повернулся к нам и сказал: «Из двадцати лет прошло всего лишь три, осталось еще целых семнадцать». Эта его фраза погрузила нас в раздумья. Откуда он взял число 20? Каждая из нас невольно прибавила к своему возрасту 17. Мы передали братьям фразу Махмуди и попросили объяснить ее значение. Братья позднее передали нам новость о том, что Имам во время одного из своих выступлений касательно войны сказал: «Даже если война продлится двадцать лет, мы будем и дальше бороться».

С того дня мы морально приготовились к двадцатилетнему сопротивлению.

Каждое утро в лагерь приезжала машина для откачки выгребной ямы. Каждый раз кто-то из

братьев должен был взять в руки шланг, через который осуществлялась откачка. Процедура эта длилась два часа. И каждый раз во время и после этой откачки в нашей клетке стояла такая тошнотворная вонь, что мы долгие часы изнывали от головной боли. Не могу даже представить, что творилось с тем пленным братом, что был вынужден в течение двух часов держать шланг, через который откачивалась выгребная яма. К сожалению, установленное для нас время прогулки совпадало со временем откачки выгребной ямы туалета, а поскольку во время прогулки мы не могли идти дальше той самой ямы, мы предпочитали этот час оставаться у себя в клетке и по мере возможности закрывали все щели, через которые мог проникнуть зловонный смрадный запах.

Был первый день весны и час прогулки. Мы сидели в клетке и ждали, чтобы машина закончила откачку. Махмуди приказал Хаджи: «Открой дверь, чтобы запах весны опьянил их! Они любят этот аромат!»

Махмуди до последнего дня своего пребывания в лагере не переставал мучить нас. После ухода Наджи мы избавились от него. Вместо Наджи в лагерь в качестве начальника пришел майор Собхи. Однако Махмуди дал Собхи рекомендации, чтобы тот «заботился» о нас, поэтому Собхи не позволял, чтобы мы хотя бы на мгновение почувствовали отсутствие Махмуди в лагере. И легче нам не стало.

В праздничные дни весны 1983 года братья так подкупили Джасема Тамими, что он согласился сделать что-то вопреки приказам баасовцев. В день праздника Навруз он быстро подошел к нам

с подносом, на котором был обед, стремясь максимально увеличить расстояние между ним и Хаджи, чтобы передать нам мешочек, который прятал под одеждой. При этом Джасем был настолько взволнован и испуган, что, возвращаясь, подвернул ногу и всем своим весом обрушился на Хаджи.

Когда мы пришли в нашу клетушку и открыли мешочек, вся комната наполнилась ароматом сладостей. Как мастерски братья приготовили их! Они делали их из хлебного мякиша, сахара и масла. Мы называли это самодельное печенье «окошками». Их вкус я до сих пор ощущаю во рту.

С очередным приездом в лагерь представителей Красного Креста нам посчастливилось увидеть еще одного узника тюрьмы «Ар-Рашид» – летчика Мохаммада Салавати. Все еще была пора Навруза, и мы имели разрешение поздравлять друг друга с наступившим Новым годом. Мохаммад Салавати был единственным человеком, который смог навестить нас и поздравить с Наврузом. Первое, что мы ему сказали, было: «Какие вкусные сладости вы нам прислали!»

Как и все предыдущие переводчики, он между переводимыми словами говорил нам другие вещи. Например, он сказал: «Мы пришлем вам кусок металла и проволоку. Только будьте осторожны. Держите у себя в комнате тазик с водой. Каждый раз, когда иракцы закрывают лагерь и уходят¹,

¹ Обычно в пять часов вечера, после вечернего обхода, иракцы запирали двери всех бараков и уезжали. Лагерь и его окрестности контролировались в такие моменты только охранниками со сторожевых вышек (прим. авт.).

подключайте провод к электросети, бросайте кусок металла в воду и на пару, который станет выделяться, готовьте себе сладости или еду».

У нас был только один тазик, и мы думали, что с одним тазиком нельзя готовить и еду, и сладости. А возможно, мы просто не были хорошими кули-нарами.

С каждым последующим разом во время встреч с представителями Красного Креста мы получали все больше писем. Близкие, родственники и друзья – все, кого мы упоминали в предыдущих письмах или передавали им привет, шли в Комитет Красного Полумесяца, брали бумагу и писали письма. Мои братья писали не только мне, но и Марьям, которая стала их названной сестрой. Было видно, что они беспокоились, чтобы наша тайна о том, что я и Марьям не являемся сестрами, не была разоблачена и баасовцы не поняли, что мы их обманули. Иногда они сообщали нам новости о семьях других плен-ных. Помимо всех прочих писем я неизменно каж-дый раз получала одно – анонимное, без обратного адреса, автор которого всегда писал несколько строк о надежде и благом будущем. Даже если пи-сем от отца, матери, сестры или братьев не было, от этого анонима для меня всегда было письмо. Иногда его манера выразаться была чужда мне. Мне хотелось знать, кто этот аноним, и в то же время я стеснялась этого. Но тот факт, что неизвестный автор писем живет в обители терпения, надежды и любви, придавал мне сил и уверенности. Он строил для меня радугу надежд и мечтаний и, сажая меня на нее, вводил с собой в прекрасное далёко, где

горечь минут мучительного ожидания превращалась в сладость надежды на возвращение в родные края. Анонимные письма я читала украдкой и прятала. Поскольку некоторые фразы имели вкус жизни и романтическую тональность, мне было неловко с кем-либо обсуждать это. В глубине души я испытывала угрызения совести, ибо между нами четырьмя до этого не оставалось никаких тайн, мы всегда делились друг с другом даже самыми сокровенными мечтами и устремлениями.

Но, в конце концов, я не удержалась и поделилась своей тайной с Халимой. Она сказала: «Поскольку письма приходят регулярно и вовремя, я уверена, что их автор – обитатель этого же лагеря, который отдает письма представителям Красного Креста или же сам кладет их к ним в чемодан, и таким образом они доходят до тебя». Я ответила Халиме: «Я так не думаю, потому что этих несчастных каждый день бьют так, что они бывают в шаге от смерти. Они остаются в живых чудом и благодаря молитвам их матерей. А автор письма полон надежд и думает о жизни. К тому же никто из братьев здесь не знает моего имени, а автор писем обращается ко мне по имени».

После того, как я поделилась своим секретом с Халимой, меня стали меньше мучить угрызения совести. И я предоставила времени расставить все по своим местам.

За прошедшие три с лишним года мои братья так возмужали! Кто-то из них успел жениться, а кто-то – даже обзавестись ребенком. В письмах они отправляли мне фотографии своих жен и детей,

и я то и дело становилась тетей. Рахим присылал мне фотографии своей дочери Маэде, которая держала в руках и обнимала мое фото. Салман тоже стал отцом и назвал своего сына Хамза. И у Рахмана тоже родился сын, которому он дал имя Нима. Несколько раз в письмах я просила их выслать мне фотографию бабушки, но они почему-то не придали значения моей просьбе, и она осталась невыполненной.

Мы с Ахмадом были погодками. Мы оба, по выражению матери, родились в один сезон, с той разницей, что я появилась на свет в пору съедания фиников, а Ахмад – в период варения фиников. Иногда мы играли с ним в футбол, иногда – в машины, а иногда он играл со мной в дочки-матери. Мы всегда обещали друг другу, даже во время игр, что не будем говорить неправду и обманывать друг друга. Когда я попала в плен, на лицах Ахмада и Али еще не пробился пушок, однако теперь на фотографиях, которые я от них получала, я видела, что усы и борода придали им изрядную долю мужественности. Я говорила себе: «Как же они возмужали!» Мне даже не верилось. Я видела на фотографиях тех самых Али и Ахмада, с которыми я играла на улице, с которыми мы делали друг за друга школьные домашние задания и по очереди носили рубашки. Ахмад был единственным, у кого я могла узнать действительную причину ставшего неразборчивым почерка отца – почерка, которым были написаны приходящие от него письма, но который совсем не походил на его красивый почерк. Однако Ахмад не дал мне никаких объяснений по

этому поводу. Письмо, которое я получила от Ахмада, оторвало меня на несколько часов от моей клетки и унесло в детские воспоминания:

«Моя одноклассница и подруга моих детских дней – Масуме, привет! Как будто еще вчера мы играли с тобой в прятки. Ты жмурилась, а я прятался. Ты всегда пряталась в труднодоступных местах, но я все же находил тебя. Куда же ты делась так неожиданно? Как же ты исчезла? Дорогая сестра, где же ты спряталась? Вражеская земля ведь не место, где можно прятаться! О, если бы я мог поменяться с тобой местами! Я пойду и останусь там вместо тебя, а ты возвращайся! Во всех играх всегда выигрывала ты. И теперь ты выиграла. Выходи, перестань прятаться! Мы договаривались, что никогда не будем говорить друг другу неправду. Здесь все волнуются и переживают за тебя. Я хочу, чтобы ты рассказала мне всё подробно с самого начала. На все вопросы ты отвечаешь: “Нет никакой беды и печали, кроме разлуки с тобой”. Я не верю тебе. Расскажи нам в письме всё как есть. Опиши действительность, не пытаются ли вас там? Я и все другие братья находимся на фронте и боремся с врагом. Ты знаешь, что плен – тоже часть войны».

Чтобы сдержать слово, данное Ахмаду, я написала ему в ответ:

«Я в очередной раз говорю, что у меня все хорошо, и нет никаких бед и печалей, кроме разлуки с вами – моими близкими. Поверь, что я верна данному

в детстве обещанию. Нас здесь не подвергают телесным пыткам. Отмечу только, что двадцать четвертого числа месяца мехр (16-го октября) я получила сильную пощечину от одного липового доктора. С того дня прошло три с половиной года, и каждый раз, когда я умываю лицо, я все еще чувствую тяжесть его руки».

1983 год был первым годом, в который мы испытали знойное лето города Аль-Анбар – высушенного и безводного места, куда даже питьевую воду доставляли в танкерах. Конечно, я сама имела опыт жизни в знойном, жарком климате юга, однако климат Абадана – жаркий и влажный, климат же Аль-Анбара – жаркий и сухой. Узкое, тесное пространство, всегда закрытые окна, расположение клетки на солнечней стороне делали невозможным терпеть эту жару. Несмотря на это, мы по-прежнему настойчиво желали заиметь чадры и ждали согласия на это из Багдада. Ткань, из которой мы должны были сшить чадры, кочевала из одного места в другое, и никто не знал, какая участь ее ждет в конце концов. Однажды, когда Джасем принес нам поднос с едой, мы, как обычно, разостлали скатерть (одну из тех вещей, которые нам принесла Люсина). Через несколько ложек мы обнаружили великую находку – то самое, что нам обещал Мохаммад Салавати: кусок металла с куском проволоки, которые братья при помощи лагерного повара Машаллы спрятали под тарелкой плова. После этого мы с нетерпением ждали, когда Хаджи запрет дверь нашей клетки и покинет лагерь

вместе с другими надзирателями, чтобы в их отсутствие приготовить что-нибудь съедобное с помощью тазика с водой и электронагревателя. Иногда электронагреватель несколько часов оставался в воде, и вся комната наполнялась паром. Смежная с душевой кабиной стена была мокрой всегда, а во время «готовки» мокрыми становились все четыре стены камеры. Иногда даже с потолка падали капли влаги, поскольку окно нашей клетки, в отличие от окон барачков братьев, никогда не открывалось. Был месяц мордад¹, и до приезда комиссии Красного Креста оставалось не более недели. Мы завернули недельную порцию фруктов – гроздь винограда – в кусок влажной ткани и положили рядом с окном. Через каждый час мы увлажняли ткань. Ночью, когда зной и жара немного спадали, мы открывали салфетку и брали по одной виноградинке, некоторые из них к тому времени уже сморщились и подсохли, но при этом мы их все же нехотя ели. Чем меньше становилось виноградин, тем больше мы огорчались. Мы ухаживали за ними так хорошо, что на грозди все еще оставалось двенадцать твердых и неповрежденных виноградин, которые как будто подмигивали нам из-под влажной салфетки, так что мы порой еле удерживались от соблазна съесть их, однако все-таки сдерживались, желая угостить представителей Красного Креста, которые должны были вскоре прийти к нам в гости.

¹ Мордад – пятый месяц иранского солнечного календаря, состоит из 31 дня. В григорианском календаре соответствует 23 июля – 22 августа (*прим. перев.*).

Большую часть времени мы проводили, записывая молитвы из «Мафатих аль-джинан» на тоненьких бумажках из-под сигаретных пачек. Я записывала, Фатима нумеровала, Халима поправляла, а Марьям аккуратно складывала. Мы почти закончили писать молитвы. В руках каждой из нас было по несколько листочков бумаги с молитвами, которые мы во время прогулки собирались бросить там, где обычно проходят братья. Каждый раз, когда они шли за обедом, они опускали головы и внимательно смотрели вниз, чтобы найти клочки сигаретной фольги. Мы были поглощены молитвами, когда раздался свисток об окончании прогулки братьев. До открытия двери нашей клетки время еще было, но внезапно Хамза и Абдуррахман бесшумно очутились внутри камеры. Мы были застигнуты врасплох. У меня даже не было возможности поменять позу. Лучшее, что я могла сделать в тот момент, – упасть ниц в земном поклоне, имитируя совершение намаза, и таким образом закрыть своим телом бумаги с записанными на них молитвами. Я боялась оторвать голову от земли. Хамза пнул меня носком своего ботинка и сказал: «Быстро подними голову!» Все сестры в один голос кричали: «Слава Пророку!» Хамза прорычал: «Кибла вообще-то не в этой стороне!» Только тогда я поняла, что застыла в земном поклоне в противоположном кибле направлении, однако у меня не было иного выхода, кроме как оставаться в прежнем положении. Марьям сидела на книге «Мафатих».

Как обычно, они вывалили на землю всё содержимое наших вещмешков и затоптали письма

от наших родных. А для нас эти письма были не просто бумагой, а массой впечатлений, эмоций и чувств, сокрытых в каждой строчке. Никто из нас не мог пошевелиться, поскольку каждая прятала бумагу, карандаш и книгу. У нас было три «запрещенных» вещи: карандаш, «Мафатих» и электронагреватель. Обнаружение любого из этих предметов могло повлечь за собой серьезные наказания. Тем более, что в условиях жесточайшего мониторинга и отсутствия возможности контактировать с братьями мы смогли добыть ручку и электронагреватель и распространить по всему лагерю молитвы из книги «Мафатих»¹. Надзиратели оставались и снова стали осматриваться. Не найдя ничего, они швырнули на землю виноград, который мы целую неделю берегли, чтобы угостить им ожидаемых нами гостей. Виноград был раздавлен сапогами Абдуррахмана.

Через пару дней, после приезда комиссии Красного Креста, атмосфера в лагере изменилась, и стало легче дышать. Члены комиссии в составе трех человек вместе с одним из братьев вошли в нашу клетку. Встреча с каждым из братьев во время очередного посещения лагеря представителями Красного Креста, которые случались раз в два-три месяца, вселяла в нас надежду и придавала сил.

¹ Брат Мир-Сейед и Акбар Эраки, ответственные за культурную работу в лагере, говорили: «Многие из ребят знали наизусть некоторые молитвы, однако листовки с записанными на них неизвестными молитвами говорили о том, что в лагере есть книга молитв “Мафатих”, но мы не знали, у кого именно она находится и откуда приходят все эти молитвы» (прим. авт.).

На этот раз вместе с комиссией Красного Креста в нашу каморку вошел брат Дехкархани¹. Летчик Дехкархани был еще одним из считавшихся пропавшими без вести, который сумел зарегистрироваться в Комитете Международного Красного Креста и перебраться из тюрьмы «Ар-Рашид» в лагерь. Мы и Люсина, безмерно обрадованные встречей, обнялись и поцеловались. У нас было ощущение, будто мы знакомы уже многие годы. Хьюмен тоже заметил наши эмоции. Интересно, что Люсина сразу же после того, как присела, сделала вопросительное движение головой и спросила по-персидски: «Чадор, чадор?» («Чадра, чадра?»).

Брат Дехкархани подробно рассказал ей историю с чадрой и в конце сказал: «В настоящее время чадра находится в Багдаде, и девушки ждут приказа относительно нее».

Люсина сказала, обращаясь к Хьюмену: «Чадра – неременный атрибут одежды этих девушек. Они

¹ В конце сентября 1980 г. пилот истребителя-бомбардировщика F4 господин Дехкархани вместе с другим боевым самолетом, которым управлял лейтенант Ахлаки, выполнял операцию по бомбардировке района Бастан, оккупированного иракскими силами. Возвращаясь после успешного выполнения операции, лейтенант Ахлаки сообщил Дехкархани, что в сторону его самолета летят четыре ракеты. Дехкархани сбил две из них, однако один снаряд все же попал в его самолет, который загорелся. Дехкархани был вынужден катапультироваться. Лейтенант Ахлаки смог вернуться на базу в г. Дезфуль. После того как Дехкархани попал в плен, он сначала считался пропавшим без вести, находясь в тюрьме «Ар-Рашид», затем был переведен в лагерь «Анбар», где стал ответственным за корпус номер один – корпус летчиков. 13 сентября 1990 г. он был освобожден и вернулся в Иран (прим. авт.).

говорят, что в ней они чувствуют себя уверенно и в безопасности».

Мы сказали: «Мы пытались объяснить это Махмуди, однако он утверждал, что чадра – в категории запрещенных предметов».

Они стали советоваться друг с другом, и это дало брату Дехкархани возможность сказать нам несколько слов. Он сказал: «Мы можем пригрозить им и сказать, что, если они не удовлетворят вашу просьбу и не привезут вам по чадре, мы – все три корпуса – объявим голодовку и тем самым переполошим весь лагерь». Затем он перевел свои слова комиссии Красного Креста.

Хьюмен ответил: «Личная просьба не должна повлечь за собой бунт и массовые протесты».

В любом случае они были очень озабочены угрозой, которую озвучил летчик Дехкархани. Люси́на несколько раз пообещала приобрести для нас по чадре. За время беседы с нами они взмокли от пота и обмахивались бумагой. Третий человек в составе комиссии не проявлял никакой реакции и ничего не говорил, а только удивленно смотрел по сторонам и наблюдал за происходящим. Поскольку прошлой ночью мы занимались приготовлением пищи у себя в камере, на стенах не успела высохнуть испарина. Он время от времени проводил рукой по влажным одеялам и дарил нам улыбку в знак сочувствия. Госпожа Люси́на и господин Хьюмен, выразив сожаление и тревогу состоянием нашей каморки, спросили о причине перевода нас из верхней комнаты, в которой мы ранее находились, в эту клетку. Брат Дехкархани с пылом и жаром

рассказал им историю нашего переселения и постоянно повторял: «Сестры ни в чем не провинились, они лишь совершали намаз и читали молитвы».

В ответ они сказали: «Иракцы крайне негативно относятся к намазу и молитве, они квалифицируют их как политико-военные действия. В вопросе намаза и молитвы мы не можем вам ничем помочь».

Люсина спросила: «Почему они закрыли окно металлом?»

Хьюмен ответил: «Для того, чтобы полностью предотвратить любые контакты с другими пленными».

Брат Дехкархани попросил господина Хьюмена сделать что-нибудь, чтобы нам было легче переносить зной и жару, которыми отличался климат провинции Аль-Анбар. Хьюмен пообещал похлопотать, чтобы к следующему их приезду окно в нашей камере было открыто. Они вручили нам письма. Для меня было три письма от семьи и родственников и снова – одно анонимное. Я спрятала все письма. Пока мы общались с представителями Красного Креста, их одежда стала совершенно мокрой от пота. Они улыбнулись, сказав: «Здесь как в бане!» – и попрощались с нами.

Мы не верили, что наша просьба насчет чадры, снова переданная Люсине, будет удовлетворена и выполнена быстро. На следующее утро, когда люди из Красного Креста все еще находились в лагере, а все пленные перечитывали полученные письма и упивались каждым словом из них, к нам пришла Люсина без переводчика вместе с охранником Хаджи и принесла другую ткань для чадры.

Несмотря на то, что эта ткань была легче предыдущей, все же она не являлась тканью для чадры. Искренне поблагодарив Люсину, мы взяли ткань и вместе с Хаджи отправились в швейную мастерскую. На закате того же дня охранник вручил нам готовые чадры.

На следующее утро, когда Хаджи открыл дверь, мы тут же вышли из камеры в черных чадрах и гордо начали прохаживаться от клетки до выгребной ямы – по единственному дозволенному нам маршруту. Несмотря на то, что комиссия Красного Креста все еще находилась в лагере, а обычно во время ее пребывания в лагере все внимание братьев было приковано к ней, на этот раз все они стояли за окнами своих бараков, смотрели на нас с радостью и поздравляли. Некоторые из братьев – кто-то из кухни, кто-то из санчасти, а кто-то из своего барака – выходили в прогулочный двор и приветствовали нас довольными улыбками. Один из братьев вел другого, слепого брата, под руку в санчасть. Скорость своих шагов они рассчитывали так, чтобы поравняться с нами. Приблизившись, они сказали нам: «Сегодня вы осветили наши очи и наполнили радостью наши сердца!»

Братья были так обрадованы нашим видом, что пригласили и комиссию Красного Креста полюбоваться нами. Было видно, что Люсина очень довольна и гордится, что смогла помочь нам. Несмотря на то, что многие иракские женщины носили абу, которая имеет сходство с чадрой, надзиратели, глядя на нас, демонстрировали раздражение и злость, которые подчас сопровождались гнусными

ухмылками. Их злые взгляды сулили нам новые неприятности, к которым мы должны были себя готовить.

После того как комиссия Красного Креста уехала, в час прогулки охранник, к сожалению, не открыл дверь нашей клетки, а за ней мы слышали шум и беготню. Сначала мы подумали, что, согласно обещанию Хьюмена, баасовцы снимают металлический лист с нашего окна. Однако этого не произошло. Мы стучали в дверь, чтобы напомнить Хаджи о том, что пришло время прогулки, но он как будто оглох. Тогда мы поняли, что в отместку за историю с чадрами и довольные улыбки братьев они придумали для нас новое наказание. Как ни прислушивались мы к звукам снаружи, стараясь уловить и разобрать что-нибудь, мы слышали только уже привычные нашему слуху голоса. Иногда до нас доносились странные звуки, но мы не могли понять их происхождения.

Между тем, пытаясь понять, что же происходит снаружи, мы решили приготовить немного сладостей. Но провод электронагревателя случайно упал в воду, произошло короткое замыкание, розетка затрещала и сторела, и вся конструкция вышла из строя. Мы очень расстроились. Электронагреватель мог бы оказаться очень полезен зимой, поскольку при помощи него мы могли бы греть воду, ведь в душевые нас запускали раз в сорок или пятьдесят дней. Мы по-прежнему ждали, что нам откроют окно, и в комнате посветлеет и посвежеет, однако клетка с каждым часом становилась все более темной и удушающей.

Как обычно, я залезла на спину Марьям и через узенькую щель стала смотреть наружу. Через это отверстие размером в зернышко чечевицы можно было видеть только кухню и часть офицерского корпуса. Из-за окна до меня доносились неясные звуки. Но в обеденное время мы отчетливо услышали фразу, сказанную голосом майора Махмуди: «Этого достаточно для того, чтобы они могли дышать!» Услышав голос Махмуди, мы удивленно переглянулись, потому что знали, что он покинул лагерь несколько месяцев назад и больше не появлялся. По-видимому, Махмуди вернули в лагерь наши черные чадры. Он вернулся, чтобы отомстить нам, сделав нашу клетку еще темнее и практически лишив нас возможности дышать. Время обеда тоже прошло. А баасовцы по-прежнему возились за нашим окном, напевали какие-то песни и курили одну сигарету за другой. От табачного дыма, проникавшего в нашу клетку, перехватывала дыхание. Задыхаясь от дыма и кашля, мы отчаянно искали способ сделать глоток свежего воздуха. Снаружи мы слышали голоса иракцев, которых, вероятно, было человек десять, однако никто из них не проявлял никакой реакции в ответ на наши крики и просьбы.

Наконец наступил вечер. Все шумы и голоса за нашим окном стихли, и появился Хаджи. Когда открылась дверь и мы вышли наружу, мы были ошеломлены видом того, что открылось перед нами. Нашу клетку со всех сторон обставили прутьями и деревяшками. Изгородь была построена так, чтобы мы не видели ничего и никого снаружи и чтобы

нашу клетку тоже не было видно никому. Мы теперь не могли видеть даже входную дверь лагеря. Как безжалостно! Я вспомнила отца, который с приходом лета даже курам менял гнезда и устраивал их в более прохладном месте, чтобы жара меньше их мучила. Иракцы же хотели зажарить нас живьем. Мы поняли, что это – акт возмездия со стороны майора Собхи и его прихвостней в ответ на наш вчерашний маневр с черными чадрами, который был сопровожден горделивым умилением братьев и изумлением сотрудников Красного Креста и который нанес баасовцам большой морально-психологический удар. Осознание последнего факта успокаивало наши души. Не проявив ни малейшей реакции на увиденное и не пытаясь протестовать, мы повели себя как ни в чем не бывало.

После возведения изгороди вокруг нашей клетки давление и ограничения в отношении нас увеличились, и мы убедились в отсутствии законности и в произволе режима Баас, а также – в неэффективности и слабости Международных Женевских конвенций о защите прав военнопленных. Мы находились в городе беззакония. Хьюмен пообещал нам снять железную завесу с нашего окна, а в результате нам окончательно перекрыли визуальный доступ к окружающему. Баасовцам осталось только выколоть нам глаза, чтобы мы совершенно перестали видеть. Мы были рады тому, что крайняя степень гнева и злобы сделала их лица такого же цвета, как наши чадры. Иногда, вне прогулочного часа, нам разрешалось сделать несколько шагов по тому же прежнему маршруту. Мы были огорчены и

думали о том, что построенная стена сделает и без того невыносимые условия клетки убийственными. Однако причиной нашего подлинного огорчения была утрата возможности получения передач от братьев.

Третье сентября 1983 года ознаменовало мой двадцать первый день рождения и четвертую осень в плену. Я не могла поверить в то, что мне уже 21 год! Всегда задолго до дня рождения кого-то из нас мы прилагали все усилия, чтобы хорошо и красиво отпраздновать этот день. Наши дни рождения все еще оставались для нас очень важными и торжественными днями. На мой день рождения Фатима вышила картину с надписью «Аллах Акбар», Халима – два цветка розы, а Марьям – молитвенный коврик – саджаду. Один подарок был красивее другого.

В тот вечер, когда я пошла принести в клетку ведро воды, мое внимание привлек спичечный коробок на полу в конце коридора. Незаметно и тайком от Хаджи я быстро подобрала его и вернулась в камеру. Я открыла коробок и увидела камень овальной формы, на котором красивым почерком было выгравирована надпись «Махди». Эта находка очень удивила и обрадовала всех нас. Камень имел для нас большую ценность, потому что мы знали, что братья целыми днями терли такие камни о землю, чтобы придать им желаемую форму, а затем старательно выводили на них имена имамов или своих близких. Каждая из нас по очереди проводила рукой по камню и без конца разглядывала его. Я по очереди предлагала его всем моим

сестрам, но никто из них не согласился принять его, в один голос заявляя: «Это – твой подарок. Кто, кроме Всевышнего, знал о том, что у тебя сегодня день рождения? Не настаивай больше!»

На следующий день Халима шепнула мне: «Мне кажется, что это – подарок от того самого анонима. Подумай сама, мы больше тысячи дней находимся в Ираке. Кто знал, что у тебя вчера был день рождения?» Не придав особого значения словам Халимы, я положила дорогой сердцу подарок в сумку с письмами.

Смена сезона и наступление холодов, как неотвратимый и смертоносный недуг, обрушили на нас вдобавок ко всем нашим бедам и неприятностям нестерпимые и пронизывающие боли. Эти боли не давали нам покоя ни днем, ни ночью, заставляя забыть даже о голоде и жажде. Тогда только мы понимали, через какие адские муки проходят раненые, которые, сидя в своих темницах, вместе с горечью заточения терпят еще и боль неисцеленных, зияющих ран. Состояние каждой из нас было плачевным. Болезненными, опухшими руками мы касались рук и плеч сестер, чтобы внушить им мысли о том, что наше состояние не так уж и безнадежно и мы все еще в силах помочь друг другу. Халима была очень хрупкого телосложения. Но даже когда ее угнетал безжалостный недуг, она смиренно подавляла стоны. Когда ей становилось совсем неважно, она просила меня рассказать что-нибудь из бабушкиных высказываний. И я напомнила ей такие слова моей бабули: «Если ты проснулся, а у тебя нигде ничего не болит – знай, что ты уже умер. Боль

неотступно связана с живыми. Человек даже приходит в этот мир с болью».

Мы старались подобными словами поднять друг другу дух и вселить уверенность в том, что все будет хорошо. Из-за сильных болей несколько дней мы выходили наружу только по крайней необходимости. Братья очень пристально следили за тем, что происходит с нами. Много раз в коридоре, сообщая нам новости о войне и фронте, они интересовались нашим самочувствием. Охранник Хаджи тоже заметил, что мы себя плохо чувствуем. Несколько раз мы просили Хаджи устроить нам встречу с начальником лагеря Собхи в надежде, что он пришлет к нам врача или даст лекарства. Наконец, после долгих упрасиваний, одним холодным осенним днем, когда небо морозящим дождем готовило себя к зиме и холодам, к нам в камеру пришел Собхи. Мы надеялись, что, увидев мокрую смежную с душевой стену, холодный бетонный пол, полные ведра мочи и фекалий и вдохнув «аромат» от канализационной ямы, которым пропиталась вся наша клетка, он сам поймет причину нашего недомогания. Когда он открыл дверь, мы в чадрах стояли поодаль, готовые дать ему объяснения. Прежде чем мы успели что-нибудь произнести, он сказал: «У нас здесь нет врача и лекарств. Вы скоро вернетесь в Иран. Мы устали от вас и хотим вас освободить».

С того дня, как мы приехали в лагерь, никто из нас больше не думал о свободе; мы даже ни у кого ничего не спрашивали о свободе, ибо свобода в тех условиях могла быть только пустым и несбыточным обещанием. Свобода была козырем

в руках баасовцев, который они использовали для введения узников в заблуждение, чтобы выудить у них информацию и сломить их сопротивление. Свобода была не более чем детской иллюзией и политическим обманом. Давая напрасные надежды, она могла стать лезвием ножа, поднесенным к шее узника.

Мы сказали Собхи: «Вы отвечаете за охрану пленных, а не за их свободу! А что, если мы вообще не захотим, чтобы нас отпустили?»

Поняв, что уловка со «свободой» не прошла, он покинул нашу клетку. Мы же затаили в душе радость, уповая на свой собственный Божественный рецепт – молитву «Довольствуюсь довольством Всевышнего» и веру в свершение чуда. Мы знали, что Всевышний поговорит с нами и со всеми, с кем Он захочет, и прольет бальзам на наши израненные сердца; мы знали, что всякий раз, когда страдания, выпавшие на долю человека, становятся выше его сил, Он дарует ему руководство для проявления стойкости и терпения, чтобы превозмочь лишения и беды. После того как Собхи ушел, все наши физические боли, страдания и усталость как будто покинули нас, и мы стали прежними сестрами, которые ждали часа прогулки, чтобы пройтись на свежем воздухе.

Солнце, минуя все преграды – деревянную изгородь, стены и железную завесу на окне, странным образом проникло к нам, тепло приветствуя нас. В тот день наши глаза, помимо солнца и его света, озарились также видом апельсина. Наши порции супа увеличились, и количество зернышек чечевицы, которые в них плавали, превысило количество

пальцев на одной руке. Но интереснее всего было то, что Джасем Тамими, который отвечал за нашу пищу и, подобно рабам, беспрекословно выполнял все, что ему говорили иракцы, улыбнулся нам и поздоровался. С улицы был слышен какой-то шум и суета. В тот день почему-то на всех лицах были заметны улыбки. Даже надзиратели хоть и фальшиво, но все же улыбались. Абдуррахман, Шакир, Хамис и Хамза, которые, когда не было повода бить братьев, играючи ударяли кнутом по своим ладоням, чтобы невзначай не утратить навыка порки, стояли рядом с котлом шурбы и приказывали Машалле наливать в тарелки побольше супа.

Мы периодически выходили в коридор, чтобы узнать новости, но безуспешно. Я думала про себя: «Даже если война закончилась, в любом случае одна сторона должна быть победившей, другая – проигравшей, так почему же все одинаково довольны и радостны?!»

После того как прогулочный час закончился, мы вернулись в клетку и прижались ушами к стене, за которой находилась душевая. Вопреки обычным дням, когда в душевой не хватало воды, чтобы братья могли привести себя в порядок, мы слышали непрерывный шум и плеск воды за стеной. Мы знали, что иногда некоторых узников отводят к святым местам для совершения паломничества. И единственным предположением, объяснявшим столько радости вокруг, была именно мысль о том, что кого-то собираются отправить в паломничество. Внезапно мы услышали за дверью незнакомый голос, который повторил несколько фраз

по-персидски, но с арабским акцентом: «Подними голову! Подними голову! Обнимите друг друга! Молодец!»

Нас распирало от любопытства, мы хотели знать, что же происходит. Халима, которая всегда смешила нас своими разговорами, сказала: «Девочки, давайте обнимем друг друга, улыбнемся и поднимем головы. Может, тогда мы поймем, что все это значит».

Мы слышали, что братья учат иракцев персидским словам шиворот-навыворот. Поэтому те слова, которые мы услышали, ни о чем нам не говорили. Мы прокручивали в головах и анализировали увиденное и услышанное, как вдруг услышали приближающиеся к нашей клетке шаги Хаджи. Мы быстро накинули на себя чадры и сели. Он открыл дверь и сказал: «Выходите!»

Из опасения, что нас могут перевести в другое место, я взяла свои письма, спрятала их под чадрой и вышла. Мы увидели, что иракцы поставили скамейку недалеко от деревянной изгороди, которую мы называли курятником, а рядом возник цветник с небольшой пальмой для украшения. Неподалеку от всего этого стоял мужчина, который приветствовал нас с улыбкой на лице. Мы узнали его по голосу – это он призывал братьев поднять голову и обнять друг друга. Этот человек был фотографом. Сначала мы не изъявили желания сфотографироваться, но потом согласились, подумав, что фотография, возможно, попадет в руки наших близких, и они будут меньше волноваться за нас, увидев пальму и скамейку. Фотограф сказал: «Снимите свои чадры, чтобы я вас сфотографировал!» Мы

ответили: «Фотографируйте нас в чадрах!» Бормоча что-то себе под нос, он сказал: «Что я должен фотографировать, если ничего не видно? Вытащите хотя бы руки!»

Мы ничего не понимали из того, что он говорил, но Халима потом перевела нам смысл сказанного им. Когда мы сели на скамейку, он снова стал повторять те же самые заученные слова: «Улыбайтесь, улыбайтесь! Голову выше! Обнимите друг друга! Молодцы!» Не обращая внимания на его слова, мы ждали, когда этот спектакль закончится. Фотограф, не видя реакции на свои просьбы с нашей стороны, снова повторял их по несколько раз. Он постоянно менял наши позы. То говорил: «Сядьте все!», то говорил: «Встаньте все!» Когда он велел нам поднять головы, мы опускали их, когда он просил, чтобы мы улыбнулись, мы хмурились. Когда он попросил Марьям обнять меня, она поднялась и встала за мной. Надо сказать, что фотограф разозлился не на шутку и в конце концов перестал давать указания, и мы сфотографировались в тех позах, в которых сами хотели. Каждой из нас он дал по одной фотографии, которые мы хотели в следующий раз отправить вместе с письмами своим семьям.

Мы с нетерпением ждали очередного визита комиссии Красного Креста. На этот раз они пришли вместе с доктором Хади Бигдели, который некогда был нашим соседом по камере в тяжелые дни, проведенные в застенках «Ар-Рашид». Мы очень обрадовались ему. Сотрудники Красного Креста крайне удивились, увидев частокол, которым обнесли нашу клетку. Дело шло к зиме, становилось холодно, а эта

ограда препятствовала проникновению лучей солнца внутрь клетки, в результате чего сырость и холод в ней ощущались сильнее. В поведении Хьюмена чувствовался стыд по поводу того, что он не сдержал своего слова и железная завеса оставалась на окне, и мы не стали возвращаться к этому вопросу. Доктор Бигдели дал нам очень ценные рекомендации касательно вопросов гигиены и охраны здоровья и, чтобы ободрить нас, сообщил: «Корпус номер два смог передать в Красный Крест полный отчет по условиям содержания, качеству питания, а также моральным и физическим пыткам узников. Возможно, вскоре мы сможем надеяться на улучшение условий содержания пленных в лагере».

На этот раз каждой из нас пришло больше писем, чем обычно, а сами письма были более подробными и содержательными. Мы все научились общаться друг с другом посредством шифров. Сначала мое внимание привлекло письмо моего брата Карима, который приложил к письму фотографию, на которой они стояли под портретом Имама. В Цензурном комитете Ирака, чтобы доказать свою бдительность, отрезали ножницами верхнюю часть фотографии. Я показала фотографию сестрам, и мы рассмеялись. Какой же сильной была вражда и ненависть иракцев, что они не могли видеть образ Имама даже на несчастной фотографии! Что плохого могла сделать им эта фотография размером с одну фалангу пальца?

Вместе с письмами пришли также фотографии Маэде, Амир-Хусейна, Хамзы, Нимы и других членов моей семьи. В то время как сестры рассмат-

ривали свои и мои фотографии, я начала читать письмо Карима, и вдруг у меня закружилась голова. Слова, которые я прочла в письме, окрасили мое лицо в пунцовый цвет, как после пощечины, лишив меня сил стоять на ногах. Я снова прочла письмо в надежде на то, что неправильно поняла его смысл. Я благодарила Всевышнего, что это происходило во время прогулочного часа. Я решила выйти на улицу и еще раз прочесть письмо при дневном свете. Я поднялась с места. Марьям, увидев, что я хочу выйти наружу, спросила: «Зачем ты берешь с собой письмо?» Я ответила: «Я спрячу его под чадрой». Фатима и Халима сказали ей: «Марьям, оставь ее, она хочет побыть наедине с собой». Я отшутилась и вышла из камеры.

Мне хотелось плакать. Мне хотелось кричать. Мне хотелось сжать в объятиях Фатиму, чтобы немного согреть ее и лишь потом сообщить ей: «Дорогая Фатима, соболезную! Мученическая смерть – секрет нашей победы и вознаграждение за борьбу во имя Аллаха. Алиреза вошел в чертоги Бога». Я не могла больше смотреть Фатиме в глаза. В десятый раз я прочла то, что было написано в письме Карима:

«Я шел мимо общества “Араш”. Мое внимание привлекла хиджла¹ молодого и красивого парня. Я остановился и прочитал: “Желаем здоровья и выражаем соболезнования семье и близким отважного командира Алирезы Нахиди по поводу его мученической смерти”».

¹ Хиджла – траурная композиция, состоящая из фотографии умершего, венков и свечей (прим. перев.).

Слезы текли из моих глаз. Не знаю, сколько времени я провела в туалете.

Я пришла в себя только после того, как Марьям начала стучать в дверь. Я быстро вытерла слезы и открыла дверь. Она посмотрела на меня и сказала: «Ты не могла найти место получше, чем это? Пойдем, посмотрим другие фотографии!»

Я растерянно сказала: «Я даже в школьные годы, когда не понимала что-нибудь, шла в туалет!»

Я чувствовала тяжесть в голове, чувствовала тяжесть всей земли на своих плечах. Я незаметно взяла письмо, положила его с предыдущими письмами в сумку, а сумку спрятала в своем вещмешке. Для каждой из сестер пришли фотографии, и все были заняты их просмотром. Фатима села рядом со мной и сказала: «У меня для тебя хорошая новость! Мне прислали фотографию Алирезы. Посмотри, как мы похожи друг на друга – как две половинки одного яблока! Это свежая фотография. Каким взрослым стал Алиреза!»

Я засмеялась и радостно сказала: «Можно, я оставлю себе эту фотографию?» Она ответила в шутку: «Раньше, когда невеста слышала имя своего жениха, то заливалась краской от смущения, а эта беззастенчиво требует и фотографию!» Халима вмешалась в диалог: «Она ведь знает, что все эти слова и ваш уговор – всего лишь игра от безделья. Вряд ли мы еще когда-нибудь увидим Иран, и останемся ли мы вообще в живых? Разве что Всевышний сотворит чудо! Вы же слышали, что Махмуди сказал – прошли три года войны, осталось семнадцать!»

Каждая из сестер что-то рассказывала, а я молчала, ибо письмо Карима лишило меня дара речи.

Незадолго до этого нашего охранника Хаджи из-за его снисходительного отношения к нам и отсутствия грубости в наш адрес поменяли на другого, по имени Халед. Это был крупный и коренастый пожилой мужчина с угрюмым лицом и вечно сдвинутыми бровями. Но внешность его была обманчива. Сердце Халеда было мягким. Он больше следил не за нами, а за кухней, и постоянно переживал, чтобы, не дай Бог, не остаться голодным и не опоздать на раздачу еды. Это его свойство давало нам уникальную возможность передвигаться больше и дальше во время прогулочного часа. В отличие от Абдуррахмана, Хамзы или Ясина, которые пристально следили за нами, не спуская глаз, Халед не обращал на нас особого внимания. Во время всего прогулочного часа он находился на кухне и даже когда приходил, чтобы открыть или закрыть дверь, постоянно что-то жевал. Единственным его недостатком было то, что он закрывал и открывал дверь в точно установленное время. Тем не менее, он всегда был так погружен в свои заботы, что мы почти свободно могли узнавать новости и получать разную информацию у каждого из братьев, которые, получив еду и возвращаясь из кухни, проходили мимо нас. Новости в основном приносили те из братьев, которые были помоложе, как брат Мехди Таханиан.

Зимний холод, отсутствие воды, нехватка средств гигиены и наведения чистоты, постоянный мрак в клетке и поломка электронагревателя,

благодаря которому мы раньше могли постоянно иметь хотя бы один тазик горячей воды, способствовали тому, что у нас завелись клопы, блохи и прочие паразиты. Это было настоящее нашествие! Проблема эта, надо сказать, началась после того, как с наступлением зимних холодов иракцы дали нам два лишних одеяла, в которых и прятались насекомые. Как раз в то время в лагере возникли перебои с водой. Иногда мы по 30 или 40 дней не могли попасть в душ. С того момента, как прогулочный час заканчивался и мы заходили в клетку, в течении долгих часов мы были заняты тем, что убивали паразитов. Ранее, находясь в тюрьме «Ар-Рашид», мы уже сталкивались с такой проблемой, однако блохи лагеря «Аль-Анбар» по своим габаритам были несопоставимы с багдадскими. Те блохи были тощие, с вытянутыми туловищами и маленькими животами. В «Аль-Анбаре» же у блох были такие большие и полные крови животы, что каждый раз, когда мы убивали блоху, она лопалась с громким звуком. Мы постоянно ощущали на теле зуд от укусов блох и были заняты лишь тем, что чесались и убивали их.

Как ни старались мы истребить их, это было бесполезно. Летом мы страдали от гигантских тараканов, комаров и сверчков, а летом подвергались другой напасти – нашествию блох и клопов.

Близилось время приезда сотрудников Красного Креста, и мы беспокоились о том, что эти незваные гости-паразиты пристанут к ним или к братьям-переводчикам, и те унесут их с собой. Поэтому мы вернули два одеяла, которые являлись логовом

паразитов. Насекомые-кровососы довели нас до состояния полной потери самообладания, так что Марьям после совершения намаза и прочтения всех молитв произносила еще одну: «О Всевышний! Да постигнет армию баасовцев нашествие блох, чтобы руки их солдат были заняты только чесанием собственных тел!»

Халима предложила каждый раз, когда мы уби-ваем блоху, говорить: «Да будет проклят Саддам!»

Мы попросили Халеда взять у начальника лагерь Собхи разрешение сходить в магазин «Ханут». Сначала он сказал, что пойти за покупками может только одна из нас, но мы настаивали на том, чтобы в магазин отправились хотя бы две сестры, и в конце концов это разрешение было нам дано. На этот раз в «Ханут» пошли мы с Фатимой. Мы купили две бутылки молока, две упаковки сыра, по две баночки консервированной фасоли и рыбы. Однако я попросила Эйди дать нам еще и бритву. Фатима запротестовала: «Для чего тебе бритва? Их и так не хватает, оставь, пусть лучше братья пользуются ими – они нуждаются в них больше, чем мы!»

«Одна бритва все равно не играет роли!» – ответила я.

В конце концов Фатима согласилась на покупку лезвия. Вернувшись в клетку, я поручила все покупки, кроме бритвы, Фатиме. Она снова спросила: «И все-таки, для чего тебе понадобилась бритва?» Услышав это, Марьям и Халима удивленно переспросили: «Что? Бритва? Для чего тебе бритва? Лучше бы вместо нее вы купили нитки для вышивания»

Я сказала: «Это – важнее, чем нитки для вышивания!»

Фатима протянула руку в мою сторону и сказала: «А ну-ка, быстро отдай мне бритву! Зря я согласилась на ее покупку, не надо было брать!»

«Пожалуйста! Она и должна быть в твоих руках, потому что я хочу, чтобы ты обрила мне голову наголо сегодня вечером», – ответила я.

После этих слов все они смеялись так, что не могли остановиться. «Что ты сказала? Ты что, с ума сошла?!» – говорили они и начали отговаривать меня:

– Нельзя же отправить в мусорный бак свои волосы из-за каких-то паразитов?! Ничто ведь не украшает девушку так, как волосы!

– Шутки шутками, но ты ведь не выкинешь такой фокус со своими волосами!

– Скоро в лагере снова будет вода, и тогда мы искореним их пусть даже ценой снятия кожи с головы.

– Я приняла решение, – сказала я.

Халима сказала: «Оставь эти шутки! Если ты сделаешь это, я сменю свое имя и стану называться Зульф-Али».

Марьям в знак протеста тоже сказала: «Если ты это сделаешь, я тоже изменю свое имя и буду называться Газнафар».

Я спросила Фатиму: «А ты как назовешь себя?»

Фатима сказала: «Я очень люблю свое имя, но я тебе обещаю, что, если ты обреешь голову наголо, я скажу Алирезе, когда освободимся, что его невеста лысая!»

Когда она произнесла эти слова, я не смогла совладать со своими чувствами, бросилась в ее объятия и зразрыдалась.

Моя реакция вызвала удивление сестер, и они начали спрашивать: «Что случилось?» Я отвечала: «Ничего. Это просто эмоции!»

Чтобы уговорить меня отказаться от моей задумки, они хором сказали: «Всё! Забудь вообще о свадьбе!»

Однако я не поддалась их уговорам. Фатима обрила мне голову, не оставив на ней ни единого волоса. После удаления волос стало видно блох, которые, подобно вампирам, присосались к коже моей головы. Сестры в ужасе смотрели на них. Я сказала им: «Не ужасайтесь! Ваши собственные головы полны таких же кровососов!»

С того дня мы называли Халиму Зульф-Али, а Марьям – Газнафар. Лишившись волос, я сильнее ощущала зимний холод.

В то время мы были настолько увлечены Кораном, «Мафатихом» и вышивкой, что нам катастрофически не хватало времени. Из тех вещей, которые дала нам Люсина, я сшила тканевый мешочек и сложила в него все свои письма. Я сшила также сумку, в которой хранила вышивки, подаренные сестрами на мой день рождения, и фотографии, которые приходили из Ирана. На лицевой стороне сумки я вышила фразу: «Мы освободимся тогда, когда прилетят аисты».

Периодически приходил Халед и говорил: «Другие корпуса мастерят и вышивают для своих охранников картины и молитвенные коврики.

Сделайте и вы для меня что-нибудь». Однако его просьба оставалась без внимания с нашей стороны. Каждый раз, когда он озвучивал свое пожелание кому-либо из нас, он слышал в ответ одну и ту же фразу: «Мы недавно научились, у нас еще плохо получается». На что он отвечал: «У мужчин получается очень красиво». Чтобы он отстал от нас, мы сказали ему, что в Иране вышиванием занимаются мужчины, а женщины – шитьем. Услышав это, он смирился и ушел.

Я хранила в сердце две большие тайны, которые заставляли меня чувствовать бурю эмоций. Я избегала взгляда Фатимы и реже отвечала на шутки сестер, но категорически не хотела, чтобы Фатима узнала, что случилось с ее братом. Чтобы никто ничего у меня не спрашивал, я постоянно либо читала Коран, либо была занята вышиванием. Моя мать говорила: «Если ты научилась вдевать нитку в иголку, значит, ты взяла в руки путеводную нить своей жизни». Я боялась разговаривать с сестрами. Я опасалась сказать что-нибудь, что приподнимет завесу над моими сокровенными тайнами. Никогда еще я не была такой молчаливой и замкнутой. Я стала своего рода отшельником. У меня даже появилось постоянное место в клетке, куда никто другой никогда больше садился. Девушка с обритой головой, холодными руками и ледяным носом, одетая в манто серого цвета, которая садилась под окном студеной клетки и, отрешившись от внешнего мира, погружалась в свои раздумья, ведя молчаливую беседу лишь с иголкой, ниткой и обрезками ткани, – это был мой образ. Всякий

раз, когда я этого хотела, птица моих несбыточных мечтаний и заветных грез уносила меня туда, куда я пожелаю.

Иногда каждая из сестер произносила какую-нибудь шутку, чтобы развеселить меня и заставить заговорить. Халима говорила: «Разве ты шьешь языком? Почему ты все время молчишь?» Марьям говорила: «После того как ты обрила голову, ты стала похожа на какого-то профессора. У тебя такой серьезный вид! Обрати на нас немного внимания!» Фатима говорила: «Масуме, подними голову и посмотри мне в глаза, я хочу сказать тебе что-то приятное». Я не могла поднять голову и посмотреть ей в глаза. Я сказала: «Я слышу тебя и с опущенной головой». Она сказала: «Нет, так нельзя! Ты должна смотреть мне в глаза!» Смеясь, она продолжила: «Те, у кого лысина в передней части головы, – это люди, которые думают. Те, у кого лысина сзади, – люди красивые, а те, у кого нет волос ни спереди, ни сзади, как у тебя, думают, что они красивые».

Все рассмеялись. Я была рада тому, что моя обритая голова стала поводом для веселья сестер; мне нравилось, когда они периодически что-нибудь говорили по этому поводу и от души смеялись. Мы считали этот смех показателем борьбы и сопротивления. В лагере «Мосул» хаджи-ага Абу-Тораби говорил: «Тому пленному, который рассмешит другого пленного, ангелы запишут вознаграждение». Только ночью, когда дверь клетки запиралась и все баасовцы покидали лагерь, мы переставали хмуриться. Мы шутили и смеялись, а иногда и рыдали.

Приезд комиссии Красного Креста вместе с одним из братьев в качестве переводчика был единственной возможностью сменить тему наших разговоров. Мы с нетерпением ждали их приезда и получения писем и фотографий. Откровенно говоря, мне также хотелось получить письмо от анонима. По традиции, за неделю до приезда комиссии Красного Креста в лагере начинался аврал. Привозили фрукты, хотя давали их ровно столько, чтобы припомнить их вкус. Ясин, Шакир, Абдуррахман и Али потихоньку прятали свои кнуты. Однако сразу же после отъезда комиссии Красного Креста они компенсировали потерянные за эту неделю возможности выместить на нас злость и сделать заложниками своих комплексов.

В конце первой декады месяца бахман¹ мы были заняты уборкой своей клетки и площадки перед ней, когда к нам наведались представители Красного Креста в сопровождении брата майора Хамида Хамидиана. Брат Хамидиан был родом из Ши-раза и говорил с приятным ширазским акцентом. Он сообщил нам о положении в Иране, а также о победах, которые иранцы одержали на фронтах за последнее время. Слушая его, мы то приходили в восторг, то огорчались. Особенно больно нам было слышать о тяжелых условиях содержания пленных в первом и втором корпусах и о том, что несколько братьев были преданы мученической смерти под пытками, а некоторые потеряли зрение. Было непонятно, почему представители Красного Креста,

¹ Речь идет о конце января 1984 г. (*прим. перев.*).

зная об этих фактах, все еще не приняли никаких мер.

Майор Хамидиан был ответственным за библиотеку. Мы рассказали ему о своем желании пользоваться библиотечными книгами. Однако представитель Красного Креста сказал: «Мы уже обсудили этот вопрос с иракцами, но они не дали согласия на это, аргументируя тем, что вы не должны иметь никаких контактов с мужчинами-пленными. Они не разрешили даже предоставить вам возможность читать прессу на арабском или английском языках». Однако майор Хамидиан пообещал придумать что-нибудь для решения этого вопроса, посоветовавшись с другими братьями. Было решено, что нам предоставят средства для обогрева нашей клетки и снижения влажности внутри нее.

Прошло несколько дней после отъезда команды Красного Креста. Ближе к обеду настало время нашего прогулочного часа. Мы прохаживались по привычному дозволенному маршруту. В это время мы заметили, что в лагере больше движения, чем бывает обычно. Нам повезло, что Халед, по обыкновению, находился в кухне и был поглощен чревоугодием, поэтому мы могли под видом того, что прогуливаемся, узнать новости. Надзиратели-баасовцы с обескураженным видом суетились, быстро устанавливая в прогулочном дворе столы для пинг-понга и шахмат. Группа пленных, одетых в теплую одежду и обутых в кроссовки, играла в футбол, другие играли в карты, а третьи сидели за шахматным столом. Некоторые просто прогуливались по двору. Это была наспех организованная имитация

спокойной и здоровой атмосферы в лагере, целью которой было – показать международным организациям, будто Саддам дружественно принимает в гостях караван пленников. Некоторые из пленных – беспринципные и продажные – оказывали баасовцам содействие в подготовке этой лживой и искажающей действительность картины, способствуя тем самым сокрытию фактов о преступлениях иракцев. Эти изменники, как и баасовцы, хотели, чтобы никто не узнал о незаконно пролитой крови узников, которые под пытками были преданы мученической смерти; они хотели утаить от мирового сообщества атмосферу тирании и удушья, которая господствовала в лагере. Издалека мы видели их, сидевших за игральным столом и щелкавших семечки. В душе я разговаривала с ними и стыдила их: «Имейте совесть! Пусть репортерские камеры снимут здешнюю действительность и сообщат миру, гуманитарным и правозащитным организациям о зверствах и беззаконии, которые чинятся здесь! Продажные изменники! Зачем вы прячете головы, опуская их вниз?! Не стесняйтесь! Поднимите их и смотрите в камеры, чтобы мир узнал о вас; узнал о том, что вы ради пачки сигарет готовы пустить по ветру свою честь! Имейте достоинство, подобно другим братьям, которые стоят сейчас за этими окнами и дверьми! Сейчас, когда вы играете в новых спортивных костюмах и кроссовках, вспомните о Хосрове Саадате – пятнадцатилетнем подростке, участвовавшем в операциях в Бейт-аль-Мукаддасе, который, играя в футбол в этом же дворе и забив гол иракцам, получил от

надзирателя Хамида Ираки, который сейчас стоит рядом с вами, оплеуху, от которой ему разорвало барабанную перепонку и вывихнуло челюсть!

Время от времени баасовцы отводят в камеру пыток пленных, на которых вы показываете пальцем, и через некоторое время заходят обратно в барак и говорят братьям: “Пятерым выйти с одним одеялом! Вынесите тело наружу!”

Почему вы не хотите, чтобы мир узнал о том, что госпитали “Тамуз” и “Салахеддин” являются официальным местом казни, куда отправляют военнопленных? Скажите репортерам, что в этих двух больницах врачи каждое утро вместо того, чтобы сделать назначения и дать больным лекарства, выдают свидетельства о смерти!»

Эти малодушные так всецело были увлечены играми, танцами и прочими развлечениями, что обо всем на свете забыли. Мы, в свою очередь, смотрели на них в таком недоумении, что сами забыли взять воду и сделать другие дела, которые обычно выполняли во время прогулочного часа. Внезапно в лагерь въехали два патруля с техникой для видеосъемки. В первой машине сидели баасовцы в гражданской и военной форме, пассажирами второй машины были иностранцы. Сначала мы подумали, что в лагерь снова приехала комиссия Красного Креста. Только после того, как иностранные репортеры прибыли в лагерь, баасовцы вспомнили о том, что не заперли нас в нашей клетке. Они так спешно и суетливо упрятали нас в клетку, что забыли про Марьям, которая в тот момент была в туалете. Будучи уверенны, что никто никогда не подумает,

что за деревянным забором имеется темница, в которой заточены четверо узников, они удалились.

Это был первый раз за все наше пребывание в лагере, когда туда приезжала команда репортеров и журналистов. Туалет находился в самом центре двора. Именно в нем тогда и задержалась Марьям, которая всё прекрасно видела через щели между стенными блоками. Заметив группу репортеров и журналистов, направлявшихся вместе с майором Собхи, Шакиром, Ясином и Али в корпус братьев, она вышла из туалета, однако прежде, чем журналисты обратили на нее внимание, охранники немедленно зашвырнули ее в клетку. Марьям взволнованно начала рассказывать нам о том показательном шоу, которое иракцы организовали к приезду представителей масс-медиа, как вдруг из корпуса братьев донеслись лозунги «Аллах Акбар!» и славословия Пророку, вслед за которыми слышались звуки беготни и разбитого стекла, а через мгновение после этого – и звуки выстрелов. Впоследствии мы узнали от братьев, что во время той перестрелки пострадал брат Мохаммад Реза Шафии, которому пуля повредила глаз. Протестуя против того варварского акта, один из раненых братьев вместе с двумя другими братьями бросился в сторону журналистской машины и костылями разбил в ней стекла. Пленные, которые были задействованы в показательном представлении баасовцев, были настолько увлечены своими ролями, что вернулись к реальности только после того, как слышали звуки стрельбы. Все было готово для

снятия подлинного документального видеосюжета, однако команда напуганных телевизионщиков в ужасе бежала во двор офицерского корпуса. Спустя немного времени, когда страсти поутихли, репортеры начали снимать тех самых пленных маррионеток, играющих в футбол, шахматы и карты и спокойно прогуливающих во дворе.

В тот день, услышав звуки выстрелов, мы очень испугались за наших братьев. Нам хотелось рассказать представителям масс-медиа обо всех лишениях и бедах, которым подвергали нас и братьев, однако у нас не было никакой возможности выйти из камеры. Поэтому мы лишь в один голос кричали: «Мы – четыре девушки-иранки, и мы четвертый год находимся в плену. Возьмите интервью у нас! Снимите нашу клетку! В нашей клетке есть на что посмотреть! Мы заточены в клетку за этой оградой! Аллах Акбар, Аллах Акбар!»

Каждый раз, когда мы звали репортеров, они оборачивались в ту сторону, откуда доносились звуки, однако, глядя на забор и думая, что за ним ничего нет, отводили взгляды и начинали смотреть в другую сторону. Инженер Зардбани, который выполнял функции переводчика для группы репортеров, несмотря на указание баасовцев относительно того, чтобы иностранные телевизионщики не узнали о нахождении в лагере пленных девушек, весьма ловко и деликатно осведомил их о нашем присутствии и о том, что именно наши голоса они слышат.

Они спросили иракцев: «Что это за голоса? Разве в лагере находятся и женщины?»

– Это – голоса четырех иранских женщин, которые из-за того, что долго находятся здесь, потеряли рассудок.

– Мы можем снять видеосюжет о них?

– Нет, это – небезопасно. Они бросаются на всех, кого видят. Мы несем ответственность за вас и не можем допустить, чтобы они причинили вам вред.

Инженер Зардбани говорил: «Каждая новая фраза и лозунг, которые кричали сестры, разжигали в репортерах все большее любопытство, и тем решительнее они настаивали на встрече с ними. Все репортажи и сюжеты, которые они сняли, были наигранными и поддельными. Баасовцы хотели, чтобы гости как можно быстрее свернули свою технику и покинули лагерь. Так или иначе, в тот день представители СМИ уехали из лагеря на машине с разбитыми стеклами. Сразу после этого баасовцы налетели и стали “наводить порядок”». Сначала они лишили обеда корпус номер один. Корпуса два и три, а также корпус офицеров и летчиков отказались от еды в знак поддержки корпуса номер один. Узнав об этом, мы тоже отказались от обеда. Увидев единство и солидарность узников в лагере, баасовцы со следующего дня приостановили обеды во всех корпусах.

После долгих месяцев засухи и безводья капли дождя, которые с момента утреннего намаза стучали по дощатой изгороди за нашей клеткой, призывали человека насладиться картиной дождя. Мы только и ждали наступления прогулочного часа, чтобы выйти под дождь и смыть с себя все печали.

Когда открылась дверь, мы все выпрыгнули наружу. Халед, по традиции, ошивался на кухне и что-то жевал.

В тот день казалось, что Всевышний решил послать всю влагу, предназначенную для Ирака, в небосвод над лагерем «Анбар». Облака сгущались, с каждой минутой становясь все более тяжелыми и водоносными. Было ощущение, будто кто-то с небес проливает нам на головы ведра воды. Мы смеялись от радости и ходили под дождем. Нас охватило веселье. Мы смеялись от души и глотали дождевую воду. Был и дождь, и ветер, и холод. Но мы в тот момент наслаждались каждым из этих явлений природы. Дождь полил с такой силой, что Халед в конце концов вышел из кухни и сказал: «Погода испортилась, быстрее заходите в свою камеру». Не обращая внимания на его слова, мы оставались во дворе до последней минуты прогулочного часа, после чего направились в клетку в насквозь промокшей одежде. Войдя к себе, мы увидели, что потоки дождевой воды, подобно реке, текут внутрь нашей клетки. При виде этой картины Халед хотел воспрепятствовать движению потока воды, однако это было бесполезно. В тот момент мы и смеялись, и удивлялись, и беспокоились о том, как мы будем ночью спать на промокших одеялах. Все думали об одеялах и о том, как избавиться от воды, я же тревожилась только о своих письмах и фотографиях. Я быстро схватила сумку с бумагами и снова вышла из клетки. Вслед за мной вышли и другие. Стоя рядом под открытым небом, мы с печалью взирали на наводненную дождем клетку. Мы никогда

не видели Халеда таким рассерженным и раздраженным. Он умолял нас, чтобы мы как-нибудь переночевали в клетке, а «утром проблема будет решена». Он говорил: «Если вы проведете ночь где-нибудь вне клетки, начальник лагеря накажет меня за это. Пожалейте меня!» Мы же настаивали на том, чтобы начальник немедленно приехал и увидел состояние клетки, в которой нельзя оставаться не только на ночь, но даже на одну минуту. Офицеры и летчики наблюдали за происходящим из окон офицерского корпуса. Наши голоса и голос Халеда перемешались со свистом ветра и стуком дождя.

В этот момент мы увидели охранников, час назад закрывших корпус братьев, вместе с начальником лагеря майором Собхи. Даже не заглянув внутрь клетки и не утруждая себя выслушиванием наших протестов, он распорядился отвести нас в корпус братьев. При этом нам не разрешили взять с собой наши вещмешки. Поэтому, не желая, чтобы что-нибудь из наших вещей попало в руки к иракцам, мы взяли на кухне металлическую бочку, положили в нее всё, что у нас было, и сожгли. Мы только спрятали книгу «Мафатих» в стене, смежной с душевой, в надежде на то, что ее найдут братья. Сумки с письмами и фотографиями я спрятала под чадрой. После этого мы все вместе последовали за Халедом. Из-за сильного дождя нас вели без соблюдения правил предосторожности – под навесом корпуса братьев, на очень близком расстоянии от их окон. Проходя мимо каждого из окон, мы слышали, как братья говорили:

- Завтра вечером у нас будет большой праздник.
- Шербет по поводу него буду готовить я.
- Сладости я беру на себя.
- Завтра вечером мы вздохнем спокойно.
- Пусть Всевышний оберегает вас!
- Не забывайте пропавших без вести братьев!
- У нас как будто камень с души свалился.

Некоторые из братьев проговаривали свои имена и порядковые номера. Впервые я видела так близко перед собой их желтые и исхудалые лица. Рядом с магазином «Ханут» находилось помещение, которое, по-видимому, являлось местом, где отдыхали охранники. Ночь мы провели в той комнате. Мы сопоставили все услышанные нами фразы и реплики. У нас было предположение, что братья хотят отпраздновать декаду Фаджр, поскольку события эти происходили в канун годовщины возвращения Имама в Иран из длительной ссылки. Мы также допускали, что нас планируют перевести в другой лагерь, поскольку пленных все время перемещали, однако если бы это было так, почему нам не разрешили взять с собой свои вещмешки?

На следующее утро мы были в ожидании событий, на которые нам намекали братья накануне. Однако прежде, чем открылась дверь корпуса братьев, Халед отвел нас в кабинет начальника лагеря. Там нас обыскала женщина, производившая впечатление военнослужащей. В те дни распространились слухи, что Ирак хочет выдать определенное количество пленных США и Израилю. Единственной догадкой, пришедшей нам на ум, было

именно то, что нас хотят передать в руки Штатов или Израиля. После обеда нас посадили в спец-машину, и через два часа мы приехали в какое-то место, где было много братьев-узников. Мы находились на некотором расстоянии от них, и все же нам удалось рассмотреть, что все они были ранеными, престарелыми или больными. Мы взволнованно смотрели друг на друга. Мы были растеряны и хранили молчание. Мы только условились, что, как и всегда, покоримся воле Всевышнего. Куда бы мы ни пришли, нас передавали новым представителям спецслужб.

В последней группе сотрудников разведуправления был один человек в гражданской форме. Фатима сказала: «Его лицо мне знакомо. Если я не ошибаюсь, мы видели его в тюрьме «Ар-Рашид»». Ее предположение оказалось верным. Мы были уверены, что видели его в тюрьме «Ар-Рашид», и это усиливало наш страх и тревогу. В сопровождении того самого человека в гражданской одежде и двух охранников мы вышли из кабинета и снова проделали двухчасовой путь на машинах службы безопасности, после чего приехали в аэропорт. Мы пришли к выводу, что наше предположение верно, и нас хотят передать США или Израилю. Нашу четверку посадили в передней части самолета, в первом ряду, рядом с мужчиной в гражданской форме. Два охранника сели за нами. Мы окончательно потеряли терпение от пребывания в неведении и спросили мужчину в гражданской одежде:

– Куда мы летим?»

– Не знаю, – нервно ответил он.

– Через какое время мы прибудем на место назначения?

– Не знаю! Спрашивать запрещено!

Когда самолет взлетел, первые два часа на борту царило убийственное молчание. Лишь изредка мы переглядывались, а иногда наши взгляды встречались со взглядом человека в гражданской одежде, но по его взгляду понять что-либо было невозможно. Неведение было мучительным. Я спросила Фатиму: «По-твоему, куда отвезли тех пленных, которых мы видели в аэропорту?»

Она ничего не ответила. Я потрясла ее за плечо и снова повторила свой вопрос. И тут я заметила, что что-то не так. Я взяла ее за руки. Они были ледяными и казались безжизненными. Мной овладел ужас – еще больший, чем тогда, в застенках тюрьмы «Ар-Рашид». Я закричала неистово: «Фатима! Фатима! Что с тобой?! Ты слышишь меня? Девочки, Фатиме плохо!»

После моих криков к нам подошли две девушки и потрясли Фатиму. Увидев, что реакции нет, они взяли ее под мышки и потащили в заднюю часть салона самолета. Мы все последовали за Фатимой, однако двое охранников и человек в гражданской форме воспрепятствовали этому, сказав: «Сядьте! Нельзя!»

Как мы ни шумели, пытаюсь пробраться к Фатиме, всё было бесполезно. Прошло больше часа, но нас по-прежнему не пускали к ней и говорили, что с ней всё в порядке. Мы не знали, куда направляемся и что нас ждет впереди. Но в любом случае мы хотели быть все вместе. После долгих пререканий

с охранниками они разрешили нам по одной пройти в хвостовую часть лайнера и повидать Фатиму.

Когда я увидела ее лежащей под капельницей, у меня чуть сердце не разорвалось от боли. Слезы потекли по моему лицу. Я подошла к ней и крепко обняла. Я позвала ее и попросила открыть глаза. На этот раз я стала успокаивать Фатиму – обычно бывало наоборот. Я начала говорить о терпении, надежде и победе. Несмотря на сильную слабость, она все же открыла глаза и произнесла: «Война, война до полной победы! Даже если мы умрем, мы умрем с надеждой».

Долгий полет, неопределенность пункта назначения и стресс довели Фатиму до полного изнеможения. Она лежала на носилках между двумя салонами. Присмотревшись к другому салону, я заметила тех самых пленных, которые с таким усталым видом смотрели на нас в аэропорту.

После длительного полета я в момент посадки отпустила руки Фатимы и вернулась на свое место. Иллюминаторы с обеих сторон были закрыты. Когда самолет сел, Фатима тоже пришла и села рядом со мной. После этого мы целый час сидели и ждали в абсолютном неведении того, что происходит. Минуты шли так невыносимо медленно! Мы следили за действиями и поведением охранников. Наконец к нам подошел тот самый человек в гражданской форме и сказал: «Выходите!» Выйдя из самолета, мы увидели новые лица, новых людей, которые улыбались нам, и было видно, что они – не иракцы. Затем к нам радостно подбежал мужчина,

а с ним – три девушки, одетые в манто, брюки и макнаэ серого цвета. Они поздоровались с нами по-персидски и справились о нашем самочувствии. Я спросила: «Вы тоже пленные?» Они ответили:

– Нет, мы пришли, чтобы забрать наших пленников.

– Забрать куда?

– В Иран.

– В Иран?! Мы сейчас едем в Иран?!

– Да. – Затем она указала пальцем на самолет авиакомпании «Иран Эйр» и продолжила: – Этот самолет ждет вас.

– А где мы?

– В Анкаре, плен закончился.

– То есть война закончилась?!

Я терла глаза и трясла головой, чтобы понять, во сне я или наяву. Я растерянно и недоуменно смотрела на Фатиму, Халиму и Марьям. Я не могла произнести ни слова. Ноги заплетались. Холодный ветер, дувший сзади в спину, ускорял наши шаги. Когда мы вошли в самолет, все радовались и смеялись. Никто больше не хмурился. Все вокруг разговаривали на фарси, и потребности в переводчике больше не было. Мы пребывали в таком глубоком шоке, что никак не реагировали на доброжелательное поведение бортпроводников. Я боялась говорить. Я смотрела по сторонам: никто не кричал, никто не собирался бить меня по голове. Шторки иллюминаторов были подняты, и я уставилась в окошко, чтобы никто со мной не разговаривал и ничего не спрашивал, и я смогла бы собрать в единое целое последние фразы, услышанные мною.

Мной овладел неистовый гнев от того, что иракцы даже не позволили нам насладиться вкусом скорого обретения свободы в последние минуты пребывания в плену и мучили нас, заставляя пребывать в полном неведении.

Бортпроводница, видя, что ее улыбки остаются без ответа и я движением руки отказываюсь от предлагаемых ею еды и напитков, устало сказала:

– Радуйтесь! Все закончилось, вы возвращаетесь в Иран.

«Неужели нас и вправду везут в Иран? – подумала я. – В то самое место, о котором я мечтала и которое видела ночами во сне почти три с половиной года? А вдруг я и сейчас вижу сон? Если это всё же явь, то это значит, что я упустила возможность попрощаться со своей клеткой и рассталась с братьями, не повидав их». Я посмотрела на сверток, который прятала под мышкой и который теперь имела для меня такое же значение, как некогда булавка: он был связующим элементом между прошлым и настоящим. Я посмотрела на Халиму, сидевшую рядом. Она хранила молчание, как и Фатима. Марьям крепко зажмурилась, боясь столкнуться с иной действительностью. А возможно, она думала, что видит сон, и не хотела просыпаться. Мы, которые никогда не молчали ни минуты, теперь безмолвствовали. Братья в соседнем салоне чувствовали то же самое, что и мы. Лишь изредка кто-то из них спрашивал: «Мы уже в Иране? Когда прибудем?»

Бортпроводник ответил, что мы будем в Иране через час. Я посмотрела на секундную стрелку на

своих часах. Снова ожидание. Сестра Кафи, которая была в группе, сопровождавшей комиссию Красного Полумесяца, стояла рядом со мной. Заметив, что мой взгляд застыл на часах, она спросила:

– О чем ты думаешь?

– Сейчас – время подсчета пленных, время, когда братьев считают ударами кабеля. Ты знаешь, что значит процедура подсчета?

– Значит «считать».

– Нет, это значит быть в шаге от смерти; значит – с унижением брать несколько ложек супа и глотать их с комом в горле. Ты знаешь, что одного из братьев за то, что во время подсчета он выходил из туалета, надзиратель ударил кабелем по голове, и он умер?

– Постарайтесь все забыть. Человек устроен так, что со временем все забывает. Закройте глаза на всё, чтобы впредь вы смогли жить более счастливо.

Но как я могу забыть дни, каждый из которых был для меня своего рода смертью, когда каждую ночь я оплакивала свое тело, а утром понимала, что не умерла, и мне снова надо было готовиться к смерти? Я не хочу забывать боль, которой пронизана моя молодость.

Как могу я забыть свою молодость – лучшие годы моей жизни? Как отречься от восемнадцатилетней поры моей жизни? Девятнадцатого, двадцатого и двадцать первого года моей жизни? Я ни за что не отрекусь от своей молодости, несмотря на то, что в ее годы мне пришлось пройти через боль и страдания. Я никогда не отступлю один на шаг от себя самой. Я дала себе слово, что никогда не забуду

свою боль и страдания, а также минуты тягостного ожидания большой семьи многострадальных узников. Если мы забудем, мы предадимся невежеству и снова получим удар. История нашей страны полна воспоминаний, которые одно поколение предало забвению, а нести ответ за это забвение пришлось другому поколению. Я повернулась лицом к госпоже Кафи и сказала: «Боль, бесспорно, является показателем жизни и бытия».

В этот момент она как будто что-то вспомнила, быстро побежала к своей сумке, достала оттуда пакет и, улыбаясь, сказала: «У меня для вас хорошая новость. Я взяла с собой письма, которые вам должны были передать представители Международного Красного Креста». С этими словами она вручила письма каждой из нас. Я получила несколько писем: одно – от матери, одно – от Мохаммада и Хамида и одно – от Ахмада. Среди писем было еще одно – от анонимного автора, который написал:

«За каждой трудностью следует облегчение...»

Будьте уверены, что боль и страдания являются божественным фактором, в котором сокрыта бесконечная сладость. Как говорили великие наставники ислама, “горести в мире брэнном подразумевают усладу в жизни последующей”. Величие каждого человека соразмерно страданиям, которые он переносит. Именно благодаря этим страданиям развязываются узелки жизни и расцветает любовь. Звезда моего счастья горит и мечется в этих страданиях в надежде на то, что найдет свое отражение в Ваших глазах. Мое расположение к Вам бесконечно...»

Прочитав последнее предложение, я вспомнила о письме, которое я четыре года назад бросила в алтаре мавзолея Шах-Чераг в Ширазе. Мне стало смешно – разумеется, только потому, что я, наконец, нашла автора анонимных писем!

Халима спросила: «Над чем ты смеешься?» Я тихо сказала ей на ухо: «Наконец-то я поняла, что автор анонимных писем – тот самый дядя Сейед, которого обожали дети из приюта».

Солнце садилось, и мы приближались к месту назначения. Я была погружена в раздумья, и в этот момент Марьям спросила:

– Ну что, госпожа? Давай из аэропорта поедem в магазин и купим тебе парик. Если твои близкие спросят, где твои волосы, что ты им ответишь?

Я сказала:

– Я скажу, что два года была на государственной военной службе, но я была плохим солдатом, поэтому мне добавили еще два года, и получилось в общей сложности четыре.

Был закат, и небо, еще недавно золотившееся лучами солнца, медленно наливалось сине-черными оттенками. Наш самолет шел на посадку. Я прижалась лбом к иллюминатору и жадно всматривалась в виды за стеклом в надежде увидеть что-нибудь, что убедит меня в том, что мы в Иране, что на этот раз я пошла правильным путем и мне не надо больше бояться какого-нибудь подвоха и засады.

Кроме огоньков, которых становилось все больше и больше, я ничего не видела. Самолет медленно совершил посадку в окружении множества огней. Дверь открылась. Раненые братья с помощью сотрудников

Красного Полумесяца стали выходить наружу. Вчера как раз в такое же время по лагерю «Аль-Анбар» прошелся ливень, который омыл нашу клетку, и мы, опьяненные дождем, кружились по прогулочному двору. Вчера мы боялись того, что нас передадут американской или израильской разведке, а в результате где мы сегодня! Подобно тому, как плен застал меня врасплох, когда баасовцы взяли меня в плен у меня же на родине, в моем родном городе, точно так же неожиданно ко мне пришла свобода – как экстренная аварийная посадка. В одночасье баасовцы, окружавшие меня, куда-то исчезли, и я повсюду видела улыбки, слышала персидскую речь, и никто не толкал меня в плечо прикладом автомата и не бил меня по голове, когда я поворачивала ее в ту или другую сторону. Я была вольна делать все, что захочу.

События развивались с такой скоростью, что мы не успевали осознать, анализировать и верить. Через окно я смотрела, как братья спускались по трапу самолета, и на их головы опускались крупные хлопья снега, окрашивая их одежду в белый цвет. Я ликовала и громко смеялась. Мне казалось, что эти белые снежинки – улыбки Творца, которыми Он их одаривает. Никогда ранее я не видела снега. Я подумала, что Всевышний тоже сейчас радуется, что Его рассмешил мой смех, и эти белые снежные хлопья нисходят с небес в знак приветствия нам. Все вышли из самолета, но я все еще смотрела на свободу из окна. Фатима сказала: «Выходи же! Смотри, а то они передумают и вернут тебя назад!»

Я взяла свой сверток и последовала за сестрами. Ступив ногой на первую ступеньку трапа,

я вспомнила, что сегодня двенадцатое бахмана¹ – день, когда глаза Имама после долгих лет пребывания на чужбине озарились видом иранского небосвода! Снегопад усилился. Божественный смех с каждым мгновением становился все более интенсивным и радостным. В знак благодарности моему милосердному Создателю я подбросила к Его небесам свой сверток, который являлся результатом страданий моей молодости, длившихся 40 месяцев. Я затаила дыхание, чтобы в мыслях приблизиться к Всевышнему лицом к лицу и запечатлеть поцелуй на Его светлом лице. Картина первого в моей жизни снега навсегда отпечаталась в моей памяти. Первый глоток свежего «свободного» воздуха стал целительным бальзамом для моих изъязвленных легких. Я приоткрыла рот, подняв лицо к небу, чтобы ощутить на губах сладость Божественного смеха. Я немного отстала от остальных. Некоторые шли на костылях, другие передвигались в инвалидной коляске, третьих вели, взяв под мышки, но все мы были счастливы и радостны. Я вспомнила слова, написанные в письме, адресованном подполковником Бахтийари Резе-хану:

«Всякий орел, который без разрешения пролетит над нашей родиной, должен расстаться со своими крыльями...»

И я громко закричала:

– Здравствуй, мой гордый, величественный Иран!

¹ Имам Хомейни вернулся из Парижа в Иран 12 бахмана 1357 г., что соответствует 1 февраля 1979 г. (*прим. перев.*).

СОДЕРЖАНИЕ

О серии	3
Вступление	5
<i>Глава 1. Детство</i>	15
<i>Глава 2. Юность</i>	58
<i>Глава 3. Революция</i>	77
<i>Глава 4. Война и плен</i>	141
<i>Глава 5. В застенках «Ар-Рашид» в Багдаде</i>	264
<i>Глава 6. Ожидание</i>	423
<i>Глава 7. Лагеря «Мосул» и «Анбар»</i>	480

Военная проза

Масуме Абад

Я ЖИВА

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕНЕ

Научный редактор: А. Полищук

Редактор: Т. Ханина

Консультант: Ф. Каримиан

Корректоры: Е. Барзова, Н. Азарова

Верстка: Т. Ханина

Дизайн обложки: А. Эмами

Подписано в печать 19.08.2016. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура PT Serif Caption. Печать офсетная.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Садра».

125000, Москва, ул. Коровий Вал, д. 7/1.

www.sadrabook.ru

По вопросам приобретения литературы обращаться:

+7 (495) 943 40 39

معصومه آباد

من زنده ام

خاطرات دوران اسارت

مترجمه: مدینه سوخیوا

با حمایت:

بنیاد مطالعات اسلامی روسیه

رایزنی فرهنگی جمهوری اسلامی ایران در روسیه

انتشارات صدرا روسیه

مسکو

۲۰۱۶